

Оглавление:

БЕЛАРУСЬ.....	2
КУЗЬМИНКИ.....	19
ИШИМ.....	74
КУЗЬМИНКИ.....	112
ЛЕНИНГРАД.....	119
ПИНСК.....	230
ОЧАКОВ.....	250
ИЗМАЙЛ.....	394
П.М.КАРПОВ. ИСПОВЕДЬ ПОКОЛЕНИЯ.....	512
Список иллюстраций:.....	532

БЕЛАРУСЬ
(раннее детство)

«Но люблю тебя, родина кроткаткая!
А за что – разгадать не могу.»
(С.Есенин)

- Какой здоровенный мужчина! – воскликнул отец, увидев меня впервые. Родители, сельские интеллигенты белорусской глубинки, мечтали, конечно, о девочке. Ведь в семье уже было два парня. Видимо, поэтому, чтобы успокоить маму, отец прихвалил моё появление.

«ПОСВЕДЧАННЕ № 58 О РАЖДЕНИЙ

Гр. Донюш Анатолий Андреевич нар. 20/V/1927 г. двадцатага мая тысяча дзевяцьсот двадцать сьдмом годзе. Аб чыму у кнігі запісау актау грамадзянскага стану м.Чарэя 1-го чэрвеня за 1927 год зроблен апаведны запіс ...»

Как произошло, что день фактического рождения 29 мая, а в «Свидетельстве» - 20 мая? Это, якобы, было сделано для оправдания более раннего ухода мамы в декретный отпуск. Впоследствии у меня появилось право отмечать не раз в году, а дважды день рождения: с друзьями и сослуживцами – «de jure», а в кругу родных и близких – «de facto».

Возможно, потому, что был «мужчина здоровенный», или потому, что очень мечталось о девочке – у мамы для меня не оказалось питания. Никакие смеси с коровьим молоком не усваивались. Я превращался в дистрофика. В райцентре отцу аптекарь посоветовал дать мне каши из муки «Nestle». Сразу всё наладилось и я начал быстро поправляться.

Мама рассказывала, что деревенские бабы, увидев меня, говорили:

- Во, нехрестя распёрло!

Родители почему-то меня не крестили.

Происходили родители из многодетных семей крестьян-середняков, упорным трудом добившихся относительного материального благополучия. О более глубоких корнях родословной я не был информирован.

Фото 1 Копия из метрической книги 1897г. о рождении Жуковой Анны Константиновны

По рассказам мамы запомнилась судьба деда – Жукова Константина Андреевича. Он был высоким, стройным и красивым мужчиной. В молодости «отпочковался» из большой семьи. Успешно занялся мелкой торговлей и накопил какие-то средства. В него влюбилась дочь Председателя правления Крестьянского банка. Её родители были категорически против брака, но любовь оказалась сильнее.

Взяв в банке кредит, дед купил в «заболоченном низменном крае» участок земли, поросший кустарником. Кустарник он выкорчевал, прорыл дренажные каналы, высадил большой фруктовый сад, поставил дом, дворовые постройки и обзавёлся различной домашней живностью. Однажды он тяжело заболел. Пролежав несколько дней на печи, вдруг встал и сказал:

- Нет, хвороба меня не возьмёт!»

Вышел во двор, подмёл участок, навёл порядок в хозяйственных помещениях и, возвратившись, снова забрался на печь:

- Нет, видно, она меня одолеет.

Через день он скончался, не дожив до 45 лет и оставив семью из шести детей.

Фамилия деда – Жуков – была как бы не настоящей. В молодости, по необходимости, он обратился в церковь с просьбой дать метрическую выписку. Изрядно «употребивший» дьячок в выписке вывел: «Жуков» и отложил перо.

- Батюшка, Жуковские мы! – поправил его дед.

- Хватит с тебя и Жукова! – решительно утвердил дьячок.

Вот так род их пофамильно разделился. На одной из сохранившихся фотографий запечатлён молодой человек и на обратной стороне каллиграфическая надпись: «На память дорогой и многоуважаемой племяннице Анне Константиновне Жуковской. Д.М.Жуковский, 26.12.1912 год.» Это маме.

Фото 2 Д.М.Жуковский, 26.12.1912 год

На другой, групповой фотографии 4-х солдат царской армии: «Дорогому брату Константину Андреевичу на долгую и добрую память в настоящее время – 1914 г., декабря, 24-го дня. С почтением к Вам – Ваш брат Афанасий. Поздравляю Вас с Новым годом, с новым счастьем и со Святым

Крещением. Всего Вас душеприятно целую и желаю всех благ в мире. Жив и здоров. А.А.Жуковский, 29-го декабря. »

Фото 3 А.А.Жуков, 24.12.1914 г.

В 1914 г. мама окончила Женскую прогимназию с единственной тройкой по Закону Божьему и начала учительствовать вплоть до 1958 г.

Фото 4 Анна Константиновна Жукова Текст на обратной стороне: «Личность Анны Константиновны Жуковой удостоверяю. Депутат (подпись) 1914г, 31 мая»

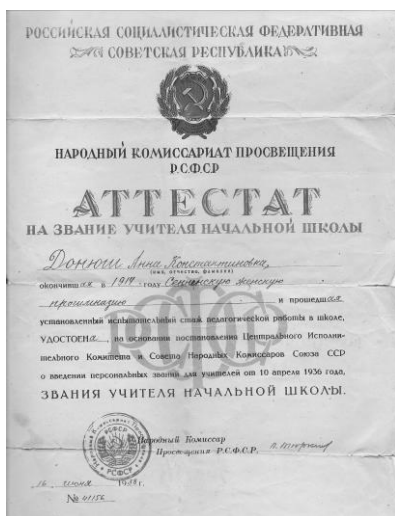

Фото 5 «Аттестат на звание учителя начальной школы Донуш Анны Константиновны, окончившей в 1914г Сенненскую прогимназию»

Отец накануне Октябрьской революции окончил школу прапорщиков. Прослужив в царской армии около месяца, он уволился со службы. После увольнения в районном центре назначался и избирался на различные административные должности.

Вот несколько сохранившихся документов.

ВЫПИСКА

из Журнала заседания Ульяновического волостного
Съезда Советов от 28 июля 1918 г.

Слушали	Постановили
5) Личное заявление Председателя старого Исполкома о том, найдёт ли Съезд нужным произвести перевыборы Заведующего Административно- политическим участком волости, бывшего Начальника волостной милиции, т.к. этот участок является Отделом Исполкома.	Принимая во внимание, что Заведующий в настоящее время Административно- политическим участком Андрей Петрович Донюш зарекомендовал себя перед народом весьма с хорошей стороны, Волостной Съезд, выражая ему полное доверие, Постановил: оставить Донюша в занимаемой должности на дальнейшее время.

В удостоверении, выданном Начальником Сеннинской уездной милиции 7-го августа 1918 г., подтверждено, что предъявитель сего, Андрей Петрович Донюш, есть действительно Начальник Советской милиции Ульяновической волости.

Начальником Сеннинской уездной милиции выдано Удостоверение № 5203 от 30 октября 1918 г. в том, что предъявитель сего, Андрей Петрович Донюш, есть действительно Помощник Начальника Сеннинской уездной советской милиции.

РСФСР

Исполнительный комитет
Сенинского уездного
Совета рабочих, крест.,
красноарм. депутатов.
Отдел управления.
«15» апреля 1919 г.
№ 1737
г. Сенно, Могилевской
губ.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего,
инструктор-ревизор Отдела
Управления Андрей Петрович
Донюш, назначен временно
заведующим Сеннинским
арестным домом.

Всем должностным лицам
арестного дома приказываю
оказывать ему всяческое
содействие по выполнению им
своих обя-занностей.

Из этих документов видно, какая в провинции была чехарда с административными кадрами в начале становления Советской власти. Вместе с тем, в тот период возникла острая необходимость защитить, отстоять эту власть от внешних и внутренних врагов. В январе 1918 г. был принят Декрет об организации Рабочее-Крестьянской Красной Армии. В марте Всероссийская коллегия по формированию армии обратилась к военспецам и всем офицерам бывшей царской армии с призывом идти в РККА на командные должности.

РСФСР

Витебский Караульный
батальон
сентября 20 дня 1919 г.
№ 371
г. Витебск

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Донюшу Андрею
Петровичу в том, что он
действительно состоит на
службе при Витебском
Караульном батальоне в 1 роте
взводным командиром с 19
сентября 1919 г., что подписями
и приложением печати
удостоверяется.

Как рассказывал отец, во время службы ему предложили вступить в РКП(б), поехать на курсы подготовки командиров. Прослужив около пяти лет, он уволился со службы и сказал маме, что не имеет желания всю жизнь ходить в армейских сапогах. Впоследствии, когда ввели воинские звания, он из газет по фотографиям высших командиров узнавал нескольких своих бывших сослуживцев.

Отец не мог часто бывать в семье, и все заботы по дому и хозяйству ложились на плечи мамы и бабушки. Мама, к тому же, учительствовала и заведовала деревенской школой.

Отсутствие должного присмотра, искусственное питание вызывали у меня частые болезни. Особенно тяжело я перенёс воспаление лёгких. Так тяжело, что родители, по позднейшим признаниям, думали о худшем. Когда прошёл кризис, мне привиделось, что из-под кровати убежала белая мышь. Я пролепетал об этом. Бабушка сделала заключение: «Это от него хворь ушла!»

Моим лучшим другом был дворовый пёс по кличке Букет. Мы были неразлучны. Он позволял мне всякие шалости, терпел мои выходки, но строго охранял от посторонних. Мама говорила, что его кто-то отравил. Я долго и безутешно плакал.

Сельская интеллигенция в те годы вела полунатуральное хозяйство. В каждой семье, как правило, были лошадь, корова, птица и другая живность, были приусадебные участки с садами, огородами и ульями. Наша семья имела 12 га земли, лошадь и двух коров.

Учителя, агрономы, фельдшеры, зоотехники и другие специалисты из ближайших сёл устраивали встречи по праздникам, в дни рождения. Одна из таких встреч должна была состояться у нас. Родители заготовили «горючее» и спрятали его в платяном шкафу. Брат с другом как-то открыли шкаф и решили «снять пробу». Мне эта затея не понравилась.

- А я скажу! – было моё предостережение.

Брат стал меня уговаривать и предложил тоже выпить. Я же мужчина, хотя мне было около пяти лет. Согласился.

- А ещё будешь?

- Буду!

Где потом мы были – я не знаю. Шли по селу. Брат увидел какого-то парнишку, который дразнил нашу компанию.

- Дай ему! – приказал брат.

Я смело двинулся в атаку, но споткнулся и рухнул лицом вниз. Разбиты нос, лоб. Кровь. Кто-то из взрослых препроводил нас домой на телеге. Что было брату – не помню. Меня же не пороли. И вообще, меня почему-то за проказы не очень наказывали.

Как-то я вертелся возле мамы на кухне и о чём-то её просил. Она была очень занята, спешила и в просьбе мне отказала. Я стал настаивать, мешать ей, цепляться за неё. Осерчав, она сказала: «Пошёл вон!». Жутко обидевшись, я выбежал во двор, подобрал кусок кирпича, швырнул его в кухонное окно и сам куда-то убежал. Меня отыскивали у соседей. Приехал из райцентра отец. Радостный семейный ужин. Отец, улыбаясь, вдруг спрашивает:

- А кто это у нас на кухне стекло выбил?

- Да это корова рогом зацепила! – тоже улыбаясь, ответила мама.

Мне стало очень стыдно, но, кажется, я подтвердил мамину версию.

Однажды взяли меня в соседнее село. Там друзья родителей отмечали какой-то праздник. Пока шла подготовка, женщины колдовали на кухне, а «дяди» играли со мной, шутили. Я вошёл в роль, изображал то председателя с портфелем, то охотника. Потом, приняв балалайку, по их просьбе начал брэнчать по струнам и петь:

Во саду ли, в огороде

Поймали китайца.

Руки, ноги поломали,

Оторвали

И здесь я увидел строгий взгляд мамы. Очень хотелось уточнить, что же там дальше сделали. «Дяди» хохотали и начали меня уговаривать:

- Толик! Ну, а дальше? Дальше, как?

Посмотрев на маму, я ответил:

- Дальше никак нельзя!

Опять смех. Мама пригрозила мне пальцем и ушла. Взрослых пригласили к столу, и моё вдохновение угасло. Этим штучкам меня учил брат.

Как-то отец привёз из районной аптеки для укрепления моего здоровья бутылочку рыбьего жира. Она стояла в прохладном месте, у порога двери в сад. Меня заставляли ежедневно выпивать по столовой ложке этого «яства». Когда в бутылочке оставалось меньше половины, я решил покончить с надоевшей процедурой. Зажмурился и выпил всё, что оставалось. Похвастался маме. Она ожидала каких-то тяжёлых последствий, но ничего не случилось.

С братом, помнится, мы воровали у соседней клубнику. Для этого брат набивал на конце удилица несколько граммофонных иголок. Через щель в заборе пропускали этот инструмент и, наколов ягоду, тащили её к себе. Она, почему-то, была особенно вкусной.

Отец приезжал из района на выходные дни, когда обычно топили баню. Она была за околицей, на берегу маленькой речки. После бани отец нёс меня на руках домой.

- Почему звёздочки на небе идут вместе с нами? – спрашивал я.

- Они провожают тебя, чистенького, домой.

Летом на каникулы из Ленинграда приезжал старший брат. Он там учился в специальной школе для детей с дефектами слуха и речи. Собиралась компания его сверстников, ходили в лес, на речку купаться. Я, обычно, увязывался за ними. Однажды во время купания брат бросил меня в реку. Плавать я не умел и едва не утонул.

Один из походов в лес особенно запомнился. Собирали ягоды и вдруг увидели гадюку. Ребята изготовили из сука подобие рогатины. Прижали гадюку к земле и били палками. Потом повесили её на сук дерева. Она начала шевелиться. Тогда её сняли и бросили в муравейник. Муравьи быстро сплошь её облепили. Через некоторое время мы увидели в муравейнике беленький скелет несчастной гадюки.

По соседству с нами жила семья брата отца - Матвея. В семье было три девочки. Жили очень бедно, особенно в голодные годы. Для получения «приварка» ловили диких голубей. Во дворе устанавливали перевёрнутое корыто, приподнятое с одной стороны на палочке. К палочке привязывалась верёвка. Увлекаясь приманкой, голуби заходили под корыто. Верёвку дёргали и из-под корыта вытаскивали голубей.

Многие дома в деревне имели соломенные крыши. Случались пожары. При пожаре большинство мужчин сбегались со всей деревни и дружно помогали хозяину дома бороться с огнём. В нашей деревне я только однажды наблюдал издали за этим бедствием. Нас, малолеток, прогоняли. Случались пожары и в соседних деревнях. Днём, а особенно вечером или ночью, на горизонте были видны зарево и сполохи соломенных факелов.

В семье произошли какие-то неприятные события. Я в них, конечно, не был посвящён, но чувствовал что-то неладное. Позднее мне рассказали, что отец ездил в Ленинград навестить брата. В поезде у него стащили чемодан, в котором была крупная сумма казённых денег, выданных ему для покупок. Поэтому родители вскоре продали дом, погасили растрату и переехали в соседнее большое село Белицы.

Отец поступил на работу в местный Сельхозтехникум бухгалтером и, по совместительству, военруком. Мама учительствовала, вела домашнее хозяйство, ухаживала за коровой, которая спасала семью от голода тех лет.

Техникум размещался в бывшей помещицкой усадьбе с большим двухэтажным особняком. Вокруг был огромный парк, где водились зайцы, белки, по вечерам ухали совы, а днём звучало птичье разноголосье. На окраине парка располагалось несколько домов, служивших раньше для проживания помещицкой обслуги. В одном из этих домов нам выделили приличную квартиру. Вдоль обочины парка была широкая ровная дорога, на которой отец со студентами занимался строевой подготовкой. Мне нравилось, как студенты по команде отца шагали, выполняли повороты и пели:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье –
Белой армии оплот.

Сам отец, как мне казалось, очень красиво демонстрировал приемы одиночной подготовки.

Летом меня брали на сенокос. Мы с братом занимались ловлей раков в ближайшей речке. Сначала ловили лягушку, препарировали её, привязывали к шпагату и с небольшим грузом опускали в воду возле коряги. В чистой воде наблюдали, как выползают раки. Они впивались в свежую добычу, и не оставляли её, когда их вместе с лягушкой вытаскивали на берег. Варили раков на костре. Это было хорошим подспорьем к скудному столу.

Голод принуждал мальчишек весной разорять гнёзда ворон и грачей – добывать их яйца. Дело было и трудное, и опасное. Птицы мужественно защищали свои семейные очаги. Я, по малолетству, был только наблюдателем.

Детских садиков, конечно, не было. И, когда умерла бабушка, мне приходилось с утра и до прихода мамы из школы оставаться дома одному. Игрушек у меня не было. Поэтому я просматривал книги, и вскоре с помощью мамы одолел чтение, свободно разбирался в цифрах, определял

время по часам, на циферблате которых были римские цифры. В школьных учебниках меня раздражали многократно напечатанные столбики с символами: И.Р.Д.В.Т.П. Попытки самостоятельно уразуметь смысл этих символов падежей я так и не смог.

Фото 6 Беларусь Село Белица. 1933 г. Мама с девочками своего класса и я приглашенный. Это первое в жизни фото. Меня «нарядили» пионером в 6 лет.

Какие-то успехи в грамоте были для моего возраста ранними. Прочитав где-то о вундеркиндах, мама с подругой – учительницей – решили проверить и меня. Увы, в решении задачек на дроби я оказался слаб. Либо тестирование было не совсем методичным, либо я ещё не созрел до понятия дробей.

Во время очередного простудного заболевания я услышал, что в школе, где работает мама, делают от болезней уколы.

- А мне можно? – спросил я.

- Вот поправишься, тогда посмотрим, – сказала мама.

Мне надоело болеть. Через день я замерил температуру, выдержав ровно 10 минут, как учили. Столбик термометра едва приближался к 37°C. Я посчитал себя здоровым, оделся и пришёл в школу делать укол. Мама посоветовалась с фельдшером, и меня привели в комнату, где делали прививки. Специфический запах, плач некоторых детей и лежавшая на скамейке бледная девочка произвели впечатление. Однако, я же сам пришёл!

- Ну, что? Будем делать укол?

- Будем, – дрогнувшим голосом согласился я.

Когда под лопатку вонзили иглу, мне стало как-то нехорошо, но, поднявшись на носки, я выдержал боль. Меня похвалили. Укол был болезненным, и я решил, что так лечиться больше не буду. Но не суждено было отказаться от уколов.

Услышав возню в сенях, я вышел посмотреть, что там. Оказалось, что голодная соседская собака что-то промышляла. Я махнул на неё рукой, а она тяпнула меня за бедро и убежала. Когда возвратилась мама, я показал ей рану. Была разборка с соседями. Собака домой не возвращалась, и врачи предложили делать уколы от бешенства. Несколько уколов в область живота сделали. Вскоре собака появилась во дворе и профилактику моего «бешенства» прекратили.

Одиночество, конечно, удручало. После прихода мамы из школы я играл со сверстниками и узнал, что двое из них, под руководством старшей сестры, собираются посетить родную деревню. Просьба отпустить меня с ними была отклонена под предлогом неустойчивой осенней погоды.

Утром ко мне в окно постучали и спросили, пойду ли я. Было решено совершить побег. Мама предусмотрительно закрыла дверь на наружный замок. Тогда оставался один путь – через окно. Я написал записку, что ушёл в деревню.

Шли мы бодро, весело. Пересекли поле, речку и углубились в лес. В лесу проходили мимо хутора или жилища

лесника с добротным кирпичным домом. В деревне нас встретили приветливо. Я остановился у родственников.

Укрывшись от ветра за домом, с деревенскими мальчишками мы играли и что-то шумно обсуждали. Вдруг кто-то крикнул:

- Смотрите, мышка бежит!

По впадине бревенчатого сруба бежала мышь. Я схватил её рукой. Она, конечно, меня укусила. Пришлось её отбросить в траву, но на пальцах у меня появилась кровь. Компания оценила мой смелый поступок.

На следующий день похолодало. Мы возвратились в Белицу. Потом мама вспоминала, что, когда я пришёл, ноги у меня, босого, были красными, как у гуся.

Отец собирался на охоту, снаряжал патроны. Мы с братом вертелись около.

- А мне можно стрельнуть? – попросил я.

- Можно, – согласился отец.

Он зарядил ружьё патроном, в котором был только пистон. Подвесили на нитке радиолампу. Отец взвёл курок, я положил ружьё на стол и прицелился. После спуска курка раздался слабый хлопок, но лампа закачалась.

- Попал! Попал! – возрадовался я, и брат это подтвердил.

Через несколько дней, скучая, как обычно, в одиночестве, я нашёл в этажерке за книгами патрон охотничьего ружья. Просунув палец внутрь, я посчитал его незаряженным. А пистон был цел. Очень захотелось повторить ту меткую стрельбу. Ружьё отца – двустволка 12-го калибра – висело в спальне родителей над дверью. Поставив стул на стул, я добрался до него. Каким-то усилием зарядил своим патроном, взвёл курок и нажал на пусковую скобу. Прозвучал щелчок, но выстрела не было. Повторный взвод курка тоже не увенчался успехом. Тогда я извлёк патрон и обнаружил, что он имеет меньший диаметр. Я осторожно зацепил его заплечиком за выступ ствола и ещё раз повторил операцию. Раздался выстрел. Я ссыпался со стульев, а клубы чёрного

дыма наполнили спальню. Ружьё зашаталось на гвозде, но не упало. Когда дым немного рассеялся, я, к ужасу, увидел на противоположной стене большое чёрное пятно. Порох был дымный. На этот раз отец ремнём мне пару раз оттянул по «объекту воспитания». Его порыв охладила мама:

- Надо лучше прятать свои «игрушки»! Сам виноват!

Первое знакомство с настоящей техникой оказалось для меня – будущего инженера-механика – позорным. По дороге двигался трактор «Фордзон». Такого грохочущего чудища я никогда ещё не видел, и, когда трактор приблизился, стремглав убежал домой. Сверстники, и особенно старшие, меня, как труса, дразнили.

При сельхозтехникуме, в котором работал отец, было подсобное хозяйство и несколько лошадей. Тёплыми летними ночами брат с друзьями ходил в ночное. Однажды и я увязался в их компанию. Ночь коротали у костра, пекли картошку. Я слушал их страшные рассказы, байки.

Возвращались утром. Меня посадили на загривок самой спокойной клячи. Я прибыл на скотный двор последним. Моя лошадка сразу пошла к корыту с водой, которое стояло вплотную к колодцу с журавлём. Лошадь наклонилась к корыту, и я повис на её шее головой вниз, уцепившись за гриву. Перед глазами тёмнело отверстие колодца. На мой истошный крик подбежали старшие ребята и сняли меня с лошади. Больше я в ночное не просился.

Памятный случай произошёл однажды летом. Вдруг налетел шквал, и началась страшная гроза. Непрерывно сверкали молнии, раскатисто гремел гром. Я спрятался в спальне родителей. Внезапно молния со страшным треском ударила в угол дома. Нижняя планка рамы трюмо, находившегося в спальне, отлетела и упала рядом с тумбой. Родители загрустили: плохое предзнаменование!

Для меня остались тайной причины, побудившие некоторых друзей родителей, а затем и моих родителей к миграции из Белоруссии. То ли голод, то ли стремление к более интересной и благоустроенной жизни, к центрам

цивилизации, повлекло их в Подмосковье. Ивановы осели в Люберцах, Белоусовы обосновались в Подрезково и Львовы тоже где-то неподалёку. Все они были связаны работой в Сельхозтехникуме, соседствовали по дому, дружили.

Поднялась и наша семья. Поначалу, месяца на два-три, мы остановились в Щёкино под Тулой, где проживали семьи брата и сестры мамы. Потом был шумный московский вокзал. Меня поразило множество людей, какая-то суета, сернистый запах паровозного дыма и непрерывное гудение автомобильных клаксонов большого города. Меня временно пристроили у Ивановых в Люберцах. Мне исполнилось 7 лет, был 1934 год.

Этот период жизни, несмотря на трудные голодные годы, оставил тёплые воспоминания. Они связаны, прежде всего, с неповторимой белорусской природой, с детскими шалостями и пережитыми трудностями. Впоследствии мне довелось почти полгода служить в белорусском Пинске. Это было уже не то восприятие родины, которое осталось от раннего детства.

КУЗЬМИНКИ (детство, школа)

«...я готова куда угодно, хоть в Сибирь, я готова жить там десять, двадцать лет, но я должна знать, что рано или поздно я всё-таки вернусь в Кузьминки. Без Кузьминок я не могу. Не могу и не хочу. Не хочу!»
(А.П.Чехов, «У знакомых», 1898 г.)

Широко было отмечено в 2004 г. 300-летие подмосковной усадьбы баронов Строгановых – князей Голицыных «Влахернское – Кузьминки». Народные гуляния, концерты, фейерверки, фонтаны с подсветкой, прекрасный фестиваль цветников, которые были расположены по обе стороны 800-метровой липовой аллеи от бывших въездных Чугунных ворот до церкви Влахернской иконы Божьей матери, до ажурных ворот с грифонами и фонарями перед территорией дворца. При повороте направо дорога приводит к плотине Большого пруда и далее к знаменитому Конному двору со скульптурными группами П.Клодта.

Кузьминки – это прекрасные парки во французском и английском стиле, исторические памятники, три больших пруда, разделённых плотинами, это и лес, и речушка Голеяднка. Не напрасно их величают «жемчужиной усадебно-декоративного зодчества», «русским Версалем», «жемчужиной ампира». В создании этого великолепного памятника садово-паркового и архитектурного искусства принимали участие такие мастера, как В.Баженов, Р.Казаков, М.Яготин, Д.Жиллярди, И.Жеребцов, М.Быковский и другие.

Фото 7 Кузьминки. Въездные Чугунные ворота.

Фото 8 Кузьминки. Конный двор.

Посещали Кузьминки многие запечатлённые историей личности. В честь 300-летия усадьбы вблизи плотины Большого пруда воздвигнут памятный обелиск. На нём укреплены бронзовые плитки с именами знаменитых предков, посетивших Кузьминки. Жаль только, что у создателей обелиска не нашлось места для закончившего свой жизненный путь в земской больнице Кузьминок выдающегося живописца В.Г.Перова. Нет там имени отдохавшего в Кузьминках В.И.Ленина: времена другие. История корректируется, переписывается.

Конечно, русско-японская война, революция 1905-1907 гг., Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война и иностранная военная интервенция за 20-летний период не могли не привести страну к страшной разрухе, к коллапсу экономики. Страну необходимо было восстанавливать без какой-либо помощи извне. Порой принимались экстраординарные меры. Досталось и Кузьминкам. 300-тонные въездные Чугунные ворота и чугунные тумбы с цепями вдоль всей липовой аллеи увезли на переплавку. Была порушена церковь, многие исторические памятники. Парки заросли кустарниками и молодыми деревьями. Благо сохранился Конный двор с Клодтовскими конями, многие чугунные львы, ажурные ворота и ограда дворца, некоторые дворцовые постройки.

Много внимания уделял возрождению Кузьминок бывший мэр Москвы Ю.М.Лужков. Были восстановлены и реставрированы исторические и архитектурные памятники и, в первую очередь, церковь Влахернской иконы Божьей матери, Конный двор с великолепным музыкальным павильоном, Садоводство; воссозданы вдоль всей Липовой аллеи декоративные столбики, связанные цепями; появилась Московская резиденция Деда Мороза; организованы музеи К.Паустовского, садово-парковой архитектуры и другое.

Кто-то из корреспондентов спросил у Лужкова:

- Чем вызвана Ваша благосклонность к Кузьминкам?

Как бы смущённо улыбнувшись, он признался:

- Жена кузьминская.

Вместе с тем, были и другие начальники. В Люберцах, перед входом в «главное» здание появились чугунные львы, которые исчезли из Львиной беседки у Большого пруда.

По прибытии летом 1934 г. В Москву, родители, через друзей и знакомых, ранее обосновавшихся в Подмоскowie, искали пристанища. Меня временно определили к Ивановым, жившим в Люберцах на Октябрьском проспекте в деревянном домике.

Фото 9 Кузьминки. Въездные ворота на территорию дворца. Стоят слева направо: Капитолина, двоюродная сестра Валентина с мужем Николаем и маленьким сыном, двоюродный брат Слава(за ним) и племянник Володя.

Пребывание у Ивановых было не долгим, но оставило какое-то тягостное впечатление. В те трудные времена они были постоянно заняты, и я в их семье оказался не очень нужным «довеском». Их сын Виктор, старший меня лет на пять, со мной не общался. У него была школа, свои друзья и интересы. Хозяйка всё время как-то суежилась по дому, а хозяин очень рано уезжал на работу и поздно возвращался. Сидя в маленькой комнатке с узким окошком на проспекте, я часто смотрел на часы-ходики и томительно ждал своих родителей. В середине лета приехал отец и увёз меня на новое место жительства.

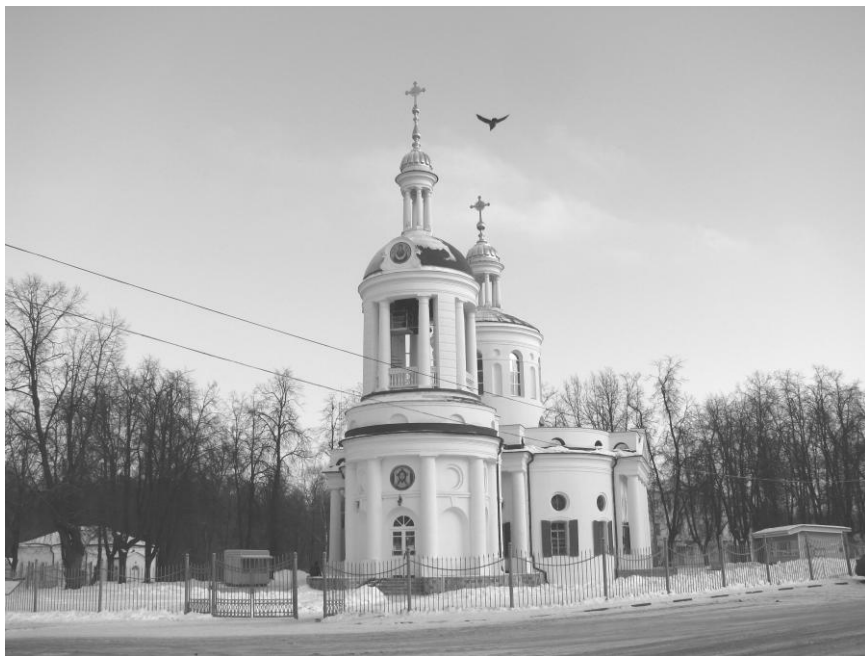

Фото 10 Кузьминки. Восстановленный храм Влахернской Божьей Матери.

Это был посёлок Кузьминки Ухтомского района Московской области с центром в г. Люберцы. Мы оказались на территории большой строительной организации,

расположенной за опушкой парка бывшего Голицынского имения. Организация строила городок Московского зооветеринарного института (МЗВИ).

При отсутствии какой-либо строительной техники, все работы выполнялись вручную бригадами землекопов, каменщиков, плотников, штукатуров, маляров, слесарей, электриков. Строителями были гонимые голодом начала 1930-х годов жители республик Поволжья и подмосковных губерний. Жили они в бараках. Сколоченные из досок с засыпкой и брусьев в один, а чаще в два этажа, бараки имели казарменную планировку. В средней части был длиннющий гулкий коридор, по обе стороны которого размещались комнаты 18-24 м². Комнаты для семейных иногда оборудовались дощатыми перегородками, но чаще разделялись ширмами, шторами или просто простынями. В общем, по К.Симонову:

Все стены в доме были той системы,
Когда, имея даже слабый слух,
Живя в одной из комнат, вместе с тем мы
Почти живем в соседних двух.

Быт рабочих и служащих обеспечивался большой столовой с выдачей обедов на дом, баней, самодеятельной прачечной и «кубовой» с двумя самоварами типа «Титан». После рабочего дня за кипятком выстраивалась очередь, так как производительность самоваров была недостаточной, а не вскипевшая вода из кранов не поступала. Были также какие-то хозяйственные постройки: сараи для дров, большой многоместный туалет, ящики для всяких отбросов быта. У самой опушки парка располагался небольшой магазин, клуб и в одном из домов – парикмахерская.

Весь этот компактный комплекс построек являл собой отдельный небольшой посёлок строителей под названием Гражданстрой. Со временем посёлок развивался, в

основном, за счёт новых жилых брусковых двухэтажных домов с более благоустроенными квартирами.

Отец определился бухгалтером в стройконторе, а мама – учительницей в начальной школе, которая занимала два дачных домика по другую сторону дороги от Рязанского шоссе. Меня, несмотря на мои семь лет, как уже подготовленного, приняли в первый класс. Тогда в школу записывали с 8-и лет. Брат, старший меня на шесть лет, должен был ходить в одну из Вешняковских школ.

Нам в бараке выделили большую угловую комнату. После получения багажа в комнате свободно разместился наш скромный домашний скраб и жизнь начала налаживаться.

В памяти сохранились некоторые эпизоды из жизни в этом посёлке и бараке.

В порядке культурных мероприятий в клубе по выходным «крутили» немые и, первые тогда, звуковые кинофильмы. Изредка выступали с концертами бригады эстрадно-балаганных гастролёров. Впервые увидел я иллюзионистов, жонглёров, акробатов; впервые услышал песни в исполнении артистов и частушки сомнительного содержания:

Если вас разденут раз,
Вы, конечно, вскрикнете,
А разденут раз-другой,
Вы потом привыкнете!

Если вы утонете
И ко дну прилипнете,
Полежите год-другой,
А потом привыкнете!

Публика смеялась, бурно аплодировала.

В дни получек в бараках было шумно и весело. Под аккомпанемент балалаек, мандолин и гармошек с

колокольчиками исполнялись сольные и хоровые песни, частушки, иногда на незнакомом языке, иногда скабрёзного содержания. Пляски обычно перемещались во двор или на «пятачок» 12 просек. Были случаи потасовок.

В те годы существовала какая-то организация, собиравшая изношенную одежду, старые вещи, ветошь. Запряжённая в телегу кляча медленно тащилась по улице и старьёвщик, восседавший на телеге или шедший сбоку, громко призывал сдавать ему то, что не нужно в доме. В обмен он предлагал игрушки. Наиболее популярными были разноцветные бумажные полушария, набитые опилками, переплетённые нитками с прикреплённой к ним тонкой резинкой. Одевая на палец петлю свободного конца резинки, можно было играть, отбивая ладонью такие полушария. Довольно быстро из них высыпались опилки. В ассортименте были также трубочки-свистки с закреплёнными на конце резиновыми шариками. Надув шарик, нужно было пальцем прижимать конец трубки. Извлекался громкий звук: «уйди-уйди». Игрушка так и называлась. Оценивая качество и количество сданной ветоши, старьёвщик мог выдать глиняную раскрашенную птичку-свисток или какие-то другие поделки. Желая получить приз, дети, не имевшие тогда игрушек, иногда приносили из дома и приличные вещи.

Тогда мужчины сами брились редко. Поэтому в парикмахерской, куда я несколько раз ходил с отцом, всегда была очередь. Седовласый представительный мастер работал виртуозно. Когда же у него в руках появлялась «трясучка», он забегал в подсобку «поправить здоровье». Очередь реагировала спокойно, с пониманием.

До начала учебного года я один скучал в комнате, ожидая кого-нибудь из родных. Через окно мне вдруг показалось, что идёт брат. Решив пошутить, я забрался в пустой сундук, в котором перевозили багаж. Прошло время, а брат не появился. Почувствовав недостаток воздуха, я

попытался открыть крышку сундука. Увы, она была плотно прихвачена накладкой для всячего замка. Лёгкая паника.

Вдруг я вспомнил, что в сундуке есть полочка, где обычно лежат мелкие вещи. Рукой нащупал чайную ложку. Уперев спину в крышку сундука, я создал небольшую щель, ручку ложки просунул в щель напротив накладки и кулаком ударил по ложке. Крышка открылась. Потный, но довольный, я вдохнул свежий воздух. Случившееся рассказал только брату.

Строители за клубом насыпали большую кучу сырого песка. С одним другом мы решили в этой куче прорыть туннель. Поочерёдно откапывали песок. Когда нора была довольно глубокой, подошёл мужчина. Он взял моего товарища за торчащий из норы ботинок, вытащил «метростроевца» и обрушил песок. Нас крепко обругал и объяснил возможные последствия.

В школу я ходил вместе с мамой. Директором школы и учительницей была Лаврова Любовь Николаевна. Женщина энергичная, требовательная и, мне казалось, грубоватая. Одноклассники – хорошие, добрые ребята. Помогали мне осваивать тонкости разговорного языка. Довольно быстро освободился я от белорусского акцента, и не только вместо «гета» говорил «это». Дома в семье всегда говорили по-русски. Более трудным оказалось привыкать «акать» по-московски, то есть «Москва» должна звучать «Масква» и т. п. Вскоре мне на уроках стало скучно. Ребята занимались тем, что я уже освоил. Меня не вызывали читать и считать. Нарекания были только за чистописание.

Дома отец заставлял тренироваться писать и читать стишки из букваря:

Паровоз без колёс,
 Что за чудо-паровоз?
 Не с ума ли он сошёл:
 Прямо по морю пошёл!

Шло разъяснение, что такое пароход, почему он плавает.

Помоги, помоги,
Я везу сапоги,
И мануфактуру,
и литературу!

Отец спрашивал, что такое мануфактура, что такое литература и объяснял значение этих слов.

От рождения я был чистым «левшой». Поскольку в определённых кругах общества над левшами смеялись, унижали, отец решил переучить меня на правшу. Много было страданий и испорченных тетрадей в косую линейку для чистописания (был такой предмет в школе), пока я научился коряво рисовать палочки, крючки, нолики, а потом буквы и цифры. Однако, писать так каллиграфически, как отец, мне не было дано.

Позже наука доказала, что с точки зрения развития и здоровья переучивать даже вредно. Леворукие, как правило, отличаются индивидуальностью. Ведь левшами были: А.Пушкин, Л.Толстой, В.Даль, Ф.Кафка, Н.Лесков, Ф.Ницше, М.Твен, Микельанджело, Рафаэль, П.Рубенс, О.Роден, П.Пикассо, Ю.Цезарь, Наполеон, А.Македонский, О.Бисмарк, У.Черчилль, А.Эйнштейн, И.Ньютон, Л.Бетховен, Н.Паганини, В.Моцарт, Р.Шуман, С.Прокофьев, С.Рахманинов. Ф.Шопен и многие другие.

Левшами являются Ф.Кастро, Буш-старший, Б.Клинтон, Б.Обама.

С возрастом у меня утрачивались способности и желание рисовать, иногда нужно было соображать, где лево, а где право. К сорока годам, при напряжённой умственной и физической нагрузке, начались приступы левосторонней головной боли. Вначале они как-то купировались тепловыми процедурами. Впоследствии боли стали усиливаться до нестерпимости и не снимались ни тепловыми процедурами,

ни медикаментами. Приступы продолжались по 3-5 дней по 30-50 минут и возобновлялись через 3-5 лет. Невропатологи не смогли однозначно определить диагноз. Возможно, это были последствия искусственной переориентации функций полушарий мозга, а возможно – последствия небрежного обращения со ртутью.

Теперь я пишу, рисую, стреляю только правой; правой и левой пользуюсь столовыми приборами, а вот работаю любыми инструментами и бросаю – только левой.

Детству свойственно быстро запоминать новые слова, даже не всегда понятные по смыслу. В условиях барака новых слов и выражений из уст рабочих было предостаточно. Мне как-то мягко мама и брат разъясняли, и я усвоил, «что такое «хорошо» и что такое «плохо». А вот с двоюродной сестрёнкой было хуже. Едва научившись вообще говорить, она набралась таких слов и выражений и по-боцмански пересыпала ими свою речь. Её мама была в ужасе. Наказания не помогали. Но, конечно, со временем её вразумили. Впоследствии она очень стеснялась, когда в кругу родственников ей напоминали о раннем детстве. Она закончила с медалью школу, а потом и Менделеевский институт.

И со мной однажды случился конфуз. Меня попросили рассказать наизусть стишок из Букваря. Бодро доложил я, как приплыл из Африки матрос:

... Маленьку обезьянку с собою он привёз.

Сидит она, тоскует все ночи напролёт

И песенку такую про Африку поёт:

На милом тёплом юге, на родине моей,

Живут там обезьяны, и нет совсем людей.

Вдруг родители отвернулись, а брат захохотал. Я возмутился: «Обезьянку жалко, а вы смеётесь!» Потом брат пояснил, что перед последним словом я вставил вторую букву

алфавита. Это получилось, очевидно, не без созвучия с лексикой барака.

Зима пришла в одну ночь и была довольно снежной. Поочерёдно мы на санках катались с горки через дорогу. Забравшись с санками на горку, я что-то замешкался, выбирая маршрут. Когда же начал съезжать, из-за поворота выехала лошадиная повозка. Перед самой лошадьё, едва не оказавшись под её брюхом, я проскочил на своих санках. Лошадь вздыбилась. Возница выпрыгнул из саней и с кнутом пытался бежать за мной, но, видимо, вспомнив о лошади и санях, возвратился к повозке, пригрозив мне кулаком.

Заболев паротитом («свинка»), я отлёживался в постели. Вблизи кровати висела лампочка. Патрон лампочки был комбинированным с выключателем и в кожухе из тонкой латуни. Зимой быстро темнеет. Пришёл брат и решил включить свет. Когда он взялся за патрон лампочки, чтобы повернуть выключатель, его ударило током. Я накануне включал свет и ничего не почувствовал. Тогда я встал на постели, дотянулся до патрона, повернул выключатель, и лампочка осветила комнату. Брат удивился, но повторять включение не отважился. На следующий день, оставшись один, я решил убедиться, что меня током не бьёт. Встав на постели, одной рукой я взялся за патрон, но, потеряв равновесие, второй схватился за металлическую спинку кровати. От удара током я рухнул на постель и, очнувшись, пытался понять, почему это произошло. Потом, вспоминая этот эпизод, я сообразил, что кожух патрона случайно был соединён с фазой. Нельзя было заземляться. Включать нужно было, держась только за стеклянную колбу лампочки.

Первого декабря отец принёс газету с чёрной окантовкой. Сообщалось об убийстве С.М.Кирова. Помню, какой в семье был траур.

Весной нас переселили в дом ИТР (инженерно-технических работников). Это был брусковый оштукатуренный двухэтажный дом с двумя подъездами. Он стоял вблизи от остановки автобуса «Чугунные ворота» и

главным фасадом выходил к основной булыжной дороге (ныне улица Академика К.И.Скрябина).

За правым торцом дома, перпендикулярно к основной дороге, шла просёлочная дорога к посёлку строителей Гражданстрой. С одной её стороны, ближе к парку, стоял сарай типа гараж, а за ним – забор дома Ганина, общественный туалет и более 20 однотипных сараев для дров. С другой стороны дороги за домом ИТР находилась «пожарка». В ней дежурили пожарные и было несколько комнат для сотрудников. За «пожаркой», левее и вплоть до нынешнего Волгоградского проспекта, строились здания института: административный и учебный корпус, жилой дом с общежитием и квартирами для сотрудников, круглый виварий, котельная с баней и прачечной, анатомический и клинический корпуса, конюшни и др. Между этими стройками и парком оставалось небольшое поле, ставшее сначала футбольным, а после войны на нём возвели пятиэтажки, административные, лабораторные здания ветлечебницы.

За левым торцом дома вдоль дороги почти вплоть до Выхино было поле. Перед войной, когда начали строить вплотную к нашему дому корпус с квартирами для профессорско-преподавательского состава, со столовой, магазином и общежитием, вдоль дороги выгородили площадку для складирования стройматериалов, арматурного и сварочного участков.

Для переселения нам предоставили на втором этаже большую угловую комнату, почему-то под № 99, с отопительно-варочной печью и двумя окнами. Одно окно было с видом в сторону «пожарки», футбольного поля и посёлка строителей, а второе – в сторону парка. За этим окном вдоль дороги находились дома Ганина, Комзиных, Проскуряковых. Между этими домами и рядом наших дровяных сараев ютился «аул» из самостроевских лачуг и даже землянок.

В доме Ганина, что напротив нашего окна, жили семьи Мартыновых, Мальковских, Жагриных и Иончик Марии Францевны. В самостроях размещались: большая семья Пронцовых, семья Андриановых, Халявина и других. Самостроевцы, как правило, держали коров, коз и иную домашнюю живность. Они торговали молоком, спекулировали на рынках, где-то подрабатывали.

Так сложилось, что в нашем доме, в основном, были дети 1925-1928 гг. рождения. Это Миша Лактионов (мама его звала Вова), Зайцевы Ярослав и Феня, Назаров Коля, Мельниковы Вера и Анна, Мурашко Эдуард и Толя, Силкина Валя, Смолянец Олесь и Тарас, Никишины Надя и Борис, Васильевы Анна и Коля, Гисторин Сима, Сара и Беба, Донюш Толя и Лёня.

Были временно и другие, но они в памяти не сохранились.

Жили мы очень дружно. Все вместе играли в детские игры и даже водили хороводы. Вместе ходили в школу. Благо она была через дорогу за домом Лифанова Н.Н.

В Кузьминках проводились военные манёвры с участием бронетанковой техники. Присутствовали К.Е.Ворошилов и С.М.Будённый. После прохождения техники в парке, недалеко от школы, были брошены бочки из-под бензина. Во время перемены один ученик из старшего класса бросил в бочку спичку. Взрыв. Его окатило горящим бензином и он побежал к Карасиковому (Круглому) пруду. Помню, как этот факел мелькал в кустах. В пруду пламя сбили, но ожоги были большие. Через неделю он в больнице скончался. Фамилия его – Пылаев.

Сижу как-то дома, читаю книгу. Вдруг вбегают Лёдик Мартынов в сильном возбуждении:

- Идём драться! Надо Женьку Жучка проучить!

Женька жил через дорогу в доме отчима Лифанова, был отчаянный футболист и драчун. Я ответил, что не могу, дома один, а ключа нет. Тогда Лёдик схватил со стола кухонный нож и крикнул:

- Потом принесу! - и убежал.

Конечно, не принёс. Его принесла из школы мама.

На следующий день в школе был «разбор полётов». Оказалось, что Лёдик с ножом в руке и видом, сосредоточенным на атаку, бежал мимо автобусной остановки в сторону Женькиного дома. Кто-то из мужчин схватил его, отобрал нож, повёл в школу и сдал директрисе.

В классе Любовь Николаевна очень эмоционально, не стесняясь крутых эпитетов, распекала Лёдика. Потом подняла меня:

- Ты почему дал ему нож? Ты что-нибудь соображаешь? У тебя не голова, а кочан капусты!

Когда разрешили праздновать встречу Нового года с ёлками, меня, Ярослава и ещё кого-то пригласил к себе домой на ёлку Вадик Казанский. Отец его был профессором во Всесоюзном институте экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ). Жили они в красном кирпичном доме, который стоит за храмом. Этот праздник остался в памяти на всю жизнь.

Красивая ёлка была увешена игрушками, серпантинном, конфетами, печеньем, баранками. Зажгли на ёлке свечи. Мы водили хоровод, пели песенки, рассказывали стишки. Руководила мама Вадика. Потом нас угостили вкусным чаем и подарили всем книжечки. Это были брошюры из серии «Книга за книгой». Ярославу вручили «Слепой музыкант», а мне - о маленьком бедном художнике. Мы были счастливы и благодарны.

После третьего класса мы гуляли в парке недалеко от школы и наблюдали за полётом истребителей И-16 Люберецкого аэродрома. Вдруг у одного из трёх что-то небольшое отвалилось. Он «клюнул» носом и с рёвом вошёл в штопор. Казалось, летит прямо на нас. Он упал метрах в 150-и на окраине парка, слева от липовой аллеи. Подбежали. Картина страшная. Срублено два крайних дерева, разбросаны детали самолёта, а возле одного дерева – белокурая голова в шлеме и нераскрывшийся парашют. Набежала толпа. Вскоре

приехала бригада из Люберец. Оценили место, собрали, что осталось от лётчика и самолёта, откопали ушедший в землю мотор. Площадку разровняли, обильно полили водой.

*Фото 11 8 мая 1936 г. 2 класс Кузьминской начальной школы.
Директор – Любовь Николаевна Лаврова. Автор – в
предпоследнем ряду левый.*

С ростом числа учащихся наша школа расширялась. Под классные помещения приспособляли квартиры в жилых домах Гражданстроя. В третьем и, особенно, в четвёртом классе нас гоняли то в Гражданстрой, то в клуб ВИЭВа, где вечерами под аккомпанемент тапёра крутили немое кино, а утром разгораживали зрительный зал занавесями для двух классов. В них проводили уроки разные классы, стараясь не мешать соседям.

С нетерпением ждали мы окончания строительства новой школы, которую сооружали за дорогой, напротив

нашего дома. Стройка шла ни шатко, ни валко. Кирпич и раствор на второй этаж рабочие носили в заплечных носилках («козлах») по дощатым сходям. Техники – никакой. Когда же школа была построена (1938 г.?), в ней в две смены разместились все классы от первого до седьмого. Она казалась дворцом. Для школьников нашего дома это был особенно приятный подарок.

Случалось, когда заигравшись на чердаке в карты, мы слышали первый звонок на вторую смену. Горохом сыпались мы через люк чердака, дверь коридора и по деревянным скрипучим лестницам дома; перебегали дорогу и попевали ко второму, последнему звонку, в классы.

Одним из первых директоров новой школы стал Антон Исидорович Русак. За рост и походку ему дали кличку Жак Паганель (к/ф «Дети капитана Гранта»). Говорил он отрывисто, с небольшим белорусским акцентом. Преподавал физику. Его жена, Казимира Онуфриевна, была уважаемым терапевтом Кузьминской больницы.

В конце января 1939-го года был сильный мороз. Мы с Ярославом договорились на занятия не ходить. Сидим у меня, что-то мастерим. Вдруг стук в дверь. Мы притихли. Стук настойчивей. Открываю дверь, а на пороге - Антон Исидорович.

- Почему не в школе?!

- Холодно очень, а у меня нет тёплого пальтишка.

- Вам можно в любой мороз в одном костюме до школы добежать!

- Можно, но мы думали, что занятий не будет.

- Марш сейчас же в школу!

В конце 1939 года А.И.Русак был призван на военную службу, участвовал в Финской кампании.

Вместо него директором назначили высокого, очевидно, контуженого, нервного человека по фамилии Каплан. У нас он вёл предмет «Конституция СССР».

Спрашивает Ярослава:

- Как ещё называется Совет Народных Комиссаров?

Молчание. Я на пальцах, азбукой глухонемых, и шевеля губами, передаю:

- Правительство.

Увидев мою руку, Каплан подбежал:

- Дай дневник! – и вклеил мне жирную двойку за подсказку.

К учебному году 1940/41 гг. в школу возвратился А.И.Русак.

По мере взросления в играх намечался и усиливался раздел между мальчиками и девочками нашего дома. Девочки играли в куклы, с мячиком, в догонялки или салочки, в классики, со скакалками. Мы же чаще играли в войну, в лапту, в отмерного козла, чеканку, в пристенок и расшибалку, в чижику и, конечно же, в футбол. В парке были поляны. На них мы выбирали стоявшие рядом две сосны. Это были ворота одной команды, а другие ворота обозначали школьными портфелями, верхней одеждой. Организатором всегда был Женька Жучков.

Как-то он договорился с ребятами из Жулебино сыграть межпоселковый матч. Жулебинцы, среди которых были и выхинские, и люберецкие ребята, прибыли к нам организовано. Играли на футбольном поле. Меня уговорили встать в воротах. Почти вся наша команда в азарте крутилась на половине соперника. Каждый хотел сам забить гол. Я остался без защиты. Счёт матча – 7 : 0 в пользу гостей. Шумно обсудив свои ошибки, в ответном матче мы сыграли более успешно, и счёт был 7 : 1 в нашу пользу.

Трагически могла закончиться одна из наших игр в чижику. Пока водивший бегал за «чижином», мы прятались. Возле «пожарки» был сарай для стройматериалов. С Колей Васильевым мы за него забежали. Коля по двери влез на козырёк тамбура и стал звать меня, чтобы потом забраться на чердак. Я отказался, сославшись на свой рост и близость проводов электропроводки. Он ответил, что провода без тока, лёг на спину и схватился руками за два провода. Его начало трясти. Я выскочил из-за сарая и истошным голосом закричал

в сторону «пожарки»: «Кольку током бьёт!». В это время от проводов посыпались искры. Дежурный пожарный подбежал к сараю, оторвал сухую доску, и, забравшись на козырёк, стал отбивать руки Коли от проводов. Коля уже был без сознания и снова тянулся руками к проводам. Пожарный доской загоразивал его руки. Колю сняли с козырька и отнесли домой, в «пожарку». Он вскоре оправился от шока, но ожоги на руках оставались ещё долго.

Зимой в свободное от школьных занятий время мы катались на лыжах, на коньках. Возле «пожарки» иногда заливали каток и подвешивали электролампу. Можно было кататься поздно вечером. Из трёх коньков и пяти небольших досок делали самокаты с передним поворотным коньком. Проволочными крюками цеплялись за задний бампер автобуса и катили на коньках или самокатах до нынешнего Волгоградского проспекта. Однажды вдоль дороги подул сильный ветер. Мы на лыжные палки закрепили какие-то ткани и как под парусами покатали с довольно приличной скоростью. Благо, что машины на дороге были большой редкостью.

В ненастную погоду читали книги, рисовали, что-нибудь мастерили или играли в карты в квартире Мурашко. Дядя Витя, отец Эдика, сам принимал активное участие в играх. Популярными были игры в «Подкидного», в «Петушка». Играли и в «Кинга». Здесь зарождался денежный азарт.

Летом обычно мы, мальчишки и некоторые девчонки, жили (ночевали) в дровяных сараях, а большую часть времени проводили в парке на прудах. Любимыми купальнями были «Львы» (беседка у воды с двумя чугунными львами) и «Пятимостики» - плотина между средним и нижним прудами. (Название, очевидно, связано с пятым мостом на Кузьминских прудах).

Играя в прятки, мы иногда забирались под поток водопада плотины. Находясь между стеной плотины и стеной падающей воды, ощущали себя в каком-то подводном

царстве или бушующем колодце. Накупавшись до посинения губ, забирались на нагретых солнцем львов или ложились на песок у мостика плотины. Возможно, поэтому из нашего дома и Гражданстроя четверо однокашников стали морскими офицерами.

По выходным дням в Кузьминский парк и на пруды наезжали на автобусах, а чаще на бортовых машинах, группы отдыхающих с московских предприятий. Работали профсоюзы.

Организовывали коллективные игры: футбол, волейбол, городки, пушбол (надувной шар диаметром около двух метров две команды катили в разные стороны). Проводились и другие спортивные соревнования, различные аттракционы. Играли оркестры, были танцы и пляски. В нескольких местах размещались буфеты. До позднего вечера парами и небольшими группами молодёжь прогуливалась вдоль Липовой аллеи. Ну, а мы, вездесущие мальчишки, должны были побывать всюду. Было шумно и весело.

Живя в сараях без присмотра родителей, мы иногда по ночам проказничали. Заводилами были ребята из «аула» - Пронцовы, Андрианов.

Заготавливали на арматурном участке из проволоки небольшие костыли. Услышав призывные вопли котов, мы подкрадывались к месту их свиданий, с криками и гиканьем забрасывали котов костылями.

Были и более серьёзные шалости. К иголке на небольшой нитке привязывали гайку, а к гайке – длинную нитку. Ночью иголку втыкали в дерево оконного переплѐта, прятались в укрытие и дѐргали за длинную нитку. Гайка стучала по стеклу окна. Сначала в окно кто-нибудь выглядывал. Мы делали перерыв. Потом стук повторяли. В комнате включали свет и долго смотрели в окно. После второго перерыва и возобновления стука, как правило, к окошку выбегал хозяин «в споднем». Мы разбегались, прятались за дом, в парке или в своих сараях.

Одно время я увлёкся голубями. В сарае сделал нагул. Но вскоре голубей у меня просто «увели».

За нашим домом был вырыт большой котлован и выложен фундамент. Стройку одно время приостановили. Мы бегали по фундаменту, прыгали с него в песок котлована. Высота была приличной. Мы брали дома большие наволочки или простыни и пользовались ими как парашютами.

В конце 30-х годов МЗВИ передали Военно-ветеринарной академии. Строительство оживилось. Стало оживлённей и на футбольном поле, и на спортплощадках. Проводились даже соревнования по рубке лозы на скаку лошади, по выездке лошадей. В школе добавилось много учеников.

За школой было большое поле вплоть до Текстильщиков. Правую часть этого поля занимало отделение совхоза АМО (будущий ЗИС, ЗИЛ), а потом совхоза им. А.М.Горького. Там стояли два небольших барака и овощехранилище. По общественной нагрузке в 1935-1936 гг. маму посылали туда заниматься ликбезом с неграмотными рабочими.

На этом поле справа от окраины леса создали аэродром клуба ОСОАВИАХИМ (общество содействия авиации и химзащите).

Первыми летательными аппаратами были планеры. Длинный жгут толщиной 30-40 мм из тонких резинок в нитяной оплётке средней частью цеплялся за планер. Концы жгута растягивались под небольшим углом. За них брались руками по 5-7 курсантов. По команде «На амортизаторе, шагом натягивай! Раз, два, три, ...» жгут растягивался до определённой длины и упругости. Подавалась команда «Крюк» или «Курок». Планер пилотом отсоединялся от заземлённого крепления и, взлетев, отбрасывал амортизатор. Сделав небольшой круг, планер садился, и упражнение повторялось другим курсантом. Амортизаторы со временем рвались. Куски их попадали в руки ребят. В школе началась «рогаточная» эпидемия. Тонкая резинка от жгута

петлями одевалась на два пальца. Получалась незаметная рогатка. В среднюю часть резинки закладывался жеваний из бумаги «снаряд» и шла перестрелка на переменах, а иногда и на уроках.

Году в 1939 прилетели самолёты У-2. Они стали буксировать планеры до определённой высоты и запускали их в самостоятельный полёт. Амортизаторы, а с ними и наши рогатки, были ликвидированы.

Мы бегали на окраину аэродрома посмотреть на тренировки будущих авиаторов. Тем более было интересно, когда начался облёт курсантов и прыжки с парашютом.

Накануне дней больших праздников – 1 Мая и 7-8 Ноября – после обеда и до позднего вечера по булыжной дороге в сторону Рязанского шоссе проходила, дымя выхлопами, грохоча колёсами и гусеницами, участвовавшая в парадах военная техника. Мы, мальчишки, долго стояли у обочины дороги, принимали этот парад.

В нашей квартире, у окна с видом на парк, было два небольших бочонка, в которых росли фикус и олеандр. Фикус почему-то погиб, а олеандр бурно расцвёл. Суеверы говорили: «Это не к добру!»

Оно так и вышло.

Брат Леонид учился слабо, водил дружбу с хулиганистыми ребятами, курил. Отец его часто ругал, но это не действовало.

Летом 1936 года, договорившись с одноклассником Михаилом Комзиным, он уехал из дома. Взял какие-то деньги из сбережений родителей и оставил записку: «Меня не ищите. Деньги верну, когда заработаю.»

Через месяц-полтора, когда деньги закончились, возвратился домой Комзин. Он рассказал, что путь их был «на юга» - в Крым. Брат же устроился в Симферополе на работу. В начале 1937 г. он прислал покаянное письмо, в котором сообщал, что работает слесарем по отоплению на монтажном участке Сталинскстройпуть (Сталинская ж.д.). Просил прислать какие-то документы для поступления в

Ленинградский техникум, где стипендия, общежитие и бесплатное питание.

В домашнем архиве сохранилась любопытная справка от 15 марта 1938 г., в которой записано: «гр. Донюш Леонид Андреевич происходит из крестьян-середняков. Родители до революции и после имели земли 12 га, одну лошадь, две коровы ... Гр. Донюш, а равно и его родители, не судимы, не раскулачивались и права избирательного не лишались.»

В техникум, очевидно, его не приняли. С конца 1938 г. он работал в той же организации, но уже в Днепрпетровске.

Брат писал и приглашал меня погостить у него. Маме предложили путёвку в Дом отдыха в Звенигород. Чтобы я не оставался один дома, она согласилась отпустить меня к брату. Брат обещал встретить на вокзале. Мне 12 лет, и я самостоятельный пассажир поезда дальнего следования. Мама снабдила едой на дорогу, какими-то подарками брату, в том числе рыбиной, от которой в купе был запах копчёностей. Это меня смущало. Удивили меня взаимоотношения в семье соседей. Девочка, например, спрашивает:

- Мамочка! Вы разрешите, пожалуйста, взять ещё кусочек печенья? Меня от такой слащавости корбило. Я уходил в коридор и долго смотрел в окошко вагона.

В Днепрпетровске, выйдя из вагона, встречающего не обнаружил. Брат писал, что если встречи не будет, то я на трамвае № 2 могу доехать до Нижнеднепровска, а там подскажут, где живут строители.

Пошёл на привокзальную площадь к остановке трамваев. Вдруг подходит парнишка вида беспризорника и спрашивает:

- Ты из Москвы?
- Ну?
- Ты к Леониду Андреевичу?
- Да.

- Он меня послал встретить тебя. Сам приехать не сможет.

Брат работал бригадиром слесарей-водопроводчиков. Общежитие рабочих вполне приличное. Чисто. Порядок. Койки двухъярусные, все в марлевых занавесках от мух. Мне предоставили нижнюю койку. Брат – на верхней.

Я познакомился с ребятами из местного посёлка. Недалеко были песчаные барханы – «кучугуры». Там мы играли. Потом стали ходить на Днепр и проводили там время часто до послеполудня.

Уходя на работу, брат оставлял мне под подушкой 6-8 рублей. Этого было достаточно, чтобы утром в ближайшем магазине купить банку (0,5 л) отличной сметаны и свежего белого хлеба. Это был мой почти ежедневный завтрак. Оставались деньги на сладости и на папиросы.

На небольшом пляже на Днепре играли, купались, загорали. Возвращаясь с работы, брат шёл со мной в столовую, где мы плотно обедали. Вечером – чай.

В выходные дни ездили в городской Парк культуры им. Т.Г.Шевченко. Брат с другом пили пиво. Перепадал и мне стаканчик.

Однажды после гуляния в парке решили искупаться. Переехали на левый берег Днепра, где был большой пляж. Договорились плыть на остров. Я заверил, что сил хватит. На острове ничего интересного не оказалось, и мы сразу поплыли обратно. На половине пути я почувствовал, что устал и сбавил темп. Брат с товарищем, уплывшие вперёд, возвратились и стали плыть рядом со мной. До берега доплыли нормально.

Ездили в центр города на празднование Дня физкультурника. В тот год впервые праздновали День Военно-Морского флота. Я просидел у репродуктора, слушая трансляцию из приморских городов и запавшую в душу: «Раскинулось море широко ...» в исполнении Л.О.Утёсова.

Мне посчастливилось поймать белого голубя. Местный мальчик просил поменяться. Он предложил за

голубя мою мечту – матросскую бескозырку. На ленте надпись: «Днепровская военная флотилия». И надо же! После окончания Училища, через 11 лет, я был направлен служить именно на эту флотилию!

В августе брат проводил меня до поезда, и я благополучно возвратился домой с массой впечатлений.

Весной 1940-го года брат отдыхал в санатории ВЦСПС в Алушке, а осенью был призван в армию. Служил в Гаубичном артиллерийском полку. С началом войны их полк срочно бросили на передовую. Последнее письмо он закончил: «Или грудь в крестах, или голова в кустах!» Полк их немцы рассеяли по белорусским лесам. Он бесславно оставил «голову в кустах».

Вскоре пришла вторая беда. Старший брат Юра, 1919 г. рождения, закончил обучение в Ленинградском Экспериментальном институте слухоречевой детской дефективности. Он в 2-летнем возрасте упал с лестницы. Черепно-мозговая травма. Образовавшаяся в черепе впадина надавила на слуховой нерв. С возрастом брат стал глухонемым. Говорить он мог, но многие его не понимали.

После окончания учёбы друг пригласил его погостить в Уфе у родителей. Решили глушить рыбу в реке Белая. Как любители опытов по химии, изготовили бомбу и бросили в реку. Она не взорвалась. Брат подбежал – и грянул взрыв. Раны на лице и бельмо на правом глазу. Отец, получив сообщение, поехал в Уфу и привёз его домой.

Юра был рослым, физически крепким юношей. Он бредил мечтой стать лётчиком. Убедившись в невозможности этого, очень переживал. Дважды пытался пойти работать, но, проработав неделю в одной организации и две недели в другой – уходил, не рассчитавшись. Дома лежал, что-то писал и много читал одним своим глазом.

Не знаю, где и как Юра познакомился с Игорем Сергеевичем Павлушковым. Их сблизила, очевидно, глухота и любовь к поэзии. Игорь Сергеевич оглох после перенесённого менингита. Он работал в Библиотеке им.

В.И.Ленина корректором. Часто бывал у нас и снабжал книгами в прекрасных изданиях. Байрон, Пушкин, Лермонтов, Мицкевич – для брата. Я Чайльд Гарольда не понимал. Мне он приносил Ф.Купера, В.Скотта, Майн Рида, М.Твена. Рассказывал, что он окончил Литературный институт, что пишет сценарий к фильму «Ледовый поход», пишет стихи, что встречался с С.Маршаком и тот одобрил его творчество. Как-то я высказал своё мнение, что стихи писать не так уж сложно.

- А ты попробуй и покажи мне.

Я рифмовал что-то о собачке, которая грустными глазами смотрит из конуры, как капает мелкий осенний дождик и дети бегут в школу. Прочитав, Игорь Сергеевич сказал:

- Я в твои годы так писать не мог.

Похвала, однако, не пробудила во мне желания заняться стихами серьёзно. Впоследствии я, чаще по заказу, рифмовал поздравления к юбилею, ко дню рождения, к назначению на вышестоящую должность. Большое значение придавал юмору.

К моему дню рождения Игорь Сергеевич подарил большой кулёк из толстой оберточной бумаги, наполненный конфетами «Кавказские».

Несколько раз он приглашал меня к себе домой. Квартира у отца Академика, директора ВИЭВа, была в Оранжевой даче. Я был поражен библиотекой. Все стены огромного зала в стеллажах до потолка были уставлены книгами. А какие книги! А в книгах – цветные иллюстрации под папиросной бумагой. У них я впервые увидел томик С.Есенина. В те годы о нём громко не говорили. Страшно удивила меня пишущая машинка. Её бы только в Политехнический музей. Чтобы печатать, нужно было специальной иглой водить по буквам алфавита и нажимать на клавишу. Игла была кинематически связана с валиком, на котором сидел барабан с буквами и цифрами, а клавиша – с кареткой.

Мама Игоря Сергеевича, солидная дама, угощала меня оладьями и показывала рисунки другого сына. Один из его альбомов был посвящён изображению акварелью капли воды на различных предметах.

После реэвакуации я встречал Игоря Сергеевича поздней осенью 1944 года. Он попросил помочь напилить дров. Отец и мать его к тому времени скончались. Ему предоставили комнату в кирпичном доме. В комнате от потолка пирамидой были навалены книги. Он носил их и продавал на Вешняковском рынке.

Неспособность некоторых слоёв нашей интеллигенции «вписаться» в новые тяжёлые условия жизни обычно приводила к подобному финалу. В памяти у меня почему-то осталось четверостишие из поэмы Мицкевича:

Кому с вершины счастья суждено
Сорваться в свой черёд,
Тому, наверно, всё равно,
В какую бездну он падёт!

Образ таких интеллигентов хорошо показан в Горьковской пьесе «На дне». Такие интеллигенты умно рассуждают, философствуют, но не умеют и не стремятся что-либо делать.

Ещё до знакомства с И.С.Павлушковым в дом пришла третья беда. 25 октября 1937 г. ночью пришли сотрудники НКВД и произвели обыск. В это время я крепко спал. Отец поцеловал меня, и его увели. Н а в с е г д а .

Пока он сидел в Люберецкой тюрьме, мама посылала меня возить передачи. Засветло она меня будила, поила чаем, вручала «авоську», и я шёл в Вешняки к поезду. В авоське обычно была смена белья и что-нибудь из съестного. Особо запомнился на утреннем лёгком морозце запах антоновских яблок. В Люберцах, разыскав СИЗО, становился в длинную очередь. К полудню моя очередь подходила. Однажды молодой сотрудник НКВД повёл меня в кабинет и стал

расспрашивать об отце. Что я мог сказать в свои 10 лет? Он хотел, возможно, сделать из меня Павлика Морозова.

Отца я любил. Он меня немного баловал. Кроме контроля за учёбой, он в свободное время водил меня в музей (Политехнический, Антирелигиозный и др.). В Третьяковке я был шокирован. Стою возле «Княжны Таракановой» и не верю, что неё бархатное платье написано красками. Решил пальчиком потрогать, но смотрительница заверещала:

- Мальчик! Отойди сейчас же от картины!

Отец ездил со мной в театры. Смотрели «Василису Прекрасную», «Зямку Копача», какие-то ещё сказочные и патриотические пьесы. Однажды он взял меня на «Севильский Цирюльник». Не понравилось.

- Зачем они всё время громко поют? Им что, не разрешается разговаривать?

В 1936 г. отец на Первомайской демонстрации нес меня по Красной площади на плечах, потом подарил испанскую шапочку в виде пилотки с кисточкой впереди, угостил испанским апельсином. Когда я бывал в конторе, где постоянно щёлкали костяшками счёты и потрескивали арифмометры, он давал мне 15 копеек. Я шёл в буфет и покупал стакан клюквенного морса. Какой это был морс! Из дубовой бочки.

Осуждён отец был тройкой УНКВД СССР на 10 лет ИТЛ. Письма от него доходили раза два-три. Первое письмо от отца мы получили в конце июня 1938 г. Конверт, склеенный из густо разграфлённого бланка какой-то отчётности, со многими почтовыми штемпелями. Странным был и адрес: «Москва, п/о Кузьминки, Гражданстрой, дом ИТР, кв. 99. Учительнице Донюш Анне Константиновне». Обратный адрес: «ДВК, ст. Бирокан Амур. ж/д, п/о Кульгура, 14 отделение БАМ, 14 колонна – Д. В письме же обратный адрес был другим: «ДВК, город Биробиджан, БАМ – лаг. НКВД, 13 отделение, 2 колонна».

Письмо написано простым карандашом, мелким почерком и опять же на разграфлённой бумаге.

« Здравствуйте, мои милые, родные, дорогая Нюра, Толик и Георгий! Я жив и здоров. Очень скучаю. Почти кажую ночь вижу во сне всех вас, как наяву.

Моя дорогая! Просьба к тебе – береги себя и своё здоровье для себя и для Толи. По возможности не отказывай ни себе, ни ему в питании, а остальное - ерунда. Сознаю, что тебе очень трудно, но я не теряю надежду, что будем жить все вместе. Успокаиваюсь тем, что вас, родных братьев, осталось там трое: ты, Маруся и Коля. Поддерживайте друг друга и помогайте. Спасибо за помощь и поддержку в Люберцах. Как только 1/12 37 проехал свою станцию, посмотрел в сторону домика, где вы остались.

В Биробиджане узнал мотивы обвинения: кулак, что не доказано; бывший офицер – 25 дней перед революцией, а в РККА – почти пять лет и к-р агитация. В результате – постановление тройки и на две пятилетки изоляция.»

Далее отец просил снять копии и заверить какие-то документы, получить послужной список, деньги и книги из конторы, где работал, подать ходатайство Московскому областному прокурору об отмене решения тройки. Просил он также прислать посылку с резиновой подушкой, полотенцами, нижним бельём, а также с бульонными кубиками, 10-15 головок чеснока, карандаши, тетради, конверты, махорку.

«Если всё дорого – сократи по своему усмотрению. Если можно, то сообщи телеграммой, все ли живы и здоровы.»

Помню, как мама с помощью тётки собирала посылку. Впервые я увидел банки сгущёного молока, какие-то коробки и пакеты с вещами и продуктами. Вес посылки превысил норму, и пришлось кое-что изъять.

Второе письмо было адресовано мне:

«Здравствуй, дорогой сынок Толя!

Вспоминаю тебя, оставленного на тёплой постели спящим, и, до сего времени не получая от вас всех никаких сведений, я решил написать тебе это письмо с надеждой хотя от тебя получить ответ.»

Это было письмо отчаяния. Ни наши письма, ни посылки к нему не доходили.

«Хочется знать про всех вас, что делаете, как живёте? Как здоровье мамы? Как у тебя с учёбой и с какими оценками ты надеешься закончить 4-й класс?»

Далее отец советует быть отличником в учёбе и жизни, дружить только с хорошими ребятами и как из его одежды перешить мне брюки, рубашку, бельё.

«Ну, как ты провёл Майские праздники и вспоминали, как мы с тобой в прошлом году были на демонстрации? После праздников я почувствовал себя неважно, а особенно сильно распухли ноги и ходить стало трудно. Меня положили на лечение. Теперь опухоль с ног сошла, но чувствую сильную слабость и упадок сил. Организм нуждается в поддержке жирами. Я раньше просил посылку, но так и не дождался.»

Потом было письмо из бухты Находка, из Нагаево. Мне их мама почему-то не показала.

В январе 1941 г. была телеграмма из Спорной:

«Телеграмма меня ободрила. Перенёс воспаление. Работаю. Опять делу дано направление в октябре. Андрей.»

Умер отец в лагере 1 сентября 1943 г. от сердечной недостаточности. Так гласит справка от 03.12.1958 г., полученная из Магадана, п/я АВ-261.

Постановлением Президиума Московского областного суда от 10 октября 1958 г. за № 21153 отменено постановление Тройки при УНКВД СССР по Московской области от 25 ноября 1937 г. в отношении Донюш Андрея Петровича, и дело о нём в силу ст. 204, п. «б» УПК РСФСР за недоказанностью обвинения производством прекращено.

В справке из Прокуратуры Московской области от 23 октября 2002 г. отмечено, что, в соответствии со ст. 1-1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» и определения Конституционного суда Российской Федерации от 18. 04. 2000 г. №103-О, Донюш Анатолий Андреевич, как оставшийся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован.

После ареста отца со стороны окружающих я стал чувствовать какое-то внимание. Некоторые, в основном взрослые, выражали сочувствие, надежду на лучшее. Однако, был и не один случай, когда в школе или на улице благовоспитанные мальчики показывали на меня пальчиком:

«А у него отец – враг народа!» Две-три девчонки поворачивали голову в мою сторону и о чём-то шептались.

Под впечатлением несчастных случаев в семье, особенно после осени 1937 г., у меня начало появляться ощущение, что меня хотят оскорбить, унижить – чувство изгоя. Это надо было пережить. Поэтому даже среди близких друзей по дому какой-либо укор или замечание воспринималось мной уже по-иному.

Когда мне стали предлагать дружбу ребята из «аула», из неблагополучных семей, я не отказывался. Они были старше меня на 3-5 лет, относились ко мне по-доброму.

Поначалу у меня сложились дружеские отношения с Лёней Пронцовым. Он, как старший, кое-чему меня поучал. Зная, что я рисую, просил что-нибудь нарисовать. Однажды предложил вместе пойти на этюды. Как это делается, мы

толком не знали, и у нас путного ничего не получилось. Осенью 1939 г. его призвали в армию. На прощание он послал за мной младшего брата и уговорил выпить на прощание полстакана водки. С Финской войны он не вернулся.

С подачи этих друзей я потянулся к куреву. В конце 1930-х годов, в районе, где теперь 19-й таксомоторный парк, находилась свалка мусора от табачных фабрик «Ява» и «Дукат». В мусоре были и пачки папирос, и отдельные папиросы разных сортов. Мы, чихая и кашляя, набирали в этой табачной куче папиросы и относили их в большой фанерный ящик, хранившийся на чердаке нашего дома.

Конечно, мы, кроме Ярослава, пристрастились курить. Иногда из своей «зачки» угощали взрослых, при условии сохранения тайны. В школе мы не курили. Когда запасы истощались, после школы и обеда мы покупали штучные папиросы в палатке у дяди Тимы: «Футбол», «Бокс», «Норд», «Красная звезда», «Пушки», «Дели», «Казбек», «Дерби» и даже знаменитая «Герцеговина флор». Палатка дяди Тимы была у самой автобусной остановки. Пытались дядю Тиму обмануть. Пальцами ртутью натирали герб трёхкопеечной монеты. Он становился серебряным вместо жёлтого, как у 20-и копеечной монеты. Дядя Тима разгадал наши проказы и пригрозил дать огласку в случае повторения.

Однажды после школы и обеда, выкурив в туалете папиросу, я из-за ненастной погоды пришёл домой. Мама почувствовала запах табака, ругала меня и пыталась наказать полотенцем. Я полотенце у неё отобрал, а маму, которая заплакала, мне стало очень жаль. На некоторое время я бросил курить, но совсем бросить не получилось.

Курил я с небольшими перерывами на время обострения болезни желудка аж до 1981 г. В декабре этого года бросил курить окончательно. Удивляюсь, как это многие, очень желающие бросить курить, не способны этого сделать.

Грянула очередная беда. После разлада с Игорем Сергеевичем брат Юра всё больше стал уединяться. В комнате выгородил шкафом себе угол. Угнетённый одиночеством, бездельем и своими неудачами, он решил побродяжничать по примеру А.М.Горького. Уехал и почти всё лето бродил по Молдавии, югу Украины. Возвратился худой, загорелый и как будто довольный.

Я слышал, как он даже пытался петь. Это был речитатив:

Я доволен белым светом,
Для меня он - тот же дом.
Эка важность, что при этом
Нет ни штор, ни окон в нём.

Спустя некоторое время он стал по ночам что-то читать, писать, чертить. Днём составлял смеси из селитры, серы, древесного угля и клеил из бумаги цилиндры маленьких ракет. В парке, в присутствии детворы, производил запуски своих ракет. Некоторые образцы, едва начав старт, взрывались. Некоторые, к нашему восторгу, поднимались на 10-15 метров. Его радовали малейшие успехи, и он тяжело переживал неудачи.

Однажды, возвратясь с купания на обед, я увидел Юру, лежащего на кровати в трансе. Рядом вместо зеркала висел фанерный подрамник, на котором красным карандашом было написано: «В оправдание народному поверью». Оказалось, что после очередного неудачного пуска он дома посмотрел в зеркало и в сердцах кулаком ударил по подрамнику. Зеркало рассыпалось. Это как у Есенина:

... Никого со мной нет.
Я один ...
И разбитое зеркало ...

Начиналась тяжёлая болезнь. Кульминация наступила в конце лета. Я ещё обитал в своём сарайчике. Придя домой к обеду, увидел беспорядок, поломанную на небольшие куски его металлическую кровать, кучу порванных тетрадей, книг. Мама рассказала, что у него был нервный срыв. Собирался жечь свои записи прямо в комнате. Вызвали «Скорую». Дядя уговорил его сжечь бумаги в парке. Когда прибыла «Скорая», трое здоровых мужчин еле усадили его в машину. Он оказался в областной психиатрической больнице им. Яковенко. Дважды я ездил с мамой навестить его. Он был уже спокойный, нас встречал радостно. Жаловался на окружающих «психов».

Пока мама беседовала с лечащим врачом, я сидел в садике на скамейке. Тяжело было видеть этих несчастных больных. Один сосредоточенно ловил мух на стволе дерева. Другой гонялся за муравьями. Кто-то вслух сочинял письмо Сталину, а кто-то – любовное послание. Ко мне подсел солидный дядя, представился учёным и начал читать «лекцию» о достоинствах человека, о нормах поведения, о чести и совести, о необходимости трудиться.

От больницы до станции нужно было пройти деревню. В домах на ступеньках крыльца, на террасах, на скамейках сидели, по виду было ясно, неизлечимые. Опекали их жители и, очевидно, получали пособия.

В начале войны, когда я был в эвакуации, мама забрала брата домой. Условия в больнице были очень тяжёлыми, особенно с питанием и обслуживанием.

В 1943 г. Юра переходил Рязанское шоссе и машина с генералом на большой скорости сбила его. Он был без документов, в солдатской шинели. Скорая отвезла в госпиталь, где мама после долгих поисков его нашла.

Черепно-мозговая травма, перелом основания черепа. Две недели лежал без чувств. Выздоровел. После выздоровления он обнаружил, что на лбу у него, кроме прочих, есть шов в виде православного креста. Заболел религией.

Когда окончательно оправился физически, начался религиозной литературы и решил попасть в Иерусалим. Уехал в Одессу и пытался тайком проникнуть на пароход. Итог – «психушка». Послевоенная Одесса. Разруха, голод, «Черные кошки» и прочее.

Я уезжал в Ленинград из очередного отпуска. Вдруг медсестра приводит еле идущего брата. Она привезла его из Одессы по договорённости с мамой. Это был живой скелет. Он сразу сел, поднял брючину и сказал:

- Вот до чего меня довела Одесса!

Нога в бедре у когда-то крепкого мужчины была толщиной с предплечье.

Я уехал. Мама писала, что приходила Казимира Онуфриевна, осмотрела его и сказала, что печени у него нет и жить ему осталось несколько часов. Слушая, дышит ли он, мама ночью увидела, как он встал, подошёл к буфету и нашёл там съестное. Через несколько недель брат снова обрёл человеческую форму. Летом оборудовал себе комнату в дровяном сарае. Приютил бездомную чёрную малорослую дворнягу. Дал ей кличку Жук. Они были неразлучны. Собачка всегда весело бежала рядом с Юрой и преданно смотрела на него. Выполняла некоторые его команды. Юра относился к ней и ласково, и строго. Что-то в их отношениях напоминало «Муму». Судьба: Жук попал под машину. Юра очень тяжело пережил трагедию.

После переезда в новую пятиэтажку (домик сносили), он поселился в отдельной комнатке. Когда мама болела, особенно в последние годы жизни, он бережно за ней ухаживал, ходил в магазины, готовил еду. После кончины мамы жил одиноко. Я часто навещал его, помогал с питанием, с оплатой коммунальных услуг, водил в организацию по оказанию социальной помощи инвалидам. А был он инвалидом 1 группы. Когда он болел, я навещал его в больнице и дома. Жил он чрезвычайно скромно. Умер в возрасте 77 лет. Похоронен рядом с мамой на Николо-

Архангельском кладбище. Квартиру его я подарил старшему внуку от младшей дочери.

Стойко мама переносила эти хлёткие удары судьбы. И до переезда в Кузьминки жизнь её была не из лёгких. После замужества в 1918 г. пришлось преодолеть много трудностей. С конца 1919 по начало 1923 года отец служил в Красной Армии. С двумя малолетними детьми, в недостроенном доме, будучи заведующей и учительницей деревенской школы, она должна была как-то управляться с домашним полунатуральным хозяйством. Отец не мог часто навещать семью, помогали бабушка и родственники. Не исключено, что на основные сельхозработы приходилось нанимать работников. Это с молодости подготовило её к ухабам жизненного пути.

И всё же, после ареста отца у неё был нервный срыв. Она стала какой-то отрешённой, молчаливой, безразличной. Однажды тётя и соседка привели её домой. Она выглядела побитой. Уложили её на кровать. Тётя долго ей что-то говорила. Тогда я понял, что едва не стал круглым сиротой.

Из-за материальных трудностей, и, возможно, чтобы как-то забыться, мама перешла на работу в две смены. Наскоро покормив меня, уходила в школу. В обед приносила охапку ученических тетрадей. Перекусив, иногда просто чайком, она уходила на вторую смену, а вечером возвращалась с новой охапкой тетрадей. Что-нибудь готовила на примусе, а зимой топила печь. Поужинав, она садилась и до поздней ночи проверяла тетради.

Я видел, как она переживает успех или провал каждого ученика. Когда встречались «перлы» - она их показывала мне.

- Ну, ты посмотри только, что она написала! Это же надо додуматься – «Пердупердительный диктант»!

Или однажды принесла рисунки на тему «Скелет человека». Что могли изобразить четвероклассники? У многих скелетов торчали уши, были брови, пупки и что-то ещё. Мы, конечно, смеялись.

- А вот это – хороший мальчик! Ты знаешь, как его зовут? Родители придумали ему имя Вилорик. Оказывается, это значит: Владимир Ильич Ленин Освободил Рабочих И Крестьян.

Поздно вечером, а иногда и за полночь, она заканчивала проверку тетрадей и писала планы работ на следующий день.

Снабжением в доме практически занимался я. По поручению мамы ходил в магазины, а за мясом ездил на Таганку.

Тогда там на площади был округлый одноэтажный торговый дом с магазинами от ювелирного и парфюмерного до рыбного, мясного и прочих. За мясом всегда была очередь. Сердобольные продавцы почему-то мне часто давали очень приличные куски. Обретал я и некоторые навыки кулинарии. Иногда мама посылала меня в столовую Гражданстроя за обедом на дом. Когда на раздаче была тётя Лида – мама Эдика Мурашко – мой бидончик вместо оплаченных двух порций до верха наполнялся хорошим супом, и нам хватало на несколько дней. Тётя Лида была добрейшей неунывающей женщиной, хотя им с семье было не очень сладко.

Были дни, когда мама не приходила на перерыв. Предоставленный сам себе, я отрезал краюху хлеба, намазывал маслом или лядром (топлёное внутреннее свиное сало), брал пригоршню рафинада или колотого сахара – были бы белки, жиры и углеводы – и на улицу. Возвращался к приходу мамы из школы.

Весной мама заболела двухсторонним крупозным воспалением лёгких, и её положили в больницу. Как я жил один и как питался – не помню. Родственники и соседи относились ко мне, как к сироте. Когда мама поправилась, она попросила принести ей зимнее пальто. Медленно вёл я её домой из больницы по лучевым аллеям Двенадцати просеков Кузьминского парка. Дома она как-то повеселела. Постепенно наладился уклад нашей предвоенной жизни.

Фото 12 Москва. Январь 1952 г. Кузьминская школа. Мама проводит урок.

Фото 13 1951 г. Это мама, Донюш Анна Константиновна.

Целиком посвятив себя учительской работе, мама достигла определённых успехов. Её неоднократно проверяли чиновники из Районного отдела народного образования (РОНО). Методику преподавания, успеваемость и дисциплину учеников оценивали высоко.

Занятия она проводила с одними детьми от первого до четвёртого класса. Эти группы называла «выводками». Когда набирали первоклашек, многие родители стремились определить своих детей в её группы.

За долголетнюю и плодотворную работу в 1949 г. мама была награждена Орденом Ленина. Кроме этого, она была удостоена медалей: «За оборону Москвы», «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны», «В память 800-летия Москвы», «30 лет победы в ВОВ 1941-1945 гг.» (как участница трудового фронта).

Скончалась мама 8 мая 1983 г. в возрасте 85 лет.

Некоторые жители Кузьминок приветствуют меня как сына Анны Константиновны, всегда тепло о ней вспоминают.

Накануне войны я повадился ходить в Сандуновские бани. Однажды с кем-то из взрослых попал в нулевой разряд. Очень понравилось, особенно бассейн и беломраморные скамейки, на которых возлежали обычно тучные фигуры, а банщики их ублажали. Широкоструйный двухсторонний душ. Огромная парная с валунами, которые знатоки поливали квасом или пивом для аромата пара. Ну, и конечно – бассейн. В него можно было нырнуть, если банщик не видел, или спуститься по ступеням на покатое дно и поплавать вволю. В раздевалке – белоснежные диваны с отдыхающими в простынях. Отдельные кабины с двумя диванами, большим зеркалом, столиком с пивом и лимонадом.

Билет стоил 3 рубля. Детям билет не продавали. Тогда приходилось стоять у входа и «канючить»:

- Дядь, купи мне билетик!

«Дяди» были разные. Одни проходили молча. Другие спрашивали, почему один без взрослых. Запомнился

симпатичный, лет сорока, хорошо одетый мужчина. Он взял меня за руку, за «свои» купил билет, а после бани угостил квасом.

Мы заканчивали 7-й класс нашей Кузьминской неполной средней школы. Накануне Нового, 1941 г., Антон Исидорович, как наш классный руководитель, приказал мне выпустить к празднику стенгазету. Она называлась «Пчела». В предновогодних хлопотах я затянул время выпуска. Антон Исидорович спросил:

- Когда будет стенгазета?

Я что-то промямлил.

- Иди к доске! Отвечай, что задано на урок!

Я что-то рассказал. Он поставил тройку. Обидно! Пришлось пару ночей посидеть над сочинением и оформлением газеты. Она получилась даже красивой. Показал её Антону Исидоровичу.

- Иди к доске!

Задал какой-то простенький вопрос и поставил пятёрку.

Перед окончанием школы мы сфотографировались всем классом на фоне выпущенных мной стенгазет.

В школе в то время учителя почему-то часто менялись, и некоторые не сохранились в памяти. В третьем и четвёртом классе нас учила Елизавета Алексеевна. Молодая интересная женщина была доброй и строгой. Она вышла замуж. Вне школы я несколько раз видел её с мужем улыбающейся, счастливой. Вскоре мужа арестовали, и она куда-то уехала.

В старших классах из предметников осталась в памяти Виктория Ивановна – преподаватель математики. Уроки она вела хорошо, доходчиво излагала вопросы программы, но внешне была какой-то неопрятной. Одежда её, руки и даже лицо были в пятнах мела.

Александра Яковлевна преподавала географию. Небольшого роста, темноволосая, подвижная. Тему урока излагала увлечённо, но на оценки была скупа. Жила она

около школы в бывшем дачном домике с двумя девочками: Ивой и Изой. Якобы она училась в Промакадемии и была посвящена в историю с Надеждой Аллилуевой. Что-то шёпотом рассказывала о ней маме.

Уроки химии вела полная флегматичная женщина. Материал излагала ровным монотонным голосом с белорусским акцентом. Ей дали кличку «Я говорю, я повторяю». Не привила она у нас интереса к химии.

Фото 14 16.03.1941 г. Кузьминская средняя школа №1, 7-ой класс «Б». Сидят: Харитонов Пётр, Наумов Виктор, Донюш Анатолий, Антон Исидорович Русак, Тумаши Нина, Никишина Надежда.

Чаще других менялись словесники. Сохранился образ М. Крупенина. Молодой, симпатичный, с копной волос на голове, с улыбкой и остротами. Ходил он в модном, но довольно потёртом сером в клетку костюме. Курил, извлекая

из пачки «Казбека» дешёвые папиросы. У него был роман с одной из учениц старшего класса.

Физкультуры, как таковой, у нас не было. От немецкого языка помнится только первая страница учебника с картинкой и текстом: «Anna und Marta baden».

Практически школа только формировалась, сохраняя традиции старой русской школы, но по основным дисциплинам мы получили прочные знания.

Школа закончена. Мы получили Свидетельства о неполном среднем образовании. Нужно было как-то повзрослому отметить это событие. Договорились втроём. Продали свои учебники и «сбросились». Купили бутылку, копчёную треску, перевязанную шпагатом, хлеба, пачку прибалтийских сигарет «Ориент». В одном из дровяных сараев устроили «мальчишник». Потом пошли купаться.

О том, что вот-вот может начаться война с Германией, поговаривали многие. Только СМИ и партийно-политическое руководство опровергали это. Было опубликовано «Опровержение ТАСС». А потом – сообщение о частичной мобилизации западных военных округов. Как-то не хотелось верить, что грянет война. Надеялись: авось, пронесёт. Ведь жизнь с каждым годом улучшалась, порядок укреплялся, хотя репрессивные потери тяжело переживались теми, кто от них пострадал. Крепка была уверенность в мощь нашей армии, несмотря на весьма скромные успехи в Финской кампании 1939-1940 гг. Ведь армия была в фаворе и у народа, и у вождей.

Запомнился символический эпизод. Середина месяца мая. Ненастная погода. Прошёл очередной снежный заряд. Вижу, как в разрыве облаков, отчаянно борясь с ветром, летит голубь. Вдруг, из-за облака на него бросается коршун.

Чтобы не бездельничали, отец Эдика Мурашко предложил войти подсобными рабочими в его бригаду. Он занимался строительством на аэродроме летних домиков для лётчиков-инструкторов. Домики располагались на окраине

«монастырского» леса. Это примерно в средней части нынешней улицы Юных Ленинцев, ближе к улице Скрябина.

В воскресенье, 22 июня, мы собрались обедать и слушали выступление В.М.Молотова. Началась война. Вдруг прибегает Эдик и говорит, что отец просил прийти на работу. Он ещё ничего не знал.

В бригаде, помнится, рабочие прогнозировали ход войны. Они допускали, что немцы, пользуясь внезапностью, смогут дойти только до Минского укрепрайона. Вскоре наша работа прекратилась, мы ежедневно слушали тревожные сводки Совинформбюро.

С 23 июля начались регулярные налёты немецкой авиации на Москву. Первые недели воздушную тревогу объявляли ровно в 23 часа. Пожилые люди, особенно старушки, заблаговременно шли в убежище. Мы же наблюдали за организацией противовоздушной обороны.

Отражение первых налётов было весьма слабым. Возьмут прожекторы немецкий самолёт в луч, ударят по нему пулемёты, а трассы пуль, не долетев до цели, загибаются и гаснут. Вскоре появились зенитные батареи, способные вести эффективный огонь. При резком прекращении стрельбы зениток был слышен звук, подобный усиленному шуму большого роя комаров. Из этого шума выделялось несколько близко летящих и шипящих осколков зенитных снарядов, которые шлёпались о землю. Были случаи ранения. В свободных местах стали рыть траншеи, строить примитивные убежища – землянки. Они спасали от осколков зенитных снарядов.

Ползли слухи о немецких диверсантах. Мы поочерёдно ночью дежурили во дворе дома. Однажды мы увидели, как вдоль дороги поспешно движется человек. Когда с аэродрома раздавался окрик: «Стой! Кто идёт?», человек прижимался к забору стройплощадки. Приближаясь к нам, при очередном окрике часового, он залёг в канаву. Я побежал к дежурному по Академии, а Ярослав, спрятавшись за опору электропередачи, остался за ним наблюдать. Со мной

прибыли два командира с пистолетами в руках, подняли мужчину из канавы и увели в Комендатуру. Последствия нам не сообщили, но мы были героями.

В связи с тем, что наш дом ИТР углом почти упирался в новое здание Академии и представлял пожарную опасность, жильцов расселили, а дом в августе снесли. Маме предоставили квартиру, расположенную на тыльной стороне здания школы. Прихожая, две изолированных комнаты, туалет. Но нам пришлось там жить только до весны.

Запомнился день 4 августа. С объявлением воздушной тревоги мама уговорила меня пойти в школьное убежище типа захудалой землянки.

Немецкие самолёты обрабатывали район Текстильщиков. Возможно, они знали о нашем аэродроме. Перед рассветом одна из бомб взорвалась недалеко от нас. В землянке посыпался песок, частично завалило один из входов. Началась паника. Кто-то из учителей начал причитать и, к моему удивлению, одна из учительниц молилась. Когда я выглянул из траншеи, увидел, что на бреющем полёте, шелестя пропеллерами, самолёт летит в направлении нефтебазы и сыплет зажигательные бомбы. Завхоз школы Иваньков сбросил с чердака школы две бомбы. Он там дежурил. Было видно, как кто-то побежал по полю в сторону нефтебазы. А из самолёта по нему выпустили пулемётную трассу.

Мы собрали несколько «зажигалок». Это были цвета алюминия цилиндры, размером немного больше винной бутылки. С «зажигалок» мы срубали стружки или кусочки и бросали их в костёр. Разогревшись, они вспыхивали белым ярким пламенем.

Иногда с самолётов сыпались листовки. На одной была фотография двух немецких офицеров, а между ними – человек в нашей форме и телефон. Текст был примерно такой: «Советские солдаты и офицеры! Следуйте примеру сына Сталина Якова! Сдавайтесь в плен! Эта листовка будет вашим пропуском.» В другой листовке говорилось, что

Сталин расстрелял пять лучших своих генералов и т.п. Фабриковались эти геббельсовские прокламации весьма грубо и глупо.

Приближался новый учебный год. Однокашник и друг Ярослав Зайцев поступил в 5-ю Московскую артиллерийскую спецшколу, где уже учился М.Локтионов. Со всем набором 1941 г. 16 октября он выехал в эвакуацию.

Я понимал, что мне дорога в спецшколу закрыта, поскольку был папин 1937-й год. Решил поступить в 8-й класс школы, которая и поныне стоит возле метро «Рязанский проспект». Не приняли. Школа оказалась ведомственной – железнодорожной. Сдал документы в Новокузьминскую школу № 1. Школа была расположена дальше от дома.

Другой мой друг, Эдик, не мог поступить в Спецшколу из-за низких оценок в свидетельстве за окончание 7 класса. Он и в 8-й класс почему-то не стал поступать.

По сводкам Совинформбюро и рассказам выбравшихся из окружения, обстановка на фронтах удручала. Всё тревожнее становилось и дома, и в школе. Всё труднее с питанием. В некоторых магазинах начали распродажу «излишков». Запомнилась очередь за вином, которое разливали в вёдра из бочки. Вдруг появился низко летящий «Юнкерс». Все увидели, как от него отделилась бомба. Казалось, что она упадёт рядом. Очередь залегла. Бомба взорвалась около пересечения нашей дороги с Рязанским шоссе.

В один из магазинов Гражданстроя привезли бочку вина, которая не вошла в дверь. Бочку оставили на улице и приставили сторожа-старика. Он долго терпел, но, не выдержав, открыл пробку. Перед рассветом он лежал возле бочки. Его увели, а охранять поставили милиционера. Я видел, как уводили и этого охранника.

В начале октября занятия в школе прекратились. По Рязанскому шоссе потянулись в область беженцы. После прекращения занятий преподавателей и технический персонал школы, в которой работала мама, направили на

сооружение оборонительных укреплений. Я опять остался один. Группу учителей привезли в район станции «Шарапова охота». Там они начали копать противотанковый ров. Вскоре прибежал какой-то провокатор и сообщил, что немцы уже в Серпухове. Паника. Было принято решение возвращаться домой, кто как может. Некоторые ушли пешком, некоторым повезло попасть на попутные машины, а другим, в том числе и маме, – на последний товарный поезд. Ехали не без приключений, но добрались благополучно. Завхоз школы Иваньков, отправившись пешком, возвратился через неделю.

Примерно в это время я стал дружить с Иваном Андриановым. Это был типичный рязанский парень, очень похожий на Есенина. В школе его так и звали. Дом Андриановых был приличней, чем у Пронцовых. От входа направо – хлев и курятник, а налево – две комнатухи, в первой из которых стоял запах хлева.

Иван любил оружие и охоту. Сначала он где-то купил одноствольное ружьё, которое заряжалось с конца ствола. Чтобы купить приличное ружьё, попросил меня сделать копию маслом с открытки картины «Почему мне так грустно», чтобы её продать. Не получилось. У меня не оказалось ни грунтованного холста, ни нужных красок, ни, очевидно, желания. Вскоре у него всё же появилась двустволка из дамасской стали, блеск от стволов которой был виден за несколько сот метров. Я с ним ходил на охоту. Ходили и на тягу по вальдшнепам в район, где ныне Госпиталь инвалидов войны № 2.

Охотник он был азартный. Гуляли мы однажды по берегу нижнего пруда. Вдруг с лёгким посвистом над нами пролетел чирок и сел на воду. Иван сразу оживился:

- Ты смотри за ним, а я сбегаю в Садоводство за дядей Васей. У него есть ружьё!

Вскоре быстрой походкой с Иваном пришёл дядя Вася. Чувствовалось, что он навеселе. Увидев чирка, он поднял ружьё и выстрелил. Чирок, раненый в крыло, сначала

нырнул, а потом всплыл и лёг как-то набок. Иван, по праву старшего, предложил:

- Давай, сплавай за ним!

Я поплыл. Было не глубоко, но идти по дну невозможно. В мягком, довольно толстом слое ила ноги увязали, а на дне, более плотном, было очень холодно. Подобрался я ближе к чирку, а он снова нырнул и всплыл на значительном расстоянии. Снова приблизился я к нему. В это время раздался выстрел, и в метре от меня легла полоса дроби. Я поднырнул, схватил чирка за ноги и понёс на берег. Чирок был ещё жив. Дядя Вася ударил его головой о приклад ружья:

- Во! Будет мне хороший закусь! - и пошёл в своё Садоводство.

Мне стало так жалко и чирка, и себя.

К середине октября резко похолодало. Пошли дожди, мокрый снег. Грязь, слякоть. В магазинах – огромные очереди. Кое-где появились слухи о мародёрстве. Грабили продуктовые базы, мясокомбинат им. Микояна. Участились налёты немецкой авиации. Воздушную тревогу объявляли несколько раз в сутки. Вскоре на домах появились листки об объявлении Москвы на осадном положении, о введении комендантского часа, о расправе с паникёрами и мародёрами. Если память не изменяет, в конце приказа было записано: «Руководить обороной Москвы приказано мне. Генерал Армии Г.Жуков».

Из всего фейерверка фактов помнится и такой. На Абельмановской заставе патруль остановил полуторку. При проверке в кузове обнаружили ящик с меховыми шапками. Красноармеец-патруль был в пилотке. Собралась толпа. Когда хозяина машины попросили выйти из кабины, под сидением нашли ящичек из-под мармелада, заполненный золотыми наручными часами. Чем закончился самосуд – я не видел.

После 16-го октября с одним из одноклассников, В.Невзгодо, мы решили пойти в школу, забрать свои

«Свидетельства» об окончании семилетки. В школе был только сторож. Он сказал, что всю ночь сжигал какие-то документы. Через окно мы забрались в кабинет директора. Там разыскали свои документы.

Ноябрь месяц. Рано наступившие морозы, тревожные сводки, доносившиеся до нас звуки артиллерийских залпов, постоянные налёты авиации, голод, трудности с топливом как-то угнетали. И вот, наконец, радостное сообщение о нашем наступлении и разгроме немцев. Мы ловили рассказы о мужестве и героизме защитников Москвы.

Военно-ветеринарная Академия эвакуировалась в г. Самарканд. На её территории остался взвод охраны из призывников самого старшего поколения. Периодически там проходили формирования воинских частей.

Поскольку нам, курильщикам, тяжело было без табака, приходилось менять у некурящих красноармейцев пайку белого хлеба, полученную по карточке, на махорку. Спичек тоже не было. Чтобы прикуривать «козью ножку», изобрели «катушку». В гильзу патрона помещали круглый фитиль с обгорелым концом. Рядом крепили кусок камня и напильником высекали искру. Попавшую на фитиль искру раздували и прикуривали.

Однажды вечером по дороге из Вешняков показалась движущаяся колонна. Был сильный мороз. Когда колонна приблизилась, я увидел, что это кавалеристы. Бойцы и лошади выглядели страшно уставшими, шли медленно. Чёрные заиндевевшие бурки на всадниках прикрывали и крупы лошадей. Это были выведенные на отдых после Московской битвы остатки кавкорпуса. Их разместили в общежитиях Академии. Для лошадей мест в конюшнях и укрытиях не хватило. Часть лошадей на привязях разместили в парке. Очевидно, поставка фуража задерживалась. В парке у нескольких десятков деревьев лошади основательно обгрызли кору стволов.

В конце января Иван уговорил меня поехать к его родственникам в рязанскую деревню под город Ряжск, чтобы обменять постельное бельё, полотенца, скатерти и прочее на продукты. Мама долго не соглашалась отпустить меня. Но, видимо, чувство голода одолело и её. Поездка была тяжелейшая и едва не закончилась для меня трагически.

В тамбурах пассажирских вагонов, на тормозных площадках товарных вагонов, в условиях сильных морозов, почему-то через Рязань и станцию Богоявленская мы добрались до Ряжска. По завьюженной просёлочной дороге пришли в деревню. Дядя Ивана, по-моему, не очень был рад встрече с гостями из Москвы.

В деревне я увидел страшную картину крестьянского бытия. В одной избе с большой русской печью находились телёнок, поросята, овцы, куры и вся семья. Возможно, их собрали морозы.

Нас накормили картошкой в мундире и деревенским хлебом. Спать предложили на печи. Вместе с нами легла двоюродная сестра Ивана. Не смотря на усталость и день, проведённый на морозе, уснуть я не мог. Началась страшная клоповая атака. Поздно ночью услышал я отрывки перешёптывания.

- Отец узнает – со двора сгонит.
- Не узнает, мы тихонько.
- А товарищ твой рядом?
- Он давно спит.

Уснул я под утро. Утром Иван похвастался своей победой.

Ходили мы пару раз в Ряжск на рынок менять «барахло» на продукты. Ходить в Ряжск на рынок и далеко, и холодно, но я ходил. На рынке тем же занимались эвакуированные. Когда у меня в рюкзаке появилось немного муки, перловки, кусочек сала и махорка, я решил возвращаться. В соседней деревне у Ивана оказались знакомые. Он загулял и ночами не появлялся.

Простившись с семейством дяди, я отправился в Рязжск. Попытки попасть на проходившие в сторону Москвы эшелоны не увенчались успехом. Шел товарный состав в сторону станции Богоявленской. Решил возвращаться тем же путём, что и приехали.

Товарный поезд на Рязань в Богоявленской появился только на вторые сутки. Пассажиров, таких, как я, набралось человек двадцать. Мы рассыпались по вагонам и доехали до Рязани. Там, после многочасового ожидания, узнал о составе, идущем в сторону Москвы. Забрался в крытый вагон с углём. На одной из станций – милицейская облава на мешочников. Как ни прятался – нашли и забрали в отделение. Там многие откупились. Я показал справку, что проживаю в Кузьминках, и метрику, по которой мне 14 лет. Отпустили. Доехал до станции Голутвин (Коломна). Мне показали пассажирский поезд, который, якобы, шёл в сторону Москвы. В вагоне пассажиры на сидении подвинулись и даже предложили место. Сосед сказал, что поезд пойдёт минут через 20 и можно успеть купить билет. Я уже был обессилен, голодая несколько суток.

- Сбегай, мальчик, на станцию и купи билет, а то высадят. Это близко. А мешочек можешь оставить, я присмотрю.

Побежал. Билетов в кассе нет. Возвращаюсь – а состава тоже нет. Сел в углу зала ожидания на пол. Отчаяние. Пустота. Но ехать домой надо.

Очередной товарный состав в сторону Москвы. На тормозных площадках – охранники. Поезд тронулся, и я побежал за ним. С одной тормозной площадки мужчина поманил меня рукой.

- Давай, мальчик, прыгай!

Когда же я схватился за скобу и встал на ступеньку, этот «доброхот» сапогом толкнул меня в грудь, и я свалился в сугроб.

Вернулся на станцию. Мысли путались. Бессонная, холодная и голодная неделя. Потеря всего, ради чего

мучился. В отчаянии я вышел к путям с тяжёлым намерением. Посмотрел на колёса маневрового паровоза. Вдруг вспомнил бедную маму. Каково ей будет, когда сообщат о потере последнего? Мне стало её очень жалко.

Ночью как-то забрался в вагон товарного поезда и доехал до Раменского. Купил билет и первым пригородным поездом направился к дому, в Вешняки. Сил нет бороться со сном. Проснулся – Казанский вокзал. Еду обратно до Вешняков. В полузабытьи при каждой остановке отмечаю станции. Вот Плющево, значит, следующая – моя. Глянул в окно, а это Вешняки. Едва успел выскочить из вагона.

Утром пришёл домой. Мама чем могла – покормила. Никаких упреков. Нагрела воды. Сняла с меня бельё – и прямо в печку. Помыла меня.

- А Иван уже три дня, как дома.

Мои отношения с ним прекратились. Осенью его призвали в армию. Погиб в Сталинграде.

Голод и безделье угнетали. После небольшого отдыха стал искать работу. Предложили идти в Выхинское отделение совхоза «Поля орошения».

Ранним морозным мартовским утром приходил я на конюшню, запрягал лошадь и на санях с бочкой ехал к небольшому пруду. Через прорубь ведром с длинным шестом наполнял бочку водой, привозил на конюшню и поил лошадей. Кормов для лошадей было очень мало. Некоторые еле передвигались. Был и падёж.

С потеплением меня перевели на парники. Нужно было тяжёлым ломом колоть смёрзшуюся землю для парников. Норму выполнить я не мог. Когда началась посевная – меня назначили заправщиком тракторов. На телеге размещались бочки. В них где-то в Жулебино заливали тракторный керосин, и я его развозил по «точкам».

В это время мы перебрались из школьной квартиры в дачный домик, который стоял на углу нынешних улиц Академика Скрябина и Юных ленинцев. У мамы зимой появились тяжёлые приступы ревматизма. Когда топили печь,

становилось очень влажно, и по крашеным панелям текли ручейки конденсата. Школа была построена из силикатного кирпича, а квартира пристроена на плохо изолированном фундаменте. Директор школы по жалобе мамы разрешил переехать в освободившийся домик. Нам предоставили две маленьких комнаты. В доме была небольшая веранда.

Фото 15 Москва. Кузьминки. Домик, в одной из квартир которой с 1942 по 1958 г. Проживала мама. За домиком - Новокузьминская школа №1.

Во время работы я был свидетелем трагического случая. Ехал со своей повозкой по Рязанскому шоссе. Кляча моя лениво передвигала ноги. Вдруг, перед моей лошастью перебежал мальчик и угодил под колёса машины. Шофёр резко затормозил, и машина свалилась в кювет. Буквально через минуту в сторону Люберец шла «Скорая помощь». Мальчика подобрали и увезли. В памяти запечатлелось, как он кувыркался под автомобилем.

Представив, что меня ждёт в будущем, решил обязательно продолжить учёбу. Жить на мамины учительские «кошты» в то время, да и в дальнейшем, было бы очень тяжело. Учиться и подрабатывать? Но где и как? А мне только 15 лет.

Фото 16 Мама в своём палисаднике.

Я знал, что в спецшколах преподают те же предметы, что и в обычной школе, а после окончания выдают такой же документ об окончании среднего образования. Но в спецшколах выдают во время учёбы обмундирование и обеспечивают питанием. Стать военным – это была мечта большинства мальчишек того времени.

Конечно, я мечтал о морской спецшколе, но мне сказали, что она в Москве одна и там большой конкурс. А примут ли меня? Ведь папа – «враг народа». Вспомнил реплику Сталина при выступлении одного из делегатов Съезда колхозников-ударников. Он начал своё выступление так: «Я сын кулака.» В зале прошёл шумок. Тогда Сталин сказал: «Сын за отца не отвечает». Наивно.

После письма Ярослава из Ишима, куда была эвакуирована Спецшкола, решил: нужно рискнуть.

Подал заявление в контору совхоза с просьбой рассчитать. Управляющая отделением накричала на меня, обозвала дезертиром трудового фронта. Я сказал, что поступаю в военную школу, и она не имеет права меня задерживать.

Уговорил Э.Мурашко поступать вместе. Он бездельничал на иждивении матери. Если у меня были «морально-политические» проблемы, то у него были проблемы с оценками в Свидетельстве по двум предметам. Выделялось длинное слово – «посредственно». С таким словом в Свидетельстве в Спецшколы не принимали.

Теперь можно признаться в том грехе. Я предложил ему исправить допущенную в Свидетельстве «ошибку». Обсудили способы. Он принёс кусочек хлорной извести, коей было великое множество в общественных туалетах и на помойках. Мы развели её в блюдечке водой. Произвели опробование. Тончайшим чертёжным пером я, аккуратно макая перо, обвёл буквы этих «длинных слов». Буквы бесследно исчезли. Подошла тётя Лида, мама Эдика, охнула, хлопнула в ладоши и отошла в сторону. После высыхания ногтями загладили мелкие шероховатости бумаги. Я, старательно копируя почерк, коим было заполнено свидетельство, подобранным по цвету чернилами вывел не вполне заслуженные оценки «хорошо». Мы отыскали приёмную комиссию Пятой Московской артиллерийской спецшколы. Подали заявления и Свидетельства, прошли медкомиссию. Собеседования, как такового, не было. Война,

1942 г.! Нас как-то поспешно приняли. Сообщили время и место сбора для отъезда в эвакуацию.

Наши мамы снабдили нас в дорогу, чем могли, и проводили.

Кончилось детство.

И Ш И М (отрочество)

«... здесь формировались характеры моих товарищей, которые потом сказались на их дальнейшей жизни и судьбе.»

(С.В.Наркевич, «Воспоминания»)

Военизированные средние школы в России появились еще в 1731 г. Это был «... корпус кадет из 200 шляхетских детей». Со временем количество их увеличивалось, и они учреждались во многих крупных городах.

До Октябрьской революции 1917 г. по социальному составу около 90% кадет происходили из дворян, около 5% – из казаков и остальные – из других сословий.

Порядок и быт в этих корпусах описал в автобиографической повести «На переломе (Кадеты)» А.И.Куприн.

В первое время после революции специальной военной подготовки в школах не предусматривалось. В СССР Совет Народных Комиссаров в 1937 г. принял решение о создании в некоторых школах военно-подготовительных артиллерийских классов.

В 1938 г. СНК СССР утвердил «Положение о специальных школах Народных Комиссариатов Просвещения РСФСР и УССР». В «Положении» подчеркивалась необходимость политической проверки при наборе учащихся. Поэтому во время приема, на собеседовании, основными вопросами были: «Кто Ваши родители? Чем они занимались до 1917 г. ?».

В Москве артиллерийских спецшкол было пять. Были они в Ленинграде, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону и Одессе. Позже были созданы Военно-морские и Военно-

воздушные спецшколы. Выпускники спецшкол направлялись в Училища Народного Комиссариата Оборона.

В довоенное время при поступлении в спецшколу конкурс доходил до 3-4-х человек на место. Учились в этих школах и сынки высокопоставленных родителей, но в артиллерийские училища они, как правило, не шли. Даже в нашем наборе (1942 г.) был взвод, который называли «Наркомовский».

5-я специальная артиллерийская школа г. Москвы находилась у Абельмановской заставы. Ее трехэтажное здание и поныне существует, но переоборудовано под ведомственное лечебное учреждение.

Лето 1942 г. На фронтах войны обстановка снова обострилась. Немцы рвутся к кавказским нефтяным районам, на Волгу, в Сталинград.

В назначенное время нас, зачисленных на учёбу, собрали на Казанском вокзале, построили, проверили по спискам. Потом разместили в плацкартном вагоне. Поезд тронулся. Мы, кузьминские, долго смотрели в окно вагона, проезжая знакомые пригородные станции: Плющево, Вешняки, Косино, Ухтомское, Люберцы ...

Медленно тащится наш пассажирский поезд на восток. Нас обгоняют санитарные поезда, поезда со спецгрузами. Навстречу идут к фронту многочисленные воинские эшелоны. Иногда подолгу стояли на разъездах. На станциях много беженцев. Среди них встречаются дистрофики, вырвавшиеся из блокадного Ленинграда.

Наконец – город Ишим. Типичный провинциальный захолустный сибирский городок с преимущественно одноэтажными деревянными домами. Сопровождающий командир Обдуревский нас построил и привел в бревенчатый дом – нашу казарму. В большой комнате бывшего музея плотными рядами стояли двухъярусные койки. Мы с Эдуардом Мурашко заняли «двушку» в дальнем углу. Кроме коек, в комнате была печь. Здесь началось наше знакомство с «казами» воинской службы и воинского товарищества. Мы

были обозначены 3-ей батареей (8-й класс). Потом нас познакомили с учебным корпусом. Это был большой бревенчатый дом бывшей земской школы.

До начала учебного года мы не только занимались строевой подготовкой, изучали уставы и винтовку. Нас привлекали к общественным и хозяйственным работам. Помогали выгружать раненых из санитарных поездов, работали на лесозаготовках и в соседних колхозах.

Однажды нашу Третью батарею – так называли восьмые классы – направили на уборку картофеля. Собрали бурты у дороги, а транспорт не прибыл. Всех отправили в город, а меня и Э.Мурашко командир оставил сторожить урожай. Сибирская степь и лесополосы. Невдалеке – стога соломы. Мы натаскали соломы, разожгли костер и поужинали печеной картошкой. Быстро темнеет и холодает. Солома сгорает факелом. Одолевают сон и холод. В лесополосах завывают волки, ухают совы. Решили дежурить у костра поочередно. Натаскали еще соломы, и Эдуард устроился поспать. За полночь он проснулся и начал стонать: сводило мышцы ног. Сбегали в кромешную тьму и принесли еще соломы. Я спать не смог – тоже начались судороги.

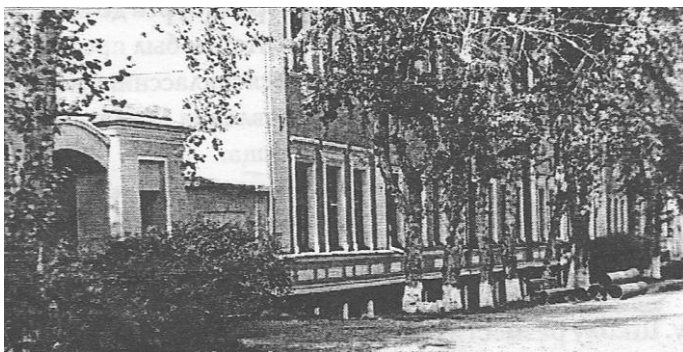
Утром прибыл взвод и телега с Чалым. Мы отправились отдыхать.

Перед началом учебного года нас переодели в «спецовскую» форму. По качеству она отличалась от той, которую выдавали предшествующим наборам.

Нам выдали потертые шинели, шлемы-буденовки, кители цвета хаки, темно-синие брюки с красным кантом, брезентовые ботинки, а позже – валенки, узкие поясные ремни без форменных латунных блях. На черных прямоугольных петлицах была эмблема: скрещенные стволы орудий, цифра 5 и буквы «СШ». Летом гардероб дополняли гимнастерка и пилотка. Командиры отделений, помощники командиров взводов и старшины батарей в петлицах носили красные треугольники, соответственно два, три и четыре, как у младших командиров Красной Армии.

1

2

3

Фото 17 Ишим. 1941-1944 гг. Учебные корпуса (1, 2) и казарма (3) 5-ой Московской специальной артиллерийской школы.

Занятия проводились по всем школьным дисциплинам, с увеличением времени на физическую и военную подготовку. Конечно, основную роль в обучении и воспитании играли преподаватели. Школа была укомплектована прекрасными педагогами, имевшими высшее образование. Они, в том числе женщины, носили военную форму одежды, но без знаков различия, и назначались командирами взводов (классов). В помощь им из числа лучших учащихся выделялись помощники командиров взводов и командиры отделений.

По прошествии более 65 лет о многих из них с особой теплотой вспоминаю. С каким тактом и терпением эти педагоги-воспитатели направляли нас на овладение учебным материалом. Каждый из них был со своими человеческими особенностями, но в главном призвании абсолютное большинство были большими мастерами, отлично знали свой предмет, были прекрасными методистами.

После годичного пропуска в учебе мне поначалу было трудно втянуться в учебный процесс. И я был не один такой. Убеждён, что наше положение понимали почти все преподаватели и оказывали померную помощь в условиях военного быта.

Преподаватель русского языка и литературы Екатерина Тимофеевна Костенко. Она чем-то походила на мою маму. Так же переживала наши успехи и падения. Не жалея времени, занималась дополнительно. Чистым звонким голосом без лишних слов излагала она учебный материал, иллюстрируя тему тем, что не было в учебниках. По всем возникающим вопросам давала исчерпывающие разъяснения. Вместе с тем, она была очень требовательна к выполнению домашних заданий, к нашим письменным работам.

Учился в нашем взводе парень из местных сибиряков – Ф.Фотнев. Спрашивает его Екатерина Тимофеевна рассказать образ Обломова. Получалось у него весьма слабо, и это было видно по её лицу. Но, когда он произнес фразу: «Обломов

любил пошамать», Екатерина Тимофеевна едва не лишилась дара речи.

По возвращении школы в Москву она за многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность была награждена Орденом Ленина.

Оригинальным был преподаватель физики Виктор Александрович Шириков – наш командир взвода. Небольшого роста, щедушный, одев впервые военную форму, он старался изобразить строевика. В класс входил стремительно и требовал, чтобы дежурный делал ему шаг навстречу, а после рапорта – шаг в сторону. Он здоровался и почти бежал к кафедре. Мы мелом на полу чертили линию, где он точно останавливался для принятия рапорта дежурного. Была в нем какая-то странноватая педантичность. Урок он вел, очень рационально используя доску, речь его была ровная и точная, как будто отрепетированная. Предмет свой он знал отлично и был скуп на хорошие оценки.

Как-то в столовой ему в тарелку спикировала муха, а их было великое множество. Он её вытащил, уложил на край тарелки и продолжал кушать. На недоуменные вопросы и предложение заменить тарелку, он отвечал:

- Я закаляюсь!

При любых наших сетованиях на трудности он неизменно отвечал:

- А как же на фронте?

Однажды пригласил меня к себе домой. Жил он бобылем в однокомнатной квартире с чуланом. Угостил чаем, отругал за курение. Задушевного разговора не получилось.

Скромный талантливый провинциальный учитель химии Михаил Михайлович Орестов не уступал лучшим столичным преподавателям и был нашим любимцем. Говорили, что он знал Менделеева, работал с Бутлеровым. Добрейший человек, прекрасно знал свой предмет и сумел всех, кто раньше недолго любил химию, увлечь этой наукой. В молодости он служил на кораблях русского флота

гальванером, участвовал в русско-японской войне, а в Первую мировую войну был на Балтийском флоте.

Между собой мы его звали просто «Михалыч». Одновременно он преподавал в техникуме, где большинство учащихся составляли девушки. Для разрядки, улыбаясь добрыми глазами, Михалыч делился с нами впечатлениями о студентках.

- Где вы думаете у них шпаргалки во время экзаменов? Химическим карандашом пишут на бедрах. Поднимет юбочку и списывает. Мне же неудобно заглядывать и делать замечание.

Или:

- Пишу на доске H_2O и спрашиваю, что это.

Молчит.

- Ну, чем ты умываешься?

Она:

- Это мыло, что ли?

После возвращения в Москву химию преподавал учитель из Военно-морской спецшколы К.П.Синявский. Его мы звали «Военно-морской воробей». Михалыч остался в Ишиме.

Математические дисциплины вел М.М.Фокин. На фронте он был тяжело ранен, потерял глаз. Занятия проводил эмоционально, энергично передвигаясь перед классной доской и по всему классу. Подбегая к доске, чтобы записать число, формулу или график, поставить точку, он, очевидно, из-за отсутствия глаза, мелом так ударял, что тот рассыпался. Используя различную интонацию, он как-то особо излагал математические определения. Предмет свой знал блестяще. Был требовательным, а иногда даже грубоватым по отношению к нерадивым ученикам. Мы его искренне уважали и даже побаивались.

Раевская Александра Нарциссовна преподавала географию. Интересная, стройная, умная, внимательная женщина. Отличалась каким-то благородством. Её всегда интересовало, почему ученик расстроен, грустен, рассеян.

Сама всегда ходила в гимнастерке, подпоясанной армейским ремнем. Поговаривали, что она ещё до революции окончила Смольный институт. Природу того или иного региона она характеризовала сочными эпитетами. С гордостью рассказывала нам о достижениях нашего народа в области экономики и строительства новой жизни.

Естествознание нам преподавал Н.В.Былинский. он тоже впервые надел военную форму и старался походить на строевого командира. Эта дисциплина нас мало интересовала, а учебник назывался «Основы дарвинизма». У нас же укоренилось название «Основы «долбинизма». Однажды, встречая преподавателя, дежурный доложил:

- На уроке по Основам долбинизма ...

Былинский крикнул:

- Отставить! Повторить доклад!

Дежурный начал доклад теми же словами. Возмущенный преподаватель выгнал его из класса.

Немецкому языку нас учили А.С.Синицына и З.Ф.Кравченко. Синицына – миловидная худенькая женщина – была очень строгой, требовательной. Задавала на самоподготовку по сто новых слов. Незнание пяти из них оценивалось в лучшем случае «тройкой». Кравченко была менее требовательной, но тоже не либеральничала. На одном из уроков она потребовала выучить стихотворение Г.Гейне «Ткачи». Я, заступая в карауле на пост, вместе с винтовкой прихватил учебник немецкого языка и за время пребывания на посту вызубрил это стихотворение. Почему-то помню до сих пор. В подстрочном переводе оно звучало примерно так:

В печальных глазах нет слёз.

Мы сидим за ткацкими станками
и скалим зубы.

«Германия! Мы ткём твой саван.

Мы ткём троекратное проклятие!

Проклятие Богу, которому молимся

В зимний холод и собачий голод. и т.д.

К сожалению, она меня не спросила.

Изучал я немецкий язык и в училище по сложным техническим текстам. Однако, отсутствие практики привело к утрате знаний.

С черчением нам не повезло. Преподавал эту дисциплину К.В.Гаврик. Лицом он был похож на В.И.Ленина и старался эту схожесть подчеркнуть, подстригая усы, бороду и остатки волос на голове. Пытался даже немного картавить. На занятия приходил с эюрным ящиком, но материал урока излагал как-то небрежно. Потом выяснилось, что он увлекается «зелёным змием», и его отчислили из школы.

По инициативе преподавателей в школе была организована работа различных кружков: литературного, математического, исторического, химического. Это благотворно влияло на развитие интереса к какому-либо учебному предмету, на углубление знаний, но не в ущерб остальным дисциплинам.

Работала в школе изостудия. Из учащихся был организован оркестр. Руководил им пожилой капельмейстер с крупным носом и глазами слегка навывкате. Звали мы его «Капельдудкин». Были и уроки танцев. Руководил уроками профессиональный танцмейстер. В такт музыке он командовал:

- Фокстрот! Фокстрот! Лисий шаг! Лисий шаг! Глиссандо! Глиссандо! - и т.п. У меня получалось плохо. Поэтому я так и не увлёкся этим искусством.

На вечера танцев приглашались местные девушки. Преподаватели немецкого языка требовали, чтобы в порядке «пароля» на входе они говорили несколько фраз на немецком языке.

В один из вечеров танцев я проходил по коридору и увидел у окна школьную уборщицу – молодую женщину. Она плакала. Я спросил:

- Почему плачешь? Кто-то обидел?

Она ответила:

- Музыка!

Потом призналась, что она пианистка из Прибалтики. Сюда её занесла война. Вынуждена работать уборщицей и чувствует, что утрачивает профессиональные навыки.

Впоследствии, когда после окончания музыкальной школы моей дочери предложили обучение в муз. училище, я ей рассказал об этом эпизоде. И ещё добавил, как один знакомый офицер, жена которого решила стать известной пианисткой, поведал, что она с утра до позднего вечера сидит за инструментом, оставляя мужа полуголодным. Он твердо решил расторгнуть брак. Дочь моя от музыкальной карьеры отказалась.

Директор школы, Наумов Илья Ефимович, – импозантный, седовласый, немного замкнутый, всеми уважаемый человек. Чувствовалось, что он был крупным руководителем – командовал дивизией. Во время начала войны у него в Смоленске при бомбёжке погибла вся семья.

Приняв школу в октябре 1941 года, он организовал её эвакуацию, размещение на новом месте, укомплектование педагогического состава. Ведь необходимо было в условиях начала войны обеспечить подвоз и хранение продовольствия, организовать питание, наладить учебный процесс. Сам он при некомплекте преподавателей проводил занятия по истории, которую отлично знал и любил. И, главное, несмотря на тяжелейшие бытовые условия, создал в школе атмосферу борьбы за знания. Так, из выпускников 1943 года в первом взводе (30 человек) было 14 круглых отличников, а во втором – 11.

Холодным ноябрьским утром нас построили по тревоге и зачитали сообщение Совинформбюро о наступлении наших войск и окружении под Сталинградом армии Паулюса. У многих, в том числе и у Ильи Ефимовича, сверкнули слёзы. Стояли молча. Он говорить не мог. Говорил завуч П.С.Лейбенгруб.

Когда наша учёба и жизнь в основном были налажены, Илья Ефимович в конце 1942 года убыл в Москву на

должность Начальника департамента спецшкол Наркомпроса РСФСР.

Директором был назначен Иван Сергеевич Зотов. Он не был руководителем такого масштаба, но укрепил в школе порядок и дисциплину, борьбу за знания и добился значительного улучшения наших бытовых условий.

Так, поздней осенью 1942 года школа получила под казарму кирпичное двухэтажное здание в центре города. Весной 1943 года, возможно, за наши труды, нам предоставили, пожалуй, самое большое здание почти на берегу реки. До революции это была бурса, во время гражданской войны в нём размещался штаб армии адмирала Колчака. Перед нами в здании был госпиталь. Это обеспечило размещение в одном здании и казармы, и учебных классов. Во дворе находились: санчасть, столовая, домик с квартирами преподавателей, хозяйственные постройки.

Военный руководитель школы – капитан Корзун Николай Петрович, он же командир дивизиона. В школу прибыл после госпиталя, прихрамывал. Говорил, что он «сбитый» летчик, переведенный в артиллерию. Отличался безукоризненным внешним видом, высокой выправкой. Несмотря на ранение, на многих снарядах выполнял сложные упражнения. Преподавал артиллерию и был всеобщим любимцем. Его высокая требовательность не влияла на отношение к нему с большим уважением. Если он произносил какое-либо слово с белорусским акцентом, это никогда не вызывало иронии.

С его приходом боевая подготовка была поднята на более высокий уровень, несмотря на то, что учебно-материальная база не всегда обеспечивала потребности учебы. Поэтому Н.П.Корзун во время летних лагерных сборов полностью загружал нас занятиями по изучению стрелкового оружия, основ организации стрельбы из полевой пушки, по подготовке данных для стрельбы. Регулярно проводились занятия по строевой, физической и стрелковой

подготовке, по изучению Уставов и Наставлений. Он серьезно готовил и проводил учения.

Летний лагерь располагался вблизи реки Ишим. Жили мы в палатках по 6 человек. Вдоль ряда палаток была предусмотрена «линейка» для построений и передвижений строем.

Однажды по тревоге нас подняли ночью, раздали холостые патроны и повели «пленить» какую-то «банду». Шли форсированным маршем. По дороге встретили водную преграду и преодолели ее, погружаясь по грудь в холодную воду. Вошли в густой лес. Шли молча, напряженно. Когда на рассвете подошли к большой поляне, с противоположной стороны раздались выстрелы. Мы в атаку:

- Ура-а-а!

Прозвучала труба «отбой». Собрались на разбор учения. Ждем похвалы за лихую атаку. Капитан Корзун серьезно посмотрел на нас и сказал, что в реальных условиях нас перестреляли бы, как куропаток. Ведь мы были без понятия, как пользоваться рельефом местности – бугорками, ямками, одиночными деревьями, пнями. Хороший был урок. Благо, что обстрелял нас заранее тайно высланный взвод.

Когда возвратились в Москву, капитан Н.П.Корзун в наградном отделе получил несколько заслуженных им в начале войны боевых наград, а потом звание «майор».

Когда потребовалось определить место для лагерного сбора 1944 г., я с ним ездил в Кузьминки. Район за Большим прудом, где раньше тренировалась к парадом техника, а в начале войны формировались воинские части, ему понравился. Однако, то ли близость города, то ли близость химволигона, то ли неувязки с администрацией привели к отклонению этого варианта.

Позже остановились на районе в семи километрах от станции Апрелевка Киевской железной дороги. Там в лагере и провели остаток лета после реэвакуации.

Заместитель директора школы по политподготовке капитан Журавский Михаил Борисович также прибыл к нам

из госпиталя после лечения ранения, полученного под Сталинградом. Первоначально он ходил с палочкой вроде костыля. Энергичный, стройный подтянутый офицер с умным, каким-то пронизательным взглядом. Внимательно относился он к просьбам учеников, был заботлив. С его приходом оживились художественная самодеятельность, работа многих кружков, обновилась наглядная агитация.

Когда у Володи Лукина, сына Наркома легкой промышленности, из посылки исчезли хромовые сапожки, Журавский приказал построить взвод. Он прошел вдоль строя и гипнотическим взглядом смотрел в глаза каждому. Потом сказал:

- Ну, что? Кто взял сапоги, я знаю. Пусть сам зайдет ко мне в кабинет.

Логинова судили. Возможно, он не был вороватым, но от постоянного голода и холода не выдержали «душевные тормоза». Через несколько месяцев его выпустили из СИЗО по причине молодости и дистрофии. По прибытии в школу в покаянных беседах он рассказывал, что, когда вышел из ворот тюрьмы, от истощения и свежего воздуха упал в обморок. Потом, шатаясь, добрал до школы. Его подкормили, как могли, а когда поправился – отчислили.

Определенную роль сыграл Журавский и в моей судьбе. В конце июля 1943 г. мне приказали вести взвод из лагеря в город для несения караульной службы и выполнения хозяйственных работ. По прибытии доложил Журавскому. Он сказал, что нужно двум учащимся ехать на станцию Ялаторовская, где была спецшкола ВВС. Там учился мой однокашник по Кузьминкам Володя Невзгодо и, как я узнал позже, будущий космонавт В.М.Комаров.

Задание: получить известие для побелки и привезти в школу. Во время беготни по оформлению проездных и командировочных документов мне встретилась врач школы. Она перечислила ряд фамилий учеников и спросила, где они находятся. Некоторые были в отпуске, а некоторые болели. Она спросила и мою фамилию.

Фото 18 Ишим. 1943 г.

Фото 19 Москва. 1944 г.

Через полчаса рассыльный передает мне приказание Журавского собрать и построить в его кабинете шесть человек по названным фамилиям. Собрал. Построил и доложил. Он внимательно осмотрел всех, четверых отпустил, а мне и Свирскому приказал:

- Немедленно на реку, хорошо вымойтесь. Получите всё новое обмундирование, документы, деньги, по две буханки хлеба и чтобы утром вас здесь не было! Поедете в Артек.

Знаменитый пионерский лагерь Артек в то время был эвакуирован от Крымской горы Аю-Даг на сибирский курорт «Белокуриха», что на Алтае. При курорте был интернат для детей из западных областей, которые накануне войны отдыхали в Крыму, а вернуться домой уже не могли.

Утром доложил о готовности ехать. Прибыли на вокзал, забрались в первый попавшийся пудмановский вагон «500-весёлого» эшелона, следовавшего в Новосибирск. В вагоне на соломе сидели женщины, по виду из приуральских

автономных республик, ехавшие к мужьям в госпитали Омска, Новосибирска и уголовники, направленные на формирование штрафных батальонов. Среди уголовников был их «пахан». Внешность, поведение и жаргон у него были особенные, какого-то цыганского типа. Темные глаза, нос с горбинкой, черные с закрутками усы. Клетчатый пиджак, рубашка с плотным длинным рядом черных шарообразных пуговиц, черные брюки и хромовые сапоги.

Можно представить, что творилось на станциях. Добычу приносили пахану даже из соседних вагонов. Он её сортировал, что-то оставлял себе. Занюхав очередную дозу кокаина, он исчез из вагона на какой-то станции перед Омском.

Жульё не гнушалось даже ночью ограбить двух женщин из нашего вагона. Утром женщины плакали и причитали на непонятном языке. К нам «урки» не подходили.

Ехали долго. В Новосибирске, получив справку о прохождении санпропускника, приобрели билеты до Бийска. Перед поездкой решили в сквере перекусить. Достали хлеб. Подошел к нам мужчина и слезно стал просить крошки. Говорил, что он «заел» карточку до конца месяца. Мы знали, что такое голод. Немного поделились.

Из Бийска на пароме переехали речку Катунь, потом на телегах, в кузовах попутных автомобилей добрались до «Белокурихи». Санобработка и, наконец, ужин. Он был поглощен моментально. Наблюдавшие за нами интернатские ребята, очевидно, не испытывавшие чувства голода, предложили нам «добавку» и подняли руки. Им принесли. Наш стол оказался уставленным порциями лобби. Я их употребил четыре или пять. Последствия – неважные ...

Постепенно стали подъезжать по два человека из других спецшкол, эвакуированных в города Сибирского региона. Собралось 14 или 16 человек учеников. Расположились в светлых просторных комнатах двухэтажного деревянного дома и, конечно, на одноярусных койках. Меня назначили старшим группы.

Режим свободный. Природа дивная. Спортивные площадки, солярий, клуб, большая библиотека. Питание отличное. Несколько досаждали медицинские осмотры. С другом из Анджеро-Судженска часто поднимались в горы. Брали бумагу, карандаши и делали зарисовки окрестностей горы Церковка.

Один парень из нашей группы, особенно худой, сходил в село Алтайское и на рынке купил бутылку дешевого горного меда. По дороге обратно и придя в лагерь, не удержался и ополовинил бутылку. Поднялась высокая температура, он «позеленел», его рвало и т. п. В санчасти откачали. Мне, как старшему, пришлось пережить неприятные часы.

Директор курорта приказал построить группу. Он обратился с просьбой помочь в уборке урожая, считая эту работу нашим участием во Всесоюзном субботнике помощи освобожденному Донбассу. Собирали спелые помидоры на огромном поле подсобного хозяйства. Рабочие здесь же, в поле, варили в чанах томатную пасту. Наши уже отдохнувшие и утолившие голод мальчишки, конечно, начали шалить, бросаться переспевшими помидорами. Пришлось некоторым напомнить, кто они, где они и что о нас будут думать.

Отдых заканчивался. Приближалась осень, но дни были солнечными, теплыми. Воздух был каким-то особенно прозрачным, как бывает во время бабьего лета. Растительность гор покрылась цветными полосами: желтыми, красными, бурыми и зелеными, в зависимости от высоты расположения на склонах гор и видов деревьев и кустарников.

Интересно было отметить, что царапины на руках, полученные на Ишиме, не заживали неделями, а здесь порез ржавым гвоздем во время шалостей в солярии затянулся через два дня. Ногти на пальцах рук и ног стали расти ступенькой в два раза толще. Ведь поправился я на 9 кг.

Пора возвращаться. На обратный путь через Барнаул удалось получить билеты на пассажирский поезд. В Ишим возвратились в середине сентября. Пришли утром, открыли дверь, и нас шибануло казарменным духом.

В школе суета по поводу сборов в колхоз на уборку урожая. Нас оставили наверстывать учебную программу. Холодно, а по утрам уже подмораживает. Ко мне обратился комсорг Женя Фёдоров и я отдал ему свои новые брезентовые полуботинки в обмен на его тапочки.

Через несколько дней у меня поднялась температура и заболела стопа правой ноги. Положили в санчасть. Диагноз – флегмона. К стопе прибинтовывали кусочки холодной ихтиоловой мази. При лежании боль почти не чувствовалась, а когда ногу опускал на пол – боль резко усиливалась. В один из вечеров, когда дежурила медсестра Анна Семеновна, у меня поднялась очень высокая температура, началось кровотечение из носа и рта. Врача дома не оказалось. Доложили капитану Журавскому. Он прибыл, увидел окровавленные полотенца, топором сшиб замок со шкафчика с медикаментами категории «А». Анна Семеновна каким-то лекарством остановила кровотечение.

Неделю я абсолютно ничего не ел. Мои пайки хлеба складывали в тумбочку. Анна Семеновна спросила:

- Что бы ты хотел покушать?
- Хочу солёного огурца.
- Тебе нельзя.

На следующее дежурство она тайно принесла мне половинку огурца. В тот же день запасы паек хлеба начали быстро исчезать, а через неделю я вышел из санчасти.

Санчасть размещалась во флигеле. Медики старались как-то укреплять наше здоровье. Заполучили на местном мясокомбинате партию гематогена и раздали нам бутылочки по 200 мл, строго предупредив: только по столовой ложке перед едой. Мы поняли это иначе: между обедом и ужином. Перед ужином все были «навеселе» и начали относить посуду.

Появился однажды новый фельдшер. Каждого пациента он спрашивал:

- Понос? Запор?

Если отвечали «понос» – давал горькие таблетки, а если «запор» – сладкие. На этом прием и заканчивался. Слух быстро распространился. К вечеру у него выстроилась очередь «запорников».

Прямыми и воинскими непосредственными начальниками у нас были командиры батарей. На эти должности назначались, как правило, офицеры, прошедшие в госпиталях курс лечения полученных в боях ранений, но по состоянию здоровья временно не пригодные к строевой службе. Командиры батарей (1-ой – 10 класс, 2-ой – 9 класс, 3-ей – 8 класс), на коих была возложена обязанность не только проводить военную подготовку, но и совместно с невоенными командирами взводов – преподавателями – заниматься всем комплексом воспитательной работы.

Первым нашим командиром батареи был старший лейтенант Обдуревский, который нас привез из Москвы. Он служил когда-то вольноопределяющимся в старой русской армии. Его принципами были строгость и справедливость. С нами он занимался строевой, стрелковой подготовкой, изучением Уставов, устройством стрелкового оружия. Прививал нам навыки владения саперной лопаткой, окапывания, маскировки, метания гранаты. Винтовку Мосина образца 1891/1930 гг. он знал не хуже изобретателя. Занятия начинал фразой:

- Винтовка легка, прочна, изящна, проста и удобна в бою.

Мы научились разбирать и собирать затвор с закрытыми глазами. Некоторые ученики говорили, с чем я не был согласен, что он внешне походил на Муссолини.

Много внимания Обдуревский уделял созданию в батарее духа товарищества. Мы были разными по воспитанию, по жизненному опыту. Не всякий голодный мог устоять при виде чужого куска хлеба. А голод нас уже

донимал. Были случаи воровства. В нашей батарее их было два. Об одном я уже упомянул – сапожки В.Лукина. Первый случай произошел в начале нашей учёбы.

Э.Мурашко получил посылку. Вечером мы немного полакомились. Остатки с ящиком он спрятал под нашу койку в углу комнаты. Утром ящика не обнаружили. Через некоторое время определили любителя этого «ремесла» – Трунова.

После отбоя его попросили спуститься с койки, накрыли одеялом и устроили «темную». С нами он больше не учился. Командир батареи отнёсся к событию спокойно.

После Обдуревского командиром нашей батареи был старший лейтенант Уваров Петр Герасимович. Прибыл он в школу после тяжелого ранения и контузии.

Первоначально он был командиром первой батареи. В своих воспоминаниях генерал-лейтенант Зайцев В.И., бывший тогда старшиной батареи, так характеризовал Уварова П.Г.: «Особое впечатление на меня во время жизни школы в Ишиме произвёл командир батареи старший лейтенант Уваров Петр Герасимович. Это был психолог по натуре, многому научивший в работе с подчиненными нас, младших командиров ... Учил, как подобрать ключ к каждому подчиненному.»

Другой спецшкольник, полковник Фомин В.И., вспоминает: «Желая завоевать авторитет у спецов рассказами о своей храбрости и находчивости, проявленных на фронте, он не далеко ушел от барона Мюнхаузена ...»

С большим уважением и почтением относились мы к командирам-фронтовикам. Уваров же вел себя несколько картинно, рассказывая фронтовые эпизоды. Это многим нравилось. Рос его авторитет. Однако, постепенно его методы воспитания становились грубыми, а рассказы вызывали улыбку и интерес к ним угас.

Как-то, пытаясь проверить бдительность часового, он перелез через забор школьного двора и имитировал нападение. Едва это не закончилось для него трагедией.

- А что, если бы часовой не опознал командира батареи и успел применить штык? – задавались мы вопросом.

В лагере, выйдя из палатки, я увидел разъяренного Уварова, а рядом с ним перепуганного учащегося нашей батареи Сквирского. Уваров крикнул:

- Сержант! Ко мне!

Я подбежал и представился. Глаза его сверкали, рот перекошен:

- Гоняйте этого ... пока у него из всех дырок пар не пойдет!

- Как это? – спрашиваю.

- А вот так!

И, повернувшись к Сквирскому, начал командовать:

- Ложись! Встать! Ложись! Вперед по-пластунски, марш! Встать! Бегом ко мне, марш!

Сквирский, покрасневшийся, потный, со слезами на глазах, стоял перед нами.

- Он всё понял, – сказал я Уварову.

Возможно, и Уваров тоже понял:

- Идите оба! – повернулся и быстрым шагом ушел. За что он обрушился на Сквирского, я не помню.

Однажды, тоже в лагере, старшина Казаков повёл батарею на обед. Идём по дороге вдоль берега реки Ишим в предобеденном настроении и строим поём:

Пошел купаться Ваверлей, Ваверлей,
Оставив дома Доротею.
С собою пару пузырей,
С собою пару пузырей
Берет он, плавать не умея!
и т.д.

Вдруг из кустов выбегает ст. лейтенант Уваров:

- Отставить песню! Я запретил её петь! Старшина! Батарею кру-гом!

Идем от столовой. Настроение рухнуло. Уваров кричит:

- Запевай!

Молчание.

- Младшие командиры, запевай!

Молчание.

- Комсорг, запевай!

Женя Фёдоров, добрый малый, выдержал паузу:

Эх, махорочка, махорка,
Породнились мы с тобой.
Вдаль глядят дозоры зорко:
Мы готовы в бой!

Молчание.

Батарея снова – «кругом». Молча пообедали. Рассыльный объявил:

- Младшим командирам – к командиру дивизиона!

Капитан Корзун расспросил нас о случившемся и отпустил. Вскоре ст. лейтенант Уваров был отчислен из школы.

Командовать нашей батареей назначили лейтенанта М.И.Владычкина. Это был высокий, крепкого телосложения, стройный офицер, отличавшийся опрятным внешним видом и басовитым голосом. Его, студента политеха из северокавказского города, призвали и быстро подготовили командовать артвзводом.

Страшные бои при отступлении к Сталинграду, где он был ранен и тяжело контужен. Рассказывал о страданиях, которые переносили раненые в июльские знойные дни в безводных степях. После госпиталя на реабилитацию его направили к нам. Поначалу он казался каким-то заторможенным и, очевидно, страдал тяжёлыми головными болями. Были случаи, когда Владычкин вдруг приказывал старшине построить батарею. После построения, подумав пару минут, вдруг командовал:

- Разойдись!

К весне он стал более общительным, не таким хмурым, и избавился от палочки, но прихрамывал.

Жизнь и учёба в Ишиме оставила у каждого из нас самые тёплые и дорогие воспоминания отрочества, а те неурядицы быта с позиции нынешних дней видятся как неизбежные, порой поучительные и забавные эпизоды, вызывающие улыбку. Вечно голодные учащиеся в холодных казармах и учебных классах стойко переносили все невзгоды военного времени. Тяжелые условия закаляли нас, сплачивали в дружный коллектив.

Наркомпросовский паёк был крайне скудным. В холодные зимние месяцы наш обеденный рацион состоял из двух вариантов меню: пустые (3 гр. жиров на человека) щи из мороженой капусты и «галушки» из ржаной муки – комочки теста (30 гр. на человека). Или: мучная похлебка с 3-мя – 5-ю «галушками» и та же капуста с меньшим количеством воды. Её иронически называли «бигус», потому что настоящий бигус – это тушёная квашеная капуста с комплексом мясных продуктов: дичь, грудинка, ветчина, язык, сосиски. Изредка в меню попадала мороженая картошка. В качестве третьего блюда был морс: в большую бочку с водой наливали и размешивали веслом какую-то красную жидкость. Было и какое-то «суфле», подобным же образом приготовленное на сахарине.

Всё, что удавалось добыть сверх нормы, называлось «обрыв». Например, официантка приносит в глиняных мисках «галушки» или «бигус» на подносе и передаёт их вдоль длинного стола. Говорит:

- Передала 12.

Мы отвечаем:

- Приняли 10.

Официантка понимала и часто соглашалась. Две порции шли очереднику на «обрыв».

Основу рациона, пожалуй, составлял хлеб. В хлеборезке молодая женщина Тася широким ножом нарезала

пайки из тяжелых буханок. В составе хлеба явно присутствовала измельченная картошка и ещё что-то. Были случаи, когда в разрезе оказывались целые клубни картофеля. Всем хотелось заполучить горбушку. Некоторые меняли у Таши свою пайку на крошки. Она их давала больше по весу.

Нам, 15-17-летним парням, такого питания при солидной нагрузке явно не хватало. Изыскивались различные способы улучшения своего рациона. В воскресные дни была возможность что-то купить на базаре или в рабочей столовой на «обрыв». Некоторым товарищам деньги присылали родители. Другие продавали на барахолке или обменивали на картофельные лепешки, молочные ледышки свою гражданскую одежду. Вначале, когда мы жили в бывшем музее, иногда ходили на капустное поле и из-под снега добывали кочаны. Потом листья сосали как мороженое или варили в печке.

Были среди нас «технологи-изобретатели». Небольшое количество обмылков растворялось в горячей воде, добавлялись «загустители»: зубной порошок, ещё что-то. Всё это доводилось до кипения, выливалось в картонную форму по размеру хозяйственного мыла и выставлялось на мороз. Оставалось нацарапать штамп мылокомбината, цифры «72%», «высший сорт» и предложить изделие на рынке в обмен на мороженое молоко или картофельные лепешки. Однако, вскоре мыло нашей фирмы начало подвергаться контролю и утратило покупательский спрос.

Напротив нашей казармы располагалась мельница. Несколько раз нас привлекали оказать помощь в погрузке мешков. Там мы узнали, что требуются грузчики и в ночную смену. Нашлись желающие, гонимые голодом. Ходили туда нелегально. Во время работы давали «затируху». В ведро с кипятком, помешивая, засыпалась мука и получался этакий густой клейстер. Нужно было иметь только соль, ложку – и утоляй голод, сколько можешь.

Некоторые товарищи, готовясь на мельницу, одевали две пары кальсон. Под утро смело шагали через проходную.

В казарме их встречали, ставили на газету и вытряхивали «взятки». А вечером на буржуйке пекли «лавашики». Конечно, это была не система, а одиночные случаи.

Для кратковременного насыщения – «обрыва» – изобретались другие способы. Например, создавались «коалиции». Термин был взят из политического лексикона. В то время часто повторялось название: «антигитлеровская коалиция» (СССР + Англия + США). Человек 3, 5, 7 объединялись договором и свои пайки хлеба в ужин отдавали по жребию одному очереднику. Остальные ужинали без хлеба, а очередник ел его вдосталь.

Коалиционно проводились и лотереи. Выставлялись какие-нибудь личные вещи: часы, форменные ремни и т.п. Частные владельцы оценивали лот пайками хлеба. Один из арбитров удалялся за дверь. Участники из будёновки или шапки разбирали свёрнутые бумажки с номерами. Вызывался выставленный за дверь арбитр и объявлял по своему усмотрению выигравший номер. Тогда раскрывались бумажки и предъявлялись арбитрам. Так однажды я стал обладателем вожделенного форменного ремня с латунной бляхой.

Были соглашения на «обрыв» по предложению кого-либо из товарищей. Эти предложения носили спорный характер. Курьёзным оказался спор Жени Фёдорова. Он объявил, что съест килограмм хлеба без воды за один час, а если нет – отдает каждому участнику спора по две пайки. Сбросились. Он ритмично поглощает наши пайки, но на последней срыгнул, но доел. Возник спор: «Съел или нет?» Спорили шумно. Потом Женя, как комсорг, подвёл итог. Он возвращает участникам спора пайки, но не по две, а по одной. На этом и порешили.

После зимнего переезда в казарму, освободившуюся от госпиталя, оказалось, что закончилось топливо. Нас подняли ночью. Построили. Назначили по 5-6 человек на санки-розвальни. Разобрали оглобли и, поскрипывая по морозному снежку, обозом потянулись за город на болото. Там был в

штабелях торф, заготовленный ещё летом. Нагружали розвальни – и обратно. Торф разгружали во дворе школы, пили чай с сахарином и – на занятия.

Оказалось, что торф для отопительных котлов не пригоден. На трубах и радиаторах появились от мороза трещины. Кое-где в классах можно было на партах кататься, как на санках.

Обстановка осложнилась. От холода, недоедания, сахарина и спёртого воздуха большинство из нас страдало. Приходилось ночью неоднократно вставать. Сунешь ноги в сырые валенки и со второго этажа бежишь во двор на мороз. Спали в обмундировании, накрывшись шинелями. Над моей койкой, расположенной у окна, в сильные морозы с подоконника свисали сосульки.

Как младший командир, несколько раз я дежурил по кухне. Однажды под утро дежурный по школе будит меня и говорит, будто прибежала повариха и сказала, что водопровод замерз, нет воды приготовить чай. В третьей (младшей) батарее поднимаю трёх поздоровее на вид учащихся. Берем на кухне бочку из-под морса, устанавливаем на санки и спускаемся на реку Ишим. Морозная сибирская ночь. Берег довольно крутой. Из проруби ведром наливаем бочку. Сани с бочкой скользят вниз по обледенелому берегу, скользят и наши валенки. Вода из бочки выплескивается и тут же замерзает. Сил едва хватает удерживать сани и как-то рывками продвигаться. Вспоминается картина В.Г.Перова «Тройка». Сделали пару ходок. Благо берег рядом со школой. Чай пили своевременно.

Задача дежурного заключалась в том, чтобы проверить полноту закладки продуктов и своевременность приготовления пищи, не вспоминая о её качестве, организовать чистку картошки, когда она была. Её поставляли мороженую, оттаивали и потом дряблую чистили. Вкус был «специфический». Проще было с капустой.

Некоторые спецы на алюминиевых ложках острым концом ножа, как штихилем, выцарапывали афоризмы типа: «Ешь капусту и толстей!»

Во время одного из дежурств – о чудо! – привезли рубчиков. Их было немного, но нужно было ощипать, потрошить, мыть. Это сделали повариха и официантки. Был приготовлен почти настоящий бигус. Я этим дежурством остался доволен. Повариха к дежурной службе относилась с уважением.

В холодном сыром помещении, после несколько раз прерванного сна, встать уж очень не хотелось. Под звуки трубы «подъем» (таа-та-таа) и покрикивания помкомвзводов мы высовывали носы из-под шинели и в такт с трубой хором вторили: «Шиир-ман-зоон!» Это фамилия большеглазого, добродушного, застенчивого товарища, которого мы уважали и над которым подшучивали.

Весной, прогретые солнышком, мы повеселели. Усевшись на подоконник, к солнцу, и сняв рубашки, мы просматривали швы. Давили насекомых и объявляли счет, который у некоторых «зашкаливал» за сотню. Название насекомых считалось вульгарным, и с чьей-то подачи их мы стали величать «чиканашки».

Зимой борьба с ними велась, но довольно пассивно. Нас не регулярно морозными ночами водили в городскую баню. Выдавали кусочки мыла величиной с ириску. Бельё закладывали в специальные контейнеры для пропаривания. Поскольку время помывки было ограничено, эффект санобработки оказывался незначительным. Летом борьба велась своими силами вплоть до проутюживания швов с помощью бутылки.

В таких условиях мы всё же не унывали. Мы понимали, что идёт тяжелейшая война, в которой гибнут наши близкие, в которой мы должны победить. Добровольно пришли мы учиться военному делу, и все трудности временны и преодолимы. Поэтому мы старательно учились; поэтому в свободное время или когда во время

самоподготовки отключался свет, мы дружно пели полюбившиеся песни; поэтому пуговицы на шинелях и кителях, бляхи ремней у нас блестели, начищенные зубным порошком.

Когда мы окончательно обосновались в бывшей бурсе, каждый вечер, кроме выходных дней, перед отбоем нас выстраивали в вестибюле. Производилась вечерняя поверка, сообщалась сводка Совинформбюро о положении на фронтах, читались приказы по школе, подводились итоги дня. Потом мы хором пели Гимн Советского Союза и шли отдыхать.

В 1943 г. меня приняли в комсомол. Билет № 18376403. А вот номер винтовки – забыл.

В школе было организовано социалистическое соревнование с вручением победившему взводу Красного знамени. Это Знамя было присуждено нашей школе Московским комитетом комсомола за лучшие итоги в соревновании спецшкол Москвы. Оно сохранялось у нас в Ишиме. Основными показателями в соревновании были средний балл по четвертным оценкам, дисциплина, участие в общественной, комсомольской работе, в спорте. Строевая подготовка оценивалась на строевых смотрах. Во время одного из смотров мы проходили перед руководством школы очень старательно, напряженно и пели новую, привезенную мной из Артека песню:

Дорогая моя столица
Золотая моя Москва !

Песня вызвала у принимающих парад одобрительную улыбку.

По итогам 3-ей четверти 1943/1944 учебного года Знамя было присуждено нашему взводу. На общем построении школы принимать его из рук директора И.С.Зотова поручили мне, как командиру 1-го отделения. Принимая Знамя, я сказал, что будем учиться так, чтобы с этим знаменем возвратиться в Москву. Слухи о предстоящей

реэвакуации уже витали в школе. Через некоторое время, однако, пришел приказ об отмене соревнования по учёбе, якобы оно влияло на объективность оценок знаний.

Нельзя не вспомнить о наших взаимоотношениях с гражданской молодёжью города. По амнистии в первые дни войны из тюрем были выпущены многие осуждённые криминальные элементы. Естественно, обстановка обострилась, так как значительное число их осело в городе.

В первый год пребывания школы в Ишиме взаимоотношения молодёжи со спецами были напряженными. После ужина наши товарищи иногда заходили в ресторан подкрепиться. Там хозяйничали местные хулиганы. Однажды, когда Миша Локтионов (он из нашего дома; поступил в школу в 1940-м году) попытался одного из них поставить в очередь перед раздачей, тот полосонул лезвием бритвы по его лицу. Казарма батареи находилась рядом с рестораном. Наши быстро окружили здание ресторана и устроили шпане побоище. Ни преподаватели, ни, особенно, милиция помешать этому не смогли.

После этого случая шпана не искала встреч с нами. Но, когда спецы оказывались в меньшинстве, – были попытки отмщения. Наши танцоры иногда ходили на вечера в ближайшие школы, в техникум. Если местные ревнивцы собирались наших отучить посещать танцы, обычно девушки предупреждали своих друзей и тогда, по обстановке, мы принимали какие-то меры.

Четверо хулиганов возле кинотеатра напали на двоих наших товарищей и потом ушли в кино. Наши пришли в казарму и сообщили о случившемся. Тогда отделение 8-10 человек вывернули из винтовок шомпола и отправились к кинотеатру. В момент, когда кончился сеанс, построились у выхода в две шеренги. Из кинозала появились обидчики, их опознали и пропустили через строй под свист шомполов.

В конце апреля из нашей 2-ой батареи была отобрана группа, которой поручили выехать в Москву и готовить здание школы к возвращению из эвакуации. В состав группы

входили помкомвзвода В.Кудрявцев, я, трое «сынков» и человек пять рядовых. Старшим назначили лейтенанта М.Владычкина. Нас снабдили проездными документами, рейсовыми карточками, командировочными, какими-то деньгами и скудным пайком. Приказали до Москвы добираться самостоятельно, а там лейтенант Владычкин должен был нас собрать 5-го мая по адресу: Велозаводская улица, дом 1.

Собрались быстро. Прибыли на вокзал. Билетов, конечно, нет. Решили ехать любым способом, кто как сможет. Подходит первый пассажирский поезд на Москву. Проводники двери в тамбур не открывают. Поезд тронулся. Устроились на подножках вагонов. Вскоре пошел дождь.

Покидая Ишим, мы испытывали сложные чувства. Было как-то грустно прощаться с приютившим нас в тяжелое время провинциальным сибирским городком и радостно возвращаться в Москву.

Дождь усилился. По сигналу сошли на какой-то малой станции. Нашли начальника и стали требовать обеспечить нас билетами. Он сказал, что у него не бывает билетов на пассажирские поезда. Дождались следующего поезда и, рассредоточившись, проникли в тамбуры вагонов. После просьб и угроз проводник впустил меня в вагон, который был «забит» сверх предела. Я забрался на продольную багажную полку, пристегнулся ремнем к трубе и задремал.

Очнувшись, обнаружил, что вагон почти пуст и стоит накренившись. На мой вопрос мужчина ответил, что вагон отцеплен, не выдержали нагрузки рессоры. Схватил свой рюкзак, побежал к станции и едва успел прыгнуть на подножку вагона отходившего поезда. Перебрался на сцепку. Проводник не пускал даже в тамбур. Из трубы паровоза летит гарь, копоть. Холодно. После настойчивых стуков и требований к вечеру проник в вагон и, пристроившись на краю полки, сидя дремал.

Рано утром 1-го мая прибыли на Ярославский вокзал. Вид у меня был, как у беспризорника, неделями не

умывающегося. Чтобы не «светиться», по подземному переходу добрался до Казанского вокзала, первым пригородным поездом благополучно прибыл в Вешняки и пешком до дома. Вошел в дом. Увидев меня, мама выкрикнула имя брата, которого уже не было. Я ведь был в форме, а он ушел на фронт ещё в 1941 г.

Мама нагрела воды. Я, наконец, отмылся, плотно заправился картофельным пюре и выспался.

Фото 20 Москва. Лето 1944 г. Велозаводская, д.1. Во время подготовки здания школы к эвакуации.

В назначенный день мы собрались на Велозаводской, дом 1. Это было типовое 5-этажное школьное здание.

Лейтенант М.Владычкин распределил обязанности при выполнении работ по приведению в порядок помещений школы. Определил организацию службы по охране здания.

Обедами нас временно кормили в столовой Военно-морской спецшколы (ст. метро Кропоткинская). Выдавали доп-паёк из консервов и яичного порошка. Подкармливали после Ишимской голодухи. Отоваривать рейсовые карточки нужно было в специальных магазинах. По содержанию эти карточки были близки к карточкам служащих (хлеб: иждивенцам – 400 гр.; служащим – 600 гр.; рабочим – 800 гр.).

В это время в городе изошрённо работали комендантские патрули. Бойцы и командиры ПСН (полк спец. назначения) при патрулировании должны были выполнять разнарядку по числу задержанных военнослужащих, в основном, за нарушения формы одежды или не отданной чести. Однажды при выходе из метро Сокольники, куда я поехал отovarивать рейсовые карточки, меня остановил патруль – лейтенант и два солдата.

- Почему не приветствуете?
- Вы же находились сзади, в укрытии!
- Документы! Следуйте за нами!

Приходим в комендатуру. Там оформляют задержание и наказывают двумя часами строевой подготовки.

Мы стали на улице более бдительными. Было много случаев, когда кто-нибудь из товарищей, придя в школу, рассказывал, как он провёл патрули.

Вот это был порядок! Постепенно этот порядок породил в ПСН коррупцию. После ряда сигналов и проверок факты коррупции подтвердились, и полк был выведен из Москвы.

Налаживался наш московский быт. Ежедневно мне нужно было ездить из Старых Кузьминок, и это было не просто. Автобусы не ходили. Пешком до Вешняков, потом в пригородном поезде до платформы «Новая» и далее

трамваями до Велозаводской. В день на дорогу уходило более 3-х часов.

Курьёзный случай произошёл у меня в пригородном поезде. В 1943 г. нам выдали погоны по типу курсантских, но узкие, как у офицеров медицинской и ветеринарной службы. В заполненном вагоне я остановился около скамьи, на которой сидел старший лейтенант ветеринарной службы. Посмотрев снизу, он решил, что у меня два просвета на погонах и вскочил, уступая место. Увидев меня, по сути, юнца, и мои погоны, он, обескураженный, махнул рукой и пошел к выходу.

Для несения сторожевой службы в школе было организовано два поста: один у входа и другой на втором этаже у двери преподавательской. Там находились тюки тканей для пошива кителей и брюк, полученные не без помощи отца В.Лукина – Наркома лёгкой промышленности. Для солидности посты назывались караулом.

В день, когда по улицам Москвы проводили колонны пленных немцев (17.07.1944 г.), заступил я начальником караула. Подчинённых отпустил посмотреть на этот «парад».

К вечеру похолодало, усилился ветер, по коридорам гулял сквозняк. Ночью, проверив посты и состав караула, я отправился в караульное помещение. Не спалось. Вдруг, слышу шум, звуки шагов. Когда спускался вниз, раздался какой-то глухой удар и басовитый хохот Владычкина. Потом крик:

- Карнач! Караул в ружьё!

Построил. Лейтенант осмотрел караульных и отпустил их, а мне поведал, что произошло. Во время ночной прогулки его задержал патруль. Пришлось обменять своих девушек на свободу. Это случилось недалеко от школы, и он решил проверить службу. В здание проник через окно. На втором этаже подошёл к посту и увидел, что часового нет, а к двери преподавательской придвинут шкаф и из него слышно посапывание. Это часовой, спасаясь от холода и сквозняка, положил шкаф, лёг в него и закрыл дверки. Владычкин нашел

палку и этой палкой – по фанере шкафа. Часовой выскочил из шкафа с винтовкой, но без дара речи.

Потом этот товарищ дал мне почитать книгу стихов К.Симонова «С тобой и без тебя», посвященных В.Серовой. На обложке была дарственная надпись отцу товарища от автора, приглашение непременно заходить и адрес на Ленинградском проспекте, телефон. Говорили, будто И.Сталин, посмотрев книгу, спросил: «Какой тираж?» Поскрёбышев ответил. Тогда И.Сталин сказал: «Напрасно. Нужно было издать в двух экземплярах. Один ей, а другой – ему.» А стихи были хорошие.

Сначала наиболее нетерпеливые в одиночку, небольшими группами, а потом и весь состав школы возвратился в Москву. Нам, «первооткрывателям», назначили время для подготовки и сдачи экзаменов за 9-й класс. Преподаватели с пониманием отнеслись к нашему положению. Допекал только «Военно-морской воробей» – преподаватель химии Синявский.

Лето заканчивалось, но нас направили на лагерный сбор. После неудачи обосноваться в Кузьминках лагерь был обустроен в нескольких километрах от станции «Апрелевка». Рядом со станцией находился знаменитый завод грампластинок. Короткое время, проведенное в лагере, не оставило сколь-нибудь полного впечатления, кроме озорной «строевой» песни:

Жила-была бабушка на берегу речки,
Захотелось бабушке искупаться в речке.
Бабка ушлая была – купила пуд мочала.
Эта песня без конца – начинай сначала ...

За песню нас поругали, но не очень.

Начинался наш последний учебный год в спецшколе. Несколько товарищей из нашей батареи отчислились и перешли в Военный институт иностранных языков, в военные училища, на подготовительные курсы гражданских учебных

заведений. Начальником школы был назначен майор С.И.Пигалёв. Высокий, энергичный, строгий офицер. Резко усилились требования дисциплины. Например, за мелкие провинности, за неотдание чести или курение заставляли в коридорах и на лестнице натирать паркет.

Нам выдали отрезы на пошив формы. Оказалось, что это не совсем просто сделать. Мне предложил Г.Лобанов пошить китель у его дальней родственницы где-то на Арбате. Нужно было уплатить небольшие деньги и ведро картошки. Картошку купили, деньги уплатили и, съездив пару раз на примерку, получили вполне приличные кители. Найти не очень дорогого мастера по пошиву брюк не удавалось.

Ночью, чтобы не видела мама, вооружившись лезвием от бритвы, я распорол старые брюки и по ним скроил новые. Увидев это, мама пришла в отчаяние.

Долго я возился со старенькой машинкой «Зингер». Порол, перешивал, снова порол. Сложнее всего оказалось вшить в брюки красный кантик. Наконец получилось, и совсем неплохо. Некоторые товарищи не поверили, что я их сотворил сам. Мурашко стал меня уговаривать пошить и ему. Я почему-то не смог пойти на повторение «подвига», чем вызвал обиду.

В выходные дни мы общались в Кузьминках, а чаще в Гражданстрое, с бывшими школьными товарищами, с девушками. Все, конечно, повзрослели, особенно девушки. Ходили мы в кино, а иногда на танцы в клуб ВИЭВа, где раньше вечерами под аккомпанемент тапёра «крутили» немое кино, а в будни проводились занятия двух школьных классов, разделённых занавесью. Посещали танцы и в клубе воинской части. Поскольку из меня танцор не получился, я большую часть времени стоял в толпе зрителей и наблюдал, как в пыльном и потном облаке под грохот динамиков выплясывали друзья и подруги.

Нашими кумирами стали Утёсов, Рознер, Цфасман, Шульженко, Виноградов, Лемешев, Максакова, Козловский – авторы и исполнители песен военного времени. Ведь у нас

в Ишиме не было даже радио. Там мы пели революционные песни, песни Гражданской войны и песни типа «В нашу гавань заходили корабли».

В одно из воскресений вечером забегает ко мне Э.Мурашко:

- Одевайся быстрее, есть два билета на Утёсова в ЦДКА (Центральный Дом Красной Армии)!

Успели к третьему звонку. Зал полон. Солидный оркестр играет классическую музыку. Популярные арии и романсы исполняет Н.А.Обухова. Спрашиваю Эдуарда:

- Где Утёсов?

- Будет во втором отделении.

В антракте знакомимся с афишей: «Творческий вечер Н.А.Обуховой». Прослушали и второе отделение.

Новая знакомая Лена Б. пригласила Мурашко и меня на свой день рождения. В малогабаритной квартире двухэтажного дома из бруса был скромно по военному времени накрыт стол, даже с «пузырьком» спиртного. Это, очевидно, для нас, юных воинов. Лена – девушка весёлая, остроумная, миловидная. Мне понравилась. Очень приветливой и доброй оказалась её мама. Отец, как потом поведала Лена, был офицером ветеринарной службы действующей армии.

Мы стали встречаться. Ходили в кино, ездили в театр, изредка посещали танцы. Однажды Лена попросила прийти помочь напилить и наколоть дрова. Мы дружно работали двуручной пилой, шутили, потом я колот дрова. Вдруг Лена спросила:

- А правда, что твой папа, ну, как это сказать, осуждён и находится в ссылке?

Этого было достаточно. Я молча доколот дрова и попрощался. Больше мы не встречались.

Правительством был учреждён новый праздник – День артиллерии. 19 ноября 1944 года нас собрали и строем отправили в Центральный Дом Красной Армии. Торжественное собрание. Выступления крупных

военачальников с поздравлениями и доклад Начальника артиллерии Московского военного округа. Генерал корявым безграмотным языком, но бодро, излагал, путаясь в цифрах и датах, прописные истины. Мне стало как-то стыдно. Опустив голову, думал: «Почему в такой день для такой аудитории не могли найти приличного оратора?» Во втором отделении показали спектакль «Сталинградцы». Шум, беготня, грохот, выстрелы. Чувствовалось, спектакль по заказу «склеен» наспех.

Приближалась зима. Ежедневные поездки из Кузьминок на Велозаводскую становились всё труднее. Как-то, возвращаясь домой из Вешняков, а это около 3-х километров, я сильно отморозил уши. Не только трудности с поездками, со временем на самоподготовку и выполнение домашних заданий, но и отчисление товарищей с переходом в другие учебные заведения послужили поводом для принятия решения.

Я подал заявление с просьбой отчислить меня из школы. Директор, майор Пигалёв, вызвал меня и уговаривал не делать этого. Рисовал мне радужные перспективы будущей службы в армии, в артиллерии. Просьбу свою я обосновал тем, что учиться на «тройки» не хочу, а потеря времени на дорогу туда и обратно не даёт возможности заниматься самоподготовкой. Подумав, директор согласился и даже разрешил оставить форму.

Итак, прощай 5-я Московская специальная артиллерийская школа. Она для меня была воистину подарком судьбы. Два с половиной суровых военных года в тяжелейших бытовых условиях постоянного голода, сибирского зимнего холода научили стойко переносить все трудности, закалили волю, привили чувство коллективизма, дали хорошую школьную подготовку. Всё это помогло мне в дальнейшем честным трудом добиться определённых успехов в службе и жизни, несмотря на то, что долго довлел папин 37-й год.

Спецшкола того времени сыграла большую роль в судьбе её выпускников. Среди окончивших нашу 5-ю школу многие стали генералами, учёными, Лауреатами Государственной премии, Заслуженными деятелями науки и техники:

- генерал-лейтенант Евстигнеев Е.А. был Заместителем Начальника Генерального штаба ВС СССР;

- генерал-полковник Андрианов Ю.М. – Начальником Главного ракетно-артиллерийского управления МО СССР;

- генерал-лейтенант Строганов Е.В. – Начальником Штаба ракетных войск и артиллерии Сухопутных Сил;

- генерал-майор Курланов А.Д. стал доктором технических наук, профессором, Заслуженным деятелем науки и техники РСФСР; Лауреатом Государственной премии СССР, Первым вице-президентом Федерации космонавтики РФ, Председателем научно-технического комитета Военно-космических сил;

- вице-адмирал-инженер Кудрявцев В.Ф. в спецшколе был помкомвзвода (а я командиром 1-го отделения), закончил службу Начальником Высшего Военно-морского инженерного ордена Ленина училища им. Ф.Э.Дзержинского;

- контр-адмирал Попов В.А. был начальником Центрального узла связи Военно-морского флота;

- генерал-майор Бутылкин В.В., Герой Советского Союза, доктор технических наук, академик, был Начальником кафедры Военной артиллерийской академии им. Ф.Э.Дзержинского;

- генерал-лейтенант Зайцев В.И. закончил службу Начальником Пензенского высшего артиллерийского инженерного училища;

- выпускник 1943 г. Сафрончук В.С. достиг поста Заместителя Генерального Секретаря Организации Объединённых Наций.

Мой друг детства Ярослав Зайцев закончил Артиллерийскую академию им. Ф.Э.Дзержинского, служил в фирме С.Королёва, защитил кандидатскую диссертацию и

ушёл в отставку полковником с должности начальника одного из отделов НИИ. Ежегодно встречаемся, перезваниваемся.

Выпускники 5 МСАШ активно участвовали в Комплексных работах по созданию Системы предупреждения о ракетном нападении, Системы контроля космического пространства. Серьёзное внимание ими было уделено непосредственно разработке «ядерного чемоданчика».

Да разве можно перечислить все благие дела наших выпускников! Ещё раз, спасибо тебе, 5-я МСАШ!

КУЗЬМИНКИ (на переломе)

«Если спросят нас, друзья,
Где же Родина твоя?
Мы ответим без заминки:
«Это Старые Кузьминки!»
(из посвящения двоюродному
брату к 60-летию)

Не было у меня других намерений, как только продолжить учёбу и окончить среднюю школу. Предъявив справку об окончании первого полугодия в десятом классе Спецшколы с оценками по пройденным дисциплинам, я поступил в ту же 1-ую Новокузьминскую среднюю школу, в которую поступал в 1941 г. Наметился предварительный план и на дальнейшую учёбу – готовиться в Архитектурный институт.

В школе оказалось по одному восьмому, девятому и десятому классу.

В них только в восьмом и девятом было по одному мальчику – это был 1945 г.

Зимние каникулы прошли быстро. Подхожу к двери 10-го класса. Шум, гам, смех, какая-то возня. Захожу. Ведь я в военной форме - девушки врассыпную по своим партам. Здороваюсь. Робкие ответы и тишина. В классе три ряда парт. Один крайний ряд занимают девушки из Старых Кузьминок. Среди них есть и знакомые. Другой ряд заняли новокузьминские. Определяю себе последнюю парту свободного среднего ряда.

По расписанию урок военной подготовки. Меня просят встретить преподавателя. Открывается дверь и робко появляется небольшого роста пожилой худощавый мужчина в полувоенной форме. Громко команду и рапортую. Вижу, как его лицо меняется от выражения испуга до просветлённой улыбки. Позже я узнал, что девушки его буквально третировали, считая предмет для себя никчёмным. Положение изменилось, и дисциплина на уроках военной подготовки стала нормальной. Ко мне преподаватель стал относиться с каким-то уважением, иногда

даже угощал махоркой при условии, что этого никто не должен знать.

Фото 21 Москва. Кузьминки. 1945 г. 10 класс. Новокузьминская средняя школа №1.

Преподаватели были, конечно, не такие, как в спецшколе. Преподаватель физики несколько раз просила более доходчиво объяснить какой-либо вопрос. Не только в конце урока, но и на перемене нужно было, например, пояснить, как возвратно-поступательное движение поршня двигателя преобразуется в во вращательное движение коленчатого вала.

Военрук иногда просил за него провести урок, но сам присутствовал. Преподаватель литературы поручила сделать доклад: «Горький - антифашист». Пришлось просить И.С.Павлушкова помочь, и он принёс мне из Библиотеки им. В.И.Ленина в академическом издании публицистические статьи А.М.Горького. Кроме статей по теме доклада там были очерки о Ленине, о Красине, о Есенине и других. В них встречались фразы, которые обычно не печатают в массовых изданиях.

На повседневную жизнь и учёбу не могли не сказываться материальные трудности. Моя продовольственная карточка по иждивенческой норме и мамина по норме служащего как-то обеспечивали хотя и скудное, но терпимое питание. На другие нужды с учительской зарплаты почти ничего не оставалось. Хорошо, что у меня была почти новая спецшкольная форма. Износились туфли. Мама купила где-то для меня дешёвые ботинки. Через неделю резиновая подмётка отвалилась. Пока знакомый сапожник их срочно ремонтировал, я в школе пропустил уроки. На следующий день классная руководительница строго спрашивает:

- Почему вчера не были в школе?

Что ей ответить? Соврать при девушках, что приболел? Не будешь же говорить истинную причину! Поэтому бодро доложил:

- Пропустил занятия по техническим причинам!

Она подумала, но больше вопросов не задавала.

Взаимоотношения с одноклассницами у меня сложились товарищеские, уважительные, но не более. Почему-то до самого окончания школы девушки, кроме некоторых «старокузьминских», обращались ко мне на «вы».

Начался тот исторически значимый май. Успехи наших войск радовали всё сильнее. Вот и Берлин пал. Значит, скоро победа и уйдут в историю эти 1418 дней и ночей. Выпустил очередную стенгазету класса со стихами С.Маршака:

В самую короткую ночь в году, –
 Час этот в памяти звучи! –
 Коршун напал на нашу Звезду.
 Когти обжог об её лучи!

Первое известие о Победе мы услышали от девушек-связисток, подразделение которых располагалось в нашей школе. С этой информацией 8-го мая пришла к нам классная руководительница. После радостного сообщения она вдруг расплакалась, и её поддержали все девушки класса. В ночь с 8-го на 9-е мая по радио передали официальное подтверждение о

полной и безоговорочной капитуляции Германии. Интересно было наблюдать, как после прозвучавшего сообщения в окнах домов начал загораться свет. Люди будили и поздравляли соседей, друзей и просто тех, кто ещё не слышал о Победе. Началось всеобщее ликование. Вечером был грандиозный салют из 1000 орудий. После молодёжной «тусовки» с танцами в клубе Академии я пришёл домой. Мамы не было. Увидел, что в школе горит свет. Учителя шумно праздновали, хотя у всех в семьях были невосполнимые потери. Были в компании и какие-то офицеры. Мне налили прямо из зелёного эмалированного бачка в гранёный стакан. Все танцевали, шутили.

На следующий день мне сказали, что из госпиталя прибыл домой друг детства Сергей Свиридов, который раньше проживал в «пожарке». Он был старше и успел вдоволь повоевать, трижды побывать в госпитале. Выпить он отказался. Сказал, что если бы принимал фронтовые 100 грамм, то сейчас не сидел бы с нами. Рассказал, как однажды, попав на нейтралку со своим противотанковым ружьём, оказался мишенью для мессершмидта. Немецкий лётчик снижался и на бреющем полёте, четырежды разворачиваясь, с улыбкой поливал его из пулемёта. Приклад ружья был разбит в щепки.

- Если бы сейчас этот лётчик встретился, я узнал бы его сразу! – закончил свой рассказ Сергей.

Поскольку для спецшкольников получение паспорта был не обязательным, я вспомнил о нём только весной. Ведь приближалось моё 18-летие.

И, как только я получил паспорт, быстро пришла повестка явиться в райвоенкомат в Люберцы. Прошёл медкомиссию, собеседование. Прислали новую повестку: «Через пять суток прибыть с вещами». Я в военкомате стал объяснять, что мне осталось только сдать экзамены за 10 лет учёбы и получить «Аттестат зрелости». Такой документ тогда вводился впервые. Кто-то из чинов военкомата бросил:

- Мы сами дадим тебе аттестат зрелости!

Решил искать справедливости. Пошёл в Райком комсомола. Напрасно. В Районо (отдел народного образования), где хорошо знали маму, посоветовали обратиться в Военный

стол Райкома партии. Встретил солидный дядя. Выслушал меня внимательно. Попросил повестку от Военкомата. Почитал, подумал и сказал:

- Иди, сдавай экзамены.

Фото 22 Апрель 1945 г. Собирался получить паспорт.

Вышел из здания Райкома партии и – прямо в ближайшую библиотеку. Развернул подшивку «Комсомольской правды» на странице «Куда пойти учиться». Среди множества предложений взгляд сразу упал на ленинградские военно-морские училища ВИТКУ и ВВМИОЛУ. С детства оставалась мечта стать моряком. Но как быть с папиным 37-м годом? А ведь после экзаменов всё равно призовут, и в Архитектурный, который впоследствии окончила старшая дочь, мне не светит. Рискну. В спецшколе никто никогда не спросил об отце. Написал заявление в Высшее Военно-морское инженерное ордена Ленина училище им. Ф.Э.Дзержинского.

В школе сдаю выпускные экзамены. Первый – сочинение по литературе. Выбрал тему: «Слово о полку Игореве». Произведение знал хорошо, мог цитировать не только «Плач Ярославны». Текст увязал с современностью, с героизмом и мужеством наших воинов, с оперой «Князь Игорь». В итоге – в классе две пятёрки, и одна – моя. Это вдохновило.

При подготовке к устным экзаменам сказались пропуски некоторых разделов программы 9-го класса, связанные с ранним выездом в Москву для подготовки здания школы к эвакуации. В первом же полугодии 10-го класса серьёзные занятия самоподготовкой были ограничены потерей времени на дорогу. К каждому экзамену готовился сутками. Поддерживался крепким чаем, махоркой и приличным здоровьем. После сдачи экзамена спал 12 часов и сел за новый предмет.

Во время подготовки на свежем воздухе в парке познакомился с офицером-фронтовиком, поступавшим в Ветеринарную Академию. Помогал ему вспоминать «азы» средней школы. Предлагал учебники. Старший лейтенант Степан Подоляка оказался интересным человеком.

Пришёл вызов из Училища, где указывалось, что проездные документы до Ленинграда надо получить в Райвоенкомате. Там мне сразу сказали:

- Ишь, какой хитрый! У нас разнарядка. Поедешь в лётное техническое училище.

Рассказал о своей беде Степану. На следующий день он зашёл ко мне в форме лётчика с орденами. Мы поехали в Люберцы. Сначала военком категорически отказал. Степан убеждал его, что «брат» всё равно поступает в военное училище. Громкий разговор я слушал из коридора. Военком говорил, что у него разнарядка на 20 юношей в училища, а в районе оканчивают среднюю школу только пять и трое из них к службе не пригодны. Степан парировал:

- Всё равно разнарядку не выполните!

Военком сдался и крикнул начальнику Отдела:

- Выпиши ему проездные в Ленинград. Чёрт с ним, пусть едет!

Вышли из Военкомата довольные. Степан предложил этот успех отметить.

Фото 23 1945 г. Москва. Кузьминки. Аттестат зрелости.

Школьный выпускной вечер почему-то откладывался, и я решил ехать в Ленинград. Скромный прощальный ужин. Э.Мурашко расстроился до слёз. Порицал себя за отказ нормально окончить среднюю школу. Я пообещал ему подробно написать об условиях приёма в Училище.

Так произошёл перелом в моих планах стать архитектором.

Л Е Н И Н Г Р А Д (ю н о с т ь)

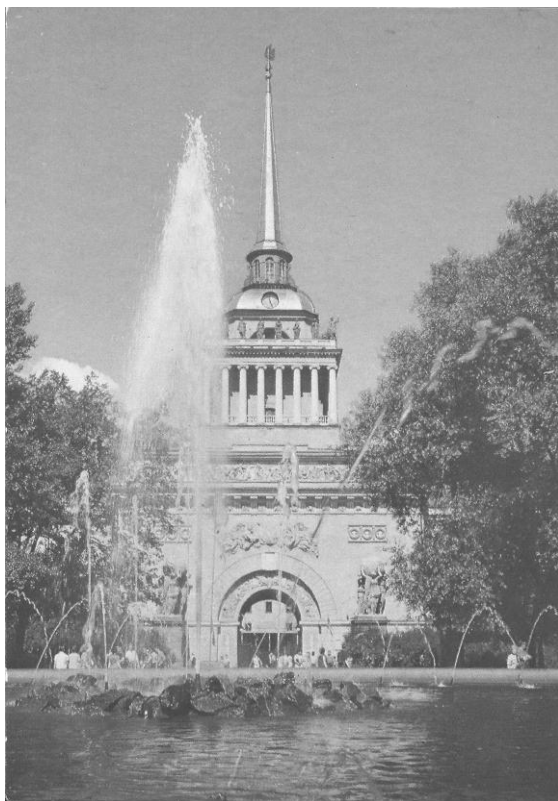
«В целом мире нет,
Нет красивее
Ленинграда моего!»
(А.Фатьянов)

С большим трудом оформил по проездным документам билет на поезд, который прочему-то долго тащился окольным путём через Савёловскую дорогу. В переполненном вагоне мальчонка, очевидно, беспризорник, развлекал пассажиров частушками «про барыню». Приплясывая, он пел «барыня ты моя, сударыня ты моя», делая ударение на букве «ы». Многие смеялись, и кто чем мог одаривали мальчишку. Впоследствии несколько раз встречал этого «артиста» с его «барыней» в поездках между Ленинградом и Москвой. У меня сложилось мнение, что выступал он не для милостыни, а ради удовольствия выступать перед публикой.

Поезд приближался к Ленинграду. За окнами всё чаще мелькали разрушенные дома, железнодорожные станции, «полуголый» редкий лес, пострадавший от артиллерийских и миномётных обстрелов, разбитая военная техника. Перед приездом познакомился с парнем, который направлялся в то же училище. Вышли на привокзальную площадь и увидели в перспективе Невского Адмиралтейский шпиль, под которым нам предстояло прожить более пяти лет.

Главный вход оказался со стороны Медного всадника. В вестибюле, на подиуме – часовой возле Знамени Училища; слева – комната дежурного по Училищу. Всё строго, торжественно. После формальностей с документами нас провели в жилой корпус и определили место для подготовки к экзаменам – зал проектирования. Мы – 16-я рота кандидатов в курсанты.

Если в предвоенные годы в это, тогда единственное высшее инженерное, да ещё военно-морское училище конкурс был, как теперь в МГУ, ГИТИС или МГИМО, то в первый послевоенный набор конкурсантов было совсем немного. В основном это – офицеры и старшины, имевшие среднее образование, ребята из тыловых городов, в коих средние школы работали нормально, группа ленинградцев, возвратившихся из эвакуации, и мы, спецшкольники.

*Фото 24 Ленинград. Здание Главного Адмиралтейства.
Архитектор А.Д.Захаров. ВВМИОЛУ им. Дзержинского.
«...И светла Адмиралтейская игла.» (А.С.Пушкин).*

Из 5-й Московской поступали В.Кудрявцев (будущий вице-адмирал), я, Э.Мурашко, впоследствии – В.Наумов, а из спецшколы ВВС – наш, кузьминский В.Невзгодо. Офицеры имели звания капитана (В.Инфантьев, хорошо известный в литературных кругах Ленинграда), старшего лейтенанта (Ашот Саркисов – будущий вице-адмирал, доктор технических наук); было несколько лейтенантов. Был среди нас 18-летний командир партизанской бригады Ленинградской области младший лейтенант В.Егоров, Герой Советского Союза.

Встречались и проходимцы. Разоблачили среди кандидатов одного блокадника. Он в тяжелейшие годы блокады города за хорошую мзду занимался похоронами в состоятельных семьях, используя один и тот же гроб. Документы о среднем образовании у него тоже оказались «липовыми».

Экзамены сдавали небольшими группами. Главное – нужно было успешно сдать экзамены по русскому языку, математике, физике и химии. Вначале думал, что провалился, как ни странно, на черчении. На этом экзамене провал был у абсолютного большинства поступавших. Во время войны предмет черчение был не в чести, а во многих школах вообще отсутствовал. На экзамене нам раздали какие-то криво распиленные, рассверленные, расточенные многогранники в виде деревянных макетов и предложили в масштабе изобразить их в трёх проекциях и в аксонометрии. Я долго крутил макет в руках, пытался отыскать лучшие проекции и закончил тем, что просто нарисовал эту игрушку.

Приехал Э.Мурашко и в одном из следующих потоков, не без помощи друзей, тоже сдал вступительные экзамены. Всех сдавших экзамены распределили на различные работы. Одно время я с товарищами металлическими щётками чистили колонны Адмиралтейства напротив Зимнего дворца. Можно было сбегать на Невский, в коммерческий магазин, и купить хлеба в дополнение к солдатскому пайку. Потом ремонтировали на ул.

Дзержинского (Гороховой) квартиру командиру одной из рот Училища. После побелки я под потолком изобразил бордюр в виде венка из дубовых листьев. Привлекали нас на разгрузку барж и вагонов, прибывавших из Германии; на уборку территории Училища: во двор Адмиралтейства во время войны «залетело» 75 снарядов. Часть кандидатов отправили на заготовку дров. В бывшем прифронтовом лесу Герчиков подорвался на mine, потерял стопу. После выпуска он на протезе бегал по корабельным трапам, а набравшись опыта, стал главным инженером крупного судоремонтного завода в Прибалтике.

Так прошло лето. В сентябре на мандатной комиссии, просмотрев мои документы, Начальник строевого отдела капитан 2 ранга К.Радько спросил:

- Ты из Кузьминок? Но это же не Москва и, наверное, вас слабо учили?

- Я же учился в артиллерийской спецшколе!

- А! Это другое дело!

Накануне войны К.Радько занимал в Ленинградской военно-морской спецшколе такую же должность, как у нас в 5-й МСАШ капитан Корзун. Служба К.Радько в спецшколе отмечена в книге «Матросы Наркомпроса».

В сентябре было распределение по факультетам. Проводил его капитан 3-го ранга Хайндрава как-то весело. При оглашении фамилий, назначенных на Дизельный факультет, он по алфавиту произнёс:

- Осинин!

- Есть!

- Подосиновик!

- Есть!

В строю пробежал смешок. Закончив читать, Хайндрава подал команду:

- Дизелисты и паросиловики – направо, остальная мелочь – налево! По факультетам разойдись!

Кудрявцева, меня, Мурашко и Невзгодо зачислили на самый большой, Дизельный факультет. На факультете

готовили инженер-механиков подводных лодок и надводных кораблей с главными дизельными энергетическими установками. Большую группу определили на Паросиловой факультет. Самая маленькая группа, один взвод, – медалисты и «сынки» – пополнили Кораблестроительный факультет и группа на порядок больше –Электротехнический.

Нас одели в мешковатую курсантскую форму с одной галочкой на рукаве. Перевели питание на 9-ю, курсантскую норму.

30-го сентября 1945 г. мы приняли Военную присягу и были зачислены на действительную военно-морскую службу.

Первое октября. Начало учёбы. Нас построили в каре во дворе Училища. Перед строем в сопровождении наших адмиралов прошёл 83-летний Герой Социалистического труда, Заслуженный деятель науки и техники, Лауреат Сталинской премии, Академик Алексей Николаевич Крылов.

С импровизированной на кузове грузовика трибуны он выступил с напутственной речью, в которой, в частности, трансформируя Ленинский призыв, сказал:

- Вычисляйте, вычисляйте и ещё раз вычисляйте!

Это его выступление было последним. Через две недели его проводили в последний путь.

В своём «Посвящении Дзержинцам» – выпускникам первого послевоенного набора – к юбилейной встрече в 1995 г. одноклассник В.Шарок писал:

Мы помним, как Крылов великий,
 В последний выступая раз,
 Нам, первокурсникам безликим,
 Давал отеческий наказ:
 Учитесь и отдайте Флоту
 Свои способности и пыл.
 А мы ещё не понимали
 Кто нас на Флот благословил!

Фото 25 Ленинград. 1946 г. ВВМИОЛУ им. Дзержинского. Дизельный факультет. Класс Д-15. В первом ряду справа – автор.

Удивительный был человек, достойный памяти потомков. У нас ведь чаще вспоминают политиков, людей искусства, спортсменов. А жаль!

Пятнадцатилетним мальчиком, движимый патриотизмом, «с небывало высоким баллом» он сдал вступительные экзамены в подготовительный класс Морского училища, после окончания которого началась его могучая разносторонняя научная и практическая служба России и Советскому Союзу.

Близко знавшие его писали: «Современнику трудно определить, что в нём было наиболее важное, значительное. Преподавание свыше 50-ти лет в Морской Академии, творческая работа на высших постах по военному судостроению или обширная, чисто научная работа по математике, механике, астрономии, баллистике, компасному делу, по теории корабля. Его отличала исключительная страсть к труду, он отдыхал, переходя из одной отрасли науки к другой, поражала изумительная память, быстрота и законченность любой работы. Вместе с тем, он был выдающимся прикладником.»

Происходил А.Н.Крылов из когорты знаменитых деятелей русского дворянства. Его родственниками были: профессор астрономии М.В.Ляпунов, академик математики А.М.Ляпунов, академик-филолог Б.М.Ляпунов, композитор и музыкант С.М.Ляпунов, физиолог И.М.Сеченов, офтальмолог Филатов и другие.

Царский генерал, потомственный дворянин, очевидно, не без колебаний принял Советскую власть. Но как истинный русский патриот, он очень много сделал для восстановления народного хозяйства, разрушенного Первой мировой и Гражданской войной. Пользуясь своей широкой известностью за рубежом, он очень выгодно закупал в европейских странах пароходы для перевозки из Швеции паровозов и из других стран крайне необходимых нашей стране грузов. Авторитет его был огромен. Говорили, что в ЦК ВКП(б) обсуждался проект громадного корабля.

Пригласили Крылова. Ознакомившись с проектом, он смело заявил, что такой корабль не отойдёт от причала. Тогда И.В.Сталин сказал:

- Я верю этому человеку!

Во время войны, оставаясь в Ленинграде, он и многие его коллеги «с увлечением работали киркой и лопатой» по воздвижению противотанковых рвов на подходах к внешнему обводу Ленинграда.

«Это было трогательно и очень патриотично, – писал адмирал И.Исаков – но вряд ли целесообразно». По специальной Директиве ГКО почтенных стариков – корифеев науки – эвакуировали самолётом в Казань. Там он написал прекрасные «Мои воспоминания». Эту книгу в академическом издании 1942 (!) года на пожелтевшей газетной бумаге и в тоненьком переплёте бережно храню. Я её выменял в библиотеке Дома офицеров им. П.П.Шмидта в г. Очакове на такую же книгу в хорошем состоянии, но более позднего издания.

На торжественном построении 1-го октября присутствовало всё руководство Училища. Начальник Училища, ставший вскоре инж.-контр.-адмиралом, М.А.Крупский; Начальник политотдела, кап.1 ранга Немов; Начальник строевого отдела, кап. 2 ранга К.Радько; Начальник нашего факультета, инж.-кап.2 ранга Лобач-Жученко; командир нашей роты, инж.-кап.-лейт. Фортуна; начальники и командиры рот других факультетов.

Нам предстояло посвятить учёбе и службе в этом Училище годы, отмеченные многими судьбоносными, ответственными, поучительными, а порой и забавными эпизодами.

В правой части внутреннего двора Адмиралтейства находился наш спальный корпус, где на втором этаже было казарменное помещение. Ротные «кубрики» с двухъярусными плотно установленными койками и прикроватными тумбочками. В окнах вместо стёкол – фанера, окрашенная

ультрамарином. Здесь мы только от отбоя в 23⁰⁰ часа и до подъёма в 7⁰⁰ часов.

Фото 26 Ленинград. Начальник ВВМИОЛУ им. Дзержинского инженер-контр-адмирал Михаил Александрович Крупский.

Подъём. Свистят боцманские дудки дежурных по ротам. Раздаются многоголосые команды: «Рота, подъём!», «Взвод, подъём!», «Отделение, подъём!». Команды препровождаются названием номеров рот, взводов, отделений и сливаются в общий гул голосов младших командиров. Мы ещё не проснулись, а уже звучит команда: «Выходи

строиться!» Не успеваем шнуровать рабочие ботинки. Кто-то предложил, и мы вместо шнурков используем куски алюминиевого провода. Их продеваем в отверстия для шнурков и загибаем с двух сторон. Кубарем катимся по лестнице во двор на построение. Старшины рот младших курсов особенно торопят. В арке под шпилем стоит дежурный по Училищу и записывает очередность рот, выходящих на зарядку в Александровский сад или на пробежку вокруг сада.

После зарядки – короткое время для заправки коек, утренний туалет и снова построение на утренний чай. Потом повзводно, согласно расписанию, строим следуем на занятия. Две пары лекций или практических занятий – и довольно плотный завтрак. На занятиях хочется вздремнуть, особенно в тёплых аудиториях.

С окончанием занятий – построение на обед. Большая столовая с общими длинными столами, после распределения за которыми звучит команда:

- Садись!

Пообедали, и опять команда:

- Встать! Выходи строиться!

До войны и после нашего выпуска в столовой было организовано питание за столиками на четверых.

Отобедав, мы имели около часа личного времени, а далее – обязательная самоподготовка, которая, как правило, проводилась в классных помещениях, выделенных для каждого взвода.

Самоподготовка проводилась, как и плановые занятия, по звонкам и строго контролировалась. За её ходом, особенно первое время, наблюдали старшины и командиры рот, дежурная служба. Однажды в нашу группу зашёл в сопровождении Начальника Учебного отдела и Начальника факультета Начальник Училища М.А.Крупский (племянник Н.К.Крупской) в новом звании инженер-контр-адмирал. Дежурный скомандовал, доложил. Крупский осмотрел нас, помещение и сказал:

- У вас окна как декорации в провинциальном театре. Вольно! Продолжайте!

По звонку строились на вечернюю прогулку, скудный вечерний чай и на вечернюю поверку. В 23⁰⁰ - отбой.

Такой распорядок дня выдерживался почти все годы учёбы. Слушатели-офицеры после занятий могли уходить домой.

Набор дисциплин нашей подготовки был богатым и разносторонним. Высшая математика с дифференциальным и интегральным исчислением, с векторной алгеброй, физика, химия, термодинамика, гидравлика, теория машин и механизмов, сопротивление материалов, начертательная геометрия, теория и конструктивный расчет двигателей, теория корабля, электротехника, аккумуляторные батареи, электрооборудование кораблей и подводных лодок, управление подводной лодкой, вспомогательные механизмы, корабельные системы и устройства, корабельная артиллерия, минное дело, паровые котлы, секретное делопроизводство, история, основы Марксизма-Ленинизма, политэкономия социализма и другие. Кроме этого – изучение воинских уставов, физическая подготовка, строевая подготовка, стрелковая подготовка, несение дежурной и караульной службы.

При таком наборе дисциплин Начальник строевой части, кап.2 ранга Радько констатировал:

- Мы готовим из вас строевых офицеров Флота с лёгким инженерным уклоном.

Первый курс, он, пожалуй, «трудный самый». Необходимо вживаться в ритм курсантской жизни, осваивать премудрости теоретических общеобразовательных дисциплин высшей школы, азы уставных взаимоотношений. Нам, бывшим спецшкольникам «военного образца», было легче.

По существовавшей курсовой градации образ первокурсника определялся так:

Вид унылый, лбы забриты,
Малый вес и габариты;
Ходят все, повесив нос,
Изогнувшись в знак-вопрос.

При весьма напряженном распорядке дня находилось, однако, время и для шуток, и даже для «шалостей».

*Фото 27 Ленинград. 1945 г. ВВМИОЛУ им. Дзержинского.
Первый курс.*

Вечерняя поверка. Это последний этап многотрудного дня. В предчувствии близкого отдыха настроение поднималось. В строю слышались воспоминания забавных эпизодов прошедших занятий, учений. С появлением командира роты, а он, как правило, проводил вечернюю поверку, звучала команда «Смирно!», и старшина докладывал командиру о всех присутствующих и

отсутствующих. Командир подводил итоги дня, отмечал успехи и какие-то упущения по службе, кого-то поощрял, кого-то наказывал. Потом отдавал распоряжения на грядущий день, читал поступившие приказы по Училищу. Это занимало не так много времени в большинстве рот, но вот в роте кап.3 ранга Кузьмина дело обстояло иначе. Он увлекался сентенциями и считал своим долгом ежедневно напутствовать «сынков».

Распределяя каждое напутствие по пунктам, он нудно и длинно уточнял то, что хотел сказать, иллюстрируя примерами из личной жизни и службы. Потом, забываясь, спрашивал:

- Старшина! Во-каких там?

- Во-шестнадцатых, – отвечал старшина.

Нравоучения продолжались, а с обеих сторон его роты стояли курсанты других рот в ожидании, «когда же Кузя закончит, чтобы пройти в спальный корпус».

Слабоосвещённый длиннющий коридор спального корпуса в сизой табачной дымке. В конце коридора – помещения старших курсов с одноярусными койками. Последний перекур, туалет и желанный отдых.

Однажды, перед отбоем, из глубины коридора послышались нарастающие ритмичные удары турецкого барабана. Вскоре показалось стройное шествие. Закутанные в простыни, размеренным шагом шли участники какого-то ритуала. Впереди – барабанщик. Он определял ритм движения. За ним в сопровождении двух ассистентов с обнажёнными палашами шёл увенчанный чалмой «дароприноситель» и нёс на подушке погончики старшины. За ним четверо слуг, облачённых простынями, несли стул, на котором восседал виновник торжества. За стулом двигался в строю эскорт, в простынях и с палашами. Шествие в конце коридора разворачивалось и двигалось обратно в сторону спален старшекурсников. Это был ритуал возвращения в свою роту разжалованного на младшем курсе командира отделения. Вскоре такое «шоу» строжайше запретили.

Под личную ответственность нам выдали палаши, как элемент выходной формы одежды, и винтовки для несения караульной службы, участия в строевой подготовке и парадах.

Палаш – это рубяще-колющее оружие с прямым обоюдоострым клинком порядка 80 см. Клинок вставлялся в деревянные ножны, обтянутые тонкой чёрной блестящей кожей, а к эфесу пристёгивался «темляк» – кожаный волан. Крепился палаш на поясном ремне слева. В старину он был офицерским абордажным оружием. Потом стал частью формы гардемарин. У нас палаш был введён для курсантов высших военно-морских училищ в 1940 г. и отменён в 1958 г. В общем-то, он как-то дисциплинировал. В движении его нужно было поддерживать левой рукой.

За содержание палаша многие из нас были удостоены от старшин внеочередными нарядами или, в лучшем случае, выговорами. Клинок нужно было содержать идеально чистым с тончайшим слоем смазки. Сухой клинок – наказание, жирно смазан и в пыли – наказание. И всё-таки, он нам нравился. Кто-то из наших стихотворцев, да простит меня за цитирование по памяти, посвятил ему такие строчки:

Давно набросились поэты
На гардероб несложный наш.
Бушлаты, тельники воспеты,
И бескозырка. Лишь палаш
Оставлен ими без вниманья.
Оружью должное воздам я.
Тебя, палаш, воспеть хочу.
Палаш! Прекрасно сделан ты!
Оружью славному подобен.
Ты – воплощенье красоты
И в обращении удобен!

Далее восхвалялась его форма, отмечалась его верность в похождениях владельца и «награды» за содержание:

И смотришь, уж к пяти годам
Ты сможешь напугать не только дам.
Воскликнет обладатель:
«О, создатель!»
И палубу тобою без труда
Мести, пожалуй, сможет он тогда.

К окончанию Училища у многих кожа ножен лохматилась. После нашего выпуска были случаи, когда курсанты применяли палаш во время разборок на молодёжных тусовках.

Немало нам доставалось и за содержание винтовок. Пылинки в канале ствола карались немедленно. Ну, а если нет смазки, если появилось где-то пятнышко ржавчины или смазка обильная – не миновать «фитиля».

Хранили мы палаша и винтовки в спальном корпусе, в специальных пирамидах. Чистить оружие приходилось в личное время, когда открывались замки пирамиды.

Замки в пирамидах установили, когда один из курсантов, оказавшись поражённым 1937 годом, воспользовавшись отсутствием в спальне дневального, пустил себе пулю в небо. Картина была страшная.

По рассказам товарищей, он воспитывался у тётки и не знал, что мать была репрессирована. Учился хорошо, был активистом. Его избрали секретарём комсомольской организации. Во время отпуска тётка ему рассказала о матери. Возвратившись из отпуска, он сообщил об этом в политорганы. Началась его морально-политическая обработка: вызовы к командирам и начальникам, в политорганы, в Партийную комиссию, обсуждение на собраниях, снятие с комсогов, исключение из комсомола. Такой обработки он не выдержал.

Закончился первый семестр. Сданы зачёты, экзамены. Короткие зимние каникулы. Я получил разрешение на отпуск с поездкой в Москву. Товарищи по учебной группе поздравили, а Коробов и Сергеев попросили зайти к их родителям, передать привет и привезти от них посылки. Дома я впервые в морской форме. Мама, конечно, гордится. Знакомые, школьные товарищи и друзья детства поздравляют. Отдохнул, отоспался. Еду на Ленинградский проспект к Коробовым. Его отец – крупный инженер в авиастроении. Шикарная квартира. Встречает мать – дородная, видно, знающая себе цену женщина. Посмотрела на меня подозрительно и не пригласила дальше прихожей. Следующий раз заехал в Уланский переулок к матери Сергеева. Скромная старомосковская квартира в доме с двором-колодцем и неопрятным подъездом. Мать Сергеева приняла приветливо. Расспрашивала о нашей жизни и учёбе. Передала небольшую посылку.

Пора и возвращаться. С билетами на Ленинград – трудности. Пришлось к проездным документам прилично доплатить за место в спальном вагоне. Вторым пассажиром оказался курсант первого курса Военно-морского училища им. М.В.Фрунзе. Он ехал из Берлина, где служил тогда его отец, и вёз два аккордеона для Училища. Делился беглыми воспоминаниями о Берлине. Угостил сигарой. Потом показал, как такая сигара, погружённая в стакан с водой, превращается в белую бумагу, а вода становится бурой. Прибыл в Училище без замечаний и опозданий.

Изучаем те же общеобразовательные дисциплины, но с более глубокими теоретическими выкладками. Осваиваем лабораторные работы, несём дневальную и дежурную службу. Усложняется наша физическая подготовка.

Физической подготовке будущих флотских офицеров, естественно, уделялось большое внимание. Кафедра была расположена в просторных помещениях левого крыла Адмиралтейства. Начальник кафедры – солидный

полковник Викторов – выглядел как чемпион боксёрского ринга или борцовского ковра после неудачного выступления. Всегда какой-то хмурый. Широкое лицо его с надбровными дугами и покатым лбом выражало, как мне казалось, какое-то безразличие. На занятиях мы его не встречали.

Преподаватели были строгими, но более общительными. Кафедра имела всё необходимое оборудование – и снаряды, и имущество – для проведения полноценных занятий.

Конечно, нам, кто пережил в период становления организма многолетний голод и холод военной поры, было непросто выполнять некоторые упражнения. Основное внимание в нашей физподготовке уделялось гимнастике на спортивных снарядах. Для меня прыжки через коня или козла не были проблемой. На перекладине и брусьях с трудом, но что-то получалось. Но одолеть болтавшийся под потолком канат без помощи ног я не мог. Нужны были длительные дополнительные тренировки. Бегать часто в спортзал в личное время через весь двор Адмиралтейства не было особого желания, да и времени.

Для «избранных» спортсменов на кафедре работали секции. Среди наших курсантов были выращены чемпионы Военно-морских учебных заведений и даже чемпионы Вооружённых сил по боксу, борьбе, спортивной гимнастике.

Быть спортсменом-любителем – это хорошо и полезно. Но, когда человек в мечтах о славе и популярности уходит от своей профессии в спорт, хочет стать спортсменом-профессионалом, – не у всех это получается. Спортсмен-профессионал всегда стремится стать лидером в своём виде спорта, стремится всегда обойти товарища, соперника. Конечно, спорту присуща состязательность. Формируется характер напористого индивидуалиста. Даже в командных видах спорта каждый стремится сам добиться успеха даже в случаях, когда товарищ по команде мог бы сделать это легче, проще и лучше.

Не у всех спортсменов, ставших профессионалами, хватает воли, сил и здоровья добиться выдающихся результатов, стать известным. Неудачники или ленивые обустроиваются возле спортивных структур, уходят в охрану, в торговлю, в криминальные общества. А добившись обогащения – тянутся в высокие политические сферы.

Спортивными играми, кроме футбола, в Училище не увлекались. Наша футбольная команда среди Ленинградских училищ пользовалась успехом.

Большим подспорьем в нашем физическом развитии была утренняя зарядка, чередовавшаяся с пробежкой вокруг Александровского сада. Однако, сразу после сна интенсивную пробежку, особенно зимой, не все могли нормально переносить. Помнится, было даже два летальных исхода. После этого нам приказали в холодную погоду обязательно на зарядку и пробежку надевать «сопливчики». Это так называемые галстуки, которые состояли из небольшого полукруглого байкового передника, пришитого к шейному поясу с крючками сзади. На пояс подшивался белый подворотничок. Одевались галстуки под бушлат или шинель.

В Училище по инициативе сверху проводились различные кампании: по борьбе с курением в неположенных местах, по борьбе с неправильным использованием унитазов, с клёшевыми брюками, с литыми якорьками на погончиках, а также внедрялся «бирконтинизм» и другое.

Бирконтинизм заключался в креплении на почти всех индивидуально принадлежащих предметах, на ячейках пирамид для винтовок и палашей бирок 3x8 с указанием номера роты или класса, фамилии владельца. Кто-то из шутников отловил во дворе и пустил по коридору учебного корпуса щенка, у которого на хвосте была бирка с указанием факультета и клички.

Приказали как-то мне прибыть к Начальнику факультета. В его кабинете уже было трое товарищей старших курсов. Обсуждался проект эмблемы факультета. Из представленных образцов утверждена была круглая,

диаметром порядка 60-70 мм эмблема. В средней её части красовалась заглавная буква «Д», из чрева которой выплывала подводная лодка, а над буквой развевался флаг ВМФ. Эмблема должна была иметь место на всех классных журналах слева вверху, на другой учебной и строевой документации. Каждому из рисовальщиков, в числе которых оказался и я, приказали изготовить по десятку таких эмблем. Они сохранились до конца учёбы. Вот бирки как-то постепенно упразднились.

В гальюнах двери кабин возвышались над полом. Некоторые командиры рот, дежурные и старшины приходили и смотрели, видны ли ноги посетителя. Если ног не видно, значит, он сидит «орлом» и его ждало наказание, чаще в виде уборки гальюна.

Для борьбы с курением во многих местах закрепили небольшие плакаты с призывом на русском, английском, немецком и французском языках: «Не курить!». За курение в неположенных местах можно было угодить на гауптвахту.

Гауптвахтой наказывали в зависимости от серьёзности проступка и настроения начальника различными сроками и на строгий или простой арест. Наша гауптвахта находилась в самом углу левого крыла Адмиралтейства. При наличии арестантов от факультетов назначался караул. На строгой кормили горячей пищей через день. В камере строгой на стене кто-то нацарапал признание:

Заступила паросила -
 Всю неделю не кормила.
 Заступила электричка –
 Стал я тоненький, как спичка.
 Заступил корабел –
 Я едва не околел.
 Заступили дизеля –
 Стал я толстый, как свинья.

Очевидно, автор принадлежал к Дизельному факультету.

Заканчивается первый год обучения. Сданы зачёты и благополучно закончились экзамены. Нас, как студентов, стипендией не воспитывали, но за двойки жёстко наказывали: запрещали увольнения в город, прорабатывали на комсомольских собраниях и перед строем роты награждали лишними нарядами на работы или дежурства, строго назначали сроки пересдачи. Надо признать, что двойки во время экзаменов были очень редким явлением, как и отчисления по неуспеваемости.

Впереди – первая морская практика. Трудно переоценить в деле нашего становления значение ежегодной летней практики, особенно, если она была хорошо организована и спланирована. После весенних семестровых зачётов и экзаменов нас направляли на корабли флота, где мы чувствовали себя моряками, закрепляли полученные знания и обретали навыки по специальности. Практика обычно продолжалась два с половиной – три месяца. После первого курса – «оморячивание».

Всем курсом прибыли в Кронштадт. Нас ожидал учебный корабль «Комсомолец».

Впервые на настоящем корабле. Предстоит овладеть всеми «прелестями» службы матроса: научиться драить, скатывать и лопатить деревянную палубу; во время авральной погрузки – таскать тяжёлые рогожные кули с углём и сыпать него в угольные ямы; выгружать шлак; нести дублёрами вахту в кочегарке и у паровых машин; нести караульную службу; вахту впередсмотрящего: нет ли по курсу мин; изучать флажный семафор и морзянку со сдачей зачётов на время; научиться подавать сигналы боцманской дудкой; вязать из тросов различные узлы; выполнять обязанности бочкового, рассыльного, уборщика и т.п., а так же проверить свою восприимчивость к морской болезни.

Организационно нами управляли командир и офицеры корабля, руководители практики из числа офицеров

Училища и младшие командиры из сокурсников – старшин, имеющих опыт воинской службы.

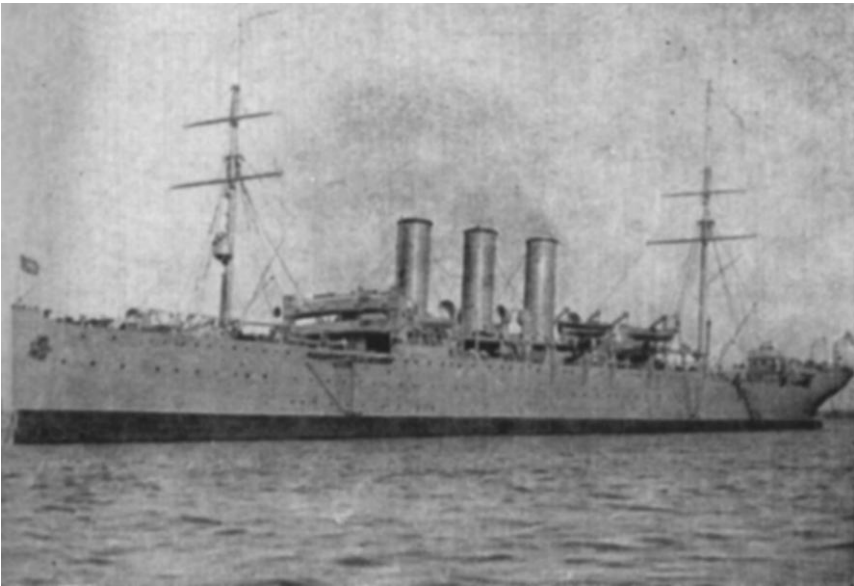

Фото 28 1946 г. Учебный корабль «Комсомолец».

Командир корабля – солидный седовласый капитан 2 ранга – редко появлялся «на людях», поговаривали, что он был понижен в звании и должности за какие-то прегрешения. Старший помощник – капитан 3 ранга – небольшого роста, худощавый, суетливый, всегда покрикивающий с густым посевом боцманского лексикона. Помощник командира – спокойный, симпатичный, элегантный капитан-лейтенант, грузин. Командир электромеханической боевой части – пожилой капитан 3 ранга – всегда чем-то озабоченный. Остальные офицеры корабля с нами общались редко.

Наш «Комсомолец» – довольно большой трёхтрубный угольный учебный корабль. На нём всё как на кораблях старого русского флота. На бронзовых оголовниках кнехтов отлито первоначальное его название – «Океань» с буквой «ять» на конце. Койки наши – в виде парусиновых

гамаков. По команде «отбой» они подвешиваются на крючках в большом кубрике, а по команде «вставать, койки вязать» – убираются в специальных местах на рострах.

Главная энергетическая установка. Громадные паровые котлы с огнедышащими топками. Жара. Сквозняки от воющих вентиляторов. Слышно шипение пара и постукивание «донок» – водяных поршневых насосов. Угольная пыль, горки раскалённого шлака. В машинном отсеке мелькают шатуны компаундных паровых машин тройного расширения пара, вращаются коленчатые и гребные валы, шипит пар, слышен посвист электрогенераторов. В общем, здесь трудятся «духи».

Пока стоим в Кронштадте, осваиваем шлюпку. Чтобы в неё забраться, нужно пробежать по выстрелу и спуститься в шлюпку по штормтрапу (верёвочная лестница) или по шкентилю с мусингами (канат с опорными узлами). Выстрел – это длинное бревно, шарнирно закреплённое к борту. При необходимости оно отваливается перпендикулярно к борту. На нём крепится леер (трос), за который можно удержаться при потере равновесия. По выстрелу нужно передвигаться бегом и потом спускаться в шлюпку.

Заняли место в шлюпке. Через мегафон звучит команда руководителя: «Ходить вокруг корабля по солнцу!». Это значит, по часовой стрелке. Мы дружно гребём вёслами под покрики рулевого: «Два-а-а, раз! Два-а-а, раз!», «Левые – суши вёсла!» (вёсла параллельно воде), «Правая – табань!» (гребни в обратную сторону), «Вёсла на валёк!» (вёсла вертикально для приветствия) и т.д.

При хорошей погоде – купание. Прыгаем в воду прямо с борта, а это довольно высоко. Как-то один из наших товарищей прыгнул и во время полёта вспомнил, что не снял часы. Он в полёте выбросил левую руку вверх. Мы ему посочувствовали.

Пора в море! Нам предстоит пройти почти всю Балтику. Но ведь в Финском заливе, по утверждению

Н.Г.Кузнецова, за время войны было «насыпано» более 60 тысяч мин. Опасно. Поэтому «Комсомолец» уходит без нас. Курсантов разместили группами на стотонных тральщиках. У входа в Финские шхеры перебираемся на «Комсомолец» и следуем в Хельсинки. Проходя по узким шхерам, любуемся необычными красотами природы.

В Хельсинки сход с корабля не разрешён. Знакомились с городом с высокого ходового мостика при помощи оптики. В порту, в специальных пирамидах, стояли сотни неохраняемых велосипедов, на которых прибывали и убывали портовые рабочие. На остановках трамваев сначала выходят женщины и входят в трамвай сначала женщины. Как-то это не по-нашему. Наблюдали парусную регату. Десятки яхт с белоснежными парусами из гавани уходили в море. Это тоже как-то пока не по-нашему.

Проходили размагничивание корабля для защиты от магнитных мин. Буксир несколько раз проводил наш «Комсомолец» вокруг небольшого острова. Сначала замерялось магнитное поле корабля на всех курсах. Потом через кабели, проложенные по дну, создавалось опрокидывающее магнитное поле. Так на некоторое время значительно снижалась напряжённость магнитного поля нашего корабля.

После размагничивания следуем по курсу. В одном из наших портов принимаем на борт большую группу молодых матросов, а на буксир – два торпедных катера. На переходе попали в приличный шторм. Размашистая килевая качка. Тяжело было смотреть на молодых матросов. Большинство из них лежало в проходах и коридорах, не успев дойти до галюнов. Как выдержали шторм торпедные катера? Их личный состав было откровенно жалко.

Я был назначен рабочим по камбузу. Из «бочковых» почти половина не пришли за обедом. Кок, старый мореман, бледный лежал на банке (скамейке). Хорошо заправившись, я обслуживал тех, кто смог прийти за обедом. К утру шторм утих.

Моим младшим начальникам понравилось назначать меня на работу по выгрузке шлака. Вращая розмахом ледёнки, нужно было поднять бадью со шлаком на палубу и высыпать шлак за борт, посыпая дно морское. Во время очередного развода на работы я не выдержал и пробурчал:

- Работаете один, а как работа кончена, глядишь, стоят три дольщика: Ильясов (старшина роты), Зуев (командир отделения) и Решнин (помкомвзвода).

За декламацию в строю Некрасовских виршей получил ещё одно внеочередное назначение на шлак.

Подходили к Балтийску (Палдиски). На пакгаузе порта огромными чёрными буквами по-немецки написано: «Победа или Сибирь», а невдалеке чернело несколько корпусов затопленных судов.

В Свиномюнде (Свиноуйсьце) высадили матросов-новобранцев. Нам разрешили экскурсию в город. Странно было видеть в 1946 г. сохранившиеся таблички с названиями: «площадь Гитлера», «улица Блюхера» и с фамилиями других деятелей Третьего рейха.

Здесь же познакомились с парусником, получившим у нас название «Иван Крузенштерн». На нём находилась часть немецкой команды для передачи опыта управления парусами. Таких парусников в Германии было несколько. Как пояснил нам боцман, во время войны они беспрепятственно возили из Чили селитру. Спросили, между прочим, у боцмана:

- Где лучше, при фашизме или при социализме?

Ушлый немец через переводчика ответил:

- По мне какая ни власть, лишь бы жилось всласть.

Это чувствовалось по его фигуре.

Нам выдали какие-то мелкие деньги, на которые можно было купить открытки с видами Штеттина и других городов. Старпом где-то купил гуся. Попросил одного старшину отнести плотно завёрнутую покупку на корабль.

Через день или два гусь, лежавший в тёплом рундуке, дал о себе знать. Когда старшина отнёс его

старпому, тот сначала обрадовался, а потом, понюхав, стал изысканно бранить старшину и приказал гуся выбросить за борт.

Перед возвращением поступило распоряжение принять на борт группу демобилизованных моряков, прослуживших, с учётом войны, почти два срока. Нужно было их доставить в наш портовый город, имевший железнодорожную связь с Россией. У большинства был приличный багаж, а некоторые были с жёнами. Суеверный старпом категорически запретил пропускать на корабль женщин. Когда мы были уже в море, старпом в ужасе на своём лексиконе кричал с мостика, увидев, как на полубаке наши пассажиры со своими жёнами играли в карты. Оказалось, что они жён пронесли в спальных мешках под видом багажа.

Обратный путь был означен заходом в наши военноморские базы для ознакомления с портами, пополнения запасов и отработки элементов программы практики.

В Пиллау познакомились с трофейной подводной лодкой одного из последних немецких проектов. У неё был двойной прочный корпус, в поперечном разрезе – перевёрнутая цифра «8». Нижний корпус был заполнен аккумуляторной батареей, а во впадинах восьмёрки размещались цистерны легкого корпуса.

Интересными были главные двигатели, устройство работы дизелей под водой, электродвигатели экономичного хода и другие новшества по тому времени.

Отрабатывали с причала водолазную подготовку в трёхболтном снаряжении. Одноклассник Виноградов почему-то не стравил из костюма затылком через клапан излишний воздух, подаваемый помпой. Костюм раздуло и его без одной свинцовой галоши выбросило как поплавков на поверхность. Инструктор предложил желающим пойти под воду с одной свинцовой галошей и поискать вторую.

Я напросился. Необходимо было больше стравливать воздух так, чтобы костюм облегал тело. Тогда обеспечивалась

отрицательная плавучесть, и ногой без свинцовой галоши можно было нащупать потерю.

Через несколько шагов по дну я почувствовал под ногой что-то твердое и рельефное. Оказалось – немецкий автомат. Ещё несколько шагов – и я нащупал винтовку, автомат и пистолет. Просигналив наверх, я поднялся и передал трофеи инструктору. При следующем погружении обнаружил и злополучную свинцовую галошу. Как только с меня сдёрнули костюм, мне приказали зайти в каюту к незнакомому офицеру. Он попросил подробно рассказать, где и как я добыл оружие.

В Либаве сдавали зачёты по плаванию на милю (1852 м). Пасмурная прохладная погода. Спортивный руководитель ведёт нас к какому-то пляжу. Сетуем на погоду и просим перенести мероприятие на лучшее время. Он нам рассказывает о необходимости закаляться и приводит примеры о методах закалки в японской Квантунской армии. Из строя реплика:

- Видно, поэтому она так быстро капитулировала!

На пляже – ни души. Маленький пирс. Это старт. С него толкают в воду тех, кто «стесняется». Столкнули и курсанта Трейгера. Он плавать не умеет, отчаянно машет руками, а в глазах – страх. Шутники кричат:

- Марк! Ушами подгребай!

Было там не глубоко, и он вышел на берег.

Плыву, экономя силы, меняя стили. Всё-таки, почти 2 км. В означенном месте выхожу из воды. Всю кожу как-то стянуло. Страшная боль продолжалась несколько минут. Многие не дотянули до финиша.

Прибыли в Таллинн. Стоим на внешнем рейде. Идти в Хельсинки не разрешают. Вечером ещё раз запросили разрешение на выход и, не дождавшись ответа, снялись с якоря. Дивная погода. Полный штиль. Небо и море в какой-то сиренево-голубой акварели. Такого я больше никогда не видел.

При подходе к Хельсинки застопорили ход. Береговая батарея Свеаборгской крепости отрабатывала стрельбу по морским целям, то есть, по буксируемому щиту.

После окончания стрельбы прибыли в Хельсинки. Короткая стоянка – и спешим домой, а там и в отпуск. Больше всех волнуется помощник командира. Должен успеть ко дню рождения молодой жены.

Довелось нам, запамятовал в каком порту, принять участие в таком аврале, как погрузка угля. Последующие поколения моряков уже не имеют об этом представления.

В погрузке, как в большой авральной работе, принимают участие все члены экипажа. О дне погрузки оповещали заранее, чтобы подготовить старую робу, чехлы на голову, приготовить приборочный материал.

Перед началом погрузки задраиваются все иллюминаторы, двери, люки. Буксир подводит к борту баржу, на которую с корабля подаются широкие сходни. Матросы и мы, курсанты, выстраиваемся цепочкой. Наиболее сильные матросы по сходням подают на палубу рогожные кули, в которых килограмм по 50 и более «чёрненького». На палубе куль подхватывает очередной из цепочки, тащит его и высыпает содержимое в угольную яму. Над кораблём и баржей поднимается облако угольной пыли. Она проникает во все щели. Экипаж превращается в чернокожих, блестят только глаза и зубы, как у шахтёров.

С окончанием погрузки баржа отводится от корабля и начинается его «умывание». Раскатываются шланги, вооружаются пожарные стволы и десятки мощных водяных струй смывают угольную пыль с надстроек, переборок, палубных механизмов, с палубы и бортов. Надстройки, переборки, механизмы протираются ветошью, а палубу лопатят и швабруют. Производится приборка во всех помещениях. Личный состав моется в бане. К ужину корабль принимает нормальный вид.

Снова мы в Кронштадте. Оттуда катерами следуем в Ленинград. Предотпусная суета: сдача на хранение того, что

в отпуске не нужно, и получение отпускных билетов, проездных документов и продовольственных аттестатов. Поезд в Москву, а там и Кузьминки. Первый летний отпуск. Встречи с родственниками, друзьями, школьными товарищами. Мама очень рада, гордится. Прогулки в парке, посещения кинотеатров в городе и в Академии, чтение художественной литературы. Танцы я «не праздную», бываю редко. Мне претит этот отдых в пыльном, пропахшем духами и потом помещении с грохочущей музыкой и встречами с подвыпившими сверстниками. Но отпуск – «как наше северное лето: мелькнёт – и нет».

Собрались мы после первого отпуска, делились впечатлениями. Я рассказал, как ехал из Москвы. Билетов нет. Вагоны переполнены. В вагон не пускают. Некоторые проникают даже через окно. Подхожу к проводнику:

- Начальник! Я всё равно пройду и уеду. Мне иначе нельзя!

- Но можно как-то договориться. Хотя бы здоровье поправить.

- Идём, поправим!

Приняв в буфете дозу, он быстро ведёт меня в своё купе.

- Залезай на багажную полку, матрас там есть, отдыхай.

Где-то после Калинина – контролёр. Увидел мои ботинки.

- А это что?

- Морячок. Шумел здесь, еле успокоил. Пусть спит, а то опять шум поднимет. Билет у него есть.

Контролёр пошёл дальше вершить свой контроль.

На второй год обучения были спланированы наиболее трудные теоретические дисциплины. К тому, же мы были

Вечно несущие службу патрульную
И обходную, и караульную.

Это обуславливало необходимость более серьёзно работать над учебными дисциплинами. Видимо, поэтому второй курс прошёл как-то быстро.

После окончания первого курса, по инициативе ленинградца Б.Жердина, большая группа нашего класса, сбросившись, отмечала на квартире его родителей, где-то на одной из Красноармейских улиц, это событие шумным мальчишником. Нам было по 18-19 лет. Гости, поздравления, шутки, приколы, воспоминания забавных эпизодов, общий смех.

Будучи прилично «под парами», я расчувствовался и кому-то из родителей Бориса поведал, что мне тяжело, ведь у меня отец репрессирован. На одной из самоподготовок Борис вспомнил, что ему об этом рассказали родители.

- Интересно, кто это был?

Я раскрываться не стал, продолжал читать учебник. Как стало известно на одной из встреч выпускников через 50 лет, в нашей группе было четверо поражённых 1937-м годом. Во время учёбы я и Ю.Ашихмин дополнили свои автобиографии этим фактом. У других же это прошло благополучно.

Среди новых дисциплин второго курса была электротехника. Лекции читал инж.-кап. 1 ранга Соловьёв. Поскольку в учебниках по электротехнике, на его взгляд, недостаточно чётко изложены некоторые разделы и не увязаны с корабельным электрооборудованием, он читал медленно, чтобы мы успевали конспектировать. Вопросы излагал доходчиво, интересно, говорил с «окающим» акцентом. Конечно, сразу наметилось отставание по графику. Он приходил иногда в субботу, когда не было самоподготовки, а чаще в воскресенье, чтобы наверстать упущенный материал. Во время контрольных работ и на экзаменах был строг. Если курсант начинал сочинять, он нервничал и прерывал:

- Кончайте мудрить! Подучите! Когда выучите, приезжайте пересдавать ко мне в Озерки. Сдадите – чайком угощу, а в воскресенье, может, и водочкой.

Начертательная геометрия была для меня интересным предметом. Постоянно требовалось решать задачки, чертить эпюры. На экзамене, ответив на все вопросы и решив задачки, я с удовлетворением посмотрел в сторону беседовавших между собой экзаменаторов.

- Хорошо, садитесь.

- Но я же ответил на все вопросы и решил задачки!

- Хотите оценку «отлично»? Тогда решите вот эту задачку!

Преподаватель на доске изобразил точку и под углом – черту. Подумав немного, я не стал определять третьей проекции и сказал:

- Ладно, «согласен на медаль».

Много времени было затрачено на изучение воинских Уставов, на несение дневальной, дежурной и караульной службы. Перед нарядом в гарнизонный караул усиленно изучался Устав гарнизонной и караульной службы.

На развод Гарнизонного караула нас отвозили в автобусах, а после развода направляли на объект охраны. Запомнилось, как в сильный мороз мы несли службу где-то за городом по охране артиллерийских складов. Посты были расположены вблизи кладбища. В шинели, тяжёлом до пят тулупе, валенках и с винтовкой – что мы могли сделать при внезапном нападении из-за деревьев, да ещё тёмной ночью? Слушали только, как на кладбище от мороза потрескивали деревья.

Физподготовка стала более интенсивной. Увеличилось число часов на занятия в спортзале. Первый семестр гимнастикой на снарядах упражнялись до декабря. Когда Нева покрылась прочным льдом, нас вывели на лыжню между Дворцовым мостом и мостом Лейтенанта Шмидта. Руководил лыжной подготовкой капитан Шлей.

Что за дивная погода?
В воздухе – елей.
На Неве толпа народа,
Верховодит Шлей.

После нескольких тренировок сдавали зачёты на время. Лыжи мне давались легко, так как ещё до войны я увлекался ими. Но крутые трамплины игнорировал после того, как один из товарищей поломал руку. Зачёт я сдал с первого захода, несмотря на то, что перед финишем оборвалось кожаное крепление.

Почти ежегодно во время зимних каникул из добровольцев формировался взвод, который под руководством преподавателя совершал лыжный переход Ленинград – Выборг и обратно. В Выборге останавливались в Военно-морском интендантском училище. При возвращении участников встречали с почестями.

На зимние каникулы я снова отправился в Кузьминки. У мамы отоспался, отдохнул. Опять встречи с товарищами, с бывшими одноклассниками. Мне посоветовали съездить на каток ЦПКО им. Горького. Друзья подобрали по размеру ботинки с беговыми коньками «ножи» и дали их напрокат. В парке – толпа катающихся. Когда я переобувался, мальчишки ждали, когда моряк покажет фигуры «высшего пилотажа». Я же не стоял на коньках более семи лет. Мальчишки были разочарованы. Неспешно осваивал катание. Вдруг, во встречном потоке увидел бывшую одноклассницу Нину. Попытался догнать её, но в толпе этого не получилось. Может быть, она сама не стремилась встретиться.

Опять Ленинградский вокзал. Опять проблемы с билетом, а точнее – с безбилетным проездом. Вот и родное Училище. Здесь всё по-прежнему. Построения, построения, лекции, практические и лабораторные занятия, самоподготовка и дежурства, дежурства. Кроме преподавателей и лаборантов много всяких начальников:

командир отделения, помкомвзвода, старшина роты, командир роты и т.д. Все они разные.

О командире роты кап.3 ранга Кузьмине среди курсантов ходили «байки». Поговаривали, что он из боцманов старого флота и служил когда-то с молодым Н.Г.Кузнецовым. Крупная фигура, «морская» походка, командный голос. В добром расположении духа курсантов называл сынками.

Как-то зашёл в его кабинете разговор о музыке. Он решил поддержать беседу и высказал своё мнение:

- Что касаясь композиторов, то мне всё более нравится Рубинштейн.

Он в Ленинграде жил на улице Рубинштейна.

Весной была очень тёплая погода. Приказали спать под простынями по форме «0». После часа ночи, будучи дежурным по училищу, он зашёл в нашу роту. Я дневалил. Углубившись в помещение, Кузьмин что-то заметил у курсанта и прокричал:

- Дежурный! Откройте форточки, чтобы спящему курсанту блудные мысли в голову не лезли!

Очередной развод дежурной службы. Из-за ненастной погоды развод назначен в длинном коридоре на втором этаже Паросилового факультета. Суточный наряд в Училище был довольно большой. Нас построил помощник дежурного. Прозвучала команда «Смирно!». Кузьмин поднялся по лестнице, вышел на середину строя, повернулся и пробасил:

- Здравствуй, развод!

Только мы набрали в лёгкие воздуха для ответа на приветствие, как из дальнего конца коридора, где был галльон, кто-то в тон ему успел громко крикнуть: «Здорово!»

Весь наряд взорвался хохотом. Кузьмин повернулся в сторону, откуда прозвучал ответ и крикнул:

- Засранец! А ещё, наверно, «орлом» сидишь!

Снова хохот. Весёлый получился развод.

При увольнении в город мы иногда время проводили на Кировских островах. В парке встречались с девушками, катались на лодках, прогуливались по аллеям, посещали аттракционы. Были случаи, когда при возможности отмечали сдачу очередного экзамена.

Как-то встречаю там одноклассника Голю Лапина. Он был в приличном «переборе». Решил отвести его в Училище, хотя и сам был не безгрешен.

В переполненном трамвае ему стало хуже. Я попросил у сидящих рядом девушек уступить «заболевшему» товарищу место. Они улыбнулись и отнеслись с пониманием. Добрались мы до Александровского сада благополучно. Вести друга в Училище через проходную, где обычно сидит дежурный офицер, было опасно. Решил отдохнуть с ним на скамейке. Благо времени для возвращения из увольнения было достаточно.

Когда ему стало лучше, я решил идти с ним в Училище. Проходную прошли нормально. Во дворе, только зашли за угол спального корпуса, навстречу идёт Начальник факультета. Я тёзку толкнул и прошептал: «Начфак!» При сближении я поприветствовал Начальника факультета, но мой напарник, видимо, не врубился и чести не отдал. Капитан 2 ранга Лобач-Жученко посмотрел на Голю и говорит мне:

- Зайдите завтра ко мне в кабинет!

Видимо, он торопился куда-то. Утром следующего дня я почувствовал себя не совсем хорошо. Пошёл на спортплощадку отлежаться. Подумав, решил к Начфаку не ходить. Ведь если пойти – солидного «фитиля» Лапину не миновать. Или тогда Начфаку было не до нас, или он решил, что, ежели благополучно дошли до «корабля», можно и простить. Обошлось. Но я решил, что лучше лишний раз сходить в Эрмитаж или Русский музей, чем так переживать и болеть.

В марте месяце прошёл слухок, что от Училища будет формироваться батальон для участия в Московском параде.

В предвоенные и послевоенные годы основными праздниками с нерабочими днями были: Новый год, 23 февраля – День Красной армии, 8 марта – Международный женский день, 1-2 Мая – День международной солидарности трудящихся, 9 мая – День Победы, 7-8 Ноября – праздник Великой Октябрьской социалистической революции и 5 декабря – День Конституции. Были и профессиональные праздники, но они в определённые месяцы приурочивались к ближайшим выходным дням.

Праздники широко освещались всеми средствами массовой информации. Проводимые в общегосударственном масштабе, они прославляли труд, служили объединению и сплочению народа, воспитывали «любовь ко благу и славе Отечества и стремление способствовать им во всех отношениях» (Н.М.Карамзин).

В праздничные дни у абсолютного большинства людей лица светились улыбками; люди приветствовали и поздравляли друг друга, отражая уважение, доброту к ближнему, гордились достигнутыми успехами. После парада и демонстрации обычно собирались группами по интересам или соседству, накрывали не всегда обильные столы, но шутили, танцевали и хором пели песни.

Религиозные праздники, коих теперь множество, отмечались верующими людьми старшего поколения. В СМИ о главных из них упоминалось, но они не пропогандировались.

В числе главных Государственных праздников были 1-2 Мая и 7-8 Ноября. В дни этих праздников в Москве, в столицах Союзных республик, а после войны и в городах-Героях проводились парады и демонстрации трудящихся.

Парады и шествия трудящихся нами воспринимались как грандиозные, важные политические, высокопатриотические и очень красочные мероприятия; как демонстрация мощи Вооружённых сил, единения и сплочённости трудящихся всех национальностей Великой державы и достижений её экономического развития.

В Московских парадах неизменно принимал участие Сводный морской полк, который формировался из курсантских батальонов военно-морских училищ Ленинградского региона. Попасты в число участников Парада было престижно, тем более, что предоставлялась внеочередная встреча с мамой, родственниками, друзьями детства. Основным критерием зачисления в Парадный батальон была успеваемость и рост.

Впервые я был зачислен в состав Московского парадного батальона при окончании второго курса весной 1947 года. Более, чем за месяц до праздника 1 Мая, в Ленинграде после окончания лекций ежедневно проводились тренировки. Сначала – индивидуальная подготовка, потом – в составе отделения, взвода. В полном составе тренировались на Дворцовой площади, благо это рядом.

Перед отправкой в Москву участники парадного расчёта проходили «фильтрацию» органами Особого отдела. У меня, конечно, были опасения попасть в число отчисленных по причине неблагонадёжности, как сына репрессированного.

Двух-трёх товарищей вывели из строя и отправили в Училище. У одного из отчисленных мы поинтересовались: «За что?»

После окончания Военно-морской спецшколы, перед убытием в Училище он проводил отпуск в Москве. На улице случайно познакомился с приличного вида гражданином. Разговорились. Гражданин пригласил его к себе в гости. Болтали на различные темы, угощались. Товарищ играл на пианино популярные мелодии. Договорились ещё встретиться.

Когда же товарищ вышел из дома, обнаружил, что это Посольство США и его уже «пасут». Хорошо зная Москву, он переулками, закоулками, а где и через забор, попытался оторваться. Казалось, что удалось. Увы.

За несколько недель до Парада нас в пассажирских вагонах привезли в Москву. Полк разместили в Московском флотском полуэкипаже (санаторий «Лебедь»).

Фото 29 Апрель 1947 года. Подготовка к Московскому параду.

Ежедневные изнурительные тренировки на площади Речного вокзала. Общее руководство тренировками осуществлял Заместитель Командира полка, а конкретное – командиры батальонов. У нас это был Начальник кафедры общевоинской подготовки, полковник по кличке «Черепашка». Кличку ему дали не за скорость передвижения, а за внешность. Небольшого роста, с круглой головкой на длинной шее, широко поставленными глазами навывкате и носом-кнопкой. Кличка укоренилась, когда один из наших художников, мичман Лындаев, нарисовал очень удачный шарж.

Командиром полка был Начальник нашего Училища, симпатичный и не в пример другим адмиралам стройный инженер-контр-адмирал М.А.Крупский. Дежурные по коридору, где находился его кабинет, рассказывали, как он

ответственно занимался перед большим зеркалом отработкой приемов строевого шага и салютования адмиральским палашом.

Фото 30 Москва. Химки. 29 апреля 1947 года. Смотр сводного парадного полка ВМУЗ Главкомом ВМФ адм. Юмашевым.

За ходом тренировок наблюдали представители Главного штаба ВМФ, а накануне генеральной репетиции проводился смотр и осмотр формы одежды под руководством Главного командующего ВМФ адмирала Юмашева. Во время смотра мы несколько раз проходили в составе полка перед Главным командующим и другими руководителями ВМФ. Во время прохождения, после поворота у последнего линейного, в середине строя под левую ногу слышалась команда: «Раз! Два! Три!». Мы одновременно поворачивали голову направо, а ещё кто-то из середины строя фальцетом вопил: «Руби!» Это означало переход на отчаянный строевой шаг.

Руководство улыбалось. Было одно замечание: «Сбросить серьёзные мины, нужно быть веселей!»

Фото 31 Москва. 25 апреля 1947 года. Смотр сводного полка. Командир полка – контр-адм. Крупский М.А., Зам. нач. ГШ ВМС - адмирал Головкин А.Г., Зам. нач. ГШ ВМС - вице-адм. Пантелеев Ю.А., Морской Комендант г. Москвы - полковник Карпецкий, Нач. Тыла ВМС – генерал-полковник Москаленко М.И.

Потом проводился осмотр. По команде «Полк, для осмотра – выходи! Шагом, марш!» первая шеренга развёрнутого строя делала 20 шагов, вторая – 18 и т.д. Между шеренгами шли начальники с Начальником тыла ВМФ и осматривали каждого. Записывали, кому заменить бескозырку, кому – суконку (цвет чуть другой), кому – брюки или ботинки. Я напросился заменить ботинки. Понравилась новые блестящие ботинки чешской фирмы «Батя».

Накануне парада на Ходыньском поле проводилась генеральная репетиция. Руководил Маршал Советского Союза С.М.Будённый. Перед его трибуной проходили все

полки один-два раза. Апрельским ветреным днём при прохождении перед трибуной у одного из наших товарищей сдуло бескозырку. После ему принесли то, что от неё осталось.

Перед началом празднования на Красной площади выстраивались полки военных академий, высших и средних училищ, регулярные части различных родов войск, суворовцы и нахимовцы, а на Манежной площади – военная техника.

Ровно в 10⁰⁰, с боем часов Спасской башни выезжал (раньше на лошади, а впоследствии на спецавтомобиле) Министр обороны. Его встречал и рапортовал Командующий парадом, как правило, Командующий войсками Московского округа. Они объезжали сводные полки и колонны техники, здоровались с личным составом и поздравляли с праздником. В ответ над площадью раздавалась здравница и многоголосое троекратное «Ура!».

Министр обороны с трибуны Мавзолея произносил краткую речь, после которой, под раскатистое «Ура!», гремели залпы артиллерийского салюта.

По трансляции звучал голос Командующего Парадом:

- К торжественному маршу!

Ускоренным шагом шли на свои точки линейные – солдаты с флажками на штыках винтовок.

- Побатальонно! На одного линейного дистанции! Первый батальон прямо, остальные – напра-во! Шагом, марш!

Под гром Сводного оркестра, чётко чеканя шаг, шли полки во главе с командирами, знаменосцами и ассистентами. Заканчивалось прохождение батальоном мальчиков-барабанщиков из военно-музыкальной школы и Сводным оркестром.

Небольшой перерыв – и под рокот сотен моторов стройными рядами на площадь выходила военная техника, её лучшие образцы.

Рассеивался дым моторов военной техники, и на площадь вливались многотысячные районные колонны трудящихся Москвы. Нескончаемым потоком двигались эти колонны, украшенные флагами, плакатами, транспарантами, букетами цветов, портретами руководителей страны. Люди улыбались, приветственно махали руками в сторону трибуны Мавзолея. По трансляции произносились призывы и лозунги, в ответ на которые из колонн звучало громкое «Ура!». Заканчивалась демонстрация выступлением физкультурников.

*Фото 32 Москва. Санаторий «Лебедь». Май 1947 г.
Участники парада из Д-25 класса.*

Нас, участников Парада, возили на выкрашенных в белый и голубой цвета грузовых автомобилях фирмы «Додж». Колонну этих автомобилей мы окрестили: «Стадо Беккеров». Тогда у нас популярными были автомобили фирмы «Студебеккер», полученные во время войны из США по лендлизу. Накануне Парада я получил новые ботинки

фирмы «Батя». Только оказалось, что их 42 размер – это не наш 42. Менять было поздно, и я решил – разносятся.

На Красную площадь шли по улице 25 октября (Никольская). По тротуарам двигались приглашённые на гостевые трибуны. Случайно услышал разговор двух генералов, шедших поблизости.

- Вот идут моряки, а строевого шага не слышно. Только скрип ботинок.

- А ты им надень солдатские сапоги с подковками, они тебе шаг и выдадут.

Я начал хорошо чувствовать разницу в размерах ботинок, когда ещё подходили к Красной площади, и особенно остро почувствовал, когда стояли на площади в ожидании начала движения. Мимо трибуны Мавзолея наш полк шёл после полков академий. При прохождении боль как-то забылась, тем более, когда гостевые трибуны начали аплодировать.

Шел я в правом ряду, а голову, как и положено, держал прямо. Периодически скосив глаза, мельком разглядывал гостей на трибунах и руководителей страны на Мавзолее. Всё прохождение площади, как показалось, длилось какой-то миг. После команды «Вольно!» подумалось: «Вот это и всё? И ради этого надо было затратить столько сил и времени?». А в общем-то, это здорово и, очевидно, очень нужно.

Во время короткого отдыха где-то в районе площади Ногина нам сообщили, что за прохождение мы получили высокую оценку. Только в последней шеренге кто-то от сильного волнения несколько раз двигал одновременно правой рукой и ногой. Его белая перчатка одиноко мелькала на фоне сине-чёрного строя. Левая рука держала винтовку «на плечо».

Потом нас повели к автомобилям по каким-то свободным улицам с булыжной мостовой. Вот где я ещё сильнее почувствовал любовь к красивым ботинкам! На

машинах довели до санатория «Лебедь», празднично покормили и отпустили в увольнение.

Приехав домой и поприветствовав маму, я у порога сбросил ненавистные «Бати». Стопы ног припухли и были в мозолях.

Как-то во время летнего отпуска девушки, бывшие одноклассницы, мне сообщили:

- А мы тебя видели!

- Это где же?

- В кинохронике. Ты шёл на Параде такой серьёзный!

Ещё бы! В таких ботинках было не до улыбки.

По возвращении в Училище нам в дополнительное время, в ускоренном темпе, читали лекции по наиболее важным пропущенным разделам программ. Потом – семестровые экзамены.

Чтобы получить более высокие оценки или гарантированно с первого захода хотя бы тройку, мы, с подачи опытных товарищей, прибегали к «коррупции» – то есть, к задабриванию экзаменаторов. В те не очень сытые годы мы сбрасывались и от своего пайка выделяли хлеб, масло, сахар и устраивали экзаменаторам чаепитие в то время, когда сами уходили в столовую. Однако, не все экзаменационные комиссии соглашались принять наше угощение.

Закончена очередная весенняя сессия, а с нею и второй курс. Впереди корабельная практика, но уже не групповая, а индивидуальная. Каждому из нас выдали «Корабельную книжку курсанта». В ней мы должны подробно отразить свои познания по устройству корабля, на который назначены, его тактико-технические данные и, главное, по устройству и эксплуатации электромеханической установки с вычерчиванием схем.

Направляемся в Ригу. Естественно, перед отъездом – наставления, инструктажи, нотации. По дороге, в Пскове, эшелон почему-то задерживался. Нам разрешили

прогуляться. На берегу реки Великая нашу небольшую группу окружила толпа шустрых цыганских ребят. Они наперебой предлагали за монетку «на голове и на пузе сплясать».

По прибытию в Ригу в июне 1947 года нас направили в посёлок, где базировалась 3-я Бригада траления Краснознамённого Балтийского флота. Меня назначили на РТЩ-388 восьмого дивизиона рейдовых тральщиков. Это широко известный на флотах стотонник. Во время войны их спешно спроектировали и пустили в массовое производство. Плоскодонный сварной корпус с угловыми обводами. Тральное вооружение и 45-ти мм пушка.

Командир, капитан-лейтенант Щавелев, и команда встретили приветливо. Познакомили с расположением помещений и определили в кубрике койку, выдали постельные принадлежности. На корабле – предподходная суета. Выходим на траление.

В первую же ночь спать не смог. Когда улёгся, почувствовал падение с верхней койки каких-то капель. Попробовал пальцем и – о, ужас! – вонючий клоп! Падение и щекотливое ползание участились. Видимо меня, как «свеженького», клопы атаквали более активно. Встал, вышел на палубу. Матросы предложили устроиться на подвесной койке у открытого входного люка. На новом месте клопы встречались реже. Остаток ночи прошёл в полусонном забытии.

Утром в разговоре с помощником командира признался, что не спал из-за клопов. Помощник обещал по возвращению в базу произвести на корабле «клопомор».

Траление – скучная и опасная служба. Поставив трал, малым ходом, ритмично, галс за галсом, пахали море. Контрольное траление. Мины в трал попадают очень редко. Их, как правило, расстреливали из пушки. На базу возвратились в середине июля. Начали борьбу с клопами. Через шланги паром обрабатывали койки, матрасы. Стало легче, но ненадолго. Помощник командира предложил мне

диван в своей каюте. Диван был не по росту и тоже с паразитами.

Я перебрался в тральный трюм. Там господствовал запах краски и канатной смазки. Паразитов не обнаружил. Оборудовал себе лежанку и проводил в трюме часы отдыха до окончания практики.

В трюме появилась бочка с отличной слабосоленой балтийской селёдкой. Сдавали задачу ГБ-1 – метание глубинной бомбы. После взрыва гладь моря засверкала серебром всплывшей оглушённой рыбы. Быстро спустили шлюпки, собрали «урожай», а умельцы засолили большую бочку и поставили её в тральный трюм. Бери хлеб и утоляй голод в любое время и в любом количестве! Я начал поправляться.

Траление проводили, в основном, в островной зоне и в Ирбенском проливе. Меня допустили к несению вахты у главных двигателей. Как-то штормовой ночью, на переходе в Виртсу, пришлось пережить неприятные минуты. Заполночь шторм усилился. Корабль шлёпал днищем о крутые волны. Изрядно качало. Вдруг двигатели стали периодически самопроизвольно сбавлять обороты. Постепенно продолжительность и величина сбросов оборотов увеличилась. Я в машинном отделении один. Проверил уровень топлива в расходном баке, положение кранов топливного трубопровода. Всё нормально. Не стал я ожидать, когда дизели совсем остановятся, поднялся, разбудил старшину команды мотористов. Он молча спустился в машинное отделение и, как мне показалось, не просыпаясь, слил отстой воды из топливных фильтров и расходного бака. Двигатели заработали ритмично. Мичман подкачал топливо в расходный бак, ещё раз слил отстой воды и так же молча ушёл досыпать. По прибытии в Виртсу я у него спросил:

- Почему же вода попала в топливный бак?

- В обшивке днища есть трещина. Во время шторма через неё вода просачивается в цистерну запасного топлива. Там она смешивается с топливом, а оттуда мы её закачиваем

в расходный бак. Из бака топливо с водой попадает в фильтры, а из них – к форсункам и в цилиндры двигателей. Мне стало как-то стыдно за свою несообразительность. Я сравнил себя с тем матросом, которому старослужащие остряки поручили продувать макароны для приготовления «макарон по-флотски».

Флотский быт на кораблях разных классов всегда отличался спецификой службы. На старом русском флоте, как заметил Л.Соболев в «Капитальном ремонте», у офицеров «на каждом корабле была своя манера пить водку, и по ней можно было узнать, где кто плавает... Закусывали тоже по-разному: на крейсерах – мгновенно, на линкорах – неторопливо, а на миноносцах пили «под запах», нюхая корочку хлеба.»

Большую роль играет облик и общий культурный уровень офицерского и старшинского состава. Ежели командир корабля чувствует себя временным начальником или, в худшем случае, увлекается жидкостью из картушки компаса, это передаётся старшинскому составу. Порядка на корабле не жди. Ежели командир, обладатель уютной каюты, общается с личным составом через кнопку вызова вестового – авторитет его невелик.

На тральщике командир почти всё время проводил в каюте, часто увлекался спиртным. Помощник, разжалованный младший лейтенант, – щёголь и ловелас, – ухитрялся во время одиночного плавания на стоянке у причала приводить в каюту женщину. Поэтому на корабле вооружение и техника были грязными, в трюмах – вода, мусор, ветошь, а в кубриках – клопы и небрежно заправленные койки.

Впоследствии, когда я служил на катерных тральщиках, которыми командовали мичмана, там не было кают. Порядок был совершенно иной. Чистота в кубрике. В трюмах сухо. В машинных отделениях постелены чистые брезентовые дорожки. Во время службы на торпедных катерах наблюдал, с каким уважением личный состав

относится к командиру, который тоже был лишён каюты (малые катера). Командир наравне принимал участие в авральных работах по погрузке торпед, выгрузке и погрузке двигателей, при приёме боезапаса и топлива; посильно участвовал в ремонтных работах. Грешен, но на таких катерах иногда, во время смотров, я носовым платком проверял чистоту днища под двигателями, которое было окрашено белой эмалью.

Когда тральщики возвращались в базу, нас несколько раз собирали на занятия. Флагманский инженер-механик, добродушный плотный капитан 2 ранга, делился с нами опытом службы, иногда рассказывал флотские байки.

- Не буду вас теорией утруждать. Вас теорией насыщают в Училище. Всё равно вы не знаете закона Ома.

Мы удивлённо переглядываемся. Тогда он говорит:

- Флотский закон Ома звучит так: «Сила тока зависит от кока. Чем добрей кок, тем сильнее ток». А вот зачем в домах провода скручивают и крепят на ролики?

Мы опять в недоумении.

- Не знаете? А чтобы синусоиде легче было бежать.

В дни, когда проводились плановые осмотры и ремонты, как правило, мы стояли у причалов на островах Моондзунского архипелага. Знакомились с героической славой островных береговых батарей.

В Риге бывали редко. Дважды небольшими группами посетили Домский собор, осмотрели музей, а во время второго посещения слушали знаменитый орган. Музыка произвела сильное впечатление.

Досрочно заполнил все страницы «Корабельной книжки курсанта», периодически нёс вахту у работающих дизелей, помогал проводить осмотры и ремонты техники. Вместе с тем, вволю отоспался в своём тральном трюме.

На тральщике была и такая традиция. Если кто-либо из матросов в галюне на вешалке забывал поясной ремень, первый, кто его обнаруживал, на внутренней стороне с помощью увеличительного стекла выжигал обидное слово,

дату и возвращал ремень владельцу. У некоторых было по несколько дат.

Как-то стояли мы у причала острова Муху. В вечерней тишине слышались ритмичные удары металла о металл. Оказалось, что на одном корабле шутники убедили молодого матроса в необходимости осадить кнехты. Группа старослужащих из-за надстройки с улыбками наблюдала за его работой. Среди наблюдавших я увидел старшину 1 статьи и узнал в нём своего одноклассника по кузьминской школе, которую мы окончили в 1941 году. Это был Борис Лежнёв. Поговорили. Вспомнили Кузьминки, школу, однокашников и учителей. Больше встречаться не довелось.

В конце августа поступила команда собраться в Риге. Практика закончена. Впоследствии, более чем через 50 лет, за участие в боевом тралении во время практики нас причислили к Участникам боевых действий и «одарили» льготами.

Впереди был Ленинград, Училище и отпуск на весь сентябрь.

В Кузьминках – бабье лето. Погода отличная. Отдыхал, гулял с Э.Мурашко в парке, катались на велосипеде. В Большом слушал «Пиковую даму». Посетил Третьяковку и уже смотрел на картины другими глазами, нежели в детстве.

На одной из прогулок в парке мы встретили мою одноклассницу Нину. Она была с велосипедом. Эдуард забрал у неё велосипед и скрылся в аллее. Мы остались вдвоём. Прогуливались, вспоминали школу, 10 класс. Она училась в Педагогическом. Договорились встречаться. Встречались, как обычно, в парке. Несколько раз до позднего вечера катались на лодке по Большому пруду. Помню, напевал ей про Зулейку Ханум. Провожал её до дома, который был рядом с больницей. У нас сложились хорошие, дружеские отношения.

Однако, пора возвращаться на учёбу.

Чтобы прибыть в Училище в срок, определённый в отпускном билете, значит, нужно выезжать в субботу или, в крайнем случае, в воскресенье утром. Но ведь до начала занятий ещё несколько дней!

Поехал отметить в Люберецкой комендатуре дату убытия из отпуска. Дежурный сержант спросил:

- Наверное, не хочется уезжать в выходные дни, когда в клубах отдыхает и танцует молодёжь?

- Конечно, не хочется! А может, ты меня условно удержишь на пару дней?

- Не имею права. Впрочем, могу в Отпускном написать, что был задержан за неотдание чести и пререкания с патрулём.

- Валяй, пиши.

В Училище прибыл с опозданием на сутки. Дежурный принял Отпускной, посмотрел на меня и отложил билет в другую стопку. Потом был приказ по Училищу. За опоздание из отпуска многим, в том числе и мне, был объявлен строгий выговор.

Опять же, по существовавшей курсовой градации:

Третий курс – золотая серединка,
А курсанты ходят, словно как картинки.
И КазРки, и Щуки, и Малютки
В них по уши влюблены.

КР, Щука и Малютка – это большая крейсерская, средняя и малая подводные лодки.

Нам разрешили короткие аккуратные причёски, которые мы завели ещё во время практики и отпуска.

Мода требовала брюки-клёш. Было два способа расклешивать брюки. Вшить клинья или растянуть ткань на фанерных щитах. Вшитые клинья были заметными и их приказывали выпороть. При другом способе брюки хорошо намачивали и с силой натягивали на фанерные клинообразные щиты так, чтобы на самой широкой стороне

было не менее 32 см. Во время сушки сидевших на фанере за печкой моих брюк появился командир роты кап.-лейт. Фортуна. «За порчу обмундирования», гласил приговор, меня наградили ещё одним выговором.

*Фото 33 Ленинград. 1948 г. ВВМИОЛУ им. Дзержинского.
Третий курс.*

Для глажки брюк в училище была специальная комната, оборудованная большим паровым утюгом. Брюки укладывались на нижнюю створку, прижимались верхней створкой, и краном подавался пар. «Пшик» - и брюки готовы. Глажку производил пожилой угрюмый человек, глядевший исподлобья, – типичный кулак. Для заступавших в наряд – глажка вне очереди и бесплатная. Остальная очередь,

особенно перед увольнением в город, готовила по рублику. Зарабатывал гладильщик больше Начальника Училища.

Учебные занятия шли своим чередом. Добавилось несколько новых дисциплин. Инж-кап.1 ранга Соловьёв весь семестр читал курс «Аккумуляторные батареи». Курс важный, особенно для подводников. Преподаватель математически анализировал существовавшие теории принципа работы аккумуляторных батарей, детально излагал устройство разных типов батарей, правила и особенности их эксплуатации. В конце семестра – экзамен. На экзамене я ответил на все вопросы билета, но при выводе формулы вместо символа E (электродвижущая сила), написал символ U (напряжение). Экзаменатор меня крепко журил, но всё-таки поставил «4».

Новой дисциплиной по физподготовке был бокс. Нам сначала прочитали лекции о необходимости для офицера флота владеть приёмами бокса. И вообще: «бокс – не драка, это спорт отважных и т. д.». Потом мы отработывали эти приёмы: прямые, хуги, пенчи, апперкоты, джеп-хуг-апперкоты и т. п. на снарядах. В конце семестра были зачётные бои. Пары подбирались добровольно. Конечно, договаривались для оценки только показать владение ударами и защитой. Нельзя же было перед увольнением в город напарнику подарить синяк. Но можно ли было удержаться и не ответить, когда тебе показалось, что партнёр переборщил? Поэтому были и нокдауны, и даже нокауты.

Каким-то образом однажды я оказался в том месте, где небольшая группа выпускников 1947 года беседовала с Начальником Военно-морских учебных заведений контр-адмиралом Н.Г.Кузнецовым. Он недавно был разжалован до контр-адмирала и понижен в должности. Беседа была интересной. Николай Герасимович отечески напутствовал молодых лейтенантов, давал им рекомендации по разным аспектам службы и жизни. Большое внимание он уделил вопросу создания офицерской семьи.

На нашем курсе был весьма оригинальный младший командир – Рассвет Сергеевич Гулин. Заочно его звали Закат Сергеевич. Всегда задумчивый, какой-то неуклюжий, медлительный. Если ему старшие командиры поручали что-либо сделать, он шёл вразвалку и бурчал: «Фигаро там – Фигаро здесь».

Его одноклассники рассказывали, что он мог всю самоподготовку писать длинное и очень содержательное письмо незнакомой девушке. Потом по просьбе товарищей зачитывал его как образец.

На первых курсах в увольнение он не ходил. Всё свободное время посвящал чтению литературы. На третьем курсе товарищи его одели по форме, дали увольнительную записку и вывели в Александровский сад. Он обошёл вокруг квартал Адмиралтейства, сдал увольнительную и сел за книги.

Решил однажды испытать: как это товарищи попадают на гауптвахту? Ведь надо же за службу и это попробовать.

В Училище проходила кампания по борьбе с курением в неположенных местах. Он, будучи не курящим, купил пачку «Казбека», подошёл к двери кабинета Начальника Строевого отдела и начал пускать дым. Начальник, кап.1 ранга Радько, выйдя из кабинета, опешил от такой дерзости и закричал:

- Вон отсюда!

Гулину не повезло попасть на гауптвахту. Так, по крайней мере, рассказывали его товарищи.

В дни Ноябрьских праздников В.Гольтяев предложил поехать с ним во время увольнения в общежитие Медицинского института. Там, в одной из комнат, проживала с тремя однокурсницами его невеста – школьная подруга. Познакомились с девушками. В общих разговорах с шутками и обменом мнениями весело провели время. Девушки мне понравились, особенно Люда и Капа. Люда была весёлой, говорливой, а Капа более молчаливой и скромной.

Встречались мы редко, особенно в зимние месяцы. По весне я несколько раз встречался с Людой. Ходили в кино. На Кировских островах катались на лодке, гуляли по городу. Её говорливость, темы бесед и частые жалобы на своё здоровье как-то претили моему понятию образа девушки. Встречи прекратились.

На зимней сессии приходит к нам на консультацию преподаватель истории подполковник Иваньков. После приветствий и наших расспросов, как проходят экзамены в других группах, он воскликнул:

- Братцы! Ну, расскажите, как вы узнаёте, где лежит на столе во время экзамена какой номер билета?

Мы наивно спрашиваем:

- А что, были случаи?

Он рассказывает, как на экзамене в предыдущей группе увидел летящую по классу бумажку. Перехватил её и прочитал: «Боб! Справа второй – билет № 14. Это мой. Третий слева – № 18, твой». Проверил – и всё совпало.

- Ну, расскажите мне, как это?

То ли искренне, то ли притворно просил преподаватель.

- Вот сдадим, тогда и расскажем.

Дело в том, что на экзамен в группу, сдающую перед нами, мы посылали «подсадную утку». Он добросовестно записывал, в каком порядке складываются сданные после ответа билеты и их номера. Преподаватель убирал билеты в портфель и в следующей группе, особенно не перетасовывая, выкладывал их на стол. Первыми отвечать шли отличники. Они брали билеты и слева, и справа. Порядок раскладки по номерам почти точно определялся. Были изредка сбои, но они быстро корректировались. Конечно, по вопросам «личного» билета мы готовились особо.

Очередной майский Парад на Красной площади. Большинство из нас, участников прошлогоднего парада, автоматом были зачислены в новый батальон. Тренировки в Училище стали реже. И, как обычно, в начале апреля нас

привезли в Москву в тот же санаторий «Лебедь». После обустройства начались интенсивные тренировки на площади Речного вокзала. Когда оркестр отдыхал, ритм шага задавал барабанщик-виртуоз из состава оркестра. Чувствовали мы себя более раскрепощёнными, не как в прошлом году.

Фото 34 Москва. Химки. Участники парада на отдыхе. Группа 3-го курса Дизельного факультета. С винтовками «на караул» слева – я, а справа – В.Гуреев-Преображенский.

Как-то, после построения для перехода на обед, вести строй поручили весёлому капитану-кавказцу – помощнику Начальника Строевой подготовки. Как только он скомандовал: «Шагом, марш!», оркестр бодро заиграл «Лезгинку». Конечно, общий смех. Но оркестр быстро перешёл на строевой марш, а капитан погрозил дирижёру пальцем.

Вызвали меня в штабную комнату. Вручили список, стопку бланков Удостоверений к медали «XXX лет Советской Армии и Флота» и приказали согласно списку заполнить бланки. Я не обладал красивым почерком. Однако, мои доводы не были приняты, и пришлось прибегнуть к подобию чертёжного шрифта. Потом контр-адмирал Крупский подписал Удостоверения и перед строем вручил каждому участнику Парада медаль и Удостоверение к ней. Мы шутили:

А на груди его широкой
Медаль блестела одиноко.

К окончанию службы медалей, в основном, юбилейных, было уже около полутора десятков.

Привезли нас однажды на площадь Белорусского вокзала, построили и повели по улице Горького. Полк моряков в Москве – явление редкое. Эту военизированную прогулку возглавлял контр-адмирал Крупский. Шли мы как-то раскованно, воодушевлённо и с песнями. Пели «Морскую гвардию» – перефразированный «Марш энтузиастов» («Мы моряки, и нам победа дана») и, конечно, «Варяга». Исполняли «Варяга с чепчиками», то есть, при словах: «Прощайте, товарищи, с Богом, ура!» мы всем батальоном правой рукой, свободной от винтовки, поднимали вверх бескозырки. Выглядело эффектно. Только наш полковник «Черепеха» бегал возле строя и грозно шипел:

- Прекратить безобразия!

Москвичи нас встречали радушно, приветствовали с тротуаров, из окон домов, с балконов. Многие аплодировали. Обошли мы Красную площадь, поприветствовав Мавзолей В.И.Ленина, а за Боровицкими воротами прозвучала команда: «Полк, стой! Вольно! Оправиться!». То бишь, можно курить, но окурки – в подсумок.

*Фото 35 Москва. Химки. Апрель 1948 года.
Главнокомандующий ВМФ адм. Юмашев и Зам Главкома по
политчасти вице-адм. Кулаков на смотре Морского
парадного сводного курсантского полка.*

Только мы расслабились, как выбегает из ворот какой-то офицер и кричит:

- Адмирал, уводите строй!

Спешно прозвучали команды:

- Кончай курить! Равняйся, смирно! Шагом, марш!

Из Боровицких ворот на хорошей скорости промчались три лимузина. Ускоренным шагом, но уже без песен, мы вошли в одну из улиц, где нас ждало «стадо Беккеров», а в санатории «Лебедь» – обед. На обедах у нас часто гостили представители штаба ВМФ.

Фото 36 Ленинград. 1948 г. ВВМИОЛУ. Класс Д-35. Перекур на балконе класса. Николай Кургузов, Анатолий Донюш, Сталинский стипендиат Анатолий Крайнов.

Организация Парада была без изменений. Какие-то особые эпизоды в памяти не сохранились. Только я из первого ряда попал во второй. Это значит, что при прохождении голову держал «равнение направо», мог видеть руководителей нашей страны на трибуне Мавзолея и на

гостевых трибунах рассматривать «наряды» военных представителей других государств. Прошли мы опять хорошо, под аплодисменты гостевых трибун. В санатории «Лебедь» – праздничный обед и увольнение в город. После увольнения – переезд в Ленинград.

Как и после второго курса, прослушали на дополнительных занятиях для участников Московского парада сокращённый курс пропущенных лекций. После сдачи экзаменов шумно отметили окончание третьего курса. Погода весенняя. Отдыхаем мы как-то втроём у раскрытого окна: Сталинский стипендиат А.Крайнов, мой друг Н.Кургузов и я. По садику шли девушки. Увидев нас, они на дорожке большими буквами написали: «МАНАХИ». Мы запустили в них пачкой махорки.

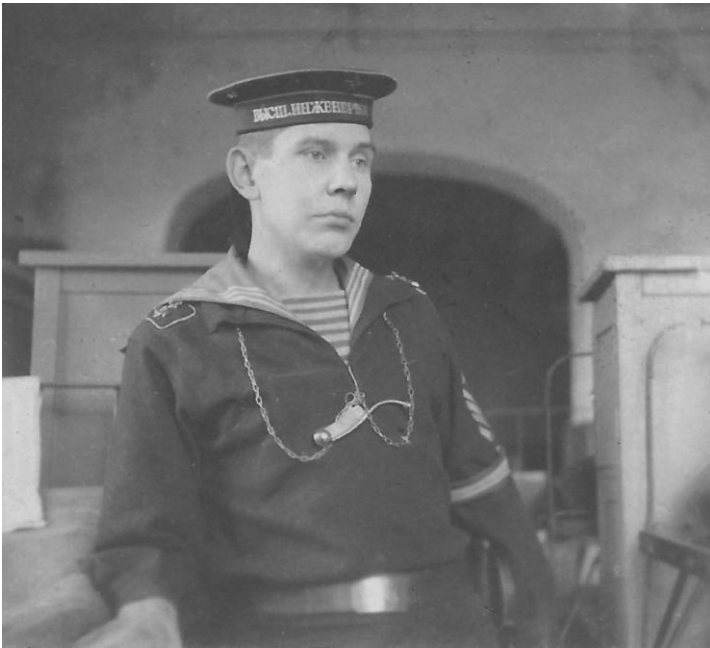

Фото 37 1948 г. Дежурный по роте.

В нашем классе была «Черная касса». Ежемесячно мы отстёгивали в эту кассу небольшую сумму от денежного

содержания. Любой из нас мог, при необходимости, взять в кассе беспроцентный кредит. При окончании курса на общем собрании решали: раздать накопленные суммы, оставить на следующий год или реализовать на банкет по случаю окончания курса. Помнится, остановились на последнем.

Впереди корабельная практика – Бригада подводных лодок Северного флота. Спешные сборы – и мы на вокзале. Едем в Мурманск в пассажирских вагонах. В нашем купе – Володя Гуреев. Его провожает мама – Народная артистка СССР, Лауреат многих Государственных премий, ведущая солистка Театра оперы и балета им. С.М.Кирова (Мариинский театр) С.П.Преображенская и Володина невеста – балерина этого же театра.

Дорога как дорога. Неспешные разговоры, воспоминания забавных эпизодов во время парадов, экзаменов и банкета. Шутки, дорожный харч и многочасовой сон после всех нагрузок и волнений.

Мурманск. Рейсовый катер «Краснофлотец» – и мы в Полярном. Практика ознакомительная. Групповые занятия по изучению устройства подводных лодок и их энергетического оборудования. Занятия с нами проводят командиры электромеханических боевых частей, флагманские специалисты, командиры подводных лодок. Командир ПЛ-23, кап. 3 ранга Ужаровский, рассказывал нам о некоторых интересных боевых эпизодах военного времени. Мы спросили о потерях. Он ответил:

- Погибло лодок столько же, сколько теперь в Бригаде.

В море выходим редко, и выходы краткосрочные. Много времени находимся в Пала-губе, на лодках, стоящих в ремонте при заводе «Красный горн». В ремонтных работах активное участие принимает личный состав экипажей. Среди матросов и старшин есть классные специалисты: слесари, электрогазосварщики, трубопроводчики, токари, электрики. С интересом я наблюдал, как матрос из чугунной обечайки на станке вытачивал поршневые кольца главного дизеля.

Привлекали нас и к лёгководолазной подготовке. В специальном кабинете, после теоретических занятий и «сухих» тренировок в аппаратах ИСАМ (индивидуальный спасательный аппарат морской), инструктор, солидный мичман Костыркин, руководил тренировками в бассейне. Он бросал в воду монетку, и её нужно было найти и ему вернуть. Интересно, что этого мичмана, после его увольнения в отставку, я лет через десять встретил в г. Очакове.

Фото 38 Полярный. 1948 г. Практика. Екатерининская гавань и остров.

Солнце светило круглосуточно. Трудно уснуть, когда оно светит прямо в окно, а время уже давно за полночь. В кубрике один из мичманов увлекательно рассказывал о том, как их лодка переходила из Владивостока в Полярный во время войны. Когда он начинал вспоминать о пребывании в Америке, его рассказы были весьма не патриотичны.

Впоследствии, во время стажировки в Полярном, я спросил у одного офицера, где служит тот говорливый мичман. Как-то нехотя офицер ответил:

- В местах не столь отдалённых.

Однажды нас с аэродрома в Североморске (Ваенга) прокатили на самолёте ЛИ-2 над Кольским заливом и показали, как смотрится с самолёта подводная лодка даже в погруженном состоянии.

В свободное время посещали Дом офицеров, ходили на шлюпке на Екатерининский остров за морошкой. На пустынном острове встречались северные берёзки – кустики. Пробовали в Пала-губе купаться. Нырнёшь, как в кипяток, и сразу на берег. Так обжигает холодная морская вода. Пытались загорать в тёплую погоду. Устроившись у забора с наветренной стороны, прикрывали себя одеждой со стороны, не освещённой солнцем. Хотя на солнце вроде и тепло – июль месяц, – а от воды тянет холодком.

Недалеко от пирса возвышался пристроенный к высокой скале обелиск в виде бетонной плиты, на которой большими буквами было увековечено историческое событие: «Здесь был 22 июля 1933 года основатель и создатель Северного флота великий Сталин». Говорили, что этот обелиск был взорван в 1960-х годах.

Практика оказалась неплохо организованной, интересной и весьма полезной нам, как будущим инженер-механикам.

Возвращаемся обратно – «Краснофлотец», Мурманск и Ленинград. Очередной сентябрьский отпуск. Погода переменчивая. В ненастье сажу дома с книжкой. Часто заходит ко мне Э.Мурашко. Случайно познакомились со слушателями Военно-ветеринарной Академии и изредка общаемся с ними.

*Фото 39 Полярный. 1948 г. Практика на ПЛ.
Екатерининская гавань. Я – левый в первом ряду.*

Встречи с Ниной стали реже. Тогда я не понимал, что она была «как вишня спелая», а я, пришибленный

детством и отрочеством, придерживался строгих нравов. Однажды провожал её поздно вечером по аллее парка. Молчали. И вдруг она запела: «Все зовут меня морячкой, я не знаю, почему». И всё же она мне нравилась.

Заходит как-то ко мне тоже скучающий отпускник В.Невзгодо из Гражданстроя. В разговоре затронули вопрос об отоваривании продовольственного аттестата. Нам на период отпуска выдавали такой документ для получения продовольственного пайка в какой-либо воинской части. В продчасти Ветеринарной Академии, что было совсем рядом, нам предложили набор продуктов только по третьей общевоинской норме. Она значительно отличалась от нашей девятой курсантской. Решили сходить в известное Пехотное Училище им. Верховного Совета РСФСР. Оно расположено за Большим кузьминским прудом.

На территорию прошли беспрепятственно. Нам показали, где находится продовольственная часть. По пути встречались офицеры и, как положено, мы их приветствовали. Вдруг нас остановил окриком полковник.

- Матросы! Что вы здесь ходите, клёшами форсите?

- Мы же Вас поприветствовали!

- Вы что, не знаете, что при приветствии полковника нужно становиться «во-фрунт»? Устав у нас теперь один!

- Если бы мы были на улице города – да. А в Училище, если мы будем останавливаться «во-фрунт» перед каждым встречным капитаном 1 ранга или адмиралом, то и за час не дойдём до конца двора Училища!

- Так вы ещё и из Училища? Кто Начальник Вашего Училища?

- Инженер – контр-адмирал Крупский.

- Вот я позвоню Крупскому, что вы грубо нарушаете Устав! Ваши документы!

Робко подаем отпускные билеты. Вижу, как вдруг, прочитав мой отпускной, его строгий облик «потух». Подобревшим голосом спрашивает:

- А где Вы живёте?

- Живём в Кузьминках. Находимся в отпуске и прибыли, чтобы получить продпаёк по курсантской норме.

Возвращая отпускные, он сказал, что согласно Положению, в отпуске курсантам выдают продпаёк только по третьей норме.

Повернувшись, уходим, и у первого встречного курсанта я спросил:

- Кто этот полковник, что беседовал с нами?

- Начальник Политотдела, полковник Москвин.

Дома маме докладываю результаты похода в Училище и как нас там встретили. Мама улыбается:

- Полковник Москвин? Так его же дочь учится в моем классе.

Отovarить аттестаты пришлось в Ветеринарной Академии.

Поглядывая в окно, я вдруг увидел проходившего мимо дома Игоря Сергеевича Павлушкова. Пригласил его домой. По виду он походил на нынешнего бомжа. Мама его накормила. Он попросил, и ему дали 25 рублей. Как-то он повеселел.

Вот уж воистину, «кому с вершины счастья суждено сорваться в свой черёд ...». Я подумал, так может интеллигентный человек, не приспособленный к сложным условиям жизни, пасть духом и оказаться на дне.

Во время последнего отпуска мама рассказала, что он шёл по дороге из Вешняков, упал и скончался.

Отдыхать хорошо, но пора бы знать и честь. Впереди – четвёртый курс. Ленинградский вокзал. Как-то удалось приобрести билет. Значит, ехать можно спокойно. Короткое прощание с новыми знакомыми, с родственниками и мамой.

Почти одновременно собралась наша группа. Шумно делились впечатлениями отпуска. В других группах роты, кроме прочих, шли разговоры о Володе Гурееве. Мы поинтересовались, и он нам поведал следующее. По возвращении из отпуска его вызвал Начальник факультета, кап. 1 ранга Якубенко, и состоялся примерно такой разговор.

- Ну, как ты провёл отпуск? Говорят, ты женился?

- Да, женился.

- Что же ты меня на свадьбу не пригласил? А я приготовил корзину цветов!

- Мне сказали, что Вы в отпуске.

- А как прошла свадьба? Это правда, что ты венчался?

Володя говорил, что он был поражён. Ведь свадьба была в конце отпуска, откуда он мог узнать о венчании?

Свадьбой, конечно, с размахом, правила Софья Петровна, мама Володи. На второй день, как он рассказывал, маме пришла в голову мысль: венчать молодых. Ночью, на двух машинах, с родственниками поехали в сторону Новгорода. В одном из сёл разбудили священника, и он их венчал. Под утро возвратились на свою улицу Дзержинского (Гороховую) и продолжили гулять.

Володю с выговором освободили от комсорга, Софья Петровна к нам в клуб больше не приходила вплоть до выпускного вечера.

Итак, мы на четвёртом курсе. По существовавшей традиции, некоторых курсантов 4 курса назначали младшими командирами на младшие курсы для привития командирских навыков и поддержания порядка и дисциплины. Меня назначили в роту инж.-кап.-лейта Плугатырёва в класс Д-15 командиром первого отделения. В спецшколе в 1943-44 гг. я уже исполнял такую должность. Старшиной роты был мичман Краюшкин. Командир роты – спокойный добродушный офицер. Шутили, что его списали с подводной лодки, так как он с трудом пролезал в рубочный люк. С назначением мне присвоили звание «старшина 2 статьи», с которым я проходил до выпуска.

Продолжались занятия по основным курсам. Трудности возникли с немецким языком. Язык преподавала «женская кафедра». Преподавателей величали мушкетёрами: они ходили по трое в широкополых шляпах. Если раньше я держался на знаниях, полученных ещё в спецшколе, то с

четвёртого курса нужно было работать над текстом из немецких технических журналов. Трудности возникли с переводом «заковыристых» технических фраз.

Курс «Двигатели внутреннего сгорания» нам читал Н.И.Колычев по своему очень хорошему учебнику. Читал он мастерски. На его занятия приходили учиться молодые преподаватели и адъюнкты. Немногословно, чётко излагал он материал. На доске в разных местах писал символы, потом их как-то объединял и получался вывод – итоговая формула. На его 70-летие мы «сбросились» и подарили прекрасный портфель крокодиловой кожи. Старик растрогался до слёз. История его жизни была связана со службой русскому военно-морскому флоту. У нас он числился гражданским, а когда-то имел высокий чин.

Продолжал в том же духе свой курс «Электрооборудование кораблей и подводных лодок» инж.-кап. 1 ранга Соловьёв. Добавилась нам такая дисциплина, как Мастерские. Мы знакомились со слесарными работами. Самостоятельно должны были изготовить из жести кружку и ещё какие-то предметы на зачёт. Проводили испытания металлических образцов на твёрдость, на ударную нагрузку; испытания образцов на машине Моор и Федергафф с определением пределов упругости, текучести, прочности. Лаборант рассказывал, что до войны в лабораторию привозили под конвоем Рамзина, и он проводил испытания образцов на этой машине при создании своих знаменитых паровых корабельных котлов.

На кафедре Заслуженного деятеля науки и техники, доктора технических наук, профессора, инженер-полковника Патрышева нас донимали формулы и всякие коэффициенты гидравлики.

Фото 40 Ленинград. 1949 г. Группа курсантов младшего курса. В первом ряду: инж.-кап.-лейт. Плугатырёв – ком роты, мичман Краюшкин – старшина роты, ст. 2-ой ст. Донюш – ком. отд.

Серьёзным был курс термодинамики. Один из наших товарищей – впоследствии он стал Начальником факультета Училища – после экзамена сделал два захода для пересдачи. После этого он сказал:

- Если я когда-нибудь женюсь и у меня будет две дочери, я одну назову Энтропия, а другую Энтальпия!

На кораблях некоторых государств появились газотурбинные энергетические установки. Естественно, негоже было отставать. Вот и нам ввели ещё одну новую дисциплину – «Газовые турбины». Курс читал приватный преподаватель из какого-то речного института. Поскольку в то время была мания на погоны, многие ведомства вводили для своих работников форму с погонами. Преподаватель приходил на лекции тоже в форме.

Мы спросили:

- Что это у вас за погоны?

- Яичница с зелёным луком! - ответил он.

Действительно, на погонах преобладали жёлтый и зелёный цвета. Фамилия его была Веселовский. Он чем-то походил на артиста-однофамильца. Лекции он читал интересно. Вдруг подходил к окну, смотрел на Исаакиевский собор, на перспективу города и произносил строфу из какого-либо произведения Пушкина о Петербурге, чаще из «Медного Всадника».

В конце 1940-х годов в стране проводилась кампания борьбы с космополитизмом. Просматривая на самоподготовке «Литературную газету», я прочитал статью «Безродный космополит». В статье жёстко критиковался Начальник кафедры Теории корабля нашего Училища, доктор технических наук, профессор, инженер-полковник И.Г.Ханович. Показал статью товарищам. Удивились, обсудили.

Причиной появления статьи были неурядицы с организацией строительства опытового бассейна. И.Г.Ханович, в частности, обвинялся в том, что в своих книгах он приводит длинные списки рекомендованных

трудов иностранных авторов, а из наших упоминает только Н.Е.Жуковского, и то без инициалов. Якобы он даёт адъюнктам и аспирантам темы исследований, а полученные результаты публикует под своей фамилией.

И.Г.Ханович принадлежал к кагорте лучших учеников академика А.Н.Крылова. В Ленинграде он руководил кафедрами Теории корабля в ряде институтов. Порицали его и в алчности. Мой товарищ из Корфака, член бюро парторганизации, к которой был прикреплен И.Г.Ханович, говорил, что он партийные взносы платил с огромной по тем временам суммы заработка.

Поступила команда. Хановича резко критиковали на собраниях и освобождали от должностей.

Начальник Академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова инж.-контр-адмирал М.А.Крупский оставил его на кафедре Теории корабля. Солидная комиссия в числе других грехов обвинила Хановича в использовании в своих трудах материалов из закрытой печати. Как пример, приводилась диаграмма «Буксировочная кривая большой Советской подводной лодки», которую он поместил в открытой печати. М.А.Крупского понизили в должности до Начальника радиотехнических курсов офицерского состава ВМФ. В эпоху Хрущёва он стал Начальником Высшего военно-морского училища радиоэлектроники и связи. В 1961 г. ему присвоили звание инженер-вице-адмирал.

Закончилась наша физическая подготовка теоретическим курсом со сдачей зачёта на инструктора. Вводная лекция по инструкторской подготовке оказалась оригинальной. Был дан глубокий анализ роли физической подготовки в деле строительства социализма и заботы Партии и Правительства о здоровье трудящихся. Потом шутники дополнили тему тем, что первыми физкультурниками были Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Не успели мы как следует втянуться в ритм учебного процесса, как снова «ищи время». Подготовка к ноябрьскому Московскому Параду. Она не была такой интенсивной, как

прежде, но всё же отнимала много времени. Иногда выручала осенняя погода.

Опять нас увезли в Москву и разместили в казармах Авиационно-технического училища, расположенного за стадионом «Динамо». В училище был заведён жёсткий порядок, покруче, чем у нас. Завёл его Начальник училища, генерал Василькевич (если память не изменяет).

Во дворе по плацу разрешалось ходить только строем, группами не менее трёх человек и только строевым шагом. Курить можно было в строго определённых местах и только в определённое время. Многим нашим товарищам пришлось от местных офицеров выслушать замечания и нарекания. Нас строго предупредили о безусловном выполнении всех заведённых здесь правил поведения.

Тренировки проводились на площади вблизи стадиона «Динамо». Холодные утренники, иногда с заморозками. Мёрзли руки, особенно левая, державшая винтовку «на плечо».

Как бы выражая недовольство заведёнными правилами, мы, заходя во двор после тренировки, пели перефразированную песню авиаторов:

Пора снова в море!
 Мы завтра в плаванье, в плаванье уйдём.
 Над синим простором
 Нам чайка белая махнёт крылом.
 Пускай качают штормы нас жестоко,
 пускай!

Ты девушке жениться лишь не обещай!
 Мы перед плаваньем еще
 Их поцелуем горячо,
 Но, как верблюды, не плюём через плечо!
 и т.д.

Грубовато звучало.

Как-то не складывались добрые взаимоотношения с авиаторами. В местах для курения, где обычно общались с местными курсантами, единения не получалось.

Однажды поздним тёмным вечером нас зачем-то привезли и построили на Красной площади. Потом кого-то долго ждали. Пошёл холодный осенний дождь. Мы изрядно промокли, столпились и поругивали начальство. Отцы-командиры, как бы опомнившись, ускоренным шагом повели нас к машинам, и мы прибыли в казарму училища.

До генеральной репетиции мы не знали, кто командир нашего Морского парадного полка. Всю подготовку вершил полковник Воронов с голосом «труба». Он был Начальником Строевого отдела Выборгского интендантского училища ВМФ.

Контр-адмирал М.А.Крупский был уже Начальником Академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова, но ему, видимо, приказали, и он накануне Парада прилетел из Ленинграда, чтобы провести наш полк по Красной площади.

Наше прохождение, как и прежде, было отмечено высокой оценкой. Было ли увольнение в город после парада – не помню. Мы быстро собрались и уехали в Ленинград.

После приличного перерыва 1990-х годов Парад на Красной площади возродили ко Дню Победы. Теперь праздничные мероприятия всё более представляют собой различные «шоу». Нет в них былой духовности, патриотической гордости, нет былых демонстраций трудящихся. Здесь, думается мне, причина не только в возрасте. А, возможно, правильно сказал Рудольф Дизель: «Чем дольше живёшь, тем больше разочарований».

Нет! Конечно, не в возрасте, просто наступили другие времена. Более 30 лет я живу в одном доме. Я не знаю не только соседей по подъезду, но даже тех, кто живёт на одной лестничной площадке.

В предвоенные годы, в годы военного лихолетья, после войны жили мы небогато, порой скудно. Очевидно, поэтому у людей рождалось стремление объединиться, чтобы

помогать друг другу хотя бы морально, чтобы скрасить как-то трудную, но интересную жизнь, освящённую трудом во имя идеалов будущего.

Трудом, и только трудом всего народа создаётся богатство и экономическая мощь Отечества. Можно временно обогатиться, нещадно распродавая природные богатства трудолюбивым странам, набивая карманы определённой группы людей и создавая видимость изобилия в супермаркетах. Только это не для народа в широком его понимании, не для грядущих поколений. Не для воспитания патриотизма.

Труд перестал быть в почёте, имея в виду прямое или косвенное создание материальных ценностей. Многие люди труда вынуждены уйти в охрану, в мелколавочную торговлю, в профессиональный спорт, в правоохранительные структуры, в многочисленные чиновничьи конторы.

В общей массе народа всегда были и будут люди, поражённые такими пороками, как лень, беспечность, зависть, алчность, карьеризм, убеждённости в своей исключительности. В советское время, особенно начиная с эпохи Хрущёва, такие люди быстро «размножались», и даже в рядах партийного руководства. Они говорили одно, думали другое, а делали третье.

С 1990-х годов, освободившись от общественных пут социализма, главным идеалом таких людей стал «золотой телец», зелень долларов, а лозунгами – «Бери от жизни всё!», «Никому не запрещено жить красиво!» и т.п. Наглые, напористые недоучки и недоумки быстро освоились в новых условиях. Они грабят национальное богатство, беспардонно воруют, спекулируют под сенью «демократических» законов, а уж пользуясь какой-либо чиновничьей властью, порождают коррупцию, доходящую до баснословных размеров, порождают криминал.

Фото 41 Ленинград. 1949 г. Во дворе Училища.

В трудах и заботах незаметно пришло время юбилея – 150-летие нашего Училища. Свою историю оно начало в 1798 году от классов корабельной архитектуры. Впоследствии, с развитием техники и появлением пароходов возникла необходимость в подготовке корабельных механиков. Через некоторое время Училище было преобразовано в Морской кадетский корпус механиков флота им. Александра III. В отличие от командного Морского

кадетского корпуса, в который принимались юноши только дворянского сословия, в инженерное Училище принимались и разночинцы. После революции, в марте 1923 г., официально открылось Морское инженерное Училище, выделенное из факультета Соединённых классов Училища командного состава. В 1927 году ему было присвоено имя Ф.Э.Дзержинского, в 1930 г. оно было причислено к разряду высших, а в 1939 году Училище наградили орденом Ленина.

До 1948 года это было единственное в Союзе Училище, готовившее корабельных инженер-механиков. Во время войны Училище из Ленинграда эвакуировали в г. Баку. В группах набора тех лет обучалось значительное число курсантов из Кавказских республик.

Шла подготовка к празднованию. Собрать на торжества в одном помещении всех курсантов, бывших выпускников, преподавателей, командный состав, представителей городских властей и Главного штаба ВМФ, конечно, не было возможным. Проведение основных мероприятий праздника было назначено в Таврическом дворце.

Исходя из вместимости зала Дворца, были введены ограничения. Пригласительные билеты получили все пятикурсники, курсанты четвёртого курса, исполняющие обязанности младших командиров, комсорги, отличники учёбы.

Таврический был переполнен. Я довольствовался местом на балконе, с которого революционный матрос предложил Учредительному Собранию «освободить помещение».

Празднование проходило по классическому варианту: торжественная часть и большой концерт мастеров искусств. Во время торжественной части, как обычно, был доклад, поздравление, выступления с воспоминаниями, вручение памятных адресов и подарков. Торжественная часть затянулась, становилась скучноватой.

В концерте принимали участие популярные артисты Ленинградских театров. Чувствовалось, что программа концерта была слабо проработана, а затянувшаяся торжественная часть привела к нарушению графика выступлений. Было даже так, что произведение, исполненное одной певицей, через пару номеров повторяла другая, более маститая Народная артистка.

Однокурсники нашего факультета, не попавшие в Таврический, организовали юбилейные торжества в Доме культуры Промкооперации. Он у нас бытовал под названием «Шпудька». Там в оркестре играл брат одного из наших курсантов. Всё было, как рассказывали участники, хорошо. Импровизированная трибуна, микрофон и торжественная часть. Поздравления и приглашения: «Девушки, танцуйте с юбилярами!»

Потом между разгорячёнными юбилярами и другими посетителями «Шпудьки» возникла небольшая потасовка.

Ехавший в машине Председатель Ленгорисполкома увидел, как по новой крыше, блестящей при луне оцинковкой, кто-то бежит, а его преследует курсант с обнажённым палашом. Председатель позвонил Начальнику Управления военно-морских учебных заведений.

Через день на нашем курсе проводилось составление списков тех, кто не был в Таврическом. Потом было расследование и оригинальный финал. Наш курс собрали в аудитории. Начальник факультета, капитан 1 ранга Якубенко, подвёл итоги празднования юбилея.

- Встать! Смирно! Товарищ ..., – успел подать команду вбежавшему в аудиторию Начальнику факультета старшина роты.

- Садись! Засранцы! – оборвал его окриком Начфак – драться не умеете, только шуму наделали.

Пожурился нас и упрекнув за плохую организацию потасовки в «Шпудьке», он как-то расчувствовался и начал рассказывать о своей юности.

- В Молдавии было два знаменитых человека: Котовский и я, – так начал он свои воспоминания.

Был несколько раз судим за хулиганство и грабежи. Побег из колонии. Потом снова суд за бандитизм. Судья приговорил к высшей мере. После оглашения приговора он снял галошу и запустил ею в судью. Почему-то приговор заменили на отбывание срока в колонии им. Дзержинского. В последнее время, будучи в Ленинграде, он неожиданно встретил того судью. Они стали друзьями.

Я слушал и удивлялся, как этот человек, с таким прошлым, стал офицером ВМФ и воспитателем в таком, как наше, Училище.

Во время офицерской службы я был по специальности подчинён флагманскому инженер-механику Одесской бригады ОВР, инж-кап 2 ранга М.Д.Потапенко. Когда он узнал, что начфаком у меня был Якубенко, он улыбнулся и поведал мне о некоторых его похождениях.

В конце войны Якубенко был Флагмехом Северо-западного морского оборонительного района с базой в Одессе. Пользуясь своим положением, он в те трудные годы не гнушался заниматься контрабандой продовольственных товаров. На кораблях, не подлежащих пограничному и таможенному контролю, подчинённые ему доставляли из Румынии и Болгарии крупы, муку и т.п. Он их в Одессе реализовывал.

К служебным обязанностям Якубенко относился без должного внимания, но «прилежание к службе» умело изображал эффективной показухой.

Однажды на машине он приехал в Очаков на Бригаду торпедных катеров. Не заезжая в штаб, остановился в порту и попросил у одного механика катера ведро бензина, якобы для своей машины. Получив бензин, он плескнул его из ведра на угол эллинга, где находились торпедные катера, и поджёг. Это была в его понятии проверка готовности к борьбе с пожарами. Подобные выходки периодически были в других частях и на кораблях.

Когда Начальник штаба СЕЗМОРа дал ему прочитать написанную на него аттестацию, Якубенко размашисто на ней написал: «Изложенное не соответствует истине и сану писавшего», – и расписался. Аттестационная комиссия, посоветовавшись, решила переписать аттестацию, исключив компромат. Он получил назначение к новому месту службы с повышением.

Для прощального ужина были собраны инженер-механики, и каждому он поручил, что необходимо принести с собой к столу. Потапенко вспоминал, что ему пришлось готовить тазик винегрета.

Попытки завоевать ложный авторитет методом «эффективной показухи» у него сохранились и в должности Начальника нашего факультета. Он мог, например, неделю тренировать нас на быстроту подъёма и построения за несколько минут до подъёма по распорядку дня. За какую-то провинность одного из курсантов он однажды лишил увольнения весь пятый курс.

В одно воскресное утро он приказал построить факультет с полной выкладкой (винтовка, противогаз и вещмешок с песком) и повёл нас через спящий город, когда ещё не ходили трамваи. Это был 30-километровый марш-бросок. 3 километра шли форсированным маршем в противогазах. Был небольшой привал с кружкой кофе и бутербродом. Не все преодолели маршрут. Некоторые натёрли на ногах кровавые мозоли. По прибытии в Училище мы поужинали и упали в койки, положив гудевшие ноги на спинки кроватей. Насмешкой прозвучало приглашение дежурной службы в клуб на танцы.

В Ленинграде гастролировал популярный Молдавский ансамбль «Дойна». Якубенко пригласил ансамбль в наш клуб с шефским концертом. Концерт прошёл успешно. С лучшими номерами выступали и наши участники художественной самодеятельности. По окончании концерта Якубенко, выйдя на сцену, начал зачитывать благодарственный Адрес от своего имени. Тогда на сцену

вышел Начальник Училища, взял из его рук Адрес, порвал и приказал офицеру из политотдела зачитать Адрес от Командования Училища. Адрес вручил руководительнице ансамбля.

Приближалась встреча Нового, 1949 года. Неожиданно группа моих подчинённых с младшего курса обратилась с просьбой разрешить им увольнение на ночь в общежитие Текстильного института на празднование встречи Нового года. Увольнение разрешили до трёх часов, но при условии, что с ними там будет командир отделения. Так определилась и моя встреча Нового года.

Фото 42 Ленинград. 1949 г. Студентка ЛСГМИ Капитолина Кусова.

Организацией празднования занимались курсанты Миронов, Никитин и одна весёлая, энергичная студентка. Праздновали по-молодёжному, шумно и весело. Студентки,

как могли, украсили большую комнату общежития. Было скромное застолье. Потом игры, танцы, викторина, песни. Я тоже принимал участие в этих развлечениях. Своей задачей считал обеспечить, чтобы всё было пристойно. Оно так и получилось.

Продолжалась напряжённая учёба и служба. Сданы зачёты, экзамены. В увольнении решили заехать в общежитие к знакомым студенткам Мединститута. Их в комнате не оказалось. Мы пошли по улице Профессора Попова и вдруг встретились. Они признались, что были в бане. Поговорили, пошутили и проводили их до общежития. Мне как-то сразу приглянулась Капа. Копна вьющихся волос с кручеными локонами, здоровый румянец, застенчивая улыбка и очень ладная фигура.

Фото 43 Ленинград. 1949 г. Мы иногда встречались в Ботаническом саду. Я жду свою студентку-медичку Капулю.

Фото 43. Ленинград. 1949 г. Мы иногда встречались в Ботаническом саду. Я жду свою студентку-медичку Капулю.

По прибытии в Училище написал ей письмо с предложением встретиться. Мы несколько раз встречались в Ботаническом саду и ходили в кино, пока я не уехал на практику.

Отмечено окончание 4-го курса. Нас, дизелистов, направляют на заводскую практику для изучения организации и технологии судоремонта.

В теплушках прибываем в Севастополь.

Фото 44 1949 г. В Севастополь, на заводскую практику.

Размещаемся на транспорте «Нева», который стоит в Килен-бухте у стенки завода в ожидании начала ремонта. Кроме «Невы», на заводе ведутся работы по ремонту

нескольких кораблей и подводной лодки. Невдалеке виден теплоход «Победа». Это на нём в море возник пожар во время демонстрации кинофильма. Рассказывали, что когда пытались использовать огнетушители, они оказались заполненными «тряпочной» контрабандой. Было много жертв, но, в основном, из-за паники.

Фото 45 1949 г. Севастополь. Заводская практика. Цех №13.

Практика оказалась плохо согласованной с руководством завода и слабо организованной. От Училища был один офицер, которого мы редко видели. Первоначально нас расписали по группам. Группы направлялись в разные цеха и по графику должны были чередоваться. Конечно, интересно было наблюдать за ходом работ, но нас к работам почти не допускали. В ритме выполнения плана мы, порой, становились помехой. Когда это особенно чувствовалось, принималось решение, и с молчаливого согласия бригадира или начальника цеха мы группой отправлялись в «цех № 13».

Это был импровизированный пляж из камней и бетонных блоков. С пляжа были хорошо видны корабли, стоявшие на северной стороне. Среди них находился и печальной памяти линкор «Новороссийск».

На «Неве» мы обустроились в просторном кубрике. Питание отличное. Много свободного времени. Практически мы были предоставлены сами себе. Чувствовалась какая-то неуправляемость, разболтанность. В разговорах стала культивироваться нецензурщина, которая нами же вскоре была осуждена. Завели в кубрике котёнка. Однако, с ним происходили странные явления. Ласковый, мурлыкающий, он вдруг ощетикивался и начинал метаться по кубрику, жалобно мяукая. Кто-то сказал, что коты на кораблях не уживаются из-за сильного влияния магнитного поля. Мы вынесли котёнка на верхнюю палубу. Там происходила та же картина. В результате он с полубака, метров с семи, бросился в воду. Поблизости была шлюпка. Котёнка подобрали из воды и больше на корабль не приносили.

В свободное время познакомились с Севастополем. Он был почти весь в руинах: вместо домов – груды камня и пыли. Говорили, якобы стоял вопрос о целесообразности восстановления города в прежнем виде. Руководство страны, посетив город, решило: «Городу быть, и быть еще красивее и благоустроеннее». Были направлены большие отряды пленных немцев, которые разбирали завалы, вывозили мусор.

Несколько раз мы ходили на Сапун-гору. Там ещё встречались реликвии штурмов. Музея-панорамы тогда ещё не было.

Получив разрешение, мы, небольшой группой 5-7 человек, отправились в Балаклаву. Осмотрели город, бухту. Решили искупаться, прошли к берегу моря. Там встретили небольшую группу пленных. Увидев моряков, они начали восхвалять Чёрное море. Мы им напомнили о попытке завладеть этим морем. Они наперебой начали оправдываться: «Я не стрелял! Я был телефонистом!» другой говорил, что он был санинструктором, третий – шофёром и т. д. При

возвращении встретили группу пленных, сидевших у обочины дороги. Кто-то из наших сказал, что работать надо, а не сидеть. Тогда один из них, на приличном русском пояснил:

- Мы много уже сделали. Немножко отдыхаем. Скоро на наше место придут англичане и американцы. Он был, очевидно, в курсе речи Черчилля в Фултоне.

Несколько раз мы организовывали выход в море на подводных лодках типа «Щ» («Щука»). В ожидании времени выхода приходилось бывать в офицерском кубрике. Меня удивили какие-то «базарные», с претензией на остроумие, разговоры молодых лейтенантов. Однажды поступило приказание срочно отправиться на лодку, выходящую на испытания. Мы бежали с лодки на лодку по сходням. Сходня на отходившей лодке переломилась, и мы оказались на «булях» (выступах лёгкого корпуса). Я больно ударился чашечкой колени о крюк. Пришлось весь поход отсидеться в жарком электротехническом отсеке.

Мой одноклассник по 5-ой спецшколе, В.Кудрявцев, предложил мне «делку». Он познакомился со спортивным руководителем какой-то организации. Тот попросил его помочь выпустить стенгазету и написать пару лозунгов. Виктор сказал, что организует мне за работу значок и Удостоверение о сдаче зачётов по военно-спортивному комплексу. Дело в том, что ни у Виктора, ни у меня не были в Училище сданы обязательные зачёты из-за неспособности подняться без помощи ног к потолку по канату, висевшему в спортзале. Бартер состоялся.

Однако по прибытии в Училище наши заслуги не были признаны на кафедре физподготовки. Потом пришлось дополнительно тренироваться, чтобы одолеть этот «поганый» канат.

Как-то неожиданно объявили, что практика закончена. Возвращаемся в Ленинград. По дороге на крымских станциях покупаем дешёвые яблоки. В Москве нас, москвичей, отпускают до 22-х часов навестить родственников. Узнаю, что наш поезд будет отправляться

после 23-х часов. Отправляюсь к маме в Кузьминки с подарком – яблоками. На вокзал возвращаюсь после 22-х часов. Доложил о прибытии. Построение с поверкой уже было. Жёсткое нареkanie со стороны командира роты и упреки товарищей. Проступок свой признал, но не был полностью согласен с таким упреждающим временем до отхода поезда.

По прибытии в Училище командир нашей роты за слабое руководство практикой был отстранён от должности и серьёзно наказан.

При первом же увольнении в город направляюсь в общежитие Мединститута. Во время практики мы с Капулей обменялись несколькими письмами. В последнем она намекнула, в смысле, «стоит ли игра свеч». Встретила радостно. Угощал её и её подруг по комнате яблоками «Крымский кандиль». Общий разговор, шутки. Вышла меня провожать. Дождь. Зашли в телефонную будку. Первый поцелуй. Обещание встречаться.

Последний курсантский отпуск. Прошёл он как-то сумбурно. После случайного знакомства во время отпуска после 3-го курса с тремя офицерами-выпускниками Военно-ветеринарной Академии, начались с ними частые встречи. Чувствовалось, что они не очень довольны своей специальностью и немного завидовали нам. Им понравились когда-то бытовавшие у нас частушки:

Ещё есть вариант один:
Попасть на Южный Сахалин.
Тогда мы будем пить бензин,
Разбавленный водой.

Они не отличались дисциплинированностью. Часто уходили с занятий. Меня с Э.Мурашко приглашали принять участие «остограмиться». На проводы подарили мне двухтомник Шишкова «Угрюм-река». Один из них даже покинул караульную службу, чтобы проститься. Утром

приходил их Начальник курса осведомиться, был ли у нас старший лейтенант Н.Кокин.

Как отметил один из наших стихотворцев:

Пятый курс. Их все курсанты
Уважают, любят, чтут.
Как-никак уж лейтенанты
Без пяти всего минут.
Балагуры и «травилы»,
Свой проект уже творят
И о ТОФе говорят (Тихоокеанский флот).

Оставались завершающие семестры с экзаменами по прикладным дисциплинам, госэкзамены, стажировка, дипломное проектирование, защита диплома и долгожданный выпуск.

С увольнением в город стало свободней. Нам ещё на четвёртом курсе выдали Увольнительные билеты в виде удостоверений, в которые клеивался листок с указанием адреса, где будешь находиться. У меня адрес был один: Кирилловка, общежитие Мединститута.

Старшина нашей роты на 4-ом курсе конфиденциально сообщил мне, что на каком-то закрытом совещании обсуждалась моя персона в связи с репрессированием отца.

Последние семестры обучения были посвящены прикладным дисциплинам, таким, как Конструктивный расчёт двигателей, Электрооборудование подводных лодок, Управление подводной лодкой и др. Была и политическая экономия социализма, и дисциплины-«наполнители»: Корабельная артиллерия, Минное дело, Паровые котлы, Шифровальное дело и др. Второстепенные предметы нам, будущим инженер-механикам подводных лодок, представлялись излишними. Но и они иногда играли важную роль. К примеру: А.Щетинин учился не очень, но на зачёте по Минному делу «схлопотал» пятёрку. Когда распределяли по

местам службы, приехал представитель из НИИ, занимавшегося минами, просмотрел Зачетные листы и увидел Сашину пятёрку. Саша был назначен в НИИ, прослужил там всю службу и прожил всю жизнь в Ленинграде.

Занятия по Корабельной артиллерии проходили после плотного завтрака в жаркой аудитории. Преподаватель, подполковник, у которого из-за кафедры блестели только лысина и очки, грассируя, просил не мешать ему, когда из задних рядов раздавался храп. Почти так же проходили занятия по Паровым котлам. Преподавал отставной офицер по кличке «Военно-морской крестьянин». Было в нём что-то от сельского жителя. У преподавателя Шифровального дела был любимый конёк – Пёрл-Харбор. Он увлечённо говорил о разведке и доразведке японцев перед ударом по флоту США. Нам он это повторил трижды. Он спрашивал, а мы хором говорили: «Вы нам это не рассказывали».

Семестровая сессия прошла благополучно. На экзамене по Политэкономии социализма экзаменатор меня похвалил. Видимо, потому, что я отвечал после товарища, схлопотавшего «двойку».

На экзамену по Электрооборудованию отвечал в числе последних. Подготовился хорошо. Тоже отвечал после неудачника. Кап. 1 ранга Соловьёв был расстроен. Когда я изобразил по последнему вопросу билета принципиальную схему управления перископной лебёдкой ПЛ и доложил работу схемы, экзаменатор попросил повторить доклад.

Я сначала смутился, а потом бойко повторил. Кап. 1 ранга Соловьёв достал из кармана свой блокнот, полистал и сказал, как всегда «окая»:

- Молодец! А в году-то у тебя были нечистоплотности. Вот по контрольной – тройка с двумя вожжами. Добро. Ставлю «отлично».

Со второго семестра нас, чьи отцы были репрессированы в 1937-1938 годах, начали «полоскать». Неожиданно меня приглашает на заседание Бюро комсомольской организации нашего взвода комсорг

В.Гольтяев. Как-то, во время выборов комсорга, я попросил снять мою кандидатуру – избрали его. Вижу, он мнётся, что-то серьёзничает. Разговор повёл о моём сокрытии факта репрессирования отца при поступлении в Училище.

- Я же об этом давно написал в дополнении к своей биографии, – напоминаю ему.

- За сокрытие факта репрессирования отца предлагаю старшину 2 статьи Донуша исключить из комсомола, – без обсуждения заявил он.

Я был поражён. Как это он, неглупый парень, с которым мы были в добрых отношениях, так сразу мог это заявить. Ведь это он когда-то меня привёл в общежитие Мединститута, познакомил со студентками, в том числе, и с будущими жёнами, своей и моей. Видно было – получил приказание. Против его предложения выступили члены бюро и кандидаты в члены партии Н.Кургузов и В.Решнин. После обсуждения постановили: «Объявить строгий выговор с занесением».

Примерно через месяц на комсомольском собрании роты рассматривалось несколько таких дел. Собрание проходило бурно. После обсуждения было предложено мне объявить строгий выговор с занесением, просто строгий выговор и выговор без занесения. Голосованием постановили: «выговор без занесения». Это было вопреки предложениям командира роты и представителя политотдела. Не смогли они настроить собрание в нужное для них русло.

Потом был вызов на заседание Партийного Бюро Училища. Члены Политбюро, солидные капитаны 1 ранга, спрашивали, за что репрессирован отец. Я ответил, что знал: объявили кулаком, когда работал в различных районных организациях; назвали царским офицером, когда он прапорщиком перед революцией прослужил около месяца, а потом с 1919 г. по 1923 г. – командиром в РККА. Посоветовавшись, объявили: «Строгий выговор с занесением».

Госэкзамен по «Основам марксизма-ленинизма».

Солидная экзаменационная комиссия. Когда я вышел отвечать, заметил среди экзаменаторов перешёптывание. Появился офицер, очевидно, с моим Личным делом и начал показывать что-то членам комиссии. Я собрался с духом и нормально ответил на все вопросы. Посовещавшись, объявили положительную оценку.

По службе передали, что меня вызывает Начальник Училища, инж.-контр-адмирал Б.Красиков. Пытаюсь догадаться: «Что же будет?» Прибыл. Громадный кабинет. Доложил о прибытии.

- Так что там у Вас с отцом?

- В октябре 1937 г. арестован и осуждён Тройкой НКВД на 10 лет.

Вдруг – телефонный звонок. Он взял трубку, как-то изменился и другим голосом, отвернувшись, начал говорить очень тихо. Из услышанных обрывков фраз я понял, что разговор происходит с женщиной. Обращаясь ко мне, он сказал:

- Ну, ладно! Идите.

Значит, повезло. Не было надоевших вопросов, порицаний, назиданий, упрёков.

После экзаменов последовал приказ о присвоении выпускникам звания «мичман». Нас, «неблагонадёжных», производством обошли. Толю Мюллера и ещё одного товарища, у которого отец якобы бежал из лагеря, сразу отчислили.

Предстояла преддипломная стажировка. Я избрал себе тему диплома «Энергетическая установка средней подводной лодки». Объявляют направление на стажировку. Я назначен в Бригаду траления Северного флота. Решил пойти за разъяснением к Начальнику факультета. В кабинете, кроме Якубенко, его заместитель по политчасти подполковник С.Ратницкий. Он начал мне рассказывать о серьёзности международной обстановки. «На севере с одной стороны

Англия, а с другой – Америка. Вы будете там тралить». Мне оставалось только сказать:

- Разрешите выйти! Я всё понял.

Почти каждое увольнение в город я встречался с Капулей. Мы ходили в музеи, кино, гуляли в парках, в Ботаническом саду, посещали театры. Чаше были в Мариинке (Театр оперы и балета им.С.М.Кирова). Благо Володя Гуреев-Преображенский снабжал билетами безотказно. Администратору доложишь от кого, и он любезно предлагает билеты. Бывали и рядом с Царской ложей. Слушали «Аиду», «Хованщину», «Ивана Сусанина», «Иоланту», «Демона» с С.Лемешевым. Смотрели «Спящую красавицу», «Лебединое озеро», «Жизель» «Шопениану» и др.

На пятом курсе произошло ещё одно неприятное событие. Известно, что в больших коллективах, как правило, образуются небольшие группы. В них «кучкуются» люди определённого воспитания, близкие по интересам. В нашем взводе (классе) было несколько таких групп. В одной из них ведущим был Г.Коробов. Он прибыл к нам, когда уже начались занятия. Сидел за последним столом, вёл себя замкнуто. Постепенно он раскрылся, приобрёл друзей даже из других классов. Оказалось, что в Училище он прибыл из мест весьма отдалённых, что папа его крупный инженер в авиастроении, что он хорошо знаком с московскими именитыми футболистами.

Со временем он организовал футбольную команду, которая считалась одной из лучших среди училищ Ленинграда. Намекал на доброе отношение к нему Начальника факультета. Его произвели в спорторги факультета. Это обеспечивало, кроме всего прочего, возможность увольнения в город в любой день.

В увольнение он обычно ходил с кем-нибудь из друзей своего круга. Потом в классе делился впечатлением о похождениях, о знакомых женщинах.

Однажды с одноклассником, борцом-разрядником, они познакомились с командированным из Карело-Финской

республики инженером. Разговорились, нашли общий язык. Командированный расщедрился, угощая будущих флотских инженеров и сам «передозировался». Решили погулять по городу. Новые друзья инженера привели его в Александровский сад и пытались ограбить. Он начал шуметь. Увидела это сторож. Свисток. Поблизости оказались милиционеры. Побег, погоня, поимка.

Показательный суд в нашем Актовом зале. Коробову дали 10 лет, а его подельнику-борцу – 8 лет.

Впоследствии он приезжал на встречу выпускников 1950 года. На груди его красовались несколько медалей ВДНХ. Говорил, что в зоне работал инженером в группе по созданию бензопилы «Дружба». Освободился, конечно, досрочно.

Итак, едем на преддипломную стажировку. Все товарищи на подводные лодки, а нас двое – на тральщики. Прибываем в г.Мурманск. Оттуда, всё на том же рейсовом катере «Краснофлотец», – в Полярный. Узнаём, что вся Бригада траления вместе с плавбазой «Тугома» ушла в район Новой Земли.

Как быть? Решаем идти к Начальнику штаба Бригады подводных лодок. Выслушав нас, он предложил стажироваться на подводных лодках. Меня направили на Краснознамённую С-51. Эта лодка в 1942 году совершила переход через два океана и первой из группы лодок Тихоокеанского флота прибыла в Полярный. Командовал лодкой кап.3 ранга И.Ф.Кучеренко, впоследствии Герой Советского Союза, контр-адмирал. (Интересно, что после отставки я работал в ЦНИИ им. В.А.Кучеренко).

По прибытии меня познакомили с офицерами и определили в «кубрик» общежития холостяков. Там находились командир минно-артиллерийской боевой части, штурман и командир группы движения электромеханической боевой части. В кубрике у входа справа стоял стол, а на столе размещались ящики холостяцкого доппайка: печенье, сливочное масло, сахарный песок. Зачастую заходившие в

кубрик офицеры, проживавшие в городе, да и мы, местные, машинально протягивали руку поочерёдно в ящики, а потом ко рту. Командир КПЛ С-51 – капитан 2 ранга Л.Герасимов. Он из бывших политработников. После упразднения во время войны должности комиссаров на ПЛ, а впоследствии и замполитов командиров ПЛ, некоторые из них, в том числе и Герасимов, на курсах переквалифицировались на командные должности. Солидный по возрасту и званию, он держался, как мне показалось, несколько обособленно от офицеров и всего экипажа. Когда лодка находилась в базе, его не было видно. Всем руководил старший помощник.

Командир штурманской боевой части – старший лейтенант В.Ажажа. Небольшого роста, моложавый, энергичный, грамотный, коммуникабельный офицер, боксёр-разрядник. Мама ему из Москвы присылала посылки с любимыми сладостями. Помнится, он угощал нас клюквой в сахаре, которая была в коробках из-под ампул с глюкозой. Посылки с продуктами тогда в Москве не принимались. Впоследствии он уволился со службы, защитил кандидатскую. Занимался разведкой рыбных косяков, используя переоборудованную ПЛ. Перебравшись в Москву, он увлёкся НЛО – неопознанными летающими объектами.

Командиром минно-артиллерийской боевой части был старший лейтенант Г.В.Лазарев. Образцовый офицер. Физически крепкий, спокойный; грамотный специалист, свободно владевший английским; большой любитель классической музыки. Рядом с проигрывателем у него хранился набор пластинок «Гранд» с записью концертов симфонических оркестров. В среде офицеров заочно его называли «Слон». Под настилом палубы он хранил штангу. Когда лодка была в надводном положении, он периодически «разминался». При отсутствии старшего помощника исполнял его обязанности. Впоследствии он командовал лодками, соединением лодок. Закончил службу контр-адмиралом, Начальником Управления кадров ВМФ. Перед

увольнением в запас я был у него на приёме. Помог мне уволиться в Москву.

Командир электромеханической боевой части инженер-капитан-лейтенант В.Гордеев – грамотный, опытный офицер. Прекрасно знал лодку, обладал незаурядными педагогическими способностями. Я недоумевал, почему он из прошлогоднего выпускника Училища не сделал надёжного помощника. Меня он несколько раз провёл от носа до кормы по всем отсекам, показывал и рассказывал предназначение, работу и правила использования каждого механизма, трубопроводов каждой системы, каждого клапана, вентиля, крана, каждой цистерны. Потом, через некоторое время, несколько раз провёл меня по отсекам и уже спрашивал: «Что это? Для чего это? Как работает и когда применяется?» и т.д. Последний раз я его встретил в Академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова в должности Начальника Учебно-лабораторного отдела.

Фельдшер – добродушный, общительный, немного суетливый капитан медицинской службы Н.Кузнецов. Он в Полярном – с самого начала создания Северного флота. Основные его обязанности заключались в направлении заболевших в лазарет, требовании поддержания чистоты в помещениях, контроле качества приготовления пищи, качества и количества получаемых продуктов питания и, когда лодка находилась в море, – в раздаче личному составу вина перед обедом. Во время войны, как он рассказывал, по разным причинам его трижды заменяли в экипаже перед выходом лодки на позицию. Эти лодки погибли. В общезнании, при «повышенном настроении» просил поставить на проигрыватель пластинку с «Тройкой» из к/ф «Здравствуй, Москва!» и виртуозно исполнял танец.

Знакомый по Училищу прошлогодний выпускник инженер-лейтенант Р.С.Гулин был командиром группы движения электромеханической боевой части. Оригинальная личность. Он таким и в Училище был. Медлительный, какой-

то неуклюжий, всегда задумчивый. Невероятно начитанный, он часто говорил афоризмами. Не воспитали из него военного человека. Как-то старпом свистком означил встречу начальства. Он, вылезая из рубки, громко спросил:

- Анатолий Иванович! Кого это Вы освистали?

За год службы он не смог сдать зачёт на самостоятельное управление группой. Вместе с тем, многие офицеры бригады обращались к нему по медицинским вопросам.

На четвёртом курсе одноклассники увели его во время увольнения в Медицинский институт. Спрятался в уголке клуба, где танцевали. Подошла студентка и пригласила. Он признался, что понятия не имеет о танцах. Тогда она увлекла его и начала обучать. На следующее воскресенье он сам записался на увольнение, а через несколько недель объявил, что женится. Он так увлёкся медицинской литературой, что в Бригаде стал популярным «терапевтом».

Вечерами, когда в холостяцком кубрике отсутствовали другие офицеры, он иногда просил у меня спирта. Дело в том, что капитан-лейтенант В.Гордеев, чтобы к нему не приставали любители спиртного, поручил мне ключи от сейфа с бутылкой. Гулин спиртное не признавал. Пользуясь спиртом, он делал себе какую-то инъекцию и обретал благодушное настроение. Потом доставал из-под второго дна чемодана рентгеновские плёнки с записями песен Лещенко и Вертинского и с умилением слушал их.

Через несколько лет встретил его в Ленинграде в трамвае. С лодки его, конечно, списали. Он трудился в каком-то НИИ аварийно-спасательной службы.

Когда мы оставались с Г.В.Лазаревым вдвоём, он или читал английские романы, или ставил на проигрыватель какую-нибудь «Шехерезаду». Я копировал с фотографии Капулю в медицинском облачении за микроскопом. Он иногда доставал из-под кровати чемоданчик с купюрами, просил сходить в «Циркульный» (дом с самым крупным

магазином), купить пирожных и бутылку какого-нибудь «Айгешата» (выбор был невелик). Мы с ним «ужинали» и беседовали.

Личный состав экипажа: старшины групп мичмана-сверхсрочники, командиры отделений и старослужащие матросы – все были классными специалистами своего дела, настоящими подводниками. Все охотно помогали молодым матросам, друг другу в овладении и совершенствовании необходимых знаний и навыков, в овладении смежными специальностями. Делалось это как-то обыденно, иногда с юмором и шутками, на которые никто не обижался. Когда я просил пояснить особенности устройства и работы какого-либо механизма или системы, старшины, дополняя друг друга, старались подробнее и доходчивее ответить на мою просьбу. Если проявлялись у кого-либо признаки зазнайства, заносчивости – таких могли серьёзно проучить.

На лодку прибыл политработник – лейтенант из армейских структур. Он, видимо, почувствовал себя заместителем командира и решил, что с его саном грешно просить у младших помощи разобраться в непознанном.

Однажды в дизельном отсеке я о чём-то беседовал с мотористами. Беседовать было трудно, шли в надводном положении и дизели работали. Вдруг он зашёл, спросил у матросов о настроении, о просьбах и увидел, как старшина команды, проходя вдоль отсека, прощупывает трубки дизелей, определяя работу насосов и форсунок. Он тоже прошёл по отсеку, прощупывая трубки. Ушлые матросы заметили это.

Когда в следующий раз он зашёл к мотористам, один из матросов опустил на четвереньки и прошёлся по настилу вдоль отсека. Лейтенант спросил:

- Что это с ним?

- Проверяет температуру, – был ответ заговорщиков.

Через день, заходя в дизельный отсек, он опустил на четвереньки и пополз по настилу. Матросы, отвернувшись,

прикрывали рот ладонью. Матросов я упрекнул, что так шутить нельзя. Ведь он всё же офицер.

Рассказывали, что его ещё раз разыграли. Пожаловались ему, что береговая база выдала не свежий, а сушёный картофель. Пригласили к телефону в первом отсеке, чтобы переговорить со снабженцами. Лодка шла в подводном положении. В кормовом отсеке заговорщик-«снабженец» по телефону обещал разобраться и исправить положение. Он доложил матросам, что больше сушёный картофель на лодку выдавать не будут.

Как этот лейтенант появился внезапно, так внезапно и исчез.

Идёт интенсивная боевая подготовка. На берегу мы в гостях, а почти всё время в море. Отрабатывается одиночное плавание с нормальным и срочным погружениями, торпедные и артиллерийские стрельбы, форсирование минного поля. Потом отрабатываются элементы совместного плавания.

У нас, механиков, основная забота – в обеспечении заданного надводного и подводного хода, в расчёте дифферентовки лодки и количества принимаемого в цистерны балласта, в обеспечении всех боевых частей и служб необходимыми видами электроэнергии, сжатого воздуха. На нас лежит ответственность за отработку приёмов борьбы с водой, поступающей в прочный корпус, с пожарами и за живучесть технических средств.

В своих воспоминаниях отважный подводник Северного флота, Герой Советского Союза контр-адмирал И.А.Колышкин так писал о механиках:

«... Ну, а люди пятой боевой части – на особом положении. Пока лодка в походе, пока она жива, нет ни минуты, чтобы не действовали какие-нибудь из её механизмов или систем. Пятая боевая часть всегда за работой. Каждому, кто в ней служит, присущи качества отважного и бдительного бойца, навыки опытного мастерового человека, знание техники. Возглавляет боевую

часть командир с инженерным дипломом. А большинство старшин и матросов имеют среднее образование и рабочую закалку.»

Одной из важнейших забот является аккумуляторная батарея. В подводном положении вся электроэнергия – только от аккумуляторов. Несколько сотен эбонитовых баков величиной с бытовой холодильник наполнены свинцовыми пластинами и залиты раствором серной кислоты (электролитом). Зарядный ток на лодках серии «С» составлял на первой ступени 1100 ампер. Зарядка длится часами. Выделяется водород. Его концентрация в отсеках контролируется газоанализаторами. При определённой концентрации водорода в воздухе от малейшей искры может произойти взрыв. По этой причине во время войны были случаи крупных аварий и даже гибели лодки. Поэтому во время зарядки отсеки усиленно вентилируются. Кроме этого, в отсеках размещены специальные приборы сжигания водорода. После зарядки крышки баков протираются от капелек, появившихся при «кипении» электролита, содовым раствором и спиртом.

Рассказывали, что на некоторых лодках, в целях экономии спирта и подтверждения для проверяющих его использования, он наливался в стакан и, после окончания зарядки, разбрызгивался пульверизатором, создавая в отсеках должный запах.

И всё же, основным и главным первоисточником всех видов энергии на лодке оставались дизеля. Они вращали гребные валы, обеспечивая заданный надводный ход, они вращали генераторы, обеспечивая электроэнергией все потребители, они обеспечивали зарядку аккумуляторных батарей. Поэтому о дизелях была особая забота.

При движении надводным ходом шум выхлопных газов дизелей был слышен далеко. Обычно при прохождении лодки вблизи берега местные жители, рыбаки-поморы,

выходили из своих редких изб, черневших на фоне скал, выстраивались по ранжиру и приветствовали подводников.

Стояли мы в какой-то бухточке и заряжали батарею. Размеренно постукивали дизеля. Невдалеке заряжалась другая лодка. Кто-то из наших мотористов нашёл большой гвоздь, закрутил его в крючок, закрепил гайку, привязал к фалиню и бросил за борт. Подёргав фалинь, он вдруг вытащил большую треску. Маневр повторили – и снова удачно. Быстро изготовили дубликаты снасти, и на палубе появилась горка трески. Было видно, как на соседней лодке матросы бегали вдоль бортов с удочками, но безуспешно. Пришлось поделиться. То ли от надоевших продуктов автономного плавания, то ли от «свежатинки», но сваренная уха оказалась такой вкуснятиной, которая осталась надолго в памяти. Сваренная через пару дней уха была уже совсем не та. Не зря говорил мой друг-рыбак, что уха из рыбы, полежавшей в холодильнике, всё равно, что из тетрадки.

Отрабатываем организацию срочного погружения. На беду командир БЧ-V «потерял» голос. Сипит мне в ухо, а я дублирую его команды. Кроме этого, моя обязанность – по сигналу срочного погружения заполнить забортной водой специальную цистерну быстрого погружения, а на 9-метровой глубине осушить её.

После очередного всплытия командир лодки предложил пострелять из карабина по ныркам, каких было множество. Все выстрелы оказались безрезультатными. Кто-то сказал, что нырок, услышав щелчок бойка карабина, успевает нырнуть, пока к нему летит пуля.

Постреляв, я предложил командиру идти на зарядку батареи. Он решил произвести ещё одно срочное погружение. «Всем вниз! Срочное погружение!» Кричит ревун. Все, кто был на мостике, скатываются по вертикальному трапу в центральный отсек. В боевой рубке между люком в центральный отсек и люком на мостике остаётся как старший помощник ст. лейтенант Лазарев.

По организации, как только, уходя с мостика последним, командир начинает закрывать верхний рубочный люк, боцман открывает клапана балластных цистерн, а я – клапан цистерны быстрого погружения. У командира закрытие люка не получилось. Он что-то замешкался, попытался крышку люка приподнять и снова закрыть. Лодка уже погружалась. Волна отбросила крышку люка. Командир вместе со столбом воды пролетел боевую рубку, шлёпнулся на настил центрального отсека. Поток его отбросило к кормовой переборке. Он застонал:

- Продуйте балласт! Продуйте балласт!

Штурманский электрик крикнул ему что-то нелицеприятное. Я уже продувал «быструю», а боцман – цистерны главного балласта. Находившийся в боевой рубке Г.В.Лазарев пытался, жертвуя собой, закрыть нижний рубочный люк, но безуспешно – заедание в крючке. Лодка провалилась на 10-12 метров. Всплыли. Вода в отсеке гуляет по настилу. Откачали воду. Штурман В.Ажажа сообщил, что под килем было 330 метров. Предельная глубина погружения – 100 метров. Экипаж к ЧП отнёсся спокойно.

После окончания похода прибыли в Полярный. Через день командира БЧ-V инж.-кап.-лейт. Гордеева вызвал флагманский инженер-механик и потребовал доложить обстоятельства этого срочного погружения. Как об этом узнал флагмех – осталось тайной.

Наш последний длительный поход на учения в составе Бригады. Отрабатывались задачи совместного плавания, взаимодействие лодок, торпедные атаки, артиллерийские стрельбы, т.е. всё, что положено по Курсу боевой подготовки. Наша лодка все задачи выполнила успешно.

Приказали подойти к борту плавбазы, где располагался штаб. Ошвартоваться удалось только с третьего захода. В команде прокатился скрытый ропот в адрес командира, а командир БЧ-V инж.-кап.-лейт. Гордеев откровенно ругался: «Батарей разрядил, время потеряли!»

Ведь потом со стороны экипажей других лодок будут «подначки»: «Вот, – мол, – как швартуется передовая лодка!»

Вдруг меня вызывают на плавбазу в каюту Флагманского инженер-механика для сдачи зачётов за стажировку. Флагмех – инж.-капитан 2 ранга с немецкой фамилией. Рассказывали, что на него искали компромат. Прислали комиссию из штабных специалистов флота проверить его соответствие занимаемой должности. Он чётко докладывал по всем вопросам и демонстрировал знание энергетических установок лодок различных проектов. Поняв цель работы комиссии, он на очередной лодке «признался», что не знает, как запустить главные двигатели и попросил, чтобы кто-нибудь из членов показал, как это делается. Все молча переглянулись. Тогда он запустил и заглушил двигатель и, попрощавшись, сошёл с лодки.

Когда я прибыл, в каюте флагмеха находился его зам по электрочасти и специалист по борьбе за живучесть. После ответов на их вопросы ко мне подошёл флагмех и предложил изобразить схему топливной системы лодки типа «С».

- Товарищ капитан 2 ранга! Вы что, знаете, что на С-51 чертёж этой системы отсутствует? – удивился я.

- Знаю, потому и спрашиваю. Фантазируй, рисуй!

Вспоминая, как меня учил Гордеев, я начал что-то изображать. Флагмех прошелся несколько раз по каюте, потом взял стул и сделал на нём стойку на руках. Я показал своё творчество.

- А что? Похоже! – сказал он, – Молодец!

Как потом стало известно, из всей группы стажёров он только четверым поставил оценку «хорошо».

Учения закончены. Бригада возвращается в Полярный. Нам передали семафор, что на нашей лодке пойдёт Начальник штаба Северного флота. Суетно искали адмиральский флаг Начальника штаба. Нам его передали с другой лодки. Ждём начальство. Бригада ушла. Передали радио: «Следовать в базу самостоятельно».

Заходим в Екатерининскую гавань. Все лодки уже ошвартовались у причалов. Я попросил разрешения быть на мостике. На пирсе – какая-то суета. Командир разворачивает лодку и направляет её к лодке Л-20 – минному заградителю. Идём почти под прямым углом. Переглядываюсь со штурманом. Явно опасная швартовка. Сообразил это и командир.

- Правая машина стоп! Право на борт! Обе полный назад! Поздно. Вижу, как на пирсе беготня прекратилась, всё замерло. Нос нашей лодки врежется в лёгкий корпус Л-20. Снова на пирсе суета. Прибывает начальство, а потом водолазы. Пробойна длиной около 2-х метров только в лёгком корпусе. Личный состав нашей лодки ходит молча, опустив голову.

*Фото 46 Полярный. 1950 г. Краснознамённая ордена
Ушакова Бригада подводных лодок Северного флота.
Возвращение в базу.*

Вечером в офицерском кубрике холостяков объявили, что в 6 утра рейсовый «Краснофлотец» выходит в Мурманск. Мы, курсанты, должны отправляться на нём в Мурманск, а потом в Ленинград. Исполняющий обязанности старпома Г.В.Лазарев пишет отношение в Отдел кадров Училища с просьбой после выпуска направить меня в Отдел кадров Бригады ПЛ Северного флота. Подпись скрепляет печатью лодки. Вручил отношение, попрощался и ушёл. Пришёл попрощаться штурман В.Ажажа. Расставались «пофлотски». Он предложил пойти в единственный в Полярном ресторан «Ягодка». При выходе из территории Бригады нас задержал дежурный по штабу:

- Лейтенант! Куда Вы ведёте курсанта?

- А Вы что, не знаете, куда в это время можно пойти?

- Приказываю вернуться в общежитие!

Мы вернулись в каюту и ещё «добавили».

Немного отдохнув, утром, «страдавая тяжко», прибыл на рейсовый катер, где собирались товарищи. Потом был Мурманск, и поездом – в Ленинград.

По прибытии мы договорились в Училище ехать на такси. В то время в Ленинграде таксомоторный парк в основном состоял из малолитражных автомобилей БМВ. Вот мы кавалькадой почти из десяти машин въезжаем в Адмиралтейский проезд. У дежурной службы лёгкий переполох. Первым из машины вышел мичман Лакунин – солидная фигура. К нему подбегает Дежурный по Училищу. Мы тоже выходим из машин. Немая сцена. Из открытых окон Зала проектирования, что на втором этаже, раздаётся дружный смех. Дежурный махнул рукой и ушёл в свою комнату.

Товарищи после стажировки на других флотах уже «творили» дипломные проекты. Иду за заданием на проектирование. Вот те на! Ни по лодке, ни по тральщику, на который посылали стажироваться. Вручают тему: «Энергетическая установка малого противолодочного

корабля». Да я этих кораблей никогда не видел! Первое желание – пойти к начальству, возмутиться или хотя бы выяснить причину. Но, стоп! В моём положении это может быть не только бесполезным, но и вредным.

Собираю и изучаю литературу по кораблям ПЛО и быстроходным катерам. Нахожу в архиве чем-то подходящий прототип дипломного проекта. В задании – другое водоизмещение, другая скорость, другое вооружение.

При очередном построении дополнительным приказом двум опальным товарищам торжественно вручили мичманские погоны. Один из них – одессит Кушнарёв. Кто-то из его одесских «доброхотов» написал анонимку, в которой сообщил, что он во время оккупации учился в лицее, изучал Закон Божий и сотрудничал с оккупантами. Отец Кушнарёва написал письмо Маленкову с опровержением. Вот его и восстановили в звании «мичман». Впоследствии перепроверили, очевидно, дополнительную анонимную информацию. При защите дипломного проекта поступила в комиссию, как говорили, команда: «завалить». Комиссия же сочла возможным поставить оценку «удовлетворительно». Кушнарёву сразу же выписали Диплом и уволили со службы.

После нашего прибытия со стажировки в Училище заходил ранее отчисленный А.Мюллер. Пока мы стажировались, он в Ленинградском Кораблестроительном институте успешно защитил дипломный проект и показывал «корочки».

Нам назначили очередного – третьего на пятом курсе – командира роты. По общему уровню и опыту командования капитан, конечно, был весьма слаб. При первом же построении роты произошёл конфуз. Мы заняты проектированием, а он нам, выпускникам, рассказывает о правилах поведения в городе, как солдатам-первогодкам. Пошли смешки. Он смутился. Потом, после паузы, приказал старшине роты:

- Распускайте роту!

И вдруг, как бы опомнившись, воскликнул:

- Минуточку! Забыл упустить! Приведите в порядок ваши тумбочки!

Рота, не выдержав, громко засмеялась и самораспустилась.

Фото 47 1950 г. Ленинград. Вид из окна класса, где работал над дипломным проектом. Слева – Зимний дворец, далее – Дворцовая площадь и здание Главного штаба.

Моё дипломное проектирование в начальный период было озадачено и привело к лёгкой панике. Кроме отставания по графику от одноклассников из-за задержки со стажировки, не получается расчёт мощности главных двигателей.

Тепловой расчёт давал нормальные результаты, а построенная по нему индикаторная диаграмма не соответствовала проектной мощности. Пересчитал десятки формул. Результат тот же. Выразил полное недоверие логарифмической линейке и пересчитал «на бумажке». Повторение результата. Обратился к консультанту – маститому инженеру, специалисту по быстроходным

двигателям, приехавшему на пару дней из Московского НИИ.

- Ищите ошибку, – был ответ.

Сижу без выходных. И вдруг осенило: да ведь у меня не тот масштаб индикаторной диаграммы! Быстро вписался в график проектирования за счёт выходных и вечерней работы. В город хожу редко. Капюлька была в Калинин (Твери) на каникулах.

Подходит ко мне новый командир роты и просит сделать стенд для стенгазеты. Я отказался, ссылаясь на занятость, на отсутствие красок, кистей, разбавителей красок и подходящего щита. После повторного обращения я согласился при условии предоставления пары дней увольнения в город для приобретения материалов. Откровенно – хотелось отдохнуть.

Щит фанерный для стенда, в рамке, нашли, и я приступил к работе. Изобразил выплывающие из сиреневого тумана слева Спасскую башню Кремля, а справа – башню Адмиралтейства. Конечно, подводную лодку, заглавие «Дизелист» и символ факультета. Застав меня за работой, консультант, инж.-кап. I ранга Дьяконов, спросил:

- А где Вы учитесь живописи?

- Не учусь и не учился никогда, а теперь уже поздно.

- Напрасно. Очень напрасно. Я в мои годы с интересом посещаю изостудию. И Вам советую.

А стенд получился вполне. Товарищи хвалили.

В связи с ремонтом помещений нашу группу, как и другие, несколько раз передислоцировали. Из Зала проектирования сначала перевели в класс, окна которого выходили на Дворцовую площадь и Зимний. Последний класс у нас был в конце правого крыла Адмиралтейства – с видом на Зимний, на Неву, на Дворцовый мост.

В этом классе мы заканчивали свои проекты и занимались чертёжными работами к диплому. Это позволяло не только нарушить рядность столов, но и свободно разговаривать. Появилась идея поочерёдно читать вслух что-

нибудь юмористическое. Вот однажды читает отрывки из «Золотого телёнка» Б.Перминов (погиб в первые дни после выпуска по прибытии в город Поти, нашли в реке Риони). Не заметили, как вошли Начальник Строевого отдела, Начальник Учебного отдела и Начальник Материально-технического обеспечения. Кто-то подал команду: «Внимание!» Смех замолк. Полковник Чернов – Начальник МТО – бросил реплику:

- Видите, как им весело! Поди, считают себя уже инженерами. «Декамерона» прорабатывают.

Хотелось опять хихикнуть.

Увлечённый работой, я старательно производил расчёты, оформлял описанием полученные результаты, чертил графики и таблицы, чертил детали с указанием размеров, чертил продольные и поперечные разрезы дизеля и корабля. Диплом получился солидным. Объяснительная записка более, чем на 100 листах, и около 20 листов ватмана. Кроме теплового и конструктивного расчёта главных двигателей, нужно было определить потребные мощности, режимы использования электрооборудования, вспомогательных механизмов, разработать и вычертить схемы всех корабельных систем.

Защита. После моего доклада члены комиссии рассматривают чертежи и схемы систем, листают Пояснительную записку и задают около 15 вопросов по разным специальностям. Потом меня и посторонних попросили выйти из аудитории. Комиссия совещалась. В коридоре некоторые члены комиссии и товарищи поздравляли с отличной защитой.

Пригласили в аудиторию и объявили оценку «хорошо». Почему-то впервые ощутил острую обиду и боль. Возможно и от сознания того, что завершён трудный этап жизни, и от унижения, навернулась слеза.

После защиты пригласили на распределение по флотам.

- Где желаете служить?

- Северный флот, – отвечаю.

- А если не получится, второй вариант какой?

- Тогда опять Северный флот. Я же передал запрос от командования подводной лодкой.

Выпуск 27 октября 1950 года. Торжественное построение в «Советском подъезде» правого крыла Адмиралтейства. Вручают дипломы, лейтенантские погоны, кортики. Первым, окончившим Училище, всё это получает одноклассник, Сталинский стипендиат А.Крайнов. Стипендию 1000 рублей он получал формально, меняя её на облигации Государственных займов. Перед окончанием торжеств мне и нескольким таким же «пораженцам» вручают только диплом инженер-механика.

Ожидая решения моей участи, я заходил в Училище. Мне рассказали, как один из наших выпускников, Саша Матвеев, накануне отличился. Ужиная в одном из известных Ленинградских ресторанов, он немного «перегрузился». Проходя мимо столиков, вдруг увидел на одном из них флажок не очень дружественного государства.

- А это что такое? – возмутился Саша, движимый силой патриотизма. Он взял флажок и бросил его в сторону. Дипломатический скандалчик. Сашу, конечно, наказали, но не очень. Очевидно, посчитали, что «гражданственность человека определяется силой его патриотизма».

Через неделю встречаю нового Заместителя Начальника факультета:

- А вы что, не получили звания? Пришёл приказ на двоих. Как Ваша фамилия? Зайдите к Начальнику факультета.

Зашёл. Поздоровался. Он сверкнул глазами, изобразил кислую мину, достал из ящика стола кортик, погоны младшего лейтенанта, сунул мне и сказал:

- Учти, этот хвост будет преследовать тебя всю жизнь!

Чувствовалось, что он чем-то оскорблён. Только потом, лет через десять, ознакомившись со своим Личным делом, я прочитал выпускную Аттестацию и понял, кто был

автором. Подписал Аттестацию и выводы капитан Кашихин. Это был четвёртый командир роты на нашем пятом курсе, назначенный перед выпуском.

В начале Аттестации отмечено, что я по приказанию командования в дополнении к Автобиографии в марте 1949 года написал о факте репрессирования отца. Было это значительно раньше. Я был удивлён, что, судя по Аттестации, после признания факта репрессирования отца, меня назначили командиром отделения на младший курс, присвоили звание «старшина 2 статьи» и допустили к участию в ноябрьском Московском параде.

Но, как записано в Аттестации, «... Курсант Донуш рассчитывал на смягчение своей вины тем фактом, что к этому времени его мать была награждена орденом Ленина.» А ведь маму наградили в конце 1949 года. В Орденской книжке стоит дата 28 октября 1949 года и подпись Секретаря Президиума Верховного Совета СССР А.Горкина.

Уже в этом видна «объективность» Аттестации. Далее набор общепринятых заслуженных и не заслуженных характеристик. Всё же отмечено, что «... Взаимоотношения с товарищами хорошие. В освоении своей специальности проявлял любознательность. Морские качества удовлетворительные. Учился хорошо. Здоров. Физически развит удовлетворительно.» Вывод (после вступительного обоснования):

«... Считаю необходимым уволить курсанта Донуш в запас с присвоением воинского звания «Младший инженер-лейтенант». Командир роты – капитан Кашихин».

Далее: «С аттестацией и выводами командира роты согласен. Начальник факультета – инж.-кап.1 ранга Якубенко.» и «Утверждаю. Начальник Училища инж.-контр-адмирал Б.Красиков. 25.10.50».

Приказом Военно-морского министра СССР от 01.XI.1950 оставлен в кадрах с присвоением звания «Младший инженер-лейтенант». Этот приказ, видимо, «оскорбил» Якубенко.

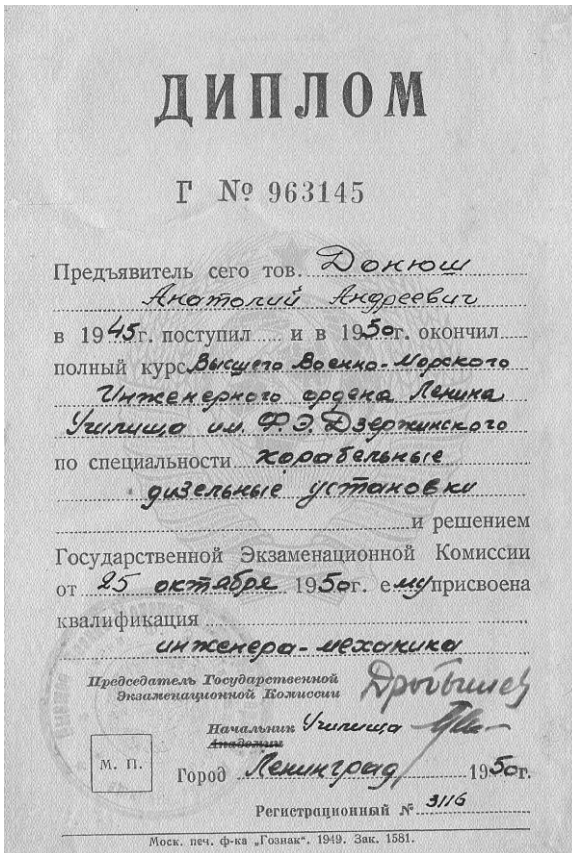

Фото 48 Диплом.

Был, конечно, и выпускной вечер после вручения дипломов, кортиков, погон. Разрешили пригласить девушек, невест, жён. За столами все лейтенанты – в новеньких формах, с празднично одетыми жёнами, подругами. Мы, «пораженцы», тоже в форме, но без погон и нашивок. Капуля выглядела прекрасно. После первых поздравлений и тостов стало веселей. Шутки, воспоминания забавных эпизодов курсантской учёбы и службы. Общий смех. Потом даже я решил потанцевать. Вообще всё прошло красиво, весело, шумно. Впоследствии я очень сожалел, что под мощным

«административным давлением» отказался фотографироваться в Выпускной альбом, чтобы не оставлять товарищам о себе память.

После банкета поздно вечером проводил Капулю. Шли по Невскому. Почти безлюдно, и мы целовались на Аничковом мосту у «лошадок» Клодта.

Фото 49 1950 г. Капитолина Васильевна Кусова – студентка Мед. института на моем выпускном.

Получил документы и «приданое» – чемодан с лейтенантской экипировкой. Назначение – город Пинск, Днепровская военная флотилия. Вспомнил свою детскую бескозырку. Отправился последний раз на Кирилловку, попрощаться со своей невестой Капутькой. Постояли у окна в

коридоре общежития мединститута. Взгрустнули, и даже со слезой. Расставание. Кроме этого, я рассказал ей и опять остро ощутил своё выпускное поражение. Она посетовала на своё возможное притеснение за проживание несколько месяцев в оккупированном Калининe (Тверь). От неё – прямо на вокзал и в Москву.

До свидания, Ленинград! До свидания, Адмиралтейство! Под твоим шпилем прошла моя юность. Здесь я много познал, многому научился, много пережил личных потрясений. Здесь я встретил свою любовь, и потом вместе мы прошли по жизни почти 55 лет. Спасибо тебе за всё!

В юбилейные даты выпуска, через каждые пять лет, мы, по возможности, собирались в Училище. Во время банкета неизменно пели наш гимн. Его написал выпускник 1946 г. В.И.Буряков на мелодию «Карамболина» из оперетты «Фиалка Монмартра» Кальмана:

Море штормом, ветер шквалом
Грозно рушатся на нас.
Качка треплет нас жестоко каждый час.
Нас пучина покрывала
Озорным Девятым валом,
Были веселы мы всюду каждый раз.
Буря злится, пена волн шумит,
Океан седой кипит.
В этом бешеном каскаде
Шум и спереди, и сзади
Только душу у курсанта веселит!

Приве:

Пусть вой и грохот, но слышен хохот:
«Какая жалкая земля! Ей! Ей!»
И для норд-веста там нету места,
Так грохочите дизеля, сильней!
Нам здесь прекрасно среди бури мгливой,

Мы не скучаем никогда!
 Ведь не напрасно мы – дизелисты,
 И не напрасно нами молодость горда!

Снова берег нас встречает,
 Щедро ласки раздаёт.
 Нас, встречая, улыбается народ.
 Нас уж больше не качает.
 Дизелисты не скучают!
 Каждый весел, каждый молод и поёт:
 «Здравствуй, берег, мы в гостях опять.
 Не умеем мы скучать!
 Кто сегодня не смеётся –
 Дизелистом не зовётся:
 Дизелисты не привыкли унывать!»

Припев.

В минуту грусти ты не сдавайся
 И покажи характер свой.
 Танцуй отважно и улыбайся,
 И вместе с нами эту песню пой!
 Забудем горе: ведь завтра в море,
 В далёкий и опасный путь,
 В простор волнистый
 Мы, дизелисты, уйдем,
 Чтоб снова возвратиться как-нибудь!

Припев.

Взгляд красавицы волнует
 И тревожит душу нам.
 За неё готов я жизнь свою отдать!
 Сердце бьётся и пылает,
 От любви совсем сгорает,
 Прикоснувшись к этим огненным устам.
 Любим страстно, любим каждый взгляд,

И напрасно говорят,
Что моряк любить не может.
Пусть Вас это не тревожит,
Это штатские из зависти твердят!

Привет.

П И Н С К (начало офицерской службы)

«На левом берегу тихой и полноводной реки Пина, там, где она впадает в Припять, расположен один из древнейших белорусских городов – Пинск.»

(«Белоруссия», изд. «Мысль», 1967 г.)

Накануне ноябрьских праздников снова я дома, в Кузьминках. И радостно, и грустно отмечено окончание учёбы. В кармане – диплом инженера-механика, а на погонах, кроме инженерной эмблемы – одинокая маленькая звёздочка.

Как всегда, быстро закончился отпуск. Встречи с родственниками, друзьями детства, бывшими одноклассниками по школе. Пора и в дорогу.

Еду до Гомеля. Поезд на Пинск, где расположена Главная база Краснознамённой ордена Ушакова Днепровской военной флотилии, уходит из Гомеля несколько раньше. Не ждать же почти сутки! На перекладных – пригородных электричках – добираюсь до Калинковичей. Там договариваюсь с машинистом товарного состава, следующего в Пинск, доехать в его «кочегарке» до места назначения. Добродушный весёлый человек. Всю дорогу балагурил, шутил, рассказывал анекдоты, как некоторые таксисты. По прибытии в Пинск приглашаю его в привокзальный буфет. Даже от пива категорически отказался. Только чай.

Штаб флотилии – в старинном замке на берегу реки.

В отделе кадров получаю назначение инженер-механиком 18 отряда катерных тральщиков Шестого Отдельного Пинского дивизиона. Командир дивизиона, капитан 3 ранга А.А.Цветков, представил меня командиру 18 отряда – капитан-лейтенанту Б.Л.Камскому. Он принимает

меня сухо. Как это ему, командиру лучшего отряда, назначили мл. лейтенанта, а на 19 отряд – однокашника, лейтенанта В.Курбатова.

Фото 50 Пинск. Набережная реки Пина.

Фото 51 Пинск. Здание штаба Флотилии и мост через р. Пина.

Дивизион расположен в небольшом военном городке в черте города. Здесь штаб, казарма, учебные, служебные и хозяйственные помещения, матросская столовая. От городка до стоянки катеров – 10-15 минут пешком.

Знакомлюсь с механиком дивизиона, кап. 3 ранга П.А.Ченакиным, с офицерами штаба, командирами катеров – мичманами, с личным составом электромеханической боевой части.

Фото 52 Пинск. Инженер-механики 6-го Отдельного дивизиона катерных тральщиков: кап 3-го ранга Ченакин П.А., инж.-лейт. Курбатов В., мл. инж.-лейт. Донюш А.

Катерные тральщики – небольшие кораблики, приспособленные для траления мин, перевозки небольших грузов и небольших групп личного состава, для буксировки плавсредств. До войны это были речные буксиры, работавшие на лесосплаве в бассейне реки Кама. Катера могли выходить носом к пологому берегу. Гребные винты

находились в нише корпуса, что обеспечивало их защиту от плавающих предметов, льдин, топляков.

Во время войны возникла острая необходимость в очистке от немецких мин русла р. Волги. Катера модернизировали. Газогенераторные двигатели заменили дизелями фирмы «Катерпиллер», установили пулемёт ДШК, тральные лебёдки, топливные баки. Катера вошли в состав Волжской военной флотилии, участвовали в Сталинградской битве, в тралении и проводке нефтеналивных барж.

Осенью 1944г. катера вместе с бронекатерами и другими плавсредствами перебазировали по железной дороге на Днепр. Руководил перебазированием Начальник штаба Волжской военной флотилии кап. 2 ранга В.В.Григорьев, которому досрочно присвоили звание кап. 1 ранга и назначили Командующим Днепровской военной флотилии.

Флотилия оказывала действенную помощь наступавшей Красной Армии. Шли награды и досрочные присвоения званий. Боевые действия флотилии описаны в книге её бывшего Командующего, вице-адмирала В.В.Григорьева, «И корабли штурмовали Берлин» («Воениздат», 1984 г.).

После окончания войны, по итогам нескольких инспекторских проверок, Командующий вице-адмирал В.В.Григорьев, член Военного совета и другие офицеры штаба флотилии за морально-бытовые и трофейные прегрешения были сурово наказаны. Их сняли с должностей, разжаловали, лишили наград, исключили из партии. Впоследствии их реабилитировали, восстановили в званиях, возвратили награды.

Служба началась нормально. Изучал устройство катеров, их двигатели и другое электромеханическое оборудование. Знакомился с техническим состоянием катеров. Проводил занятия по специальной подготовке. По графику нёс дежурную службу, часто ходил начальником караула гарнизонной гауптвахты. Жил сначала на плавказарме, в офицерском общежитии, потом снял в городе

комнату со столовым довольствием, передавая хозяйке продпаёк. Иногда с офицерами бронекатеров мы ужинали в популярном городском ресторане «Заря». В нём была кабина, которую часто посещал Начальник штаба флотилии, бывший североморец-катерник, Герой Советского Союза кап. 1 ранга С.Г.Коршунович. Жаль, что со временем его одолел «зелёный змий». В Севастополе печально закончилась его служебная карьера, потом работа директором диарамы «Сапун-гора» и сама жизнь.

Фото 53 Пинск. 1951 г. После окончания Училища.

Основная моя задача – обеспечить качественный и своевременный ремонт катеров, которые стояли на стенке Судоремонтного завода. Заканчивался ремонт главных

двигателей с бензиновыми двухцилиндровыми пускателями, закреплёнными на блоке цилиндров. Обнаружил, что в системе водяного охлаждения из коробок термостатов выброшены сильфонные клапаны. Температура измерялась в градусах Фаренгейта. Если нормальная температура для прогретого двигателя 90°C, то прибор показывал 194°F. Это не только смущало, но и пугало некоторых механиков. Я приказал получить и установить новые сильфонные клапаны, а на приборах краской отметить границу допустимой температуры. Впоследствии, во время ремонта, выяснилось, что у двигателей, работавших без сильфонных клапанов в термостатах, появились трещины между гнёздами клапанов крышек цилиндров.

В трудах и служебных заботах на личную жизнь времени почти не оставалось. Если появлялись свободные часы, особенно в воскресенье, тогда много читал, иногда ходил в кино или общался с сослуживцами. На приветливые взгляды девушек не реагировал, «клятву верности храня». Переписывался с невестой, писал маме.

Вдруг получаю письмо от Нины – одноклассницы по 10 классу. В курсантские каникулы мы с ней встречались как друзья, потом переписывались. В одном из писем я признался, что мои чувства были больше, чем товарищескими. Она ответила, что такие же чувства испытывала к другому, но без взаимности. На этом наши отношения закончились. И вдруг, через приличное время – письмо в Пинск. Оказалось, что после окончания Педагогического института она получила распределение «в какой-то дальний закуток». Вспомнила меня, офицера, и попросила у мамы адрес.

Письмо как письмо. Беспричинно
Я в жисть бы таких не писал.

Я ей чистосердечно ответил, что своих решений не меняю. Она ещё пару раз написала, но ответа не получила.

Позже была случайная встреча. Будучи в отпуске, я с молодой женой вошёл в автобус, а она там сидела. Мы встретились глазами и как будто не узнали друг друга.

Новый, 1951 год, весело отметили в компании однокашника – инж.-механика отряда бронекатеров М.Житницкого. По прибытии в Пинск он очень быстро получил приличную квартиру. Поговаривали, что его супруга, возможно, в родственных отношениях с Первым секретарём ЦК компартии Белоруссии.

На флотилии произошло ЧП – взрыв паров бензина и пожар в топливном отсеке бронекатера. Официальная версия причины пожара – искра от удара молотком по стальной детали во время ремонтных работ. Грозный приказ по флотилии с наказаниями и ужесточением мер соблюдения пожарной безопасности.

ЧП без шутников – не ЧП. Среди личного состава пошла байка. Идёт Командующий флотилией контр.-адмирал А.Ф.Аржавкин по причалу. И видит, как матросы ветошью, смоченной бензином, протирают борт катера.

- Вы что делаете? С приказом не знакомы?! Командира ко мне!

- Товарищ адмирал! – отвечает матрос. – Так ведь это же у нас бензин отработанный!

- Да? Тогда продолжайте работу!

В целях выполнения требований приказа по усилению противопожарных мер я набросал эскиз и дал заявку на изготовление и установку кронштейнов под огнетушители с быстро открывающимися хомутами. Это было моё первое рационализаторское предложение. Его одобрили.

Все основные ремонтные работы завершены. Обошёл катера, ещё раз проверил качество работ и готовность к спуску на воду. Время обеденного перерыва. Заканчивая обход, на одном из катеров поблагодарил старшину команды мотористов за хорошее содержание техники. Улыбнувшись, он предложил перед обедом «принять по капельке по случаю окончания ремонта». Отчитал его за хранение спирта на

катере. Потребовал показать, где и как он его хранит. Он ответил, что пошутил, и спирта нет. Мои поиски не увенчались успехом. Тогда я решил согласиться с его предложением. Ст. 1 статьи Сизоненко (он был моего возраста) поднял руку, отвернул плафон подпалубного светильника. Плафон был заполнен спиртом. Пари я проиграл.

После спуска катеров на воду проводили ходовые испытания. Шли вверх по реке, маневрируя скоростями хода и учитывая направление весенних потоков на извилистых участках. Замечаний в работе двигателей, валопроводов, винтов и рулевого устройства не было.

На обратном пути я испросил у командира катера разрешение «порулить». Течение приличное, шли полным ходом. На одном из крутых поворотов катер занесло влево. Я резко переложил руль, катер моментально ушёл вправо и сел на мель. Работали двигатели на задний ход, все переходили на корму и раскачивали корпус с борта на борт. Безрезультатно. Вдруг появился бронекатер, и мы попросили помощи. Завели буксирный трос и он своими двумя 900-сильными машинами легко стащил нас со злополучной мели. Месяца через два командир отряда, улыбаясь, попросил рассказать, как я посадил катер на мель.

Готовились к инспекторскому смотру штабом Флотилии. Командир дивизиона посоветовал мне во время опроса жалоб и заявлений обратиться к Командующему с просьбой восстановить в звании «лейтенант».

- У меня строгое комсомольское взыскание от Партийной комиссии училища, и вообще, с такими просьбами я обращаться не могу.

- Ваша учётная комсомольская карточка чистая, – уточнил заместитель командира по политчасти.

Во время смотра, представляя меня Командующему, Командир дивизиона кратко охарактеризовал мою службу и сам обратился с предложением о моём воинском звании.

- Пишите представление, – приказал Командующий.

Начальник штаба дивизиона капитан 3 ранга Хименко приказал мне срочно сфотографироваться, а потом показал Представление на звание «лейтенант», подписанное Командиром дивизиона. Почему-то оно оказалось не реализованным.

Апрель 1951 года. Ходят упорные слухи о расформировании Флотилии. Меня, холостяка, это не волнует.

В составе вспомогательных судов Флотилии находилась самоходная баржа, которую опознал её бывший хозяин – гражданин Польши. Поступил приказ: баржу привести в порядок, установить новый двигатель и передать бывшему владельцу.

Инж-механик дивизиона, кап. 3 ранга Ченакин, поручил мне для погрузки двигателя перевести к барже плавкран. Все ушли на обеденный перерыв. В момент перешвартовки находившийся на плавкране нерасторопный матрос Запорожец сначала почему-то освободил канат крепления плавкрана к берегу. Плавкран под напором внешних вод стал двигаться. На плавкран подали бросательный конец со швартовым канатом. Матрос его упустил. Повторили бросок, а матрос его даже не поймал. Течение повлекло плавкран на середину реки и далее, в направлении к городскому мосту. Я побежал на стоянку катеров. Крикнул дежурному командиру катера мичману Рузакову о случившемся. Вместе прыгнули на крайний катер, запустил двигатель, отдали швартовы и вдвоём – он в рубке за штурвалом, а я в машине – спешно пошли к плавкрану. Он уже приближался к мосту. Там собрались зеваки. Подошли вовремя. Завели буксирный трос. Я включил двигатель на передний ход и решил проверить обстановку. Только поднял голову из люка машинного отделения, как со свистом и резким хлопком рванулся буксирный трос и чиркнул по моей фуражке. Мгновение.

Перевели плавкран к барже. У причала стоял бледный кап.3 ранга Ченакин и мичмана, оповещённые о случившемся.

Официально объявлено то, что бродило слухами. Флотилия расформирована. Бронекатера передаются в состав Дунайской флотилии, а катерные тральщики – Черноморскому флоту. Прощальный ужин в «Заре». Дивизионный механик в своей речи сетовал по поводу расформирования. Сказал, что собирался увольняться в запас, а на своё место готовил меня.

Потом оказалось, что дивмех остаётся дослуживать в Пинске. Думаю, что с его подачи мне предложили тоже остаться в Пинске на должности инженер-механика группы учебных кораблей. Создавался крупный Учебный отряд ВМФ.

Неожиданно ко мне обратился инж-капитан-лейтенант с просьбой уступить ему предложенную мне должность. Он обжился в Пинске, у него семья и какие-то житейские неурядицы. Мне безразлично, где служить. Пошли к Флагманскому инженер-механику, инж-капитану 1 ранга И.Ф.Захарову с просьбой поменять назначение. Нет проблем. Он сказал, что для меня лучше идти служить на флот. Там больше возможностей роста. «Сделка» состоялась.

Итак, моя полугодовая служба на Днепровской флотилии закончилась.

Пинск оставил впечатление не совсем удачно спланированного города. Большинство домов – одноэтажные, деревянные. Узкие улицы перемежались с большими пустыми площадями и широкими проспектами, где красовались, в основном, двухэтажные каменные дома. Много зелени, красивая набережная. На набережной резко выделяется замок, в котором был штаб Флотилии, а за ним – костёл. В городе – спичечная и фанерная фабрики, порт и судоремонтный завод, городская дизельная электростанция, предприятия местной промышленности. Поскольку я редко

бывал в самом городе, возможно, мои впечатления о Пинске того времени в какой-то мере ошибочны.

Перед убытием меня вызвали в Секретный отдел штаба Флотилии. Спросили, знакомился ли я в Училище с шифровальным делом. Проверили мои знания, выдали Кодовые таблицы и приказали разместиться в отдельной каюте плавбазы «Сула». Плавбаза – это длинная речная самоходная баржа. Во время войны её вооружили и использовали как канонерскую лодку. После войны – разоружили и перевели в разряд плавбарж. В носовой части, под палубой – двухместная каюта, где я поселился. За каютой – отсеки с имуществом, жилые помещения, клуб. В корме – машинное отделение, а в надстройке – каюты комсостава, радиорубка и высокий ходовой мостик.

Ранним майским утром покинули Пинск. Катера и плавбаза шли за буксирами. Прекрасная погода. Чудная природа и тишина. Слышно только лёгкое журчание воды по бортам плавбазы да разноголосье птиц в густых ветвях прибрежного кустарника и леса. Санаторий! Отдыхал, любясь красотами берегов, читал беллетристику. Перед обедом обычно стучался в дверь капитан 3 ранга Цветков. Он разместился в одной из кормовых кают. Интересовался, нет ли каких шифрограмм и в каком состоянии мой запас напитков. Ждал радиограмму с приказом о назначении к новому месту службы. Однако, редкие шифрограммы содержали, как правило, прогноз погоды.

Пиная, Припятская, Днепр. Пришли в Киев. Ошвартовались на острове, где раньше была одна из баз флотилии. Командир отряда, Б.Л.Камский, пообещал мне показать город, побывать в гостях у его семьи – и вдруг внезапно исчез. В город пошёл с командирами катеров. Они здесь бывали не однажды. Познакомили меня с некоторыми достопримечательностями. К вечеру, в одном из ресторанов на Песчаной, обнаружили небольшую группу наших матросов. Виновато улыбаясь, они допили «ужин» и покинули ресторан. А мы остались ужинать. Оркестранты

предложили исполнить что-нибудь для нас. Заказали «Гатьяну». Пошептавшись, они извинились и отказали. Безыдейный романс.

Через пару дней – снова в путь. Любуемся красотами Киева и Днепра. Впервые в Запорожье познакомился с процессом шлюзования. В Херсоне вся кавалькада ошвартовалась в затоне. Получил шифрограмму с приказом о назначении капитана 3 ранга Цветкова к новому месту службы. Несказанно обрадованный, он, не попрощавшись, исчез. Через много лет, будучи в отпуске в Москве, я с женой бродил по ГУМу. На соседней линии, вдалеке, показалась знакомая фигура. Это был капитан 1 ранга А.Цветков. Я подошёл. Он вспомнил меня. Рассказал, что был в командировке на Кубе, а теперь получил назначение в Военно-морскую академию.

В Херсоне сдал в штабе дивизиона бронекатеров Кодовые таблицы и со знакомыми офицерами пошли изучать город. Приятно удивил проспект, по которому было запрещено движение транспорта. Во время обеда в одном из ресторанов, почти пустом, заказали оркестрантам «Гатьяну». Попросили напомнить мелодию, а потом долго виртуозно её исполняли, а мы вполголоса подпевали. На судостроительном заводе, на второй день, договорился о выполнении на катерах мелких сварочных работ.

Первыми из Херсона уходили в Одессу своим ходом бронекатера. Прощались с друзьями-лейтенантами. Вдруг резко похолодало. Собрались ночью у меня в каюте. Конечно: «а у нас было». Только стол был накрыт ржаными сухарями, репчатым луком и одной селёдкой. На рассвете бронекатера ушли. Около восьми часов утра услышал цокот подковок туфель о стальную палубу. Походка командира отряда Бориса Львовича. Он спустился по трапу, открыл дверь моей каюты, произнёс: «Ф-у-у-у!» и ушел обратно к себе. В отряде нас два офицера, но отношения не складывались. Он постоянно пытался меня воспитывать, если даже повода не было. Всё-таки командир и капитан-лейтенант.

Через день приказано нам убыть в Одессу своим ходом. Погода свежая. Вошли в Днепро-Бугский лиман. Началась приличная качка, и речные моряки это сразу ощутили. В районе острова Березань один из катеров потерял ход. С большим риском подошли к аварийному катеру и, уловив момент, я перепрыгнул на его борт. Старшина мотористов Хвалея укачался и еле держался. Убедившись, что топливо от подкачивающего насоса не поступает в фильтр тонкой очистки, я шлангом зашунтировал топливоподкачивающий насос. Запустили двигатель и пошли по курсу. Разобрали подкачивающий насос. Приводной валик шестерни насоса был свёрнут. Между зубьями шестерни – крупная стальная капля от электросварки. Значит, качка так разболтала топливо, что эта капля, многие годы спокойно лежавшая на дне топливного бака, поднялась, и потоком её занесло в трубопровод к насосу. Хорошо на реке, там качки, по морским меркам, нет!

В Одессе ошвартовались у волнолома. Вышел я на волнолом осмотреться, узнать, как перенесли переход мотористы, как работали двигатели. Встретился капитан 1 ранга. Я представился. Он спросил, сможем ли мы своими катерами отбуксировать на Дунай бронекатера.

- Сможем, – ответил я, – только скорости у нас не выше 8 узлов.

Он задумался и ушёл. Оказалось, что это был Командир Одесской Военно-морской базы К.Д.Сухиашвили. Тот самый К.Д.Сухиашвили, который в 1941 году командовал 75 Отдельной морской стрелковой бригадой в битве под Москвой. Бригада состояла из черноморцев, каспийцев и курсантов военно-морских училищ. Вскоре он был произведён в контр-адмиралы, потом убыл в Академию Генерального штаба на учёбу. Говорили, что там его скосила тяжёлая болезнь, развившаяся как следствие тяжёлого ранения.

Бронекатера ушли на Дунай. Нас перевели в Практическую гавань. Пока решалась наша судьба, занимались планово-предупредительным ремонтом.

Вскоре пришёл приказ. Нам объявили, что 18 отряд КаТЩ передаётся в состав 107 Бригады охраны водного района Одесской ВМБ. При построении для опроса жалоб и заявлений я задал Командиру Бригады капитану 1 ранга П.И.Овчарову вопрос о том, что на Флотилии был представлен на присвоение звания инженер-лейтенант досрочно, но до сих пор решение мне не известно. Вскоре мне сообщили, что в Управление кадров Черноморского флота представление не поступало.

Началась боевая подготовка. Осваивали совместное плавание в условиях моря, траление мин различными видами тралов, принимали участие в учениях кораблей 107 Бригады Охраны водного района.

В свободное время знакомился с Одессой. Оставили впечатления громадный порт, Потёмкинская лестница с памятником Дюку, Приморский бульвар с памятником А.С.Пушкину, со зданием Горисполкома и Лондонской гостиницей, Воронцовский дворец, знаменитый Оперный, Дерибасовская с подвальчиком бывшего Гамбринуса и другие достопримечательности. Из дворов, в большинстве которых на верёвках сушилось бельё, несло влажной прохладой и запахом кошек.

Июль выдался очень жарким, с внезапно налетавшими кратковременными грозами, которые усиливали духоту. Однажды один из наших катеров возвращался с Тендровской косы и попал в очередной шквал. Его изрядно потрепало. Когда катер ошвартовался в Практической гавани, с него сошёл на берег Начальник штаба Бригады ОВР кап.2 ранга Кадученко.

- Говорят, что настоящие моряки служат на больших кораблях. Чепуха! Вот на таких кораблицах действительно служат настоящие моряки!

Я плохо переношу летний зной. Палуба на плавбазе «Сула», где моя каюта, раскаляется так, что в каюте, как в кочегарке. Пробовал наливать в шлюпку воду и в обеденный перерыв принимать ванны. Мало помогало. Ночь тоже не приносила прохлады. Я стал походить на Н.Островского, как потом определила невеста.

Фото 54 Одесса. 1951 г. Перед отпуском и женитьбой.

В конце июля отправляюсь в 45-суточный отпуск. Спешу в штаб Бригады за отпускными документами. Встречается инж-кап. 1 ранга, которого, кажется, видел в Училище. Остановил меня.

- Где здесь механическая мастерская ?
Я показал, как пройти.

- А вы что заканчивали ?
- Училище имени Дзержинского.
- Почему младший лейтенант? Разжаловали ?
- Нет, таким выпустили.
- А! Вы жертва той кампании, что была в Училище!
- Какая кампания ?

- Перед вашим выпуском группа офицеров во главе с Начальником кафедры Основ марксизма-ленинизма полковником Паничем решила дискредитировать Начальника политотдела Училища, кап.1 ранга Немова. Одним из обвинений была его политическая близорукость, при которой он допустил в первом послевоенном наборе приём в училище юношей, у которых родители были репрессированы. Очевидно, вы были в числе представленных в списке.

- Мне это не известно. Извините, меня вызывают в штаб.

- Ну, мы ещё встретимся. Я вам расскажу некоторые подробности.

Направляясь в штаб, размышлял: «К чему это он? Возможно, ему что-нибудь нужно от меня ? Встретаться, пожалуй, не следует.»

Разрешение на отпуск, Отпускной билет и проездные документы оформлял почти до вечера. На следующий день – короткие холостяцкие сборы и поезд Одесса – Москва.

Опять Кузьминки, опять встречи. Несколько дней отсыпаюсь, отхожу от южного солнца. У мамы тоже учительский отпуск. Она старается поправить меня, похудевшего от жары. В беседе спросила:

- Семейёй не собираешься обзаводиться?
- Да, решено. Еду к невесте в Калинин.

Внимательно рассмотрев фотографию Капули и расспросив, кто она, мама выбор одобрила.

Прибыл я к своей невесте, а она оказалась выздоравливающей от перенесённой в лёгкой форме скарлатины. Накануне проходила лечебную практику в инфекционном отделении больницы. Счастливая встреча. Мы

так долго её ждали. Конечно, все признаки болезни сразу исчезли.

Познакомился с родителями и семьёй брата Капули. Отец, Василий Михайлович, высокий, крепкого сложения, худощавый. Спокойный, приветливый, рассудительный. Трудился мастером литейного цеха на заводе текстильного комбината «Пролетарка». В молодости воевал в Конной армии Будённого. Рассказывал мало, но восхищался Украиной. Очень она ему понравилась.

Фото 55 Это она, Капитолина Васильевна Кусова , студентка Ленинградского мед. института, - моя невеста.

Мать Капули, Ираида Васильевна (все её называли Рая) – бывшая ткачиха, потом работница детского сада. Небольшого роста, худощавая, всегда чем-то озабоченная, как большинство хозяек, несколько суетливая. Её слабость –

чай. В нём она хорошо разбиралась. Рассказывала, что к чаю привыкла в бытность ткачихой. Ткачихи как запустят станки – садятся «чай гонять». Жена Капиного брата вспоминала, как однажды Ираида Васильевна пришла их навестить. Решили угостить чаем. Когда чайник вскипел, обнаружили, что коробочка из-под чая почти пустая. Из разных чайных упаковок собрали остатки и заварили. Ксения спросила, нравится ли ей чай. Она сразу ответила, что смешали индийский, цейлонский и грузинский.

Брат, Евгений Васильевич, старше Капы на 4 года. Успел хватить военного лиха. Был призван почти со школьной скамьи. Первый бой – и тяжёлая контузия. После выздоровления в боях получил тяжёлое ранение, приведшее к ампутации ноги. Хватило воли окончить Фармацевтический институт, овладеть полным протезом. Работал сначала Управляющим аптекой на «Пролетарке», а потом фармацевтом. Талантливый человек. Свободно играл на многих музыкальных инструментах. Увлекался живописью. Нам подарил несколько этюдов. Дома, кроме этюдов, стены были увешены весьма приличными копиями картин Пукирева, Поленова, Шишкина, Перова, Ендогурова. Жена его, Ксения Алексеевна Благовещенская, была школьной учительницей английского языка.

Познакомили меня и с комбинатом «Пролетарка». Это большое текстильное производство, созданное семьёй Морозовых на подъёме развития капитализма в России. Компактно расположены все фабрики технологического процесса и вспомогательные цеха. На территории комбината находились также жилые дома, магазины, клуб, где выступал тверянин С.Я.Лемешев, детский сад, баня, поликлиника, больница и аптека. Все основные здания сработаны из добротного красного кирпича. Такие комбинаты и фабрики в Подмосковье и городах ближайших областей встречаются часто. Особая примета – архитектура и цвет кирпича.

Жилой дом был казарменного типа. Длиннющий широкий коридор. Справа и слева – комнаты. Потолки

высокие. Большие окна, как говорила тёща – «тальянские». Вот в таких комнатах уютились прибывшие из ближайших сёл и деревень крестьяне, чтобы стать рабочими. В средней части коридора располагались все удобства. В большой выгородке стояла огромная печь с множеством духовок, которая круглосуточно топилась торфом. В этой же выгородке, справа и слева, были общественные туалеты, умывальники, а в самом начале – лари для продуктов. Дома эти назывались «спальнями».

На торце одного из домов я рассмотрел из едва заметных золочёных когда-то букв «политическую рекламу»: «Елизавета (?) Морозова – в дар рабочим в честь 300-летия династии Романовых». Торец дома выходил на сторону железной дороги Москва-Петербург. Один, самый большой дом, носил название «Париж».

Писатель Борис Полевой, прославившийся во время войны «Повестью о настоящем человеке», был когда-то редактором газеты комбината «Пролетарка». В своих романах «Глубокий тыл», «Доктор Вера» и многих рассказах он воспроизводит эпизоды из жизни «Пролетарки». В частности, он отметил случай с тестем Василием Михайловичем, имевшим место во время оккупации Калинина, изменив фамилию Кусов – на Куров.

Капуля рассказывала, как во время войны ей пришлось пережить «подвиги» оккупантов. Сидела она, 13-летняя девчушка, дома одна. Вдруг вошёл немецкий солдат. Осмотревшись, он собрал в узел тёплые вещи, увидел последние три кусочка сахара, положил их в карман и вышел из комнаты. Капуля опомнилась, побежала за ним, начала плакать и кричать.

Солдат несколько раз замахнулся на неё винтовкой. Женщины, видевшие это, боялись реакции солдата, удерживали Капу, но она продолжала бежать и кричать. Вдруг встретился немецкий офицер. Солдат остановился. Офицер что-то ему сказал и солдат возвратил награбленные вещи.

Первые дни меня отправили ночевать в дом, где жили брат Женя с женой. Её родители занимали на улице Бебеля большой деревянный особняк и выделили молодым две комнаты. Дом когда-то принадлежал их предкам – настоятелям Благовещенской церкви. Отец Ксении, Алексей Павлович Благовещенский, преподавал в школе физику.

Через пару дней все выехали и поселились в дачном доме от комбината. Там, во время прогулки, я испросил у родителей Капы её «руку и сердце». Сразу признался, что мне есть грех – репрессирован отец. Василий Михайлович сказал, что это не мой грех.

Возвратились в Калинин. Родители занялись подготовкой к свадьбе, а мы отправились в ЗАГС. Подали заявление, и нас без проволочек зарегистрировали, т.к. я – военнослужащий. Пошли в городской сад. Уселись на скамейке. Проходившая мимо молодая цыганка бросила: «Ишь, какие счастливые!»

Свадьба – как свадьба: шумная, весёлая. В комнате все не вместились, и часть гостей разместилась в коридоре. От нашей семьи приехали двоюродная сестра Валентина с мужем Николаем. Он принял роль тамады. Потом говорили, что всем очень понравился.

Продолжение свадьбы перенесли в Кузьминки, в небольшую мамину квартиру. Сидели плотно. Тамадой был дядя – муж маминей сестры. Он так настойчиво заставил Капулю выпить пару бокалов вина, что она почувствовала себя плохо. Мы вышли во двор. Я так расстроился, что обвинил дядю в грубом принуждении к принятию непотребной дозы вина. Свадебное веселье несколько расстроилось, но вскоре возобновилось.

Месяц пролетел, как в тумане. Остаток отпускных дней проводили в поездках по московским магазинам, музеям, кинотеатрам. Посещали моих родственников и друзей. Потом я проводил молодую жену в Ленинград и вскоре сам уехал в Одессу продолжать службу.

О Ч А К О В (становление)

«Я приехал в Очаков глухой осенью. Это заброшенный и гиблый городок ...»
(К.Паустовский)

Я тоже прибыл в Очаков, но ранней осенью 1951 года, после отпуска и заключения 4 августа брачного союза в ЗАГСе гор. Калинина (ныне снова Тверь) со студенткой 6-го курса Ленинградского медицинского института Капитолиной Васильевной Кусовой.

Как мне объяснили в Одессе, в штабе Бригады охраны водного района, в Очакове создан Дивизион охраны рейда и ему придан наш отряд катеров-тральщиков.

Город, в основном одноэтажный, показался почти безлюдным. В то время население его составляло порядка 8 тыс. жителей. По улицам с редкими прохожими ветер гонял сухие, опавшие от жары и недостатка воды листья и султанчики пыли. Чувствовалось, что «...он раньше город был опальный». С внешним миром город был связан заходившим через сутки стареньким тихоходом-пароходом «Славянск», курсировавшим между Одессой, Николаевом и Херсоном. Проселочная дорога через село Анчикрак (Каменка), в дожди непроходимая, а в жару ухабисто-пыльная, как-то связывала город с шоссе Одесса – Николаев (около 50 км), а другая дорога – через овраги, балки и редкие села – напрямую с городом Николаевом.

Однако, немногие провинциальные города могут соперничать с Очаковым в своей военно-исторической славе.

Расположенный на мысу, образующем с Кинбурнской косой «входные ворота» в Днепро-Бугский лиман на водном пути к Николаеву, Херсону, в Днепр, Южный Буг и Ингул, он имел большое стратегическое значение.

Как повествуют историки, начало ему положил крымский хан Менгли-Гирей в середине XV века, построив крепость Кара-Кермен (Черная крепость). Вскоре ее захватили турки и переименовали в Ачи-Кале, от которого, якобы, происходит название города Очаков. По другим источникам крепость была основана в XV веке литовским князем Витовтом, неоднократно переходила из рук в руки и долго была под владычеством турок.

Взаимные набеги турок и славянских народов были тогда явлением не редким. В 1523 году запорожцы атамана Дашкевича разрушили крепость. Гетман Сагайдачный со своей дружиной побывал в Очакове. В конце XVII века храбрецы фастовского полковника Семена Палия взорвали бастионы, пороховые погреба и освободили пленников.

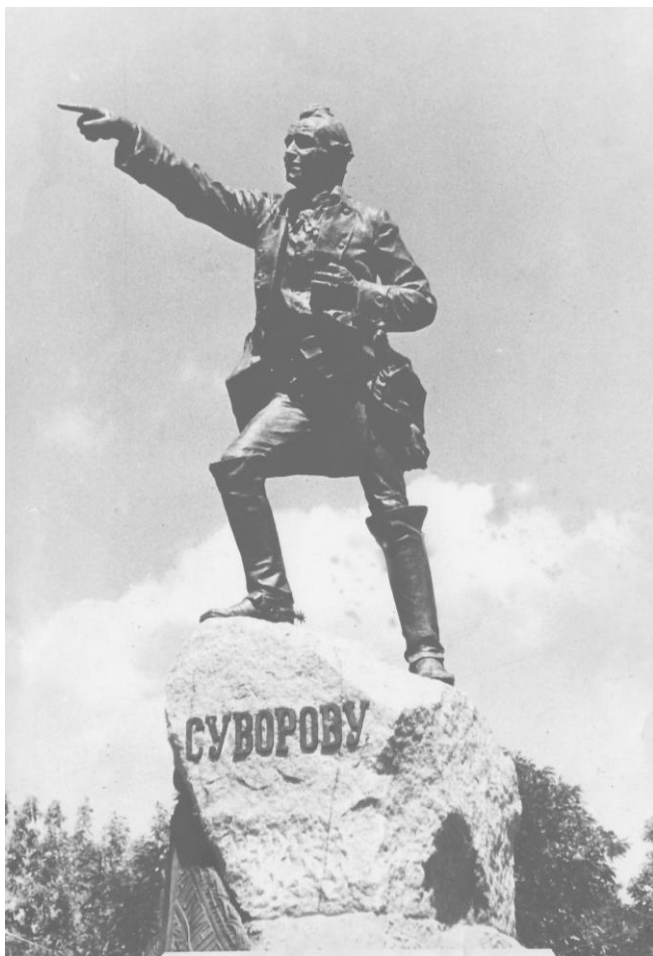
В 1737 г. для содействия войскам, действующим против турок в районе Днепровского лимана, была создана флотилия с базой в Очакове.

В войне 1735-1739 гг. крепость была взята войсками фельдмаршала Миниха. Однако, по Белгородскому договору она осталась за турками. К началу русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Очаков стал главной базой турецкого флота на севере Черного моря.

В октябре 1787 года турки высадили десант на Кинбурнскую косу. Суворовские богатыри отбросили штыковой атакой десант. В бою был ранен и едва не погиб А.В.Суворов. Осада Очакова началась в июне 1788 года, но из-за некачественной воды солдат стала «косить» эпидемия желудочно-кишечных заболеваний. Только 6 декабря 1788 года крепость была взята штурмом. При взятии отличился и М.И.Кутузов, а первому ворвавшемуся в крепость Бригадиру И.П.Горичу установлен памятник в виде пирамиды из ядер, на которую, распластав крылья, уселся бронзовый орел. По Ясскому мирному договору 1791 г. Очаков отошел к России вместе с прилегающими землями.

В бывшей гарнизонной церкви, где позже размещался Историко-краеведческий музей, а ныне снова действует

церковь, на двух больших мраморных плитах были выбиты имена офицеров, погибших и раненых в битве за Кинбурн, а на противоположной стене – при штурме крепости. В их числе среди убитых – генерал-майор князь Волконский, а среди раненых – генерал-аншеф Суворов. Погибшие «нижние чины» означены четырехзначными числами.

*Фото 56 Очаков. Памятник Генералиссимусу А.В.Суворову.
Пожалуй, это лучший из его памятников.*

Одно время помещение музея умудрились приспособить под клуб, где устраивались вечера танцев. Я как-то высказал Секретарю райкома свое мнение о том, что среди мемориальных святынь русской воинской славы вид танцующей под популярные «...ландыши, ландыши» веселой молодежи неуместен. Он согласился. Клуб закрыли, и вскоре там разместился музей.

Рядом с музеем, на высоком постаменте из розового гранита, более 100 лет назад сооружен на народные средства памятник А.В.Суворову. Пожалуй, это лучший памятник Генералиссимусу. Динамично устремленный вперед, он правой рукой указывает направление атаки, а левой зажимает рану на груди. На плите памятника – суворовские слова: *«Доброе имя должно быть у каждого человека. Лично я видел это доброе имя в славе моего Отечества: мои успехи имели исключительной целью его благоденствие».*

Памятник А.В.Суворову в Измаиле несколько громоздок, а в Санкт-Петербурге он изображен в стилизованных рыцарских доспехах, которые диссонируют с энергичной натурой полководца.

О том времени, времени царствования Екатерины Великой, ходили в Очакове легенды. Вот некоторые из них.

Путешествуя по Украине и югу России, императрица решила посетить Очаков. При подъезде к крепости кортеж остановил часовой аванпоста:

- Стой! Стрелять буду!

Подбежали форейторы:

- Ты что, дурак, не видишь? Императрица едет!

Взяв ружье наизготовку, часовой ответил:

- Без караульного начальника не пущу!

Из кареты вышла Екатерина:

- В чем дело?

Часовой вначале опешил, а потом говорит:

- По уставу без караульного начальника экипажи пропускать не велено.

Императрица улыбнулась, поблагодарила солдата за службу и подарила золотой «рубль». Вскоре на месте поста появилось село, название которому дали Куцуруб. Фамилия часового была Куц. Сохранялось это название и в мою бытность в Очакове.

На входе в Днепро-Бугский лиман был насыпан искусственный островок. Раньше он назывался островом Морской батареи, а в наше время – Первомайским. Насыпали его якобы по приказу Светлейшего князя Григория Потемкина. На высоком месте вблизи церкви, откуда открывается вид на море, остров Березань, Кинбурнскую косу, побережье Таврии, порт и остров Морской батареи, для императрицы была установлена скамья из двух мраморных плит турецких надгробий, символизировавшая военное могущество России. Усевшись на скамью, Екатерина обратилась к Потемкину:

- Гришенька! А из чего ты остров-то насыпал?

- Из песка и глины, матушка!

Осведомленная о расходах казны на сооружение острова и волнолома императрица сказала:

- А я думала, из бриллиантов!

Один из генералов – комендантов гарнизона и крепости – обратился к Екатерине с посланием: «Матушка императрица! Доколе же мне служить по гарнизонам и крепостям! Пора бы по старости лет и в городе мне пожить.»

Поступил ответ с указом: «Отныне крепость Очаков именоваться городом.»

Достоверность принадлежности этих легенд к Очакову утверждать не берусь. В отношении скамейки из плит знаю, что один наш офицер, большой любитель истории, сфотографировал плиты, послал в какие-то музеи и даже в Эрмитаж с просьбой расшифровать надписи. Ответы не получил.

В Очакове отбывал ссылку классик осетинской литературы Коста Хетагуров, бывал странствующий по югу А.М.Горький (рассказ «На соли»). Здесь жил и работал

художник маринист, товарищ и ученик И.К.Айвазовского
Руфин Гаврилович Судковский.

Фото 57 Очаков. Памятник на могиле художника-мариниста Р.Г.Судковского.

Оставив Одесскую семинарию, он поступил в Петербургскую Академию художеств и за работы был удостоен Большой и Малой серебряных медалей. Не окончив из-за болезни Академии, он вернулся в Очаков и «могучей

кистью» восхвалял море. Был произведен в академики. Возвращаясь из Киева с персональной выставки, тяжело заболел и умер в 1885 году в расцвете таланта. На его могиле, которая находится на церковном кладбище, установлен бюст со стихотворной эпитафией на постаменте.

Прославился Очаков в годы Первой русской революции 1905-1907 гг. Прежде всего, это связано с именем «лейтенанта революции» – Петра Петровича Шмидта.

На фасаде гарнизонного Дома офицеров – бывшего здания Дворянского собрания – закреплена мраморная доска: *«В этом здании с 6 по 18 февраля 1906 г. проходил суд над лейтенантом П.П.Шмидтом и другими участниками восстания на крейсере «Очаков».*

Герои восстания по суду расстреляны на острове Березань. После Октябрьской революции их останки были перевезены в Севастополь и перезахоронены.

В городе одна из улиц названа улицей Шмидта. Установлен и памятник легендарному лейтенанту.

Фото 58 Очаков. Памятник лейтенанту П.П.Шмидту.

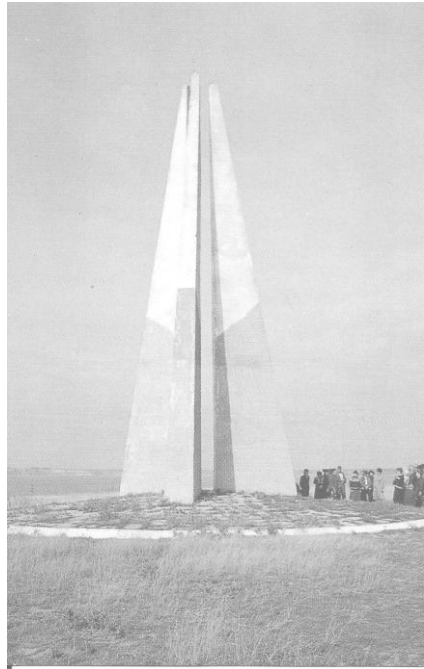

Фото 59 Очаков, о.Березань. Памятник героям восстания во главе с П.П.Шмидтом.

Не обошли событиями город годы Октябрьской революции и становления советской власти. Район города Чижиковка назван в честь революционера и одного из руководителей Одесской Красной гвардии М.И.Чижикова, родом из Очакова и в 1918 г. бывшего комендантом города. Район Цокуренко назван в честь первого Председателя Очаковского Совета рабочих и военных депутатов.

Гражданская война. В июле 1919 г. Очаков пытались захватить для выхода в Днепро-Бугский лиман белогвардейские корабли «Кагул», «Георгий», «Кубанец»; французские канонерки и английский миноносец. От них отбились. Потом появились врангелевские корабли. Только в

августе 1920 г. окончательно было покончено с белогвардейскими отрядами.

Предвидя неизбежность военных столкновений, советское правительство проводило большую работу по укреплению обороноспособности. Так, в Очакове была создана база и размещена Бригада торпедных катеров, построены мощные батареи береговой артиллерии, аэродром гидросамолетов и даже планировалось создание базы подводных лодок в Березанском лимане; расширилась сеть постов наблюдения и связи. Местные жители рассказывали, что только на строительство 15-ой батареи береговой обороны в районе было мобилизовано несколько сотен подвод. На некоторых объектах значились даты постройки – 1934-1936 гг.

Великая Отечественная война. В августе 1941 г. фашистские и румынские части вошли в Очаков. Упорные бои за побережье шли в окрестностях города. Однако, береговые батареи, имея только морской сектор обстрела, не смогли оказать существенной помощи нашим отступавшим войскам. В марте 1944 г. Очаков был освобожден, и в его освобождении активное участие принимали моряки. Много памятников в городе воздвигнуто в честь героев войны. Мы, прибуксировав из порта двумя тракторами, установили на каменном постаменте на территории части торпедный катер типа Г-5, как памятник героям-катерникам, морякам-черноморцам.

В одном из скверов высится скульптура матроса со склоненным знаменем. Она установлена на могиле 23-х моряков бывшего крейсера «Молотов» («Слава»), погибших при аварии в артиллерийском погребе уже в послевоенное время.

На этом исторический экскурс о городе можно завершить. Конечно, не только за мои 13 лет жизни и службы в Очакове он заметно изменился. Особенно он вырос и обрел статус города-курорта, портового города, города рыбаков и

рыбоконсервного производства, привлекательного города для туристов в шестидесятые – восьмидесятые годы.

Фото 60 Очаков. Памятник морякам крейсера «Слава»

Итак, я прибыл в Очаков. 308-й дивизион охраны рейда был размещен в одноэтажном здании на окраинной улице, где до 24-х часов был слышен стук дизелей городской электростанции. Здесь были кабинеты командира, замполита, командира отряда тральщиков и кубрик личного состава с двухъярусными койками. Материальное снабжение и питание личного состава предусматривалось через Береговую базу Отдельного дивизиона ТКА; техническое снабжение – через Тыл Одесской ВМБ.

В военном порту, защищенном с северной и восточной сторон молотом, два пирса – хозяйственный и мобилизационный – с деревянным настилом. Последний с территорией и всеми обеспечивающими объектами расположен за колючей проволокой, а к хозяйственному спускается из города булыжная мостовая. Хозяйственный пирс передан нашему дивизиону, и возле него разместилась плавбаза «Сула». Обустройство началось со строительства

поста с сигнально-наблюдательной вышкой и туалета. На катерах он не предусмотрен, а бежать на территорию ТКА – далековато. Я предложил невдалеке от причала на старых сваях закрепить консоли и над водой соорудить «домик». Конечно же, это послужило поводом к шуткам, так как в свежую погоду волны забирались внутрь «домика», но не требовалось никаких уборщиков.

Фото 61 Офицеры штаба Отдельного дивизиона ТКА у Торпедного катера Г-5 – памятника героям-черноморцам, освобождавшим Очаков в марте 1944 г.

Территория у мобпирса была обустроена еще в довоенное время. Эллинг на 12 катеров с катероподъемниками, здание механической мастерской, торпедной мастерской, компрессорной, аккумуляторной, котельной с баней, караульного помещения со складом стрелкового вооружения, береговых баталерок для каждого катера. Территория покрыта бетонными плитами. На причал

и ко всем зданиям проложена узкоколейка с поворотными кругами и тележками. Медными трубами проложена магистраль воздуха высокого давления в эллинг, на причал, в мастерские и в хранилища торпед. Хранилища находились в штольнях и тоннелях, врытых в высокий берег в 200-х метрах от пирса, отдельно для торпед и отдельно для боевых зарядных отделений. К ним также подходила узкоколейка. Для подъема катеров на стенку и для выполнения погрузочно-разгрузочных работ у корня мобпирса стоял 30-тонный Деррик-кран с ручными лебедками для стрелы и для гака. Стрела с гаком могла разворачиваться на полную окружность. Мы использовали этот кран для подъема на стенку своих катеров. Продуманно выполнены сети электроснабжения от военной электростанции «Южная» через портовую подстанцию. Дизельная электростанция «Южная» – особый объект. Она размещалась за горкой на окраине города в глубоком овраге так, что крыша ее от проходящей вблизи дороги не была видна.

После расформирования 2-й Новороссийской Краснознаменной бригады ТКА, на её базе был оставлен Отдельный Новороссийский Краснознаменный дивизион ТКА. Командиром назначили капитана 2 ранга Хандога. Крупный, энергичный, грубоватый, но справедливый офицер. Он прибыл в бригаду во время войны с Тихоокеанского флота. Его уважали и побаивались. Потом он был назначен командиром бригады в Севастополь и вскоре ушел в отставку. Мне показывали в Севастополе на Карантинной балкон его квартиры, где были установлены пчелиные ульи.

В основном все офицеры, оставшиеся служить в дивизионе, относились к нам, «овровцам» (охрана водного района), доброжелательно. Питались мы в одной береговой кают-компании, встречались в порту, в Доме офицеров и со многими сдружились. Были, конечно, и исключения. Заместитель командира по политчасти, капитан 2 ранга Серов, изображал важную персону, был грубоват. Однажды останавливает меня с упреком:

- Почему Ваша жена со мной не здороваются?

- Да-а? А почему она должна... Впрочем, я разберусь, накажу. Видно, принято у него было, что не только младшие по званию, но и их жены должны с ним первыми здороваться. Возможно, он был тогда «подшафе». Жене, конечно, я ничего не сказал.

Ходила байка, что кто-то из офицеров видел, как он однажды лежал на ступеньках Дома офицеров и уговаривал себя:

- Миша, встань! Ты же старший политработник гарнизона!

Его жена внезапно скончалась на огородном участке. Он уволился со службы и перебрался в Одессу.

Задержавшись как-то на катерах, я с опозданием пришел обедать. В кают-компани был только Помощник начальника штаба ОДТК. Он спросил, кто я такой. Я представился.

- А, черная кость, – съязвил он.

- Предпочитаю черную кость да побольше серого вещества, – парировал и я. Потом наши редкие встречи носили сугубо уставной характер, а вскоре он перевелся по службе в Севастополь.

Инженер-механиком ОДТКА был капитан 3 ранга Куповых, прибывший на ТКА из авиационных техников. Это был простой, скромный и добрый человек. Отношения у нас сложились товарищескими, но впоследствии он высказал обиду, что я его обошел, «внедрился» к личному составу мастерских и Технического склада береговой базы, чем обеспечил досрочное завершение зимнего судоремонта тральщиков.

Не всегда с должным вниманием к нашим нуждам относился Начальник снабжения береговой базы майор Зеликман.

Начальником механических мастерских был трудолюбивейший, честнейший, симпатичный и во всех отношениях порядочный мичман Анатолий Филиппович

Ланецкий. Сложной была его судьба. Рано остался без родителей. Юношей работал в бригадах строителей, слесарей, плотников. Отслужив 5 лет на флоте, остался на сверхсрочную. Война. Под ним погибло три торпедных катера. Обладая недюжинной силой, он чудом выплывал на берег. Измена жены, развод, тяжкое прощание с дочерью. Его переводят на берег в мастерские по ремонту двигателей. В конце войны попал в Очаков с Бригадой катеров. Пережил отравление тетраэтилсвинцом (работа с этилированным бензином). В Очакове встретил прекрасную женщину – вдову Нину Викторовну. Женился. Жили дружно, хорошо. Только обижался на то, что Нина Викторовна не согласилась на усыновление им ее сына от погибшего первого мужа. Мы с ними подружились. Ходили вместе на охоту, он увлекал меня рыбалкой, бывали друг у друга с женами в гостях. Он не раз сетовал, что не довелось ему учиться. Помню, зашел как-то к нему в кабинет. Он из бумаги выкраивает макет не очень сложной детали. Размеры не стыкуются. Я предложил ему рассчитать размеры математически. По расчетам он выкроил макет и все размеры совпали. Покачал головой и поблагодарил. Но большой дружбы, когда вместе и грустить и праздновать, не получалось. Ведь я больше времени общался с сослуживцами-офицерами. Мои намеки ввести в компанию Филиппыча встречало молчаливое неодобрение и ограничивались коллективной охотой и рыбалкой.

Он это понимал, обижался, но особенно переживала его жена Нина Викторовна. После моего назначения в ОДТКА он демобилизовался, переехал в Херсон, затем в Краснодар. Мы постоянно переписывались. После кончины Филиппыча, а он работал до последнего дня, Нина приезжала к нам в Москву, отдыхала на даче от южного пекла.

Командиром 308 дивизиона охраны рейда был капитан 3 ранга Александр Николаевич Васьковский – бывший минер штаба Днепровской флотилии. Спокойный, рассудительный и доброжелательный офицер. Он получил тяжелое ранение в голову во время боев за Москву в составе Курсантаской

бригады. Мы дружили семьями. Его вскоре перевели на Северный флот, а после увольнения в запас мы встретились в Москве, бывали у него на Ярцевской, часто перезванивались. Он работал Оперативным дежурным в Министерстве рыбной промышленности. Перенес тяжелейшую операцию по поводу аневризмы брюшной аорты. Его милейшая жена, Раиса Сергеевна, бережно за ним ухаживала. Он увлекся рыбалкой на Можайском водохранилище. Угощал свежей рыбкой. Предложил мне однажды коньяк – острый и крепкий, свой.

- Попробуй, что за марка.

- Цвет сочный, вкус старки, но крепкий. Так что же это?

Он сказал:

- Мне один доктор рекомендовал настой на трех травах; другой на четырех других; третий – на двух. Я их все на своем самогоне настаивал. Хорошая штука!

- Но ведь самогон же пахнет!

- Я его очищаю несколькими способами, в том числе и марганцовкой. У Раисы Сергеевны родственник – доктор химических наук. Я спросил его, какая реакция происходит. Он ответил:

- Хорошая реакция!

После инсульта Александра Николаевича не стало.

Замполит, старший лейтенант Болотников – офицер не высокой культуры, заносчивый, любитель пропустить стаканчик, но в служебное время я этого не замечал. Был он мобилизован из парторгов крупного колхоза и вскоре в чине капитан-лейтенанта уволился в запас и уехал в свой Краснодарский край.

Командиром 18 отряда катеров-тральщиков, приданого 308 Дивизиону охраны рейда, вместо капитан-лейтенанта Камского, убитого «без руки и слова» в Керченско-Феодосийскую ВМБ, был назначен капитан-лейтенант Матяш. Камского через несколько лет я случайно узнал в Одесском порту по его большой фуражке. Мы уже были в равных званиях – капитаны 3 ранга.

Капитан-лейтенант Матяш – небольшого роста, худощавый, подвижный, смуглолицый, симпатичный, с усиками «шнурком» – был несколько легкомысленным офицером. Прибыл он с Южного Сахалина, из Корсакова. Там у него с 16-летней дочерью полковника «случилась» любовь. Отец был категорически против брака, но погасить любовь оказался не в силах. У них быстро появилось трое чудесных детей. У Матяша обнаружили признаки туберкулеза, его перевели в Очаков и назначили командиром отряда. Весной 1953 г., будучи в Одессе, его жена Дина сделала криминальный аборт, начался сепсис. Ее привезли в Очаков, где она и скончалась. Детей он отправил к родителям жены, переехавшим в Одессу, и впоследствии сам перевелся туда по службе.

Командиры катеров – мичмана – почти все имели боевой опыт, были семейными. Они распределились по частным квартирам и, по мере возможности, обретали квартиры в жилом военном городке. Жилой военный городок – территория на улице Шмидта, ограниченная кирпичным ограждением, примыкающим к Дому офицеров. В городке в то время был один двухэтажный и пять одноэтажных домов старой добротной постройки. Они пострадали во время войны и были капитально отремонтированы. В них размещались по 6-8 преимущественно однокомнатных квартир. Дома и ограждение, как и многие другие постройки в городе, были сложены из кирпича местного завода купца Алопского. Любители-историки утверждали, что такой кирпич с маркой «Алопский» встречался даже в Генуе. Но это на совести историков.

По прибытии в Очаков я снял комнату недалеко от части, у местной жительницы тети Паши. Она одна проживала в довольно большом доме и сдавала несколько комнат офицерам. К жильцам относилась с претензиями; дом, уходя, никогда не закрывала. Объясняла это тем, что в городе замков не признают, и она не помнит случаев квартирных краж. Откровенно признавалась, что жители, кроме

рыболовства, обслуживания воинских частей, огородничества и торговли, в прежние времена занимались и контрабандой. Весной 1952 г. я переехал на квартиру ближе к военному порту, в дом дяди Вани – потомственного рыбака, приемщика рыбы от рыбаков колхоза и заведующего рыбным «лабазом».

Однажды меня вызвал командир дивизиона.

- Проводится учение Одесского военного округа. Нам приказано обеспечить охрану фарватера в районе условной высадки морского десанта. Вы пойдете старшим с двумя катерами в распоряжение руководителя учений.

Идем в район села Григорьевка, где во время войны наши моряки под командованием капитана 1 ранга С.Горшкова (впоследствии Адмирала флота, Главкомандующего ВМФ СССР) высаживали десант помощи обороняющейся Одессе.

Руководитель учения, солидный генерал со звездой Героя СССР, кратко излагает задачу: в такое-то время не пропускать по фарватеру даже шлюпок, идущих в сторону Николаева и Одессы. Выходим в означенные точки. Наблюдаем, как выставляют плоты со щитами-мишенями. С началом учения плоты длинными тросами буксируют к берегу. Из-за холмов появляются танки и на полном ходу палят из пушек по плотам. Эффект впечатляющий. После сигнала об окончании учения подхожу на катере к берегу. Вижу, что командование в хорошем настроении, довольно результатами. Меня поблагодарили и отпустили восвояси.

Через некоторое время снова вызывает командир.

- Надо помочь Бабаку какой-то паспорт оформить.

Бабак – это начальник тыловой части гарнизона, плотный, круглолицый майор с маленькими хитрыми глазами. Что-то в нем было от одного из запорожцев Репина.

- Товарищ капитан 3 ранга! У меня с ремонтом катеров много работы!

- Надо, надо помочь! Больше нет специалистов с твоим уровнем подготовки. Там работы не так много.

Иду к Бабаку. Улыбаясь, он показывает мне бланк «Технического паспорта топливных складов», даёт рулончик батистовой кальки и просит сделать работу как можно быстрее. Оказывается, в бланке необходимо записать данные о всех ёмкостях всех сортов жидкого топлива, смазочных масел, консистентных смазок, а так же о площадях хранения твердого топлива. Кроме этого, необходимо произвести обмеры и вычертить на кальке схемы размещения всех построек, складов, всех емкостей и площадок, ограждения, охраны; схемы подъездных путей, трубопроводов, освещения, расположения противопожарных средств и т.д.

Через пару недель передаю паспорт с грифом «Секретно» и пометкой на каждой схеме: «исп. мл. инж.-лейт. А.Донюш». Примерно через месяц встречаю в городе майора Бабака. Увидев меня, он широко улыбнулся, любезно поздоровался и сообщил, что Начальник Тыла флота утвердил на флоте только два паспорта, в том числе и представленный Бабаком. Впоследствии, когда я приезжал на склад за топливом для квартиры, Бабак разрешал мне выбирать сорт угля по желанию, а дрова только буковые. Они хорошо шли на поделки.

Остановил как-то меня начальник шкиперского снабжения:

- Почему не получаешь спирт?

Посчитали, сколько положено по норме. Выписал и по наивности раздал старшинам команд мотористов, разъяснив, на какие механизмы сколько нужно расходовать его по нормам. Во время ужина кто-то из командиров у меня спросил:

- Что это твои механики веселые ходят и даже угощают других?

На другой день собрал я мотористов, извинился за свою доверчивость. Они сидели, опустив головы. Пообещал больше таких подарков не давать, а при необходимости пользоваться спиртом велел обращаться ко мне. Для себя я тоже сделал из этого случая вывод.

Приближалась календарная зима, но даже на севере Черного моря было еще тепло, и вообще зима 1951-1952 гг. оказалась в этих местах очень теплой. Только к марту погода как бы опомнилась: резко похолодало. Многие, спорившие, что порт не замерзнет, проиграли пари. С вечера под 8 марта пошел дождь, дождь перешел в снег. Штормовой ветер обрывал обледенелые провода электролиний и линий связи. Через несколько дней в порту образовался лед, который вскоре растаял.

Для корабельного инженер-механика с приближением зимы наступает пора подведения итогов и подготовки к очередной летней кампании – пора судоремонта.

Обсуждая возможные варианты места ремонта катеров, мы пришли к решению в сложившейся обстановке провести ремонт в Очакове. Прошу механика ОДТКА выделить в мастерской участок для ремонта дизелей и помещение для запасных частей, инструмента, расходных материалов, а также оказать помощь в токарных и сварочных работах. Просьба моя его не воодушевила. Обращаюсь к своему командиру дивизиона согласовать потребности судоремонта с Начальником гарнизона – командиром ОДТКА. Проблема решена.

Из наиболее подготовленных старшин и матросов организую три бригады: дизелисты, корпусники, электрики. Разрабатываем ремонтные ведомости и по ним определяем объем работ, необходимые материалы, запасные части, инструмент. На старенькой полуторке ГАЗ-АА с матросом еду в Одессу, в Технический отдел Тыла Военно-морской базы. Так мне рекомендовал флагманский инженер-механик 107 Бригады Охраны водного района капитан 2 ранга М.Д.Потапенко, а мы оперативно замыкались на Бригаду.

Захожу к Начальнику Техотдела майору В.И.Мхитаряну.

- Подпишите, пожалуйста, требования на материалы, запчасти и инструмент.

Запчасти по дизелям «Катерпиллер» Техотдел бывшей Днепровской флотилии полностью отгрузил в адрес Тыла Одесской ВМБ.

- У меня не приемный день, – отвечает Мхитарян.

- Товарищ майор! Я прибыл с машиной из Очакова. Начинаем своими силами судоремонт. У нас нет ничего!

- Я Вам сказал, что у меня сегодня не приемный день!

- Но я не могу ждать! Тогда мне нужно где-то определиться с размещением машины, с устройством матросов.

- Товарищ младший лейтенант! Выйдите отсюда!

С поникшей головой выхожу в коридор. Остановился в раздумье у выгородки дежурного. Вдруг слышу:

- Донюш! Ты что здесь делаешь? Где ты теперь служишь? Заходи ко мне.

Это инженер-капитан 1 ранга И.Ф.Захаров, бывший Флагманский инженер-механик штаба Днепровской флотилии. Он – Начальник вооружения и судоремонта Тыла Одесской ВМБ, как мне подсказал дежурный офицер. Захожу в кабинет. Докладываю о себе, о нуждах судоремонта, о том, как меня приняли в Техотделе. Он звонком вызывает дежурного офицера, просит пригласить к нему Мхитаряна, а меня – выйти в коридор.

Через несколько минут из кабинета И.Ф.Захарова выбегает разкрасневшийся Мхитарян и меня любезно приглашает к себе.

На пачке моих требований он пишет резолюцию: «Допустить на склад для отбора, оформления и получения затребованных запчастей, инструментов и материалов.»

Еду на Греческую площадь, где в большом круглом здании расположены основные склады. Начальник склада, прочитав резолюцию, делает большие глаза:

- Такого еще не было!

Отбираю из наличия все необходимое, кое-что добавляю, оформляю, грузу, заезжаю еще в портовый склад – и домой.

С тех пор Варгез Иванович всегда принимал меня приветливо, подписывал мои требования на тех. имущество почти не проверяя, а кладовщики встречали как старого знакомого и предлагали иногда даже то, что было припрятано. Я их доверием никогда не злоупотреблял.

Не без трудностей, но успешно проходил ремонт. Старшины и матросы в бригадах работали на совесть, как для себя, и с каким-то азартом. Главные двигатели перебрали, я дефектовал детали и учил старшин дефектации, правилам сборки. Благо, что с запчастями особых проблем не было. По дизелям фирмы «Катерпиллер», полученным по лендлизу, их было по некоторым наименованиям с избытком, а вот вкладышей коренных подшипников – ни одного. Потом мы освоили заливку вкладышей баббитом Б-83, и получалось совсем неплохо.

Однажды отремонтированный двигатель, а он более 2-х тонн весом, для перегрузки и отправки тележкой на катер поднимали ручными таями. На высоте около 2-х метров поломался палец такелажной скобы. Дизель рухнул на деревянные блоки, покрытые телогрейками. Пробоину в поддоне обработали, наклепали заплатку. На катере двигатель работал без каких-либо признаков бывшего происшествия. Мне же пришлось пережить неприятные моменты, дополнительно напомнить о технике безопасности и благодарить судьбу, что под дизелем тогда никто не стоял.

На катерах, поднятых Деррик-краном и установленных на блоки из деревянных брусьев и клиньев, корпусные работы так же шли успешно.

Образовавшийся на флоте дефицит механиков малых надводных кораблей решили погасить скоростной подготовкой техников-механиков из наиболее грамотных старшин команд мотористов. Для этого в Очакове создали курсы. Руководитель Курсов старший инженер-лейтенант Лев Ликвер и болезненный инженер-капитан-лейтенант (фамилию запамятовал) были единственными преподавателями на этих курсах. Ликвер вел занятия по

двигателям и вспомогательным механизмам, а капитан-лейтенант – по электротехническим дисциплинам. Меня буквально заставили быть приватным преподавателем и, конечно, подбросили теоретические дисциплины, даже такие, как химия, теплотехника и термодинамика. Какая умная голова решила в программу подготовки техников с неполным средним образованием включить такие предметы?

Догадываясь о безуспешности разъяснить такие понятия, как энтропия и энтальпия, я им предложил на экзаменах, в случае, если будет вопрос по энтропии, ответить кратко: «Это мера деградации энергии». Так и получилось. На экзаменах члены комиссии, капитаны высоких рангов, спрашивают у меня:

- Откуда они знают это?

- Знают, – ответил я. Благо я научил курсантов как-то решать простенькие задачки по теплотехнике и физике.

В конце января ко мне приезжала на каникулы жена. Ездил в Одессу сначала встречать, а потом провожать ее на последнюю сессию и гос. экзамены. Счастливая встреча, дни, проведенные как в тумане, и грустное расставание.

После ее отъезда зашел ко мне Ликвер. Поговорили о службе, о проблемах преподавания. Перед уходом он стал ко мне прижиматься и учащенно дышать. Я почувствовал неприязнь и проводил его за дверь, не понимая причины. Но позже мне рассказали, что, будучи после Курсов назначенным на корабль, он вступил с матросом в нетрадиционные половые отношения, был уволен со службы, разжалован и судим. Тогда я и вспомнил о его поведении во время визита ко мне.

После резкого похолодания в марте началась дружная весна. Как-то в воскресенье вдруг появляется у меня командир Боновой партии нашего дивизиона младший лейтенант Грибков. Странная должность. Никакой Боновой партии в дивизионе не было. Станным был и Грибков. Мы с ним как младшие лейтенанты дружны не были, но нас несколько сближало землячество жен. Обе они были из

Калинина (Тверь) и из комбината «Пролетарка». Появившись у меня, он поздоровался, достал бутылку «Шампанского».

- Это в честь чего ты решил?

- У меня несчастье.

- Что случилось?

- Хорьки загрызли двух лучших голубей.

Он в свободное время гонял голубей. Хозяин квартиры, которую он снимал, поощрял его увлечение. Выпили по полстакана «Шампанского». Помолчали.

- А у меня еще одна беда.

- Что за напасти?

- Жена родила мертвого ребенка.

Я опешил. Сначала голуби, а только потом ...

Во время войны он был в штрафном батальоне. Попал туда из курсантской роты за какое-то убийство. Был тяжело контужен. Судимость сняли, но психика была сломлена. Он подергивал нервно головой. Разговаривал категорично. Проявлял вспыльчивость. Так, проспав однажды завтрак, он в обед потребовал принести полагавшееся по меню яйцо. Официантка Тася яйцо принесла:

- Возьмите Ваше яйцо, но приходите надо вовремя!

Кое-кто из офицеров усмехнулся. Грибов схватил яйцо и запустил его в Тасю. Промахнулся. На стене осталось пятно.

Занимался он сбором старинных медалей, составлял каталог ручного стрелкового оружия, увлекался археологией и малоизвестными эпизодами истории. После увольнения со службы переехал в Херсон, где был научным сотрудником Краеведческого музея.

В феврале 1952 г. мне было присвоено звание «инженер-лейтенант». Ещё осенью 1951 г. я встречал своих однокурсников, которые укрепили на погонах третью звёздочку, а я всё был в «младших». Замполит Болотников прозрачно намекнул: «Обмыть бы надо». Я ответил, что мы опоздали года на два.

Кроме всех служебных обязанностей, поручений командиров и своих инициатив, мне было приказано проводить политические занятия с группой старшин, быть военным дознавателем, историографом части и кем-то еще и еще.

Опыта проведения политзанятий не было, но я пытался как-то их оживить рассказами исторических фактов, примерами из современной жизни. Не всегда это получалось к месту, но старшины слушали, часто задавали вопросы. Конечно, эта нагрузка тяготила, нужно было изыскивать время для подготовки.

Не все старшины в силу своей общей подготовки одинаково воспринимали материал. Были и казусы. Итоговое занятие. Спрашиваю о наших отношениях с Китайской Народной Республикой. Главстаршина Сакун правильно отвечает о наших экономических связях. Запомнить об этих связях ему, очевидно, помог бытовавший тогда анекдот:

« - Что мы экспортируем из Китая?

Молчание.

- Ну, что Вы пьете поутру?

- Огуречный рассол, что ли?»

Но вот на вопрос, кто является руководителем КНР, он «ляпнул»:

- Чан-Кай-Ши.

- А кто же тогда Мао-Цзе-Дун?

- Друг и приятель Чан-Кай-Ши.

Это, конечно, классом выше, чем:

- Кто есть враг унутренний и кто унешний?

Однажды с инспекторской проверкой хода политзанятий в гарнизон прибыла группа офицеров из Политуправления флота. Некоторые из них были в форме летчиков. Конечно, без замечаний не обошлось. Вдруг отряды приказали срочно прибыть в Одессу. С нами решили пойти некоторые офицеры инспекторской группы. Погода портилась. За Кинбурнской косой наши катера начала трепать крутая волна. На шедшего на нашем катере «летчика» жалко

было смотреть. Он позеленел, его так выворачивало, что он не мог стоять на ногах. Пришли в Одессу, сходили за ворота порта «попить пивка». Когда мы возвратились, он встал с капота машинного отделения, достал какие-то записи, порвал их и сказал:

- Грешно делать такие замечания офицерам с такими условиями службы.

Прибыл к нам на отряд третий офицер – выпускник Политучилища лейтенант Заблуда. Что-то было общее в его личности и фамилии. Не завоевал он комиссарского уважения у личного состава. Необщительный, нерешительный, какой-то «пришибленный». Решил он, или ему приказали, провести тематический вечер: «За что я люблю свою Родину». Докладывал сам. Занудно, скучным голосом, о том, что наша великая Родина – первое в мире социалистическое государство; что ее границы протянулись от Калининграда до Владивостока; что у нас 15 братских республик; что мы больше всех производим чугуна, стали, удобрений, электроэнергии, станков; добываем нефти и газа; получаем огромные урожаи сельхозпродуктов и т.д., и т.п. Все это подтверждалось цифровыми показателями. В общем, «арифметика вместо души». Видел я, какими скучными сидели участники вечера. Желаящих выступить не оказалось. Тогда я, чтобы как-то скрасить скуку, подошел к трибуне. Говорил о Лермонтове, который любил «дымок спаленной жнивы», «чету белеющих берез», а не «славу, купленную кровью», в чем был не прав. Говорил, что «не нужен нам берег Турецкий, и Африка нам не нужна», что у каждого из нас есть и малая родина, которой мы очень дорожим. Я был убежден, что воспитание патриотизма – дело архиважное, тонкое и его нельзя опошлять начетничеством, фразеологией и скукой. Покидая трибуну, заметил, что оба замполита как-то криво улыбаются.

Выходы в море требовали, кроме всего прочего, значительного количества дров для приготовления пищи. Расположенные в малой выгородке камбузные плиты

топились только дровами. Надо было что-то делать. На реке было просто: ткнулся к берегу, срубил сушняк – и вари флотский борщ и макароны по-флотски. Здесь же дрова выдавались на топливном складе Тыла Одесской ВМБ, в определенной норме для розжига каменного угля. Топливники из-за дефицита дров и нарушения пропорции их выдачи подняли шум. Дрова для камбуза хранились на корме за тральным трюмом.

Я решил перевести камбузные плиты на жидкое топливо. Выход простой: сделать что-то вроде примусов, но как можно проще и из подручных деталей. В качестве емкостей для топлива были взяты корпуса пенных огнетушителей. Из латунных труб изготовлены ручные насосы наподобие велосипедных. Насосы, заливочные горловины и резьбовые концевики сифонных трубок были вмонтированы в головки огнетушителей. В корпуса форсунок дизелей вворачивались горелки из согнутых трубок водяных холодильников со специальными капсюлями. Корпуса форсунок крепились на кронштейнах под конфорками камбузных плит. К корпусам трубками через игольчатые клапаны и тройник подключалось топливо из корпуса огнетушителя.

Вся сложность заключалась в подборе диаметра отверстия капсюля горелки. Пробы заканчивались либо слабым горением, либо вспышками. Я выходил из камбузной выгородки с закопченными руками и физиономией, что служило поводом для насмешек. Наконец, оптимальный диаметр был найден. Горелки с характерным, но более сильным примусным шумом создавали широкий бездымный факел огня. Все довольны, а особенно матросы, исполнявшие обязанности кока. На приготовление чая или обеда уходит вдвое меньше времени и нет нужды держать на корме складометры дров и возиться с ними.

Заканчивается зима, а вместе с ней и ремонтные работы. Вызывает меня зам. Командира по политчасти и

предлагает сделать доклад о ходе судоремонта на партийном собрании.

- Я же беспартийный. Среди ремонтников есть члены партии.

- Ты комсомолец и механик. Тебе и карты в руки.

Сам капитан-лейтенант Болотников за зиму так и не соизволил побывать в порту лично и поинтересоваться ходом ремонта. Показался только накануне партсобрания.

На собрании докладываю подробно о выполненных на каждом катере работах и о том, что еще предстоит доделать. Отмечаю работу лучших специалистов, особенно членов партии. По-деловому проходят прения. Потом берет слово замполит. В наборе общеизвестных фраз и партийных цитат он отмечает мое хорошее руководство организацией и проведения ремонта, но доклад называет деляческим.

От заключительного слова я отказался, только сказал, что если мой доклад был деляческим, то выступление Болотникова – чисто фразерским. Вспыхнул скандальчик. Командир дивизиона нас успокоил и примирил.

Начальник судоремонтной мастерской в Николаеве предложил часть выполненных силами матросов работ оформить через мастерскую с оплатой матросам 30 % стоимости работ. Члены ремонтных бригад были довольны. Это вызвало определенную реакцию у матросов с торпедных катеров, также занятых ремонтом. Было выражено недовольство со стороны механика дивизиона ТКА в мой адрес.

Ремонт закончен. Двигатели, электрооборудование, валопроводы, рулевые и буксирные устройства, пулеметы и тралы испытаны. Корпуса катеров снаружи и внутри окрашены, на дверях, люках, горловинах нанесены по принадлежности: литеры «Т», «Б», «П». Катера укомплектованы аварийно-спасательным имуществом. Старшины мотористов, негласно соревнуясь, надраили пастой ГОИ все медяшки, а пайолы моторных отсеков устлали свежими парусиновыми дорожками. Все изучают

инструкции, зубрят наизусть содержание книжек «Боевой № ...». Идет подготовка к сдаче задачи К-2. При ее успешной сдаче катера переводятся приказом в боевой состав, включаются в кампанию, а личный состав начинает получать прибавку к денежному содержанию. Естественно, что личный состав катеров старается сдать задачу как можно раньше, но и проверяющие специалисты вышестоящего штаба тоже демонстрируют свое прилежание к службе. Редко с первого захода задача принимается.

Приходим в Одессу. В Практической гавани, возле мастерских, стоят катера 19-го отряда с еще далеко не законченным ремонтом.

Для приема зачетов по задаче К-2 на катера прибыли специалисты штаба 107 бригады ОВР во главе с Командиром бригады, капитаном 1 ранга П.Овчаровым. Он бегло осмотрел катера, остался доволен внешним видом и спросил:

- А где же ваши дрова, почему не укомплектовали?

Ему доложили о моих «примусах».

- Вот это хорошо, это правильно!

После проверки вооружения, оборудования и опроса личного состава собрали всех офицеров и специалистов штаба для подведения итогов. Все флагманские специалисты докладывали, в основном, о мелких недоработках, но оценку ставили «неудовлетворительно». Когда очередь дошла до флагманского инженер-механика, капитан 2 ранга М.Д.Потапенко встал и сказал:

- Товарищ Командир бригады! Я считаю, что все боевые части позорят электромеханическую боевую часть. Я ставлю оценку «отлично».

- Ну, что же, пишите проект приказа.

Вскоре зачитали приказ. За успешную организацию и проведение своими силами судоремонта удостоились благодарности Командир дивизиона, Замполит, ну, и я, конечно.

После второго захода задача была принята.

Перед приходом в Одессу для проверки состояния техники, вооружения и восстановления навыков личного состава был выход в море. Произвели также проверку на мерной миле скоростей хода при разных режимах работы двигателей. Оказалось, что совершенно одинаковые катера, с одинаковыми двигателями, на определённых оборотах развивали скорости хода, которые отличались на 3–4 узла. Причина стала ясна: нужно проверить гребные винты.

При очередном планово-предупредительном ремонте, когда катера были на стенке, я приказал снять гребной винт с самого «быстроходного» и с самого «тихоходного» катера. Обмером было установлено, что, если диаметры и дисковые отношения винтов были примерно равными, то шаг их значительно отличался. На реке потеря винта считалась обыденным делом. Поэтому на каждом катере, в топливном отсеке, хранилось по 2-3 запасных винта, которые отливались, очевидно, «на глазок». Пришлось править шаг лопастей винтов всех остальных катеров под размер самого «быстроходного». Для статической балансировки мы изготовили примитивный, но очень нужный станок.

Отряд получил задание на проведение контрольного траления. Тралили в районе Одесской банки, вблизи Сухого лимана (Ильичёвск), на фарватерах. Отрабатывали траление электромагнитными тралами КЭМТ. Я ходил с катерами в район траления, помог отладить систему тросикового дистанционного управления оборотами двигателя из ходовой рубки. Ведь при тралении необходимо строго держаться в строю, иметь с партнёрами одинаковую скорость и умело маневрировать оборотами двигателей при изменении галсов. Электромеханическое оборудование работало исправно.

Находясь в море на катерах во время траления, я никогда не просил зафиксировать в Вахтенном журнале моё пребывание. Был Приказ, в котором моя должность значилась, как участие в боевых действиях, и служба исчислялась «год за три». Впоследствии Приказ был отменён, а моё участие в боевом тралении не было подтверждено

выписками из Вахтенных журналов. В курсантские годы, во время практики, моё участие в боевом тралении на Балтике было подтверждено архивной справкой. Через 56 лет, в 2003г., я обрёл статус Участника боевых действий и соответствующие льготы.

Скучным было пребывание на тралящих катерах. Я отправился в отпуск.

Меня уже ждала жена – молодой врач Капитолина Васильевна. Её родители получили от комбината «Пролетарка» часть дачного дома под Калинином. Несколько дней отдыха в чудесных местах Тверской губернии. Потом Кузьминки с частыми поездками в московские магазины и, как всегда, отпуск быстро закончился.

Возвращаемся в Очаков с двумя чемоданчиками, в которых самое необходимое бельё и платья. В купе с нами ехал какой-то иллюзионист. Он развлекал нас своими фокусами и показывал, как это делается.

По прибытии в Очаков нам была предоставлена комната в трёхкомнатной квартире, где проживала многодетная семья офицера. В комнате – маленький стол, две табуретки и две койки из матросского кубрика с пробковыми матрасами. Жильё более, чем скромное. Благо мы не были до этого избалованы благоустроенными квартирами.

Через пару недель жена – участковый терапевт районной больницы. Этой профессии она потом посвятила долгую трудовую жизнь. Знакомые мне говорили, что в Очакове была только одна врач, которая подарков не принимала.

После моего возвращения из отпуска один из старшин мотористов доложил, что у него греется двигатель и не развивает полных оборотов. Спрашиваю:

- Состояние валолинии подшипников и дейдвуда проверял?

- Да, все нормально.

И я вспомнил, как слышал однажды в порту ритмичный стук кувалды по металлу.

- А ты лопасти винта ещё не гнул?

Опустив голову, он сказал:

- Было дело.

- Тогда иди и разгибай. Позовёшь меня проверить.

Пришлось ему помочь с размерами, популярно разъяснить влияние параметров винта на работу главного двигателя и наказать за подобную инициативу.

Поздней осенью нас переселили на второй этаж, в такую же комнату, но с балконом, к малосемейному Начальнику медслужбы майору Зеленцову.

Наступал новый 1953 год, год больших перемен и в нашей семейной жизни.

Накануне новогодних праздников приказали усилить дежурную службу двумя катерами. Катера ставили на стенку и снимали Деррик-краном.

Сырая, туманная, промозглая погода. Катер застропили, сняли с кильблоков, развернули стрелу крана и установили над водой. Решил операцию спуска произвести быстрее, используя ленточные тормоза лебедек. Матросам приказал отойти от лебедек и начал вращать маховики ленточных тормозов. Сначала спокойно, а потом с ускорением начинает вращаться барабан троса, розмахи мелькают, корпус лебедки вибрирует, катер ускоренно приближается к воде. Туманная влага смазала ленты тормозов, и они не обеспечивают нужного трения. Начинаю с силой затягивать ленты маховиками. Левая рука с рукавицей соскальзывает, и по кисти бьёт рычаг розмаха. Второй рукой осилил затяжку, и катер плавно опустился на воду. Стоящие на пирсе мичмана и матросы тревожно смотрят на меня. Улыбаясь, спрашиваю:

- Что, испугались?

Иду к машине и слышу, как один из мичманов – ветеран войны – говорит:

- Вот с таким я бы пошёл в разведку!

Госпиталь. Рентген. Перелом двух фаланг кисти левой руки. Руку упаковали в проволочную шину. С такой рукой

вечером идем с женой танцевать на Новогоднем балу в Доме офицеров.

После Новогодних праздников разрешают неделю быть дома на больничном. Беру холст, краски, кисти и копирую Перовских «Охотников на привале». Получилось совсем недурно. Поскольку это было накануне рождения старшей дочери, через пятьдесят лет она попросила подарить эту копию, висевшую на даче, и увезла её себе в Киев на новую квартиру.

Почти в то же время случилась еще одна напасть. Занимаясь поделками из древесины, я загнал под ноготь большого пальца занозу. Начался нарыв, и я ночь не мог уснуть. Жена и сосед, как медики, убеждали, что по незыблемым медицинским канонам необходимо оперативно удалить ноготь. Я воспротивился. Тайком, используя обломок лезвия бритвы, подрезал ноготь до нарыва, а в центре гнойника двухмиллиметровым сверлом просверлил в ногте дырочку. Сразу полегчало. Опустил палец в чашку со спиртом и, нажимая на подушечку пальца, промыл нарыв. Через пару дней я подшучивал над своими медиками и их канонами.

В первых числах марта, когда страна была в глубоком трауре, случилось неприятное происшествие. По установленному в городе порядку, в 24 часа отключали электроэнергию. Темнота и тишина. Вдруг слышим возле дома голоса двух мужчин. Потом эти голоса стали слышны в подъезде на первом этаже. Мужчины о чём-то договаривались. Мы с женой определили, что один голос принадлежит нашему соседу. В подпитии он любил петь песню про ямщика, а остряки говорили, что заканчивал её так: «Ямщик умолк, и внутривенно». Мы успокоились и уснули. Вдруг раздался стук в дверь и крики жены доктора с просьбой о помощи. Я вскочил, одел брюки и прибежал в их комнату. При тусклом свете керосиновой лампы увидел, как Николай Ильич стоял как на ринге и с яростным криком «Убью!» наносил удары по какому-то вялому телу. Я сзади

повис на плотном теле соседа, прижал его руки и выволок его на балкон. Он продолжал что-то выкрикивать. Внушил ему, что ночной скандал в эти траурные дни может для него плохо кончиться. Он успокоился.

Объектом боксерских упражнений Николая Ильича оказался мой командир отряда тральщиков. Женщины его отвели в свободную комнату, уложили на полу и комнату закрыли. Оказалось, что, одурев от выпитого, мой командир напросился в гости к соседу, с которым заканчивал вечер в закусочной. Он «холостяковал», отправив жену и детей к родителям жены в Одессу. Войдя в комнату, где спала жена соседа, он сел на стул. Николай Ильич начал готовиться ко сну. Командир тоже снял туфли. Тогда хозяин ему зло подсказал:

- Ты, может, ляжешь к Татьяне?

Гость подошел к лампе, погасил её и направился к кровати. В тот же миг началось его «воспитание», а Татьяна вскочила и побежала будить меня.

Как обычно, утром прибыл я на стоянку катеров. После подъёма флага произвел развод личного состава на работы и занятия. Около девяти часов увидел шедшего по дороге в порт командира. Побежал навстречу. Он шел, прикрывая лицо носовым платком. Я ему настоятельно предложил отправиться на пляж и до конца недели не появляться на глаза личному составу. Он пытался оправдать свой вид зубной болью, но все-таки меня послушал.

Жена получила декретный отпуск, проводил её до Одессы и посадил в поезд до Москвы, к моей маме.

Дивизион переехал в более просторное помещение по улице Лейтенанта Шмидта, рядом с Домом офицеров. Занимались благоустройством, оборудованием учебных кабинетов, строительством и освоением хозяйственных помещений. Ремонт катеров проходил нормально. Практически он был текущим, без большого объема работ.

Вызывает меня Командир дивизиона.

- Звонили из порта рыбокомбината. У них на одном сейнере авария, что-то с главным двигателем. Прибыл представитель Николаевского порта. Попросят для определения причин аварии независимого специалиста. Кому, как не тебе, помочь им.

- Александр Николаевич! Вы же знаете, что у меня своей работы с избытком хватает! Катера готовятся к вступлению в кампанию.

- Надо. Начальник гарнизона тоже просил.

В рыбпорту встречают представитель из Николаева, капитан и механик сейнера. Наперебой одни обвиняют нерадивую команду мотористов сейнера, а другие грешат на техническую неисправность двигателя. Двигатель уже снят с сейнера и разобран. Поломан коленчатый вал. Излом по щеке 4-ой коренной шейки. Возможно, при запуске забыли открыть кран системы смазки. Внимательно осматриваю излом, и возникает подозрение о заводском браке. В изломе просматриваются так называемые «флэкены». Составляю акт с подробным описанием картины излома. Подписав акт с заключением о заводском браке, попрощался с начальниками и пошел в город. Вдруг догоняет меня матрос и просит возвратиться. Встречают капитан и механик сейнера, приглашают зайти на судно для каких-то уточнений. Заходим в кают-компанию. На столе – большой алюминиевый таз с черной икрой и деревянными ложками. Рядом бутылки, стаканы и чёрный хлеб. Благодарят за объективность акта, поднимают стаканы и предлагают закусывать икру ложками, как кашу. Я попросил бутерброд. Положили на хлеб икры столько, что она начала стекать. Выпили за знакомство, поблагодарил и, не соблазнившись на уговоры, ссылаясь на неотложные дела, отправился восвояси.

Вскоре получил телеграмму о рождении дочери с поздравлением от мамы.

Закончив неотложные дела, накануне Майских праздников убываю в отпуск. Перед отпуском случайно встретил мать дяди Вани, у которых я когда-то квартировал.

Сказал, что уезжаю в Москву. Старушка засуетилась и попросила передать моей маме маленький подарок в знак благодарности за туфли, которые мама ей когда-то прислала из Москвы. Уж очень туфли понравились. Она сбегала домой и принесла литровую банку осетровой икры.

Встречает уже семья. В первые дни праздников приходит странная телеграмма: «Поздравляю присвоением звания «старший лейтенант». Дина умерла. Командир.»

Отпуск, как отпуск. Опять у мамы, в её маленьком учительском домике в Кузьминках. Встречи с родственниками, друзьями, одноклассниками, поездки в город по магазинам, помощь по уходу за дочуркой. В магазинах очереди. Со стороны наблюдаю, как входят по 2-3 амнистированных по случаю смерти И.В.Сталина и аккуратно проверяют сумки и карманы зазевавшихся на товары очередников.

Возвращаемся в Очаков с мамой. Она полагала, что у нас приличная квартира. Разместиться помогли соседи. Ознакомившись с нашим бытом и южным летом, мама вскоре уехала домой.

Катера находились в Одессе. В это время отмечалось 300-летие воссоединения Украины с Россией. Дату полагалось отмечать трудовыми подарками. По приказанию командования Бригады ОВР, один из наших катеров направили в Сухой лиман перевести с завода в Одесский порт новую несамоходную баржу. После выхода из лимана катер повернул на 90° влево, к Одессе. Баржа без управления двигалась прежним курсом и буксировочным тросом уложила катер на борт. Благо все, вместе с командиром дивизиона Одесского ОХР (охрана рейда), были на верхней палубе. Моторист успел выскочить из моторного отсека. Катер развернулся вверх килем. Команда стала на него забираться и раскочала. Захватив воды, катер встал на ровный киль и благополучно затонул. Личный состав вплавь перебрался на баржу. Прибыла помощь. Водолазы закрепили трос, и буксирный теплоход 18 миль тащил его в подводном

положении в Одесский порт. Краном катер подняли и слили воду. Старшина моторист Козлов, парень с Арбата, доложил мне, что он сразу завел двигатель, и они ошвартовались у стенки на своем месте. Катер стали называть «подводным тральщиком». Однако, во время очередного ремонта было обнаружено, что шатун одного цилиндра главного двигателя был изогнут. Конечно, при запуске был гидроудар, но Козлов об этом умолчал.

Убывшего в Одессу командира Отряда КТЩ заменил капитан-лейтенант В.Стратейчук. Участник войны, тяжело раненый в боях на Невской Дубровке и едва не оставшийся без ноги, он не имел высшего образования, однако как командир и штурман хорошо знал район, умело руководил личным составом. У нас сложились нормальные служебные и товарищеские отношения.

Квартиру, которую занимал предыдущий командир, предоставили моей семье. Она была отдельной, состояла из прихожей, кухни и комнаты. Наша квартира оказалась рядом с квартирой командира дивизиона ОВР, капитана 3 ранга А.Н.Васьковского. Он был большим любителем рыбалки и особенно охоты. Имел несколько ружей, собаку пойнтера по кличке Рамзай и кота Василия. Хозяином в доме был кот. Сначала он принимал пищу, а после него доедал Рамзай. Василий был крутого нрава и верховодил в округе. Несколько раз я наблюдал его бои с соперниками. Он всегда выходил победителем. Когда Васьковские убыли на Северный флот, мы подкармливали кота, но в дом он не шел. Однажды Василий повздорил с котом нашего соседа. В азарте боя загнал его в дом, и тот в страхе перепачкал постель. Хозяин-мичман, сославшись на его разбой в курятнике, порешил кота.

Васьковский приобщил меня к охоте. Однажды пошли в степь на зайца. Дал мне ружьё с одним гладким и одним нарезным стволом, патроны. Шли «в котле». Загнанный заяц в панике бежал прямо на меня. Встав на колено, я пальнул. Заяц шархнулся в сторону, а я увидел, что с боку ствола

моего ружья зияет отверстие. Зарядом вырвало кусочек. Остаток охоты бегал с Рамзаем за подранками.

В конце лета катера возвратились в Очаков. Однажды начался шторм. Катера перевели за мыс в торговый порт. В городе была организована районная сельхозвыставка. Представители колхозов угощали находившихся в увольнении матросов своей продукцией, в том числе и вином. На следующий день на КПП пришли две женщины с заявлением, что матрос пытался их изнасиловать. Опознали матроса Мазурина. Это был списанный за недисциплинированность из училища морской авиации бывший курсант. Конечно, он отличался по уровню развития от основной массы матросов, но отличался и недисциплинированностью. Когда катера перешли в торговый порт, замполит Заблуда отпустил его в город. На выставке симпатичному разговорчивому матросу предлагали попробовать молодого вина. Напробовался, и его потянуло на подвиги. После опознания, для разбирательства посадили на гауптвахту. В то время был обнародован Указ, определявший ответственность за изнасилование. На гауптвахте додумались вывести его в группе арестованных на работы. Возвращаясь с работы, он выбежал из строя, крикнул: «Прощайте, братцы!», забежал на третий этаж восстанавливаемой казармы и прыгнул головой вниз.

Перед этим мы его исключили из комсомола. В его комсомольском билете хранилась веточка голубой ели от Кремлевской стены и крестик. Приезжали родители: мать и отчим – полковник с курсов «Выстрел». Тело увезли в Одессу на экспертизу.

Был в отряде довольно ограниченный матрос Надыкто – бывший ростовский «урка». Для него также понятие о дисциплине не усваивалось. Бегал в самоволки. Командир несколько раз его наказывал. Однажды его разыскали в городе пьяным и привели в часть. Командир приказал закрыть его в кладовке. Утром, когда открыли дверь, я увидел, что он сидит в углу комнаты, а на стене углем

большими буквами написано признание: «Лемона портить вотка». Его «кликуха» в Ростове была Лимон.

После его очередной самоволки мне приказали провести дознание. Оформив документы, я отправился в штаб Одесской ВМБ. По дороге в штаб встретился незнакомый майор.

- Товарищ лейтенант! Почему нарушаете форму одежды? Почему в руках у Вас портфель?!

- Направляюсь к Командиру Одесской ВМБ с дознанием.

Что-то поразмыслив, сказал:

- Ладно, следуйте дальше.

Ну, просто захотелось ему показать своё превосходство в званиях.

На заседании штаба доложил суть дела. Командир Одесской ВМБ контр-адмирал Сухиашвили опросил мнение каждого офицера. На дознании размашисто написал: «Судить», – и подписался.

Дали срок – два года штрафного батальона в каменоломнях Керчи. За хорошее поведение и ударную работу через год освободили. Прибыл неузнаваемым. Самый исполнительный и старательный матрос. Однако, через несколько месяцев – рецидив. Опять на мои плечи – дознание. Надикто не стал дожидаться разбирательства и дезертировал. Отыскивали где-то в Ростовской области, там и судили.

В Николаеве, слева от Ингульского моста, в то время была судоремонтная мастерская Технического управления флота. Начальник мастерской, капитан 3 ранга инженер Юдовский, окончил наше училище ещё до моего поступления. Служил на Тихоокеанском флоте. Вспоминал, что играл там в волейбол за команду какого-то соединения. Приказали катера поставить на ремонт в этой мастерской. Очевидно, необходима была загрузка. Я пытался возразить флагмеху:

- Михаил Данилович! У нас есть уже какой-то опыт, надо его совершенствовать. Я полагаю, что ремонтные навыки необходимы матросам не меньше, чем знание инструкции «Боевой № ...». В случае чрезвычайной ситуации будет широкое рассредоточение кораблей, а ремонтные предприятия в крупных портах могут быть разрушенными. Вот опыт ремонта в условиях рассредоточения очень и очень пригодится.

- Я понимаю. Мысль правильная, но все же надо загрузить мастерскую. Пиши подробные Ремонтные ведомости.

Отправляюсь в Николаев, куда ездил неоднократно, чтобы получить необходимые материалы и запчасти, а также проверить ход судоремонта. Дорога осенью и зимой – сплошное месиво грязи. Наша старенькая полуторка, непрерывно буксуя, добралась до Варваровского моста через Буг, тогда ещё понтонного. Был февраль, но довольно тепло.

В мастерской ход ремонта меня не удовлетворил. Командиры катеров и матросы высказывали ряд жалоб на низкое качество выполненных работ, в чем я убедился сам. Претензии личного состава я обсудил с Начальником мастерской – капитаном 3 ранга Юдовским. Он оправдывался, но обещал принять меры и вовремя закончить работы, усилить контроль качества.

Матросы и командиры катеров, выделенные для охраны и оказания помощи мастерским, жили на катерах. Условия быта были трудными. Кубрики отапливали самодельными электронагревателями. Появилось больше нарушений дисциплины среди матросов. Ко мне обратился матрос Коняткин с просьбой разрешить сходить в кино. Я не знал, что за ним были грешки. Разрешил при условии, что по возвращении он покажет мне билет в кинотеатр. Когда Коняткин возвратился, спрашиваю:

- А где билет?

Он, улыбаясь, протянул мне бумажку – меню из кафе. Потом извинился и показал билет в кино.

Выполнив все намеченные работы, возвращаемся обратно. Распутица. Машины не ходят. У Варваровского моста – толпа «грачей» – жителей близлежащих сел. «Грачами» называли пассажиров попутных машин. Разрешил нескольким желающим забраться в кузов, но при условии, что будут толкать машину, если застрянем. Поехали. Несколько раз машину пришлось толкать. Постепенно число пассажиров сокращалось, и мы остались вдвоем с водителем. От частых натужных буксовок появился шум в заднем мосту, и движение сопровождалось рывками. С трудом выбрались из очередной балки, и – всё. Мотор работает, сцепление включено, а машина стоит. Степь да степь кругом. Метрах в трёхстах от дороги виден коровник. Ждем с надеждой встретить какую-нибудь машину. Подул северный ветер. Резко похолодало. Пошел снег. Потемнело. Вдруг появилась машина. Оказалось, она из Очакова, с узла связи. Просим взять нашу на буксир. Водитель, ссылаясь на техническое состояние своей машины и состояние дороги, категорически отказывает. Прошу заехать в нашу часть и передать, что нам необходим буксировщик. Наступила холодная и голодная ночь. Идем в коровник. Устраиваемся на соломе, слушаем дружное пережевывание кормов и вздохи коров. Утром пришла за нами машина. Эта поездка запомнилась и потому, что был праздник – 23 февраля. Разобрали задний мост машины. Шестерни оказались беззубыми.

Во время одной из таких поездок, возле села Каменка, у меня состоялся разговор с цыганом. В селе построили ряд домов и приглашали переселенцев. Я спросил у цыгана, попросившего закурить, почему они не остаются работать в колхозе, не начнут оседлый образ жизни. Он ответил, что Сталин разрешил цыганам кочевать до марта 1953 года.

Почти каждую весну, в конце марта, мы всем дивизионом уходили в Тендровский залив для обеспечения сбор-похода кораблей Черноморского флота, которые там отрабатывали различные учебно-боевые задачи. Как только вышли из порта, нас накрыл густой туман. Капитан-

лейтенант Стратейчук решил следовать в тумане. Прошли рядом со стоявшим из-за тумана на якоре миноносцем. Примерно через час хода повернули все вдруг направо и, шурша носами о песок Тендровской косы, наши катера встали напротив маневренного штаба Бригады ОВР. Командира отряда отметили за штурманские навыки похвалой.

Мы обеспечивали отработку противовоздушной, противокатерной обороны, охраняли стоянки кораблей, исполняли роль посыльных катеров. Однажды приказали прибуксировать из соседнего залива щит-мишень для артиллерийских стрельб. Пока добрались до стоявшего на якоре щита, начался шторм. С большим трудом взяли щит на буксир. Я постоял за штурвалом, направляя катер скулой к волне. Но потом передал штурвал более опытному рулевому. Катер бросало, качало, кренило. Буксирный трос то провисал под грузом, то натягивался струной и почти останавливал катер. Я вышел из ходовой рубки и увидел матроса Метревели. Он вцепился обеими руками в поручни капота машинного отделения. Глаза его были предельно расширены и выражали гибельный ужас. Мои попытки успокоить его, отвлечь от страшных мыслей, оказались тщетными. Он страдал водобоязнью и не умел плавать. Матросы раньше пытались его приучить к воде, насильно надевали спасательный жилет и бросали его в воду возле пирса. Он в страхе барахтался, подплывал к берегу и убегал. Можно ли было таких призывать для службы на кораблях? Легко представить, что было бы с ним в более сложной ситуации, и как бы это сказалося на других членах экипажа.

В дивизионе оставалась плавбаза «Сула». Она не входила в состав отряда тральщиков, но обслуживать её было нашей обязанностью. Экипаж «Сулы» в последнее время состоял из двух гражданских матросов. Однажды, во время ужина, в кают-компанию забежал дежурный и крикнул в мою сторону:

- «Сула» тонет!

Прибежал в порт. «Сула» стояла изрядно накренившись. Спустился в трюм. В одном из отсеков штатные матросы вёдрами черпали воду и выливали её через иллюминаторы.

- Откуда поступает вода? – спрашиваю.

- Мы сами не знаем. Всё больше и больше её!

- Так надо начинать с определения места пробойны!

Перекрывайте отверстия в переборках и определите, где пробоина.

Перекрывая последовательно отверстия, мы добрались до отсека в носовой части, из которого поступала вода. Нашли пробоину в днище, на противоположном борту. Вставили в пробоину деревянную пробку и ударили кувалдой. Пробка ушла под воду, а пробоина стала больше. Сколотили коробку и поставили «цементный ящик». Течь прекратилась. Воду откачали.

Когда я был в отпуске, приказали «Сулу» перевести в Одессу и передать другой части под плавказарму. Мичман, назначенный шкипером, рассказывал мне, что, когда миновали остров Березань, корпус на волне стал изгибаться, «как червяк». Было страшновато. До Одессы дошли, но на палубе появились поперечные трещины. Ведь баржа, как речная «посудина», не имела продольного набора корпуса. Хорошо то, что хорошо кончается.

В соответствии с Планом боевой подготовки, Комдив А.Н.Васьковский назначил проведение штурманского похода. На двух катерах мы обследовали побережье Днепро-Бугского лимана. На левом берегу был район Таврии. Мы зашли в село. Оно ранее называлось Прогной. Его переименовали в Геройское в связи с тем, что во время войны трое его жителей стали Героями Советского Союза.

Вечером, оставив катера в селе, мы с Александром Николаевичем пошли на болота поохотиться. Лёт уток был слабым. Но мы увлеклись и стреляли даже «под Луну». Найти все трофеи не удавалось. Остаток ночи отдыхали на катерах. Утром я почувствовал недомогание и повышенную

температуру. Сходили до устья Днепра. При возвращении зашли в Ольвию. Это раскопки древнегреческой фактории, расположенные возле села Парутино в 30-ти км от Очакова. Эта фактория основана более, чем две с половиной тысячи лет тому назад и просуществовала до 4 века до н.э. Много очень интересного находили археологи при раскопках. Могильники, конечно, были разграблены. Кое-что из них оказалось у жителей Парутино.

В Очаковской райбольнице один из врачей работал ранее в Парутино. У него было два ящичка, в которых на бархате под стеклом лежали монеты и амулеты разных времён. Говорили, что к нему приезжали сотрудники Эрмитажа, составили опись коллекции и предупредили о строжайшем запрете на продажу.

Возвратившись домой, я оказался совсем больным, с высокой температурой. Каких-то конкретных симптомов для диагноза не было. Жена напоила «нейтральными» таблетками и ушла утром на работу. Мне полегчало. Я взял подрамник с загрунтованным полотном, карандашом изобразил фигуру со спины, стоящую на четвереньках с приспущенными трусами, а справа повернутую голову со злобной рожицей. Сверху написал: «Пенициллин давай!» Приставил подрамник к спинке стула и крепко уснул. Проснулся от громкого смеха. Жена с подругой, тоже врачом, решили определить диагноз. К общему мнению не пришли. Пригласили из госпиталя капитана МС Я.Краковского. Он осмотрел меня, обнаружил на груди какие-то «розеллы» и предложил направить меня в инфекционное отделение больницы с подозрением на тиф. В отделение приходило несколько врачей – коллег жены, но однозначного диагноза определить не смогли. На всякий случай поместили меня в одиночную палату. Через несколько дней, когда температура и анализы нормализовались, – выписали. Я всё спрашивал, будут ли у меня, как у жены, выющиеся волосы на голове. Говорили, что после тифа такие случаи бывают. Не получилось.

Приезжал к нам из Кузьминок на время школьных каникул покупаться, позагорать двоюродный брат Слава. Поскольку мы с Капой весь день были на работе, ему, конечно, было скучновато. Развлечения – знакомство с городом и пляж. И вот однажды он пошёл на пляж через центр города. Его увидел Начальник районной милиции и арестовал. За хождение по городу в спортивном тренировочном костюме. Слава как-то сообщил о своём аресте Капе. Она пошла в милицию и освободила его. Начальник милиции строжайше предупредил: впредь в городе не появляться в таком виде.

Во время одного из обедов я предложил Славе на первое уху.

- Это что, рыбный суп? – спросил Слава.

- Да, что-то в этом роде.

- Тогда, пожалуйста, полпорции.

Покушав, Слава попросил:

- А можно добавки?

- Сколько тебе?

- Полную.

Уха была тройная. Варились сначала, для сладости, бычки. После бычков – окунь, тарань и другие частичковые. После них «в юшку» закладывались большие куски «благородных» рыб.

Прожив в Очакове более 12 лет, рыбалкой я так и не увлёкся. Мне как-то претило тайное ожидание удачи, потеря времени на призрачную забаву. Несколько раз ходил я на рыбалку, но не по желанию, а после настоятельных уговоров.

Начальник местного госпиталя, майор Демьяненко, попросил обеспечить катером выход на рыбалку трёх врачей Николаевского военного госпиталя. Разрешение командира части он получил. Тогда и я с ними попробовал половить скумбрию на «самодур». Но ведь уловом надо было заниматься: свежевать, мыть, солить, жарить или коптить.

Что значит, например, солить? В тазу готовился солевой раствор такой концентрации, чтобы куриное яичко

плавало по определённую «ватерлинию». В этот раствор закладывалась скумбрия и выдерживалась в нём $N + / - 5$ минут. Если коптили, то рыбу жабрами нанизывали на гвозди в специальных палках. Эти палки устанавливали над железной бочкой, под которой дымило какое-то топливо с вишнёвым листом. Секрет успеха – в температуре дыма, времени и составе топлива.

Капа несколько раз готовила из осетровых балык. Куски рыбы после просолки хорошо укрывались марлей от мух и вывешивались на солнце, пока не прекращал капать жир.

Сосед по дому, отставной капитан Гудзь, занимался, в основном, рыбной ловлей. Были дни, когда его маленькая артель вылавливала на каждого рыбака по 300-400 штук скумбрии за день. Неоднократно вечером у нас раздавался звонок в дверь. На пороге стоял с газетным свёртком Гудзь.

- Это Вам, Анатолий Андреевич!

В свёртке была тёплая, только что прокопченная на вишнёвом листе скумбрия, та азово-черноморская, которую одесситы ласково называли «качалочкой». Разумеется, он уходил с бутылкой. Такой скумбрии мы больше нигде и никогда не пробовали. К обеду она тоже была хороша, но – уже не то.

В квартирно-эксплуатационной части гарнизона служил мичман из одесситов, который занимался снабжением материалами, инструментом, запчастями. Обычно он отправлялся в тыловые организации Одесской ВМБ с «наживкой». Приходил в отдел выписывать нужное имущество. В руках держал свёрток, из которого выглядывали «мордочки» пары судаков. Ему выписывали даже дефицит. Так он обходил отделы, а рыбу оставлял только в одном, самом нужном из них.

Собрался я в Москву в отпуск. Кап-лейтенант В.Стратейчук, любитель-рыболов, попросил поехать вместе со мной, чтобы купить там что-нибудь из модной одежды для

женщин и познакомиться с Москвой. Перед отъездом он предложил поймать для москвичей несколько судаков.

На рассвете пришли мы на волнолом. С его полого уходящей в воду площадки, с солнечной стороны, грелись какие-то кильки. Мы их ловили сачками, крепили к крючку и леской забрасывали на другую сторону волнолома. Там наживку хватили крупные голодные судаки. Мы поймали несколько штук. Вдруг на «тузике» (двухвесельная шлюпка) подплывает кап-лейт В. Масловский – признанный рыбац №1.

- Ну, что, ловится?

- Да есть немного.

Он начал таскать судаков одного за другим. У нас же – как отрезало. Ни одной поклёвки. Поймав с десятка, Масловский уплыл к берегу. У нас снова начался клёв.

В то время, когда в Очакове ещё не было приличной дороги, не летали ПО-2 и только через сутки заходил теплоход «Славянск», жёнам рыбаков трудно было заниматься сбытом улова. В наш военный городок рано утром приходили они с камышовыми кошёлками, стучали в окно и предлагали свежую рыбу. Осетровые длиной около метра – «пеструшки» – стоили 3 рубля. Один только раз предложили нам редчайшую рыбу – морского петуха. Чешуя его переливалась цветами радуги, а вкус был отменным. Ну, а бычка за рыбу не считали. Было его великое множество. Самый большой – «кнут», чёрный – «моторист», жёлтый – «песочник» и ещё какие-то. В жаркое лето бывали дни, когда бычки сами выходили на берег. Их собирали и на базаре продавали по 30 копеек за приличную кучку.

Но однажды у меня была, пожалуй, самая памятная рыбалка.

На нашем хозяйственном пирсе на кильблоках стоял мне неизвестно откуда и когда присланный в Дивизион полуглиссер. Это был один из тех катеров Днепровской флотилии, которые во время штурма Берлина обеспечивали форсирование реки Шпрее нашими десантниками. Обшивка полуглиссера растрескалась, брезент, покрывавший капот

форпика, моторного отделения и ахтерпика прогнул и был порван. Двигатель от автомобиля ГАЗ-АА был не укомплектован. На борту полуглиссера какой-то остряк белилами написал: «Эх! Прокачу!»

При очередном инспектировании командир Бригады кап 1 ранга П.Овчаров, усмехнувшись на надпись, сказал мне:
- А пора бы ввести полуглиссер в строй.

Катер был обезличен, целесообразность его использования мне была не понятна. Однако, пришлось заняться ремонтом. Отремонтировали силами энтузиастов, окрасили, опробовали на ходу и снова подняли на кильблоки. Пришлось периодически поливать его водой и закрыть брезентом от палящих солнечных лучей.

Любители рыбалки – а их в нашем Дивизионе, а особенно в Дивизионе ТКА, было предостаточно – стали просить у меня разрешения в свободное время прогуляться на катере и половить рыбу. Я уклонялся от таких просьб, ссылаясь на неисправность двигателя, на отсутствие аккумулятора. А скумбрия в тот год ловилась отменно.

В одну из суббот доктор и офицер Особого отдела меня всё же «достали». Проверив катер, я обнаружил, что с двигателя кто-то «умыкнул» генератор. Меня уговорили использовать для свечей зажигания двигателя энергию хорошо заряженного аккумулятора. Это предложил моторист, старшина 2 ст. Зычкин, и сам попросился пойти на катере.

В это время у нас отдыхал отец жены Василий Михайлович, приехавший из Калинина. Я решил его развлечь рыбалкой с оригинальной снастью под названием «самодур». Такая снасть состояла из длинного удилища, довольно толстой лески («столб»), на конце которой крепился груз в виде свинцовой «морковки». К леске присоединялось 8-12 тонких поводков длиной 20-30 см, на концах которых крепились крючки с пёрышками от цесарки, обвязанные яркой, чаще красной или зелёной, ниткой. Рыбаки обеспечили меня и тестя такими снастями.

Фото 62 Тесть В.М.Кусов – мастер литейного цеха комбината «Пролетарка» в Твери (Калинин).

Когда появлялся косяк голодной скумбрии, она жадно хватала цветные крючки. Через удилище хорошо ощущались удары при захвате крючков. Поднималось удилище, и на леске блестело 5-10 серебристых тушек. Рыбалка с «самодуром» очень азартная. Нужно было уметь воспользоваться проходящим косяком. Попадая на косяк, рыбаки приговаривали: «Рыба! Рыба! Рыба!»

Неотложные дела позволили освободиться только после обеда. Отговаривать азартных рыбаков перенести выход на другой день было бесполезно. Собрались: доктор, особист, тесть, я и ст. Зычкин. Командир дивизиона

А.Н.Васьковский, у которого я испросил разрешения, посоветовал взять с собой ракетницу и несколько ракет.

Фото 63 Тёща Р.В.Кусова с внучками Лизой и Леной.

Вышли из порта и направились к Кинбурнской косе. Обогнув косу, напали на косяк молодой скумбрии – чируса. Заполняли вёдра рыбой. Вдруг усилился ветер. Отдельные волны начали заливать носовой настил. Вода попала на аккумулятор, и двигатель остановился. После протирки аккумулятора двигатель запускался, но с каждым разом всё труднее. Я предложил возвращаться. На обратном пути очередная волна залила аккумулятор. Двигатель больше не запускался. Ветром нас понесло в открытое море. Все загрузили.

Через некоторое время ветер изменил направление, и, к нашей радости, дрейф начался в сторону Очакова. Мы подняли «паруса» из курток пижам, закреплённых на удилицах. Стал виден Рыбоконсервный комбинат, но ветер

опять закрутил, и нас понесло в Днепро-Бугский лиман. Быстро темнело. По морским волнам стали бегать лучи прожекторов пограничных постов. Мы выпустили все свои пять ракет. Бесполезно. Ни один луч не повернулся в нашу сторону.

Через пару часов мимо нас прошли два катерных тральщика. Мы кричали. Зажгли факел из носков, смоченных в бензине. Наблюдатели с катеров, устремившись вниманием только вперёд, нас не заметили, и катера пошли к выходу из лимана.

На катере все вели себя спокойно. Василий Михайлович, впервые попавший на море, и в штормовую погоду не проявлял признаков беспокойства. Только доктор, Николай Ильич, что-то бормотал. Когда на траверзе показался наш наблюдательный пост с поднятыми световыми сигналами о штормовом предупреждении, моторист Зычкин из какой-то ветоши изготовил два факела и стал ими размахивать. Доктор спросил:

- Зычкин, что ты пишешь?

- Прошу разрешения войти в порт, – сострил моторист.

Доктор начал браниться и обещал его наказать.

Носки и носовые платки закончились. Положившись на волю волн, дрейфуем по лиману в сторону развилки фарватера Николаев – Херсон. Вдруг показались бортовые огни судна, идущего прямо на нас. Мы включили свои тускло светящиеся от разряженного аккумулятора бортовые отличительные и начали кричать. Судно в нескольких метрах от нас резко отвернуло и застопорило машины. Это был сейнер из Очакова. Узнав, в чём дело, нам подали конец троса и отбуксировали в торговый порт. Светало. Я увидел, что два наших катера идут в сторону Кинбурнской косы. Разыскал на причале телефон и позвонил на пост НиС, чтобы катера возвращались. Потом позвонил А.Н.Васьковскому. Подошли к дому. Нас встретила жена и Александр Николаевич. У нас почти по ведру улова.

- Ну, что, нарыбачились? – засмеялся Комдив.
Мы только виновато улыбались.

Командира Отдельного дивизиона ТКА кап 2 ранга Хандога перевели по службе в Севастополь. На должность командира 302 Отдельного Новороссийского Краснознамённого дивизиона ТКА и Начальника гарнизона города Очаков прибыл Герой Советского Союза, кап. 2 ранга Першин Борис Максимович.

Фото 64 Герой Советского Союза Б.М.Першин.

При знакомстве с воинскими частями гарнизона он посетил и наш 308 дивизион охраны водного района. В одном из помещений штаба я занимался оборудованием класса. Першин зашёл, и я подал команду: «Внимание!» Осмотрев кабинет, он вышел и выразил командиру неудовольствие по поводу того, что я не представился.

В конце лета 1955 г. мне приказали убыть в г. Рыбинск в состав Государственной комиссии по приёмке кораблей для ВМФ, строившихся на заводе. Это были последняя серия тральщиков-стотонников и пожарно-дезактивизационные корабли ПДК. Председателем комиссии был кап. 2 ранга Кабашников. Кроме меня, в комиссии был командир тральщика Одесской ВМБ. Нам при Заводоуправлении выделили отдельную комнату.

Приёмку производили сначала у стенки завода, а потом на заводских и гарантийных испытаниях. При приёмке у стенки присутствовали военпреды, контролировавшие процесс постройки. На заводские испытания выходили в Рыбинское водохранилище и Волгу. При необходимости гарантийные испытания проводили вниз по Волге, чтобы не заходить в шлюзы Рыбинской ГЭС.

При испытании системы пенотушения ПДК Волга покрывалась на большой площади слоем пены. Это смущало некоторых капитанов проходящих судов.

Как-то на встречу ПДК шёл пассажирский теплоход. На его верхней палубе загорали туристы. Один из них помахал в нашу сторону руками и показал на свой голый живот. Капитан сдаточной команды повернул ствол водяной пушки, и струя воды смыла туриста со скамьи. Кап 2 ранга Кабашников отругал капитана.

Когда был перерыв в приемке очередного корабля, Председатель комиссии предлагал ехать с ним в Москву, где он служил, и где проживала его семья. Для возвращения он назначал время встречи на Савёловском вокзале. Эти дни я гостил у мамы.

Принимали последний тральщик. Штаб ВМФ торопил. Ожидались ранние заморозки на канале Волга – Дон. Необходимо было ускорить проводку корабля в Чёрное море.

Вышли на заводские испытания. Командир тральщика, какой-то недотёпа, ст. лейтенант Юхвид. В шлюзе он навалился кораблём на плавмагазин. Погнуты пиллерсы. Ночью идём по Волге средним ходом под тремя дизелями. Я

проверил работу двигателей, валопроводов, дейдвудов. Всё нормально. Прилёг в каюте на нижней койке отдохнуть. Было около трёх часов. Вдруг – мощный удар. Отдыхавший на верхней койке представитель завода навигационных приборов как блин со сковородки слетел с койки на стол. Послышался и стон, и смех. Выбежал я на палубу. Слева стоял огромный сухогруз серии «река – море», уткнувшись носом в берег. У него вмятина на привальном бруссе. Носовая часть корпуса нашего тральщика была загнута так, что флагшток лежал на палубе.

Оказалось, что Юхвид при расхождении дал отмашку фонарём с левого борта, а потом, чего-то испугавшись, перебежал на правый борт. Расхождение не получилось.

После командирской разборки срочно возвращаемся на завод. Корабль подняли на слип, отрезали нос, наварили новый, исправили пиллерсы. Мы решили проводить только гарантийные испытания. После испытаний подписали Акт приёмки, попрощались с заводскими и уехали домой.

Потом мне рассказали, что корабль ледостав успел пройти, но при буксировке его в Одессу во время шторма случилась ещё одна беда. Закреплённым на тумбе пулемёта буксирным тросом сорвало пулемёт. Несчастливым оказался этот тральщик. Очевидно, по вине его командира.

Дома меня встретили с упрёками, не очень радостно. Оказалось, что моя Капитолина только что выписалась из Николаевской областной больницы, где она лежала с миокардитом. Хозяйством руководила тёща. Конечно, семейный быт быстро наладился.

Будучи в Одессе с катерами, кап 3 ранга Васьковский и капитан-лейтенант Болотников уговаривали меня пойти к Начальнику политотдела Бригады с вопросом о приёме в КПСС. Ведь истекал срок моего возрастного пребывания в комсомоле. Я попросил их самим сходить с этим вопросом в Политотдел. Сначала зашли они, а я остался в коридоре. Когда они вышли из кабинета, предложили зайти и мне. В большом кабинете за столом сидели Начальник политотдела

кап 2 ранга Онуфриев и его заместитель, кап 3 ранга Свинарёв.

- Ну, что там у Вас с отцом?

- Репрессирован в 1937 г. Осуждён тройкой по 58 статье на 10 лет ИТЛ (Исправительно-трудовых лагерей).

Переглянувшись с начальником, помощник сказал:

- Нет. Мы Вас в партию принять не можем.

Я вышел из кабинета и на вопросы командира и замполита ответил, что, очевидно, не нужно было лишней раз меня морально травмировать.

Через пару месяцев я встретил Секретаря парткомиссии кап 3-го ранга М.Горшкова.

- Я навёл справки. Можете собирать рекомендации и вступать кандидатом в партию.

Этот политработник чем-то напоминал настоящих комиссаров. Не зря на очередной Партконференции при выборах мы заставили президиум внести его кандидатуру в списки для голосования. Большинство голосов было подано за кап 3 ранга М.Горшкова, не смотря на то, что политическое начальство грубо пыталось навязать своего политработника.

В конце октября 1955 г. на Черноморском флоте произошла тяжёлая трагедия. Подорвался, перевернулся и затонул «Новороссийск» – бывший итальянский трофейный линкор. Погибло более 600 человек. Причина подрыва не была установлена. Правительственная комиссия, в которую от ВМФ входил адмирал С.Г.Горшков (командовал Черноморским флотом с 1951 по 1955 гг.), остановилась на версии подрыва линкора на немецкой магнитной mine. Со времён войны прошло более 10 лет. Район стоянки линкора многократно тралили. Там часто стояли и другие корабли.

Членом Госкомиссии был и балтийский подводник, Герой Советского Союза, капитан 1 ранга И.В.Травкин. В Акте по расследованию причин гибели линкора кап 1 ранга И.В.Травкин, как он мне рассказывал, записал Особое мнение, определив взрыв как диверсию со стороны

итальянских патриотов – боевых подводных пловцов барона Боргезе. Это же мнение было и у Н.Г.Кузнецова.

На кап 1 ранга И.В.Травкина дважды подавали представление к званию «контр-адмирал». Главком ВМФ, Адмирал флота С.Г.Горшков, их отклонил. Основной удар за трагедию был нанесён бывшему Главкому ВМФ Н.Г.Кузнецову. С ним за былую строптивость рассчитались и Хрущёв, и Жуков.

Как всегда в таких случаях, «клюнул жареный петух». Меня срочно вызвали в штаб Одесской ВМБ для инструктажа по обследованию всех кораблей и плавсредств Очаковского гарнизона на предмет их технического состояния и надёжности корпусов. Поехал в Одессу на УАЗике. Возвращался 31 декабря. Тяжелейший туман. На выезде из города в сторону Николаева стояла длинная вереница автомобилей. Решил рискнуть. Заехали мы в голову колонны. Включили прожектор. Я, нагнувшись через дверку машины, по едва видимому краю обочины корректировал шофёру маршрут. Шли малой скоростью. Уперев лучи фар в корму нашего УАЗика, за нами пошла первая, а за ней и остальные машины. В районе села Нечаянное, где-то на полпути до Николаева, мы свернули вправо, на дорогу в Очаков. Колонна остановилась. Мы ехали, определяясь с помощью прожектора по столбам электропередачи. Вдруг столбы исчезли. Мы оказались на просёлочной дороге. Ехали довольно долго и вдруг увидели в тумане какие-то постройки. Подъехали, начали сигналить. Подошёл старик и объяснил, что постройки – это овечьи кошары, а на дорогу в село Каменка нужно вернуться верст на пять. Туман начал рассеиваться. Добрались до Каменки, а там по знакомой дороге 25 км до Очакова.

Домой прибыл около 23 часов. Капуля в обиде, но скоро успокоилась. Быстренько собрались к друзьям-катерникам на Новогоднее застолье.

После Новогодних праздников мне позвонил Флагманский инж-механик штаба Одесской ВМБ инж-кап 1

ранга И.И.Крылов и сообщил, что я назначен инж-механиком 302 Отдельного дивизиона ТКА. Я пошёл в штаб дивизиона и доложил командиру Б.М.Першину о разговоре с флагмехом. Першин сказал, что ничего не знает, приказа не получал. Через несколько дней приходит приказ. Снова захожу, представляюсь. Он сухо:

- Знакомьтесь с офицерами и личным составом, изучайте катера. Ваш кабинет свободен. Мне сказали, что он добивался назначения на эту должность кого-то из своих бывших сослуживцев.

Передав дела новому инж-механику 5 Отдельного звена КТЩ, я рассчитался с дивизионом Охраны водного района. Прибывший на моё место офицер оказался «парнем не промах». Прежде, чем прибыть в Очаков, он в Одесском техотделе получил ведомость числившегося за мной имущества. При передаче в наличии оказались «излишки». Потом «излишки» быстро исчезли, особенно пиломатериалы, кабели, трубы. Я вспомнил, что у меня дома находилась электродрель. Он сказал:

- Возьми её себе на память!

Я дал эту дрель на катер мичману Оглоблину. Матрос включил её в сеть 220В, а она была с трансформатором на 24В. Была дрель! Память осталась.

Приняв дела от уходящего в запас кап 3 ранга Куповых, я осмотрел катера, познакомился со старшинами команд мотористов, с личным составом. С офицерами был давно знаком по кают-компаниям, по Дому офицеров.

Весенняя проверка готовности катеров. Принимаем задачи К-1 и К-2, определяющие вступление катеров в кампанию. Объявлена учебно-боевая тревога. Катера из эллинга спустили на воду. Заправили топливом, маслом, водой, приняли боезапас, торпеды. После прогрева двигателей и проворачивания валов один из командиров доложил вечером, что на катере «бьёт» гребной вал. Меня вызвал командир дивизиона и приказал разобраться в причине, а к утру неисправность устранить и доложить.

Принял решение катер со всеми запасами поднять и установить на кильблоках в эллинге, что инструкцией не рекомендовалось. Осмотром валолинии установил, что в кормовом кронштейне резина подшипника разбита. Из механиков катеров организовал группу для ремонта. Демонтировали валопровод (он более 10 метров), выпрессовали втулку подшипника, установили новый подшипник и собрали валопровод. Катер спустили на воду. Опробовали работу валопровода.

Пошёл искать Комдива. Он отдыхал в караульном помещении. Разбудил и доложил об устранении неисправности. Першин посмотрел на часы. Было около двух.

- Хорошо, идите отдыхать.

Я поблагодарил личный состав ремонтной группы и пошёл вздремнуть.

Дивизион был укомплектован катерами военного времени типа Г-5 и поступавшими от завода новыми «Комсомольцами» серии 123-К. Это катера прибрежного действия с дюралюминиевыми клёпаными корпусами, реданные. Редан – это ступенька в днище корпуса, обеспечивающая на определённой скорости хода глиссирование, т.е. скольжение по поверхности воды, что резко уменьшает сопротивление движению и позволяет развить скорость до 90 и более км/час. Катера имели на вооружении по две 450-мм торпеды и пулемёт.

Катера Г-5 строились с 1930-х гг. Большое участие в их создании принадлежало А.Н.Туполеву. Двигатели на катерах Г-5 конструкции А.Микулина были бензиновые, типа ГАМ-34 БФ, а на катерах военного времени – фирмы «Паккард». Работали они на авиабензине Б-95 с добавлением жидкости с тетраэтилсвинцом, чтобы довести октановое число до 130. Конечно, при попадании пули в топливный бак катер вспыхивал как свеча.

Личный состав не был проинформирован о вреде этилированного бензина. Мыли в нём руки, стирали комбинезоны. Тетраэтилсвинец аккумулировался в

организме, вызывая различные заболевания, в том числе импотенцию.

Фото 65 Малый торпедный катер «Комсомолец»

На катерах «Комсомолец» устанавливались отечественные двигатели М-50 и М-50Ф, мощностью 1000 и 1200 л.с. соответственно. Они работали на дизельном топливе, были значительно пожаробезопаснее и экономичнее.

Дизели для боевых катеров были созданы перед началом Отечественной войны, но из-за отсутствия реверсивных муфт не были внедрены на катерах. Чертежи реверсивной муфты были разработаны, но из-за начала войны в металл не воплотились. Чертежи при эвакуации завода исчезли. После войны работы были продолжены. В лаборатории нашего Училища стояли первые опытные образцы этих двигателей. Их реверсивные муфты дискового типа не отличались высокой надёжностью.

Для запуска двигателей в серийное производство была создана Государственная комиссия во главе с А.Н.Туполевым. Он забраковал конструкцию выхлопных коллекторов, расположенных для уменьшения габаритов под развалами блоков цилиндров. Коллекторы крепились к блокам длинными шпильками. При нагревании шпильки

удлинялись, и не обеспечивалась достаточная плотность соединения. Новые круглые коллекторы крепились непосредственно к головкам блоков цилиндров.

Моторесурс двигателей по мере совершенствования возрос от 50 до 1000 часов. На двигателях появились надёжные реверсивные муфты.

Другим важным преимуществом катеров 123-К было размещение торпед на палубе, в торпедных аппаратах, тогда как на Г-5 торпеды укладывались в корме на специальные кринолины. Поэтому после старта, например, левой торпеды, катер должен был сразу уклониться вправо.

С поступлением в дивизион катеров 123-К разрешили на катера Г-5 назначать командирами опытных мичманов со средним образованием. Для них организовали курсы.

Командиром одного из таких катеров был мичман Лобуренко, ранее служивший командиром катера-тральщика. Во время торпедных стрельб, после залпа левой торпеды, он отвернул влево. Торпеда встретилась с катером, пробила его обшивку и вошла головной частью в машинное отделение. Я был в это время в порту. Приняли радиограмму: «Приготовить средства для срочного подъёма катера.» Оказалось, чтобы не затопить машинное отделение, когда из корпуса выдернули торпеду, катер дал полный ход и вышел на редан. Нос катера высоко поднялся, и вода внутрь не поступала. Когда катер показался на фарватере, мы поставили матросов к каждой подъёмной тали и к каждому огону подъёмных стропов. Катер «заскочил» в ячейку, огоны набросили на подъёмные пуговицы, подняли катер из воды и установили в эллинге на кильблоках.

Старшина команды мотористов, мичман И.Е.Рыков, поделился впечатлением, как после удара в моторный отсек влезала красная боеголовка торпеды. Из штаба Одесской ВМБ передали, что если до утра авария будет устранена, на Флот о ЧП докладывать не будут. Вечером мы закрашивали наклёпанную заплату диаметром около 600 мм.

По планам занимались нормальной боевой подготовкой. Проводили торпедные и артиллерийские стрельбы, отрабатывали совместное плавание, торпедные атаки. При отсутствии на катерах Г-5 радиолокации, торпедные атаки отрабатывали с использованием дымовой завесы. На некоторых катерах в корме была установлена дымаппаратура. Используя направление ветра, эти катера ставили густую дымзавесу, через которую остальные катера выходили в атаку. Вскоре этот способ атаки был отменён. Долго ещё лежали в порту на специальной площадке чёрные бочки с четырёххлористым углеродом для дымаппаратуры.

На различных числах оборотов двигателей проходили мерную милю для определения скоростей хода.

По предложению мичмана Л.В.Наумова я разработал эскизный проект и руководил изготовлением плавающего щита мишени. Если раньше щит буксировали на полигон вспомогательным катером, то новый щит на борту любого катера доставлялся в район стрельб. Поплавки щита были из пенопласта, а каркас и стойки для полотнища – из дюралевых уголков.

Сидел однажды я над «Журналом боевой подготовки». Заполнял его многочисленные страницы. Вдруг в кабинет зашёл Командир дивизиона.

- Механик! Идём со мной!

Собрал бумаги, журнал БП и спрятал их в сейф. Шли, разговаривали о текущих делах, но он вёл меня не в порт, а в город. Зашли в городской сад, в пустую закусочную. Першин заказал бутылку и закуски.

- Борис Максимович, это в честь чего?

Подняв стакан, он сказал, переходя на «ты»:

- Извини меня, я тебя плохо принял. Ошибся.

Ну, что мне нужно было говорить? Только поблагодарил за оценку моего труда, за доверие.

Вскоре поступило приказание: «Катера Г-5 списать и разделить на металлолом.»

После утверждения Актов на списание началась их разделка. Выгрузка и разборка двигателей были обычным делом. Но разделка корпусов оказалась делом не простым. Пробовали резать бензорезом. Дюраль плавилась и снова застывала в месте резки. Кто-то предложил рубить обшивку топорами. Изготовили топоры с длинными ручками из труб. Разделку поручили команде Береговой базы. Два катера мы оставили себе. Один переоборудовали как УТС (учебно-тренировочная станция) для отработки приёмов борьбы за живучесть. А второй, по предложению Б.М.Першина, двумя тракторами отбуксировали на территорию части и установили на постаменте как памятник героям-катерникам минувшей войны.

При разделке особым успехом пользовались топливные баки. Семейные мичмана разрезали их на две части и мастерски переделывали в подарок жёнам как корыта для стирки.

Некоторые офицеры, даже большие начальники из Одесского штаба, просили и приспособливали эти баки для дачных душевых.

Обратил внимание, что сверхсрочнослужащие, особенно любители рыбалки, ходят и что-то трут между пальцев. Оказалось, они полируют рыболовные блёсны. Сообразили, как из вкладышей подшипников коленчатых валов двигателей «Паккард» извлекать заливку. Изготовили формы и отливали блёсны.

Если со снабжением продовольствием мы особых затруднений не испытывали благодаря Военторгу, рынку и рыбакам, то промтовары и хозяйственные товары поступали в магазины города редко.

Я всегда считал, что мужчина, особенно моей профессии, должен уметь сделать то, что необходимо в доме, а в продаже отсутствует. Конечно, у меня, кроме желания, были и возможности. Дефицит, практически, был только со временем. А его после службы всегда не хватало.

Когда родилась дочь, мы искали для неё кровать. Тщетно. Сделал сам. Использовал детали списанной матросской койки, трубки водоводяных холодильников, коих было в избытке. Получились даже боковые стенки кровати, которые можно было опускать. Когда дочери подросли, кровать подарили молодой семье сослуживца. В доме не было приличного стола. Решил сделать. Ножки, конечно, должны быть фигурными, точёными. Во время изготовления ножек из буковых дров едва не случилась беда. Когда я подвёл резец к патрону станка, из патрона вылетел кулачок и, со свистом пролетев над моей головой, сделал в потолке приличную ямку. Диаметр буковой дровеняки был таким, что кулачки патрона едва заходили в зацепление. Стол получился красивый, овальный. Потом мы случайно купили в магазине немецкий раздвижной, а самоделку подарили кому-то из офицеров.

На техническом складе лежал штабель невесть откуда поступивших трофейных трубок из кварцевого стекла. Придав на газовой плите четырём трубкам нужную форму, я закрепил на одном конце латунные колпаки от артиллерийских снарядов, предварительно их отполировав. В колпаках встроил патроны для лампочек, купил пластмассовые лёгкие плафоны, укрепил их на колпаках и, собрав всё на корпусе подпалубного светильника, получил вполне приличную люстру. Позже подарил её бывшему командиру отряда КаТЩ, к его большой радости.

Ещё до рождения второй дочери стала нужна кровать для старшей. Опыт был. Но для изготовления панцирной сетки пришлось изрядно потрудиться. Из проволок стального троса на станке накрутил пружины. Эти пружины вечерами, после службы, вкручивал одна в другую, пока не получил нужной ширины. На пальцах появились мозоли, но сетка получилась отличной.

С внедрением телевидения начался «антенный» бум. Телецентры уверенного приёма находились в Одессе и Николаеве. Чтобы выбрать нужный телецентр, я установил на

крыше дома поворотную антенну с тросиковым управлением. Мачта антенны – в подшипниках. На чердаке к мачте крепился шкив с возвратной пружиной и дорожкой для тросика. На подоконнике – маленькая лебёдка. При вращении антенны в хорошую погоду на экране иногда появлялись изображения из Симферополя и даже из Италии.

За небольшую плату жене предложили старинный диван с высокой спинкой, зеркалом и полочкой, очевидно, для слоников. Мне оставалось всего лишь сделать новую обвязку пружин и перетяжку новой обшивкой.

Да! Это были 50-е годы в гарнизоне, куда через сутки заходил старенький теплоход, а приличная дорога появилась только в начале 60-х годов. И всё же, у нас появилась из Москвы стиральная машина «ЗВИ», а потом по распределению в больнице жене предложили холодильник «Днепр». Это была украинская копия холодильника «ЗИС». Прослужил он нам почти двадцать лет.

Неожиданно из управления кадров флота через штаб Одесской ВМБ нам на обучение направили группу молодых матросов в составе сорока человек. Их нужно было подготовить мотористами на катера и надводные дизельные корабли. У нас надлежашей учебной базы не было. Срочно создали учебные классы и, по возможности, оборудовали их учебными пособиями. Теоретическую часть программы подготовки проводили в классах. Для практического обучения матросов распределили по катерам под ответственность старшин команд мотористов. Подготовили их вполне удовлетворительно.

Во время обучения произошёл инцидент. На общем комсомольском собрании зачитывали письмо по докладу Хрущёва на XX съезде КПСС «О культуре личности Сталина». Матрос Абрамашвили резко встал с места и крикнул:

- Лоркипанидзе! Нам с тобой здесь делать нечего! И ушёл с собрания.

Было разбирательство. Абрамашвили по медицинским показаниям демобилизовали.

Фото 66 Очаков. Группа подготовки мотористов. В первом ряду: Зам Командира по политчасти кап. 3 ранга руни.И.В.; Герой Советского Союза, Командир Отдельного дивизиона ТКА кап. 2-го ранга Першин Б.М.

Срочно Борис Максимович собрал офицеров в своём кабинете и под знаком секретности объявил, что получен приказ о передаче дивизиона наших катеров «Комсомолец» объекту 250. Что за объект – оставалось тайной. Было строгое указание: катера подготовить самым тщательным образом. Заменить все главные двигатели новыми. Заменить выработавшие значительную часть ресурса механизмы, вооружение, аппаратуру. Полностью, в соответствии с заводскими ведомостями, укомплектовать катера запасными частями и оборудованием.

Как обычно, самая тяжёлая работа предстояла группам мотористов. Им помогали и другие, не обременённые работой, специалисты.

Необходимо было демонтировать все системы, обеспечивающие работу главных и вспомогательных

двигателей, отдать болты креплений к фундаментной раме и к валопроводу. После снятия палубного настила над моторным отсеком выгрузить старые двигатели, погрузить новые, закрепить их на фундаментных рамах, смонтировать все трубопроводы систем, установить и закрепить настил палубы. С окончанием монтажных работ предстояло произвести проверку работы двигателей на холостом ходу и в море на всех скоростных режимах.

Отыскав меня на одном из катеров, старшина команды мотористов мичман Щёткин молча показал тряпочку с песком, смешанным с машинным маслом.

- Что это и откуда? – спрашиваю.

- Запустил главный двигатель. Через несколько минут давление масла начало падать, и двигатель заглох. Обнаружил, что масляные фильтры забиты этим песком.

Лёгкая паника.

- Ты офицера Особого отдела проинформировал?

- Командир ему доложил.

Внимательно рассматриваю песок, и вдруг – «осенило».

- Так это же не песок, а селикагель! Неси формуляр двигателя!

В формуляре никаких записей о консервации с закладкой селикагеля нет. Успокоил особиста и командира. С мичманом Щёткиным осмотрели двигатель, все его агрегаты. Под крышками головок блоков цилиндров обнаружили размочаленные тряпочки от бывших мешочков с селикагелем, которые при запуске двигателей попали под кулачки распределов. Изъяли мешочки из воздухоудовки. В других местах мешочков не обнаружили.

Просмотрел формуляры всех двенадцати двигателей, присланных на замену. Не в одном не было записи о консервации с применением селикагеля. Селикагель оказался только в одном двигателе. Мичману Щёткину дал указание запускать двигатель, а при падении давления масла переходить на другой фильтр и после его засорения фильтры

мыть, снова производить запуски. Многократно повторяли промывку. Доложили, что давление держится. Вышли катером в лиман, дали средний ход, и давление масла начало падать. Снова промывали фильтры после работы двигателя под нагрузкой. Наконец, давление стабилизировалось. Заменяли масло и вышли в море на испытание. Замечаний не было. Вся эта операция продолжалась несколько суток.

Наконец нам сообщили, что объект 250 – это Болгария. Укомплектовали ящики с запасными частями. Для каждого катера изготовили сундуки, в которые были уложены ящики с зипом. Приобретали для болгарских друзей личные и общие сувениры. Борис Максимович во время войны был в Болгарии и знал, что у них ценится. Своему другу – главному докмейстеру Варны, Бай Донче – он приготовил персональные подарки. Для личного состава приобрели радиолу «Аврора». Специалисты штаба и командиры катеров по своему усмотрению заготовили советские сувениры.

По сигналу переходим в Одессу. Старшины мотористов доложили, что двигатели работают нормально. В Одессе катера поочередно выходят на отстрел пулемётов. По возвращении с полигона мичман Щёткин доложил, что на злополучном двигателе греется реверсивная муфта. Вскрыли лючки муфты. Она оказалась заполненной маслом. Масло откачали и подождали, пока муфта охладится. Запустил я свою длинную руку до плеча под барабан синхронизатора, к сетке отлива масла из муфты. Конечно, там опять были тряпочки. Снова вышли в море. Замечаний не было.

В Варну прибыли благополучно, одновременно с другими кораблями. Началась передача запасных частей. Мой основной приёмщик – инж-механик болгарского дивизиона кап-лейтенант Иосиф Мартынов, сын русского эмигранта периода революции и гражданской войны. Он начал скрупулёзно пересчитывать в каждом ящике мелкие детали и всякие прокладки. Его по-русски отругал старший офицер Техотдела и посоветовал ящики принимать поштучно, а

главное внимание обратить на крупные детали: гребные винты, рули, валы и т.п. Передача пошла веселей.

Болгары принимали нас очень тепло, радушно, действительно, по-братски. В свободное время мы познакомились с городом-курортом. Город заметно отличался чистотой улиц. В скверах и парках много беседок, детских развлечений. Прекрасные пляжи Золотых песков. Много кафе, ресторанов, казино.

По предложению болгарских офицеров в одном из казино сняли зал и провели дружеский вечер. Вечер прошёл в непринуждённой обстановке с номерами самодеятельности с нашей и их стороны, очень весело. При возвращении из казино произошёл небольшой инцидент, который, впрочем, закончился благополучно.

Командир катера ст. лейтенант М.Михайлов, сын одного из членов ЦК БКП, в шутивно-дружеской беседе не совсем лицеприятно высказался о флотских политработниках. Это услышал наш замполит, кап 3 ранга И.Грунин, и возмутился. Михайлов сказал, что он не имел в виду всех политработников, и тем более его, Грунина, и извинился. Но Грунин «завёлся», будучи под парами.

- Я не посмотрю, что Ваш отец Второй секретарь ЦК, я это так не оставлю!

Михайлов ещё раз извинился, но Грунин не унимался. Тогда Михайлов повернулся и покинул компанию, хотя друзья его удерживали.

Мы переправились через канал в военный порт, пришли в санчасть, где нас разместили с Борисом Максимовичем, и начали порицать Грунина. Он ушёл в свою комнату. Остался неприятный осадок.

Утром я заглянул в окно и увидел сидящих на скамейке рядом Грунина и Михайлова. Они дружески беседовали. Я позвал Бориса Максимовича. Он посмотрел в окно и сказал:

- Вот и хорошо, что оба поняли.

Приглашали нас обедать в матросскую столовую. Питание в столовой хорошее. Но удивило обилие молочных блюд. Даже щи были хорошо заправлены молоком.

Однажды на нашу стоянку прибежал озабоченный командир звена ст. лейтенант Недоступов:

- Приказано показать катер Министру Обороны НРБ с выходом в море. Министр подходил к нам. Недоступов, потеряв голос, попросил меня подать команду «Смирно!». Я не отличался командным голосом, но что-то прокричал под шум работающих двигателей.

Министру поставили табурет-разножку и, когда вышли из порта, дали приличный ход. У министра с порывом ветра фуражка «прыгнула» в кильватерную струю. Пробежали немного на полной скорости. Министр остался доволен, поблагодарил.

Через пару дней нас пригласили на дачу Министра Обороны, генерала армии Панчевского, расположенную в пригороде Евсиноград. Говорили, что Евсиноград был резиденцией царя Бориса, но дача была довольно скромной.

Гости разместились за Т-образным столом. С одной стороны – руководство: Министр – генерал армии Панчевский, Командующий Черноморским флотом адмирал Чурсин, Командующий флотом НРБ контр-адмирал Орманов, Командир Одесской ВМБ контр-адмирал Домнин, наш Командир Першин и другие. За другой частью стола были штабные специалисты нашего дивизиона, а также болгарские командиры торпедных катеров.

Почему-то начали с коньяка, перешли на ракию, а потом на очень приличное Евсиноградское сухое. После первых тостов члены руководства выступали. Помню, как прекрасным баритоном, очень артистично, контр-адмирал Орманов прочитал стихи Маяковского «О советском паспорте». Затем, очевидно со своими стихами, выступил контр-адмирал Домнин. Это был, мягко говоря, не совсем приличный опус этакого «Жоржика-маримана». Мне было стыдно слушать.

Вечер закончился весело, шумно. Болгарским лейтенантам прекратили подавать Евсиноградское. Автобусами нас отвезли в город. По пути дружно пели советские песни.

Передача и у нас, и на других кораблях заканчивалась. Инж-механик Мартынов попросил меня показать, как заводить главный и вспомогательный двигатели, как управлять ими, и он практически проделал операции под моим контролем. Я подарил ему две коробки самолётных электролампочек, которые используются на катерах и несколько бортпайков. Он мне преподнёс бутылочку коньяка и ликёра. За выданные нам лёвы я приобрёл для дочери белую шубку с шапкой и варежками, а жене – прекрасные перчатки со смушкой.

Последний этап. Торжественная передача катеров. Нас построили на пирсе напротив катерной стоянки. Были выступления командиров, замполитов. Мне вдруг постучали по плечу. Я обернулся и увидел, как болгарский офицер отчаянно показывает рукой присесть в строю. Я присел, а он протянул мне «на посошок» рюмку коньяка. Потом спускали наши кормовые военно-морские флаги и поднимали болгарские. Казалось бы: ну что тут особенного? Но в носу как-то защемило, будто навсегда прощался с кем-то родным.

После передачи катеров флоту НРБ нам приказали принять дивизион однотипных катеров от Потийской ВМБ. В Поти мы шли на теплоходе «Грузия». Переход был и приятным, и полезным. Приятным потому, что это был настоящий отдых туриста. Полезным потому, что в каждом порту, где мы останавливались, Борис Максимович приглашал прогуляться по памятным ему местам, связанным с минувшей войной.

Севастополь. В боях по освобождению города участвовал Борис Максимович.

Ялта. Здесь много осевших боевых друзей. Время стоянки ограничено. Успели посетить только двоих.

Новороссийск. Наш Отдельный дивизион, кроме Краснознамённого, ещё и Новороссийский. Встречи с боевыми товарищами. Воспоминания, как катера «перепрыгивая через проём в волноломе, выбитый торпедным залпом, ворвались в порт. Команды катеров бросились врукопашную. Бывший командир одного из катеров, а впоследствии капитан катера на подводных крыльях «Беревестник», ходившего между Одессой и Херсоном, показывал мне свою руку без большого пальца. Прыгнув в блиндаж, он оказался прямо на немце. Завязалась борьба, в пылу которой немец откусил ему палец. Тогда этот здоровяк кулаком другой руки так немцу «врезал» по голове, что тот обмяк и свалился замертво.

Сочи. Обещали длительную стоянку. Только мы сошли с пирса – бежит навстречу упитанный мужчина и кричит:

- Барыс Максимович! Дарагой! Здравствуй! - и бросился в объятия. Пошли прогуляться по городу. Воспоминания, воспоминания. Это был Аракелян, боцман с торпедного катера военного времени. В Сочи он руководил группой прогулочных катеров. Остановились у пивного ларька. По кавказскому гостеприимству угостил нас ершом из хорошего Армянского коньяка с добавлением Армянского вина и под лимончик. Смесь оказалась весьма приятной. Попытка повторить в корабельном баре не удалась.

Прибыли в Поти. На машинах нас отвезли к месту дислокации катеров в устье горной реки Хобби возле селения Кулеви. Меня удивили условия дислокации. Катера стояли в пресной воде, но требуемые сроки осмотра подводной части не выдерживались из-за примитивных средств подъёма катеров из воды. Слабые ремонтные и торпедные мастерские, небольшие аккумуляторная, компрессорная станции, аварийная электростанция. Постоянная тяжёлая влажность воздуха при довольно высокой температуре. Вечерами я ощущал, что дышу чем-то осязаемым, какими-то густыми струйками воздуха.

На территории находилась оставленная геологами скважина. Из неё по трубам подавалась на технические нужды горячая сероводородная вода. Приняв, по незнанию, душ с такой водой, я почувствовал отчаянное сердцебиение. Мне объяснили, что такую воду нужно сильно разбавлять водой из реки. Над скважиной находилось устройство для отбора газа, который направлялся по трубам в печи камбуза и на отопление.

Катера приняли «оптом», без детальной проверки комплектации и с характеристиками, данными личным составом.

Переход из Кулеви в Очаков оказался не без приключений. Только вышли из устья реки и проходили вблизи от затопленного в 1942 г. крейсера «Коминтерн», как появилась вибрация кормовой части у многих катеров. Пришлось идти средним ходом прибрежным фарватером. Погода была хорошая. Мы любовались красотами Кавказского побережья. Борис Максимович рассказывал об особенностях каждого Черноморского города, мимо которого мы пробегали. В пыльном Новороссийске заправились. В Феодосии нас задержал шторм. И даже к радости. Посетили Галерею Айвазовского и другие памятные места города.

После выхода из Феодосии, в районе мыса Меганом, на одном из катеров вышел из строя главный двигатель. Скорость ещё снизили. При подходе к Балаклаве поступило приказание пройти значительно мористей. В том районе велись работы по спасению затонувшей подводной лодки 615 проекта. Лодку спасли, но часть личного состава была поражена простудными заболеваниями.

В Севастополе стояли сутки. Катер с аварийным двигателем оставили в ремонт, а сами отправились домой, в Очаков. Где-то в районе мыса Тарханкут получили радио с приказанием возвратиться из-за надвигающегося шторма. Борис Максимович долго рассматривал телеграмму, что-то думал, а потом сказал связисту:

- Передай в штаб Одесской ВМБ, что текст телеграммы не разборчив, пусть продублируют.

Прошло время, радиограмму подтвердили. Подумав, Комдив приказал передать в штаб радиограмму о том, что мы уже заходим в Днепро-Бугский лиман. Действительно, была видна Кинбурнская коса. По прибытии в Очаков у Бориса Максимовича состоялся телефонный разговор с Оперативным дежурным штаба Одесской ВМБ. Повесив трубку, Борис Максимович смачно ругнулся, и мы пошли отдыхать.

Катера подняли и установили в эллинге на кильблоки. Детально разобрались в техническом состоянии корпусов, энергетических установок, вооружения, систем, устройств и оборудования. Составили ремонтные ведомости, произвели по ним ремонт и полную окраску корпусов. Заменяли двигатели, выработавшие моторесурс, гребные валы с трещинами, подшипники валопроводов. После приведения катеров в нормальное состояние начали интенсивную боевую подготовку.

Удивительным человеком был Борис Максимович. Прирождённый катерник, внешне всегда спокойный, рассудительный, твёрдый в выполнении принятых решений. При необходимости советовался со специалистами. Нерадивых наказывал, иногда грубовато, а отличившихся поощрял в меру предоставленных прав, а иногда и превышая их.

Проводилась подготовка молодых командиров катеров. Торпедная атака. Комдив рядом с командиром катера – лейтенантом Дамочкиным. Катер идёт полным ходом. Вышли в точку залпа. «Рцы долой! Правая – пли!» а торпеда не вышла из аппарата. («Рцы» - сигнальный флаг «Р»), поднимался на мачте при выходе в атаку).

- Сила есть – ума не надо, – сказал Комдив.

Командир катера от волнения не перевёл на приборе стрельбы указатель борта и изо всех сил надавил на рычаг залпа. Атаку повторили.

Свежая погода. Ночь. Кромешная тьма. Я сидел за управлением двигателями, а рядом, у авторулевого, командир катера и Комдив. Он командует:

- Торпедная атака!

Оглядываюсь. Где цель? Где другие катера? Ничего не понимаю.

- Левый аппарат – товсь! Левая – пли! Вздогнул корпус, резкий поворот – и в миле от нас загорелись ходовые отличительные огни цели – сторожевого корабля. Радист докладывает:

- Получено радио. Торпеда прошла под килём.

Фото 67 1956 г. Малый ТКА проекта 123-К «Комсомолец» в атаке.

Для ночных атак в торпедe вмонтирован светильник, по которому определялась её траектория движения.

Командиру катера Б.М.Першин молча пожимает руку. Не надо слов.

Дневная торпедная атака звеном катеров. На нашем головном катере торпеда выходит из аппарата, но, по каким-то причинам, хвостовой частью бьёт по краю палубы и круто уходит в воду. Тут же бросаем сигнальный буёк для фиксации места. Возвращение в базу без торпеды – чрезвычайное происшествие. Вызвали из Одессы водолазов. Они не спешат. Наши катера болтаются в дрейфе. Мы питаемся бортпайками. Это сладкая сухомятка.

Наконец, прибыл водолазный бот. Старшине бота показали сигнальный буёк, и водолазы приступили к поиску торпеды. Долго искали. У Комдива кончилось терпение, и мы с ним идём на водолазный бот. Через некоторое время на борт поднимается водолаз и докладывает, что торпеду не нашёл. Вдруг Борис Максимович на боцманском жаргоне обрушивается на водолаза. Мне показалось это странным. За что? Оказалось, что у водолаза задница костюма в торпедной смазке. Он спускался, сидел на торпеду и, очевидно, давно сидел, чтобы шло оплачиваемое время нахождения под водой. Старшина бота извинился, просил об этом не сообщать. Торпеду тотчас подняли и передали на наш катер-торпедолов.

Вдоль стены механической мастерской стояла шеренга деревянных серых ящиков с двигателями М-50, выработавшими моторесурс. Их надо ремонтировать. Мастерская в Балаклаве не отличалась качеством работ, а доставлять туда и обратно двигатели нужно было специальным транспортом.

Как-то в беседе Б.М.Першин спросил:

- Не сможем ли мы сами отремонтировать двигатели? Специалисты у нас есть классные.

Я возразил:

- Специалисты наши – не ремонтники, но, главное, нужно иметь испытательную станцию, чтобы после ремонта грузить на катер не кот в мешке, а проверенный на всех режимах двигатель.

Мы получили телеграмму, что после вторичного инсульта в Калининне скончался отец Капы. Я пошёл оформлять отпускные. Борис Максимович выразил соболезнование, а потом сказал:

- Вот мне прислали семейную путёвку в санаторий. Возьмите её и отдыхайте после похорон с Капитолиной Васильевной.

Мы улетели на похороны, по пути оставив дочь у моей мамы в Кузьминках.

Похороны были многолюдными. Василий Михайлович, как мастер литейного цеха, был среди рабочих уважаемым человеком. Пронесли его на руках через весь двор комбината. На поминках его товарищи мне говорили, как он не раз рассказывал о рыбалке в Очакове.

Тёща пошла получать деньги по страховому полису. Отказали. Заявили, что он не имел права быть застрахованным, т.к. болел гипертонией. Чиновники из Госстраха и мне пытались объяснить что-то. Но ведь не он просил его застраховать, а агент его уговорил. Бесполезно!

- Неоновые рекламы развесили, а народ обманываете! – бросил я им на прощание. Нужно было ехать в санаторий.

Санаторий Марфино недалеко от Москвы по Савёловской железной дороге. Это бывшее имение знаменитой своей жестокостью помещицы Салтычихи. После войны, в начале 50-х годов, это была база футбольной команды ВВС, опекуном которой являлся Командующий ВВС Московского ВО генерал Василий Сталин. Об этом напоминал мостик с ограждением, декорированный эмблемами ВВС. Мостик был проложен на остров пруда. Он разительно диссонировал с сооружениями в старинном стиле с грифонами и т.п. На этом острове отдыхали футболисты, друзья и сам Василий.

В санатории за небольшую плату нам выделили отдельную палату. Мы познакомились с интересными людьми. Замечательным человеком был полковник медицинской службы из Военно-медицинской академии

Ленинграда – Н.Ермаков. Он сначала сидел в столовой за нашим столом, а потом, извинившись, перешёл в другой зал. Сказал, что его заставляют сидеть в элитном месте. С ним мы проводили много времени. Отличный собеседник, остряк. Он подарил нам несколько авторских линогравюр «Вечернее кружево» с изображением решёток Летнего сада. Потом прислал мне в Очаков литературу по гальванотехнике, которую я собирался внедрить в механической мастерской.

Интересный рассказ услышали от полковника Смоленского областного военкома: как он руководил эксгумацией и отправкой во Францию останков погибших лётчиков эскадрильи «Нормандия Неман».

На свою судьбу сетовал мой коллега старшего выпуска. В семье – никакого уюта и порядка. Питался полуфабрикатами или всухомятку. Жена решила стать известной пианисткой. В доме с утра до позднего вечера звенит рояль. Решил разводиться.

Отдохнули мы хорошо. Я по прибытии ещё раз поблагодарил Бориса Максимовича. А он решил меня «завести»:

- Мы тут без тебя, по инициативе мичмана Белокопя, отремонтировали один двигатель. Можешь посмотреть.

Двигатель уже был смонтирован на катере. Я приказал установить пьезометр. Это U-образная стеклянная трубка, наполовину заполненная водой. Один её конец резиновой трубкой соединяется с внутренней полостью картера двигателя. По разности уровня воды в трубке можно судить о разности давления внутри картера и в моторном отсеке. Были допустимые нормы.

Вышли в море. С повышением скорости хода давление в картере стало неуклонно расти. При переходе на полную мощность воду из трубки просто выдуло. Послышался стук.

Возвратились на одном двигателе. Когда отремонтированный двигатель разобрали, обнаружили, что несколько поршней из алюминиевого сплава с боков имеют отверстия, как будто выплавленные автогеном. В отверстиях

чернели, как рёбра, поршневые кольца. При осмотре поршней я установил, что метки на кольцах «ТОР» (верх) оказались внизу, и не был соблюден разнос стыков колец.

- Ну, что там у вас случилось при испытаниях? – спросил Борис Максимович.

Я показал ему один из злополучных поршней и объяснил причину. Он молча отвернулся. При очередном обсуждении вопроса о ремонте двигателей Борис Максимович спросил:

- Так что же ты предлагаешь делать с дизелями?

- Конечно, – признался я, – у нас механическая мастерская просторная. В ней можно создать цех по ремонту двигателей и даже построить испытательную станцию.

- Так в чём же дело?

- Это очень большая трудоёмкая работа. Кроме этого, необходимо специальное оборудование, строительные и технические материалы. Необходимо подобрать заинтересованных специалистов и, наконец, нужен проект, время.

- Помощь, какая только в моих возможностях, я обеспечу. Людей подберём. А с проектом сам справишься?

- Постараюсь.

- Тогда – в добрый путь! Заказывай оборудование, материалы, подбирай в бригаду людей и садись за проект. Меня постоянно информируй о возникающих трудностях.

Больше половины первого этажа мастерской я спланировал для создания участков: разборки двигателей и промывки деталей, дефектации, ремонта топливной аппаратуры, ремонта реверсивных муфт, электрооборудования, участка для сборки. Силами КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть) планировалось установить перегородки помещений, выполнить стяжку и железнение пола. Помещение для испытательной станции определил в бывшей кузнице.

В состав бригады подобрал 5 матросов-мотористов с хорошей подготовкой, трудолюбивых, дисциплинированных.

Подбирал исключительно на добровольных началах. А желающих оказалось много.

С оборудованием и материалами номенклатуры Технического отдела особых осложнений не было. Со строительными материалами в те, 50-е годы, в условиях Очакова постоянно возникали трудности.

Довольно быстро из Техупра флота прислали гидротормоз для замера крутящего момента, фундаментную раму, бак постоянного уровня воды и другое оборудование. Техотдел Одесской ВМБ обеспечил расходными материалами, инструментом.

Приступили к работам, и сразу возникли трудности. Для изолированного фундамента под раму и гидротормоз начали рыть котлован. Сразу выступили грунтовые воды. С большим трудом, работая в гидрокомбинезонах, забетонировали подошву и стены котлована. Для самого фундамента не могли получить щебень. Пробовали его добывать своими силами. Камни из старого волнолома дробили кувалдами матросы, отбывавшие срок наказания на гауптвахте. Тяжёлая и малопродуктивная работа. За городом матрос из бригады обнаружил в районе заброшенной Морской батареи отсыпку дорожек из добротного щебня. Собрали, привезли несколько машин и промыли. Проблема была решена.

Для газовыпускной системы нужна была труба. Матросы где-то (мне не сказали) отыскали «лишнюю» шестиметровую трубу диаметром 250 мм и прибуксировали её автомобилем. С фундаментом она оказалась выше второго, последнего этажа мастерской. Находились и другие неожиданные решения.

Каким трудолюбием, любознательностью, инициативой и дисциплинированностью отличались матросы бригады и назначенный на завершающем этапе работ бригадиром мичман В.Ожога!

Вспоминаю зимний ветреный холодный день. Воскресенье. Звонок в квартиру. Открываю дверь. Матрос из

бригады, Корниенко, громко, очевидно, чтобы слышала жена, докладывает:

- Товарищ капитан-лейтенант! Вас вызывают в часть!

- Что случилось?

Он, почти шёпотом:

- Бригада хочет пойти работать! Без Вас не можем.

- Да что вы! Сегодня воскресенье, да ещё погода такая! Отдохните, сходите в кино, почитайте!

- Нет, ребята из бригады хотят работать. Вас просят рассказать и показать, что нужно делать.

- Хорошо. Ждите, сейчас оденусь.

Фото 68 Моя жена Капитолина Васильевна.

Жена, конечно, в обиде. Пообещал, что долго не задержусь. Она, бедная, вроде привыкла к моим обещаниям, к

моей увлечённости работой и службой. Тяжело было ей, участковому терапевту, совмещать свою работу с заботами по дому при отсутствии помощи. Но, если, как говорят, «взялся за гуж – не говори, что не дюж». Не раз приходилось домой возвращаться в 22 часа, особенно летом.

Однажды прихожу уже в сумерки. Жена встречает с мокрыми глазами.

- Что случилось?

- Сегодня 20-е июля, ведь у меня – день рождения.

- Прости, дорогая, пожалуйста. Замотался.

Бегу в дежурную аптеку, покупаю набор «Рижской сирени». Конфликт понемногу уладился. Коробка от духов до сих пор хранится, как напоминание.

Работы завершили накануне майских праздников.

Ещё нужно было опробовать систему подачи забортной воды от построенной на стенке причала насосной станции в расходную ёмкость цеха. Помню, как трудно было решить проблему изготовления и установки водозаборного невозвратного клапана. У стенки мелкая вода. А если шторм? А если зимой замёрзнет и будут подвижки льда? После раздумий проблему решил.

Накануне Первомая было воскресенье. Матросы бригады – ко мне с просьбой: испытать станцию и закончить дело. Нужно завезти топливо и смазочное масло, а кладовщик ГСМ в карауле. Пришлось подменить.

Подготовили все системы и запустили двигатель. На приборном пульте, установленном за большим смотровым окном, чётко, в пределах норм, выстроились стрелки контрольно-измерительных приборов. Включили гидротормоз. Варьировали величиной нагрузки, оборотами. Всё шло хорошо. Вдруг обнаружили, что бачок замера расхода масла переполнен. Ошибку в подключении манипуляторного крана быстро исправили.

Заглушили двигатель. Системы привели в исходное положение. Приятно было видеть довольных своим трудом,

улыбающихся членов бригады. Каждого я поблагодарил и поздравил с наступающим праздником.

- Товарищ капитан-лейтенант! Вас просят зайти в инструментальную кладовую.

Захожу. На столе бутылка, стаканы, нарезанные хлеб и колбаса.

- Что это? Откуда взяли деньги?

- Сдали в ларёк вторцветмета обрезки труб, свинцового кабеля, выбракованные детали из цветных металлов.

Мог ли я их упрекнуть? Завершено большое дело флотского масштаба без каких-либо дополнительных затрат.

Посидели за столом. Вспомнили серьёзные и забавные эпизоды, случившиеся во время работы.

Официальным рапортом доложил Командиру дивизиона о завершении работ и просил поощрить всех членов бригады и специалистов мастерских, которые оказывали помощь. Всем матросам, членам бригады, был предоставлен отпуск на 10 суток с выездом на родину. Доложили о проделанной работе в Техническое управление флота с просьбой открыть при мастерской штат бригады по ремонту и испытаниям двигателя М-50. Штат разрешили открыть, но очень «куцый».

Через некоторое время в газете Черноморского флота появился подвальный очерк «Дело рук матросских». Написал его спецкор газеты, капитан-лейтенант Н.Радченко, в лирико-романтическом стиле. Очерк заканчивался так:

«На этом можно было бы поставить точку. К сожалению, на бумагу просится другой конец.

Когда прошли испытания стенда, показав прекрасные результаты, Донюш сел за стол и послал письмо в вышестоящие ведомства. Он сообщал, что воины своими руками построили испытательную станцию, сэкономили государству сотни тысяч рублей. «Прошу Вашего ходатайства перед вышестоящим командованием – писал Донюш – о поощрении состава членов бригады, которые

работали исключительно добросовестно, инициативно, посвящая работе дни отдыха и личного времени, предлагая и внедряя много рационализаторских предложений. Нет, не о себе думал, посылая такую бумагу, этот скромный человек. Он думал о людях, которые вместе с ним трудились над созданием необходимого для дела ремонтного цеха. Офицеру хотелось отметить их труд, усердие и поделиться опытом.

Но его стремление оказалось не понятым. Из ведомства, куда писал Донюш, по сей день ни ответа, ни привета. Что ж, пусть это равнодушие останется на совести людей, долгом которых была забота не только о поощрении моряков, но и о распространении их опыта. Бригада была поощрена Командиром. А испытательный стенд – дело ума инженера и матросских рук – продолжает действовать и приносить огромную пользу дальнейшему укреплению боеготовности.» («Флаг Родины», 20 марта 1960 г.)

При входе в механическую мастерскую, слева, была небольшая комната – вотчина артиллерийского мастера, мичмана Ивана Фёдоровича Бутурлина. Посторонним вход в комнату был строго запрещён. В ней находились: уникальный токарный станок с ножным приводом, как у старинных швейных машин; нагревательная печь для закалки и воронения деталей; верстак с тисками и тисочками; маленькая наковальня; шкаф с множеством самых различных приспособлений и инструментов.

Самобытный был человек Иван Фёдорович! Немного замкнутый, не общительный. Его держали на штате не только как ремонтника пулемётных установок, а как мастера, который мог изготовить, закалить или поворонить стальную деталь любой сложности, сделать утерянную печать, открыть замок сейфа, а потом и ключ к нему изготовить. После расформирования бригады ТКА его штатную должность упразднили. Выслуги лет хватало, и он уволился со службы. На прощание попросил у меня подарить ему музейный токарный станок.

В Очакове появилась нелегальная мастерская металлоремонта. К нему несли всё: от примуса до велосипеда и швейной машины. Через несколько месяцев плодотворного труда им заинтересовался Райфинотдел. Естественно, как кустаря-одиночку обложили таким налогом, что он оказался банкротом.

Встретились мы как-то в городе.

- Ну, как живёшь, Иван Фёдорович? Слышал, ты стал популярным человеком.

- Плохо, товарищ инженер. Налоги задушили.

Он меня почему-то называл не по имени или званию, а по образованию.

- Мабуть, визьмете мене знов в майстерню?

- Приходи, поговорим.

Через неделю он пришёл. Предложил свои услуги в качестве кузнеца. Вакансия была свободной, и его оформили. В помещении кузницы сам сложил печь своей конструкции с шиберами, заслонками для регулирования горения кокса сосредоточенным, средним и широким пламенем. Установили ему небольшой кузнечный молот. Дело наладилось. Когда не было заказов, его в мастерской привлекали к другим работам.

Зашёл я в кузницу посмотреть, как выполняется заказ.

- Товарищ инженер! Ось я читав, що чим длинниш рычаг, тим легше робить. Я зробив довгий рычаг, але не чую, що полегло.

Он показал мне большой гаечный ключ с рычагом в форме трижды изогнутой змеи. Пришлось растолковать, как измеряется длина рычага.

Говорил он на смеси украинского и русского языка. Немудрено. В центре города, на дверях рядом расположенных магазинов были таблички с указанием режима работы. На одной – «магазин працює», а на другой – «крамниця работает». Это считалось нормальным. В городе абсолютное большинство населения говорило по-русски.

На территории части, вблизи штаба, в ограждении был проём бывших ворот, закрытый брусом с колючей проволокой. Это было видно из окна моего кабинета. Не удержался и решил убрать такую «красоту». В свободное время в мастерской объявил конкурс на лучший эскиз ворот под девизом: «Простота и красота». Из трёх поданных проектов с общего согласия утвердил свой. Размеры были определены заранее. С двумя слесарями и электрогазосварщиком начали работать. На верхнюю часть рамных створок заказал Ивану Фёдоровичу отковать пики. Он принес их десятка два с ножками разной длины. Когда заканчивали изготовление ворот, он изрёк:

- Ось, товарищ инженер, як бы у нас була своя така майстерня, Вы бы выдумували, а я бы робыв. Ох, и жили б мы багато!

Не укоренилась в сознании этого мастерового человека социалистическая идеология. Однако, отменную арматуру к фонарям у памятника А.В.Суворову он отковал с усердием.

В доме офицеров меня познакомили с мужем билетной кассирши. Он представился:

- Лёня Срулевич. И сразу обратился с просьбой о трудоустройстве. Я предложил ему зайти к начальнику мастерской, и, если есть подходящая вакансия, пусть примет с испытательным сроком. Предупредил, что у нас нужно хорошо работать.

Неделю через две захожу в мастерскую. У ворот стоит Лёня.

- Ну, что, определился с работой? – спрашиваю.

- Анатолий Андреевич, хотите анекдот? Еврей – кузнец!

Потом он был водолазом, мотористом и ещё кем-то.

Я служил уже в Измаиле, но случайно оказался в Очакове. Иду по улице Лейтенанта Шмидта. Вдруг останавливается машина.

- Кого я вижу! Анатолий Андреевич, здравствуйте!
Что вы тут делаете?

- Ну, а как у тебя дела, как жизнь?

- О! Я дурак, не знал, где надо работать! Теперь я экспедитор. Хотите мешок сухофруктов?

Я его поблагодарил, пожелал успехов, и он так же быстро уехал.

Комдив Б.М.Першин собрал в кабинете офицеров штаба и командиров катеров.

- Нам приказано принять участие в совместных учениях с Болгарским и Румынским военно-морским флотом. Он подробно изложил задачи по подготовке и переходу в Румынский порт Мангалия.

Я собрал старшин команд мотористов, чтобы уточнить, у кого есть какие сомнения в надёжности работы энергетической установки. Детально обсудили перечень наиболее необходимых запасных частей и материалов. По списку получили их со склада. Уложили в два небольших ящика и оставили временно в помещении аккумуляторной.

Очевидно, для проверки готовности Дивизиона к совместным учениям к нам прибыл Командир Одесской ВМБ контр-адмирал Домнин. Он обходил территорию порта, осматривал служебные помещения. Я попросил у Командира разрешения исчезнуть из свиты. Он приказал мне быть у двери испытательной станции дизелей, чтобы пояснить адмиралу назначение и важность построенного нами объекта. Стою у дверей станции. Вижу, как выходит Домнин из аккумуляторной с подпорченным настроением, а вся свита отстала. Подошёл ко мне. Я представился. Он приостановился и говорит:

- Что вы в службе понимаете, кроме своих гаек и форсунок!

Повернулся и пошёл дальше. Было желание крикнуть ему вдогонку: «Сами Вы это слово!»

Прошли с понурым видом сопровождающие офицеры. Потом Борис Максимович, успокаивая меня, сказал:

- Домнин увидел в аккумуляторной те приготовленные ящики с запчастями. Ему объяснили, для чего.

- Им здесь не место!

Значит, было нарушено «одномыслие в заправке коек», как говорил один боцман.

Румыния. Порт Мангалия близ Констанцы. Приём – ну совсем не тот, что был в Болгарии. Разместили нас, офицеров, в одном спортивном зале. В город ходить не рекомендовали. Готовность № 2. Командование согласовывает совместные действия дивизионов катеров, уточняет время. Бездеятельность для остальных офицеров, собранных в «ограниченном пространстве», была тягостной. Рассказывали байки, анекдоты, забавные истории. Молодые лейтенанты шалили. Тем, кто спал днём, устраивали под общий смех «велосипед» - между пальцев ног закладывали небольшую бумажку и поджигали её. Проснувшийся от боли отчаянно крутил ногами, как велосипедист.

Я познакомился с румынским коллегой. Он закончил спецфак нашего Училища. Общения в городе он чурался, чтобы не видели сослуживцы. У себя на квартире сетовал, что его, как обучавшегося в СССР, обходят и должностью, и званием.

Мне доложили, что на одном катере во время перехода появилась трещина в корпусе, в районе крепления кормового кронштейна гребного вала. Необходимо было решить, нужно ли катер направлять в док. Обследовав место, я дал рекомендации по ограничению распространения трещины и приказал старшине команды мотористов постоянно наблюдать за поступлением воды, особенно на ходу катера. Командиру дивизиона доложил, что обойдёмся без докования.

Начало учения задерживалось. Борис Максимович предложил культпоход в порт Констанца. Город ему был знаком со времён войны. Мы прошли по его памятным местам, ознакомились с портом.

Начались учения, кульминацией которых должна быть совместная атака нашим, болгарским и румынским дивизионами торпедных катеров. Условным противником был наш крейсер.

В определённое время и в назначенном месте дивизионы с трёх сторон атаковали крейсер. Нам пришлось проводить атаку с кормовых курсовых углов крейсера. Шли полным ходом. Зрелище красивое. У меня оно ассоциировалось с травлей матёрого хищника тремя сворами гончих.

*Фото 69 Очаков. 1962 год. Катера «Комсомолец» (звено)
перед выходом на учения.*

После завершения и разбора учений сразу направились домой. Меня волновал катер с трещиной корпуса. Я пошёл на нём. Трещина за переход увеличилась немного. Вода в ахтерпик поступала, но её сразу удаляли за борт. Домой дошли благополучно.

Поскольку из-за сложности набора корпуса внутри ставить заплатку было невозможно, решил применить вариант наружной заплаты, хотя это было сопряжено с изменением длины кронштейна гребного вала.

Демонтировали валопровод. Сняли и укоротили на 7 мм стойку кормового кронштейна. Из 5-мм дюралевого листа через парусиновую прокладку, пропитанную белилами, приклепали заплатку. От центра фланца дизеля через дейдвуд и кронштейны протянули струну (более 10 м). Струну отцентровали по дейдвуду и ближнему кронштейну. С помощью прокладки уже по струне отцентровали кормовой кронштейн и закрепили его болтами. В последующие годы по работе этого валопровода замечаний не было. Как-то в откровенной беседе мне рассказали, что командир катера в сложных метеоусловиях выскочил на мель. Очевидно, тогда кронштейном ударились о какой-то предмет. Это привело к нарушению центровки и образованию трещины.

Шли мы как-то с Борисом Максимовичем по территории порта. Я говорю:

- Разрешите, пойду посмотреть, что там у мичмана Гутника. Двое суток возится с вспомогательным двигателем. Несколько раз его перебирал, заменил половину деталей, а он всё греется.

- Он просил тебя помочь?

- Нет, не просил, только приходил с требованиями на запчасти.

- Не ходи. Пусть сам разбирается.

Борис Максимович ушёл в торпедную мастерскую, а я – на катер к Гутнику. Он более двух суток не вылезает из моторного отсека. Осунулся. Я присел возле вспомогательного движка.

- Ну, так что у тебя не получается?

- Не могу понять! Движок весь два раза перебирал, а он всё перегревается при работе. Задумался и я. Потом вдруг обратил внимание на торчащие вверх концы отсоединённых от движка трубок системы охлаждения. В одной из трубок я

увидел что-то внутри. В отсеке темновато. Посветил переноской и обнаружил обломок деревянной пробки, сидевший внутри трубки.

- Иди сюда! Смотри! Вытаскивай обломок, соединяй систему охлаждения и проверь работу. Меня найдёшь и доложишь.

Не прошло и часа, Гутник нашёл меня в мастерской и доложил:

- Всё нормально! Движок работает хорошо. Спасибо.

При возвращении с моря командиры катеров часто «лихачили», т.е. забегали в порт на большой скорости. Это было хорошо видно по «усам», вырывавшимся из-под корпуса в виде белой пены. Лихо залетая в акваторию порта, они у пирса давали задний ход, и, когда катер останавливался, швартовались, командуя: «Глуши моторы!» Я решил начать борьбу с лихачеством. На одном учебном сборе объяснил, как это вредно для двигателей. При больших нагрузках поршни сильно нагреваются. Если двигатель сразу остановить, оставшееся в ручьях поршневых колец масло начинает коксоваться. В результате кольца залегают, газы начинают прорываться в картер, а двигатель теряет мощность, а потом вообще может выйти из строя. Кроме этого, при движении полной скоростью на малых глубинах по гидродинамическим законам возрастает нагрузка на двигатели.

Не все командиры приняли к сведению мои рекомендации заходить в порт от Кинбурнского буя средним, а после острова Первомайский – малым ходом. Пришлось писать проект приказа с наказанием особых лихачей. Командир дивизиона сам любил шикануть ходом, но меня поддержал.

Для проверки работы двигателей после планово-предупредительного ремонта мы иногда ходили по фарватеру Днепро-Бугского лимана в сторону рек. Однажды, для обгона медленно шедшего порожняком громадного ржавого турецкого сухогруза «Селим», пришлось сойти с фарватера. В

прорезиненном соединительном патрубке системы охлаждения появился свищ. Остановились. Устранили неисправность и, снова обогнав «Селим», решили сходить в Херсон. Вошли в Днепр. Идём по протоке. Глубины небольшие, и от катера уходит крутая волна. Вдоль берега плыли лодки, груженные стогами камыша. Волны от катера так их раскачали, что лодочники начали панически кричать. Пришлось сбавить скорость.

Швартуемся в Херсонском порту. Подбегает дежурный с повязкой:

- Кто разрешил заходить в порт и швартоваться?

Командир катера, не моргнув глазом, отвечает:

- Иностранца сопровождаем.

- А-а-а, ну, ладно.

Зашли в буфет. Попили пиво. Снялись со швартов и пошли обратно. Встретили «Селима», входящего в устье Днепра.

В марте 1958 г. у нас родилась вторая дочь – Наташа. В кают-компании поздравления и, конечно, – «Бракодел». Я сказал:

- Так шутить не надо, ведь у К.Маркса было три дочери!

После рождения дочери мне предложили перебраться в очередную, но уже двухкомнатную квартиру. Комнаты проходные и в каждой – круглая отопительная печь. Решил сделать автономное водяное отопление. В кухонную плиту вмонтировал нагреватель, собрал систему с радиаторами в каждой комнате. Трудился по выходным и в вечернее время. Заготовки элементов системы делал в слесарной мастерской городской бани, находившейся вблизи нашего городка. На кухню провёл водопровод. В городке было всего две водоразборных колонки.

Через год мне предоставили тоже двухкомнатную, но большей площади квартиру с прихожей, кладовками, раздельными комнатами и отдельным входом со двора. Эту квартиру, по традиции, занимали раньше механики с

торпедных катеров. Опять же, выбросил отопительные печи и смонтировал систему водяного отопления. Моему примеру последовали некоторые домовладельцы-отставники, работавшие в части. Не у всех получался желаемый эффект. Приходилось консультировать.

В Николаеве, во время ремонта катеров-тральщиков, начальник мастерской подарил мне литой таганок с двумя газовыми горелками. Купил баллон с газом, и в Очакове появилась первая газобаллонная плита. Конечно, сразу нашлись последователи. До появления газозаправочного участка баллоны для заправки возили в Николаев. Некоторые жёны офицеров и сверхсрочников, в целях экономии газа, перед семейным чаепитием опрашивали, кто сколько стаканов чая будет пить.

В квартирах городка все удобства были во дворе. Там же находились сараи с запасом угля и дров для отопления и погреб для хранения продуктов.

В городке был продовольственный магазин военторга рядом со входом в нашу квартиру. Трудности с завозом продуктов создавали очереди. Продукты отпускались только жителям городка и военнослужащим, живущим в городе.

Накануне Первомайских праздников к нам прибыл из Севастополя на должность Начальника штаба капитан 3 ранга Карпов Павел Михайлович. Чувствовалось: человек энергичный, волевой, с командирской жилкой, несколько эксцентричный, влюблённый во флотскую службу.

Наше знакомство оказалось не простым. Праздничный майский день. Как было заведено, после завтрака – общее построение и переход в порт на подъём Военно-морского флага и флагов расцвечивания. Некоторые из мичманов уже, видимо, успели «махнуть по баночке сухонького». В строю возникли разговоры, шутки. Я повернулся и сделал замечание. Вдруг, слышу окрик идущего сзади строя начальника штаба:

- Механик! Что Вы там крутитесь в строю!

Вот те раз! Я хочу помочь ему навести порядок, а он на меня кричит при всём личном составе!

В порту построились вдоль эллинга. Торжественно подняли флаги. Командир дивизиона поздравил с праздником весь личный состав, объявил порядок проведения праздника. К группе офицеров, стоявших в строю, подошёл кап. 3 ранга Карпов и, здороваясь с каждым за руку, поздравлял с праздником. Подошёл ко мне. Я руки не протянул.

- Если Вы будете делать мне подобные замечания при всём личном составе, наша совместная служба не получится.

После этого я протянул ему руку. Чувствовалось, что он был несколько шокирован. Офицеры удивились моей дерзости.

Через некоторое время Комдив спрашивает:

- Что за разговор у вас получился с Начальником штаба?

Я ему рассказал. Через несколько месяцев Павел Михайлович признался, что жаловался Борису Максимовичу на мой выпад. Борис Максимович, якобы, ему сказал:

- Если хочешь, чтобы катера были всегда в строю и безаварийно плавали – дружи с механиком.

Оно так и получилось. Вскоре наши отношения наладились, а потом мы стали друзьями, но я никогда не называл его на «ты». Он это как-то заметил и оценил по-своему. Наши дружеские отношения продолжались до его последних дней. Когда его перевели по службе, мы постоянно обменивались письмами и открытками к праздничным дням. Встречались несколько раз в Севастополе, случайно дважды в Москве в подземном переходе и в Измаиле, куда он заходил со своим кораблём. Письма его и поздравительные открытки храню.

Отец его, как мне рассказывал сам Павел Михайлович, – старый коммунист, был партийно-хозяйственным руководителем в Полтавской и Одесской областях, когда-то работал с Постышевым. Последнее время он был Министром коммунального хозяйства УССР.

Фото 70 Павел Михайлович Карпов. Дарственная надпись на обратной стороне фото: «Сослуживцу и другу в знак глубокого уважения и любви с чувством признательности дарю».

Будучи пенсионером, отец с другом приезжал в Очаков погостить. Запомнился его рассказ за столом, как в те сложные времена проводили чистку партии. Коммуниста вызывали на сцену клуба и задавали ему вопросы, критиковали за огрехи в работе. Потом голосовали: достоин или нет. Сам он едва не лишился членства в партии во время чистки за использование нецензурной лексики. Его друг поведал, как он оказался в числе врагов народа, как ретивые служаки НКВД выбивали признание вины. Некоторых заставляли подняться на «этажерку» – пирамиду из табуреток

– и, при несогласии подписать обвинение, ногой выбивали нижнюю табуретку. Процедуру повторяли несколько раз. Якобы, один из заключённых долго не подписывал обвинение, что он немецкий шпион. Потом признался, что он не немецкий, а английский шпион. Материалы по этому признанию не были сфабрикованы. У следователей произошло замешательство. Дошло до высокого начальника. Он разобрался и отпустил «шпиона».

Сам Павел Михайлович из курсантов Военно-морского училища в начале войны был направлен на защиту Москвы. Потом воевал в разведке на Северо-Западном фронте. После тяжёлого ранения по просьбе был переведён на флот, а с окончанием войны окончил Военно-морское училище. Служил на торпедных катерах.

За энергичность и ношение фуражки чуть-чуть «набекрень» в дивизионе его прозвали «Чапай».

В самые жаркие летние периоды я, плохо переносивший жару, обычно просился в отпуск. Отдыхал в подмосковном Солнечногорском санатории ВМФ, иногда с семьёй ездил в Москву и Калинин. В городах не задерживались. Брат жены снимал в деревне под Калинином полдома. Изумительная среднерусская природа. Речушка Изворотень пробегает по окраине деревни и, извиваясь, впадает в Тверцу. Вокруг – сосновые и лиственные леса. С крутого берега Изворотни бьют родниковые ключи с водой «для самовара». А какая тишина! Днём она дважды нарушалась отдалённым свистком и постуком колёс поезда с паровозом «кукушка». Он с маленькими вагончиками курсировал из Калинина на Васильевский мох и обратно. Ночью был слышен только звон проводов линии электропередачи и то удаляющийся, то приближающийся стук колотушки ночного сторожа.

В маленьком деревенском магазинчике мне по просьбе дать бутылочку сухого вина всегда предлагали бутылку водки. У них там водка называлась вином. Хорошо отдыхали и наши дети вместе с двумя девочками брата жены. Парное

молоко, овощи с огорода, ягоды, грибы, рыба из Тверцы. Привозить из города нужно было только мясные продукты, чай, сладости.

В Солнечногорском санатории ВМФ я отдыхал несколько раз и дважды – с женой. Для отпускника это было очень удобно – совмещать отдых и лечение с посещением родных в Москве и Калинин. Санаторий располагал необходимым комплексом лечебных процедур вплоть до родоновых ванн, имел свой буфет, большой бассейн, сауну, парк, пруд, богатую библиотеку, клуб, бильярдную и другое. Большинство палат – двухместные. На выходные дни иногда приезжал Главком ВМФ. Перед его приездом обычно в бассейне меняли воду. В отдельных домиках парка отдыхали адмиралы штаба ВМФ, адмиралы в отставке.

Главком ВМФ, адмирал флота С.Г.Горшков, запретил «процедуры» в буфете столовой. Любители пропустить перед обедом стали ходить за «каплями Дубинина», т.е. в магазин близлежащей деревни Дубинино.

Некоторые автобусом ездили в Солнечногорск или Зеленоград. В санатории встречались многие известные люди. Приезжал принимать лечебные процедуры начальник знаменитых курсов «Выстрел», дважды Герой Советского Союза генерал Драгунский. Мне как-то довелось с ним поочерёдно пользоваться подводным душем-массажем. В одной палате со мной отдыхал кап 1 ранга В.Левашов – бывший Краснодонский подпольщик, член штаба «Молодой гвардии». Подарил мне книгу «Молодая гвардия. Сборник документов».

Подводник, Герой Советского Союза капитан 1 ранга И.В.Травкин в беседе дополнил некоторыми эпизодами свою книгу «Всем смертям назло». Рассказывал о службе с Маринеско и как его дважды вызывали в ЦК КПСС при решении вопроса о судьбе этого легендарного подводника. Отдыхал я вместе с чиновниками в погонах из аппарата генерала Епишева. Удивляли они меня своей «идейностью». Было много и других встреч.

Поскольку я прилично играл своей левой на бильярде, познакомился с маркёром. Он поделился своими воспоминаниями. Война. Был адъютантом командира танкового батальона. Командир приревновал его к своей ППЖ и перевёл на танк «Шерман». В одном бою он и немецкий «Фердинанд» одновременно вцепили друг другу по снаряду. Ранение в ногу. Через нижний люк покинул горящую машину, уполз в кукурузное поле и там потерял сознание. Началась гангрена. Ногу ампутировали. Рана плохо заживала. Переводили из госпиталя в госпиталь. В подмосковном госпитале стало лучше. Понравилась медсестра. Объяснился. Женились. Некоторое время работал. Но начала сохнуть вторая нога. Лежал несколько месяцев. Кто-то посоветовал обратиться к доктору психиатрической больницы им. Яковенко. Тот нехотя, но принял. Сделал какую-то инъекцию. Через день ногой почувствовал спинку кровати. Нога ожила. Попросил доктора дать лекарство, которым излечил. Тот категорически отказал, сославшись, что оно своё, экспериментальное. Чем только мог – отблагодарил доктора. На работу ходил с одним костылём. Семья. Двое детей. Последнее время работал телефонистом на санаторной станции.

В штаб дивизиона поступило указание направить меня на курсы усовершенствования инженер-механиков флота. Но направление не появлялось. Состоялись ли эти курсы, нам не было известно.

При очередном инспектировании Дивизиона опрос жалоб и заявлений проводил адмирал С.Г.Горшков. Я доложил, что было указание направить меня на учёбу, но до сих пор направление не прибыло. Адмирал дал указание адъютанту записать мой вопрос. В конце лета пришло направление, но не на курсы, а в Академию кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова. Направление прибыло и связисту дивизиона В.Дурченко. Мы уехали в Ленинград.

Для подготовки к экзаменам времени практически почти не было. Готовились в перерывах между сдачей очередного экзамена.

Я побывал у двух знакомых слушателей, которые проживали в городе с семьями. Они снимали полуподвальные комнаты. Сырость, мебель в плесени, какое-то тусклое освещение. Я задумался. Ведь по существующим тогда законам, учитывая льготную выслугу лет на тральщиках и торпедных катерах, я бы имел через два года 25 лет выслуги и мог бы стать пенсионером. Адмиралом же мне не быть никогда. Жена прислала фотографии наших девочек. Как то они смогут три года жить здесь в подобных условиях? Да и я чувствовал, что меня влечёт к практической работе.

Фото 71 Очаков. Наше семейство: жена, Лена, я и Наташа.

После сдачи первых двух вступительных экзаменов решил отказаться от поступления. На третьем экзамене после ответа на первый вопрос попросил экзаменатора поставить двойку. Он удивился и даже пытался меня уговоривать. Отправился я к Начальнику курса с просьбой отчислить. Он

сказал, чтобы отчислить, нужно получить две двойки. Пришлось ждать очередного экзамена.

В дивизионе меня встретили без упрёков, с пониманием. Продолжалась моя прерванная служба в Очакове. Семья была рада моему возвращению. Жена не сожалела, что я отказался поступать в Академию, хотя она очень любила и часто вспоминала Ленинград.

От оперативного дежурства по штабу я был освобождён. Некоторые штабные специалисты выражали недовольство. Командир дивизиона им пояснил, что я сам руковожу дежурной службой по порту, что мне не ведомы специфические вопросы, характерные для штурманской специальности, знание которых обязательно для несения оперативной службы.

После прибытия на должность начальника штаба П.М.Карпов перевёл на вакансию минёра ст. лейтенанта Грибкова. Офицеры знали его отношение к службе, его характер и были несколько удивлены. Кто-то сказал, что Карпов когда-то учился в классе, в котором преподавала мать Грибкова.

Будучи своеобразным человеком, Лёша периодически что-либо выдавал оригинальное. В журнале Оперативного дежурного, которым в тот день был Грибков, появилась запись: «В порт прибыло пять чёрных Волг, наверное, с крупным начальством.» В курилке с иронией обсуждали эту запись.

По неотложному делу я отправился в порт. На хозяйственном причале встретил Секретаря Райкома партии. Он с машины на катер, который курсировал между портом и островом Первомайский, лично грузил коробки с напитками и какой-то снедью. Поздоровались, и я спросил:

- Аполлинарий Трофимович, что случилось?
- А-а-а! Не спрашивайте!

Он махнул в сердцах рукой, сел в машину и уехал.

Во время обеда в кают-компании сведущие офицеры сказали, что на острове находятся Первый секретарь

Одесского обкома КПСС М.С.Синица, Командующий войсками Одесского военного округа генерал Бабаджанян, Председатель Николаевского облисполкома Иващенко и ещё кто-то из руководителей южных областей. Там же и наш командир, как Начальник гарнизона. Они встретились, чтобы отдохнуть и половить бычков.

Утром следующего дня, выйдя из дома на службу, я встретился с командиром Бригады подводных пловцов, которая дислоцировалась на острове. Поздоровались.

- У тебя нет ли чего-нибудь поправить здоровье? – спросил он.

Зашли ко мне домой.

- У вас вчера были высокие гости?

- До сих пор отойти не могу! Я, старый разведчик, знаю, как надо пить в таких случаях. Когда почувствовал приближение нормы, пошёл на камбуз и проглотил кусок сливочного масла. Не помогло. Твой Командир тоже малость обмишурился. А они все в норме. Секретарь обкома спросил:

- Что это у тебя волнолом разваливается, а ты его не ремонтируешь?

- Никто не может и не желает выделить средства для ремонта.

Тогда М.С.Синица подумал и произнёс:

- Ладно, я позвоню Никите Сергеевичу, он поможет.

Закусив баночкой колбасного фарша из бортпайка, Иван Онуфриевич, как бы спохватившись, бросил:

- Побежали, пора на службу.

Впоследствии у Ивана Онуфриевича пошла череда неприятностей. Утонул матрос при возвращении с материка в штормовую погоду. Матросы получили тяжёлые травмы при взрыве во время продувки некачественным азотом аккумуляторного отсека торпеды. Было какое-то ЧП при отработке подъёма из воды спускаемого аппарата спутника Земли. После этого он уволился со службы и определился на проживание в Одессе.

Ремонт и испытанием двигателей М-50 занималась небольшая бригада, состоявшая из уволенных в запас техников-механиков и старшин мотористов. Поступил приказ передать один из торпедных катеров Полигону испытания торпед на озеро Балхаш. Для приёмки прибыл представитель Технического управления Каспийской флотилии капитан 3 ранга Кац. В приказе было определено, что главные двигатели должны иметь запас моторесурса не менее 75%.

Скрупулёзно принимая электромеханическое оборудование, кап 3 ранга Кац потребовал заменить один главный двигатель. Приёмщик торопил с передачей. Было воскресенье. Бригада ремонтников гуляла по какому-то семейному поводу. На испытательном стенде стоял отремонтированный и подготовленный к испытанию двигатель. Поскольку раньше случаев ремонтного брака не было, я приказал снять двигатель со стенда и установить на катере.

После установки двигателя и монтажа систем я дал команду мичману Оглоблину: «Запускай!» Дизель дико взвыл. Меховой шапкой и рукавицами я закрыл приёмную сетку воздуходувки. Обороты несколько уменьшились. Крикнул мичману:

- Топливо! Перекрой топливо!

Он открыл пробки топливного фильтра и двигатель остановился. Я выглянул из люка моторного отсека. Невдалеке стояла группа матросов с испуганными лицами. Улыбаясь, я сказал:

- Что, страшно? А где приёмщик?

Матросы засмеялись и показали за угол эллинга.

Сноп пламени и дыма, рёв дизеля всех изрядно напугал. Мы попробовали ещё раз запустить. Результат тот же. Установили дизель со склада.

Причина оказалась простая. При сборке рейку топливного насоса не соединили с приводом всережимного регулятора. Получился холостой ход при полной подаче

топлива. Разнос. Подшипники коленвала подплавились. Бригадир и ремонтника топливной аппаратуры наказали. Этот случай ещё раз подтвердил необходимость после ремонта двигателя испытывать на всех режимах прежде, чем устанавливать на катер. Ремонт двигателей нужно доверять настоящим специалистам, а не низкоразрядникам. Скупой платит дважды.

Судостроители заводов в Николаеве строили корабли и суда с возрастающим водоизмещением и осадкой. Был заложен авианосец. Фарватер Днепро-Бугского лимана по глубине и ширине ограничивал возможности безопасного вывода новых кораблей в море. Кроме этого, невдалеке от развилки фарватера из воды выступала часть корпуса затопленного немецкой авиацией сухогруза «Полина Осипенко».

Для углубления и расширения фарватера в Очаков прибыл отряд с драгой, баржами, буксирами и катерами. Начальник отряда, пожилой полковник, иногда обращался к Командиру дивизиона и ко мне с просьбой оказания помощи силами механической мастерской.

Работал отряд интенсивно и довольно быстро продвигался по фарватеру. Вот только драга надоела. Круглосуточно она натужно скрежетала металлом на всю округу.

Однажды все плавсредства отряда прекратили работу и ушли в сторону моря. Я встретил инженер-полковника у телефонной будки в порту и спросил:

- Закончили работы или что случилось?

Оглянувшись вокруг, он заговорщицким шёпотом то ли в шутку, то ли всерьёз, сказал:

- На одном из Черноморских пляжей Никита Сергеевич Хрущёв о гальку поцарапал пальчик ноги. Приказали срочно пляж засыпать речным песком, – повернулся и пошёл к ожидавшей его машине.

У нас идёт нормальная плановая боевая подготовка. Вдруг – шторм. «Забегали» в Одессу. Приказали оставаться

до утра. Идём ужинать. Выбрали ресторан «Красный», что на Пушкинской. Нас трое. Нам предложили столик. Рядом с нами за сдвинутыми столами ужинала группа офицеров Чехословакии или Венгрии. Они шумно что-то обсуждали.

Павел Михайлович заказал:

- По салатику, по куску мяса с жареным картофелем, бутылочку «Боржоми», ну, и сами понимаете.

Перекусили. Попросили повторить. Когда официант принёс, шум за соседним столом прекратился. К нам подошёл один из офицеров, извинился:

- Скажите, пожалуйста, что у вас в фужерах, а что в рюмках?

Мы ему разъяснили. Он воскликнул:

- О! Я выиграл пари!

Кроме плановой боевой подготовки нас привлекали к оказанию помощи другим воинским частям и к спасению экипажей самолётов, потерпевших катастрофу.

По указанию с флота мы должны были обеспечить испытания авиационной реактивной торпеды РАТ-52. В выбранном районе поставили на якоре цель – катер Г-5 (нашу УТС), привели туда катер-торпедолов ТЛ-33 и один из торпедных катеров как наблюдательный пост. Самолёт шёл на очень большой высоте, был едва заметен. Подходя к цели, лётчик по радио давал сигнал: «Бросил!». Через несколько мгновений в небе появлялось пятнышко, которое быстро увеличивалось, и можно было рассмотреть парашют с торпедой. Падение происходило с довольно большой скоростью. Перед поверхностью воды парашют отстреливался. Торпеда ныряла, а потом выскакивала из воды с хвостом пламени и с рёвом пролетала в воздухе несколько метров. Снова нырнув, точно поражала цель. На исходе движения торпеда всплывала, и её поднимали на торпедолов. Старшины быстро обнаружили в торпедке остатки спирта и сливали его в ведёрки, в чайники. Парашюты были из грубой ткани, небольшого размера и хозяйственной ценности не представляли. Но стропы были хороши. Их после видели во

дворах некоторых мичманов. На них сушилось бельё. Я взял себе на память «вертлюг» – упорный закрытый шарикоподшипник, к которому с одной стороны крепились стропы парашюта, а с другой – торпеда. Парашют мог вращаться в потоках воздуха, а торпеда оставалась направленной на цель. Такие испытания проводились неоднократно.

Фото 72 1959 г. На Тендровской косе. Отдых.

Слева направо: химик – капитан Шулешов Б., замполит – кап. 3-го ранга Белов А.В., ком. звена ТКА – кап.-лейт.

Джарашелов, связист – Дурченко В.П., боцман – мичман Мироненко, инж.-механик – инж.-кап.-лейт. Донюш А.А., зав. секретной частью – Наумов Л.В.

По сигналу катера ходили спасать экипаж потерпевшего аварию над морем самолёта ТУ-16. На одной спасательной лодке обнаружили лётчика без признаков жизни. Увидели и подошли к белому пузырю из парашюта.

При попытке поднять парашют воздух из пузыря вышел, и парашют ушёл в бездну.

Получен приказ о расформировании нашего дивизиона. Из Одессы прибыла Ликвидационная комиссия. Отчитавшись, я решил ехать в отпуск. Борис Максимович уходил в отставку. Меня он спросил:

- Куда бы ты хотел пойти служить? Есть предложения в Феодосию и в Севастополь.

- Мне без разницы, куда пошлют.

В отпуске в Москве получаю телеграмму: «Поздравляю, остаёшься Очакове. Першин.»

Мне было очень жаль, что с флота уходит такой офицер, как Герой Советского Союза капитан 2 ранга Першин Борис Максимович. Я видел в нём Командира без комплексов. Прирождённого катерника, честного, порядочного, несколько прямолинейного человека. Был у него грешок. Изредка он любил выпить. Но за всю совместную службу я ни разу не видел его пьяным. В дивизионе были, конечно, стукачи. О малейших его промахах, о не совсем уставных выражениях, о самостоятельно принятых решениях, не во всём совпадавших с мнением руководства, шли доклады в вышестоящие партийные органы. Два характерных примера.

В санатории под Ленинградом внезапно скончался наш химик-дымзавесщик мичман Бурнус, активный участник войны. Першин обзванивал и через телеграф просил вышестоящее командование вплоть до Главкома ВМФ выделить средства для оплаты перевозки тела в Очаков. Всюду отказ. Выругавшись в узком кругу, он дал распоряжение командиру Береговой базы изготовить оцинкованный гроб, попросить в Рыбкомбинате бруски льда и на новой полуторке привезти тело Бурнуса в Очаков. С почестями сослуживцы похоронили Бурнуса.

Матросу и старшине 2 статьи я выдал за рацпредложение 10 рублей. Уволившись в воскресенье, они выпили и попали в комендатуру. В понедельник при

утреннем построении личного состава Комдив приказал им выйти из строя. У старшины с погончиков срезали лычки. Потом Першин сказал:

- Г...но вам пить, пожиже разведённое, а не водку.

Это, пожалуй, подействовало сильнее, нежели разборка на комсомольском собрании.

Ну, а его отказ в мою пользу от семейной путёвки в санаторий?

Вторая его беда была в жене Валентине. Она родила ему троих хороших детей, но постепенно спивалась. Он очень переживал. Никакие меры не помогали. В итоге она дошла до крайности и в Николаеве, где-то на улице, скончалась.

После увольнения Борис Максимович работал на строительстве шоссейной дороги Очаков – Каменка. Работал на Рыбкомбинате. Ему, как активному участнику войны, присвоили звание капитан 1 ранга. В Очакове на доме, где он жил, установили мемориальную доску. После переезда в Николаев и кончины Валентины он встретил хорошую женщину, которая бережно за ним ухаживала до его последних дней.

Как не вспомнить ещё раз беседу Н.Г.Кузнецова с выпускниками нашего училища? Он очень по-отечески говорил о продуманном подходе к созданию морским офицером семьи. Мог бы Борис Максимович как Герой поступить в Академию и потом командовать крупными частями, соединениями. Семья не позволила. А наш минёр, кап-лейт А.И.Иванов? Он, как писал журнал «Морской сборник», первым в истории ВМФ применил с торпедного катера во время войны ракеты для обстрела порта Туапсе, занятого фашистами. Трое детей и спившаяся Муся. А флагманский инженер-механик штаба Одесской ВМБ, инж-кап 1 ранга И.И.Крылов? Из-за спившейся жены вынужден был пойти в отставку. Да мало ли других примеров?

Все, кто когда-то служил с Борисом Максимовичем Першиным, по-доброму, с особой теплотой о нём вспоминаем.

На базе нашего Отдельного Новороссийского Краснознамённого дивизиона торпедных катеров создавался Дивизион кораблей резерва.

Всё-таки умели мы экономить средства и добиваться успехов за счёт работы патриотов-энтузиастов! В состав нового дивизиона входило более 60 кораблей и катеров. Штатная категория командира дивизиона – капитан 2 ранга, а инж-механика – капитан 3 ранга. Остальные специалисты штаба – капитан-лейтенанты, а большинство командиров экипажей – старшие лейтенанты.

Фото 73. Очаков. Наши боевые подруги: Галина Карпова – жена Командира ДКР; Капитолина Донюш – жена инж.-механика ДКР; Антонина Спиридонова – жена артиллериста ДКР; Евдокия Стратейчук – жена командира звена КТЩ.

Во время войны Днепровская флотилия, как вспоминал её бывший командующий вице-адмирал В.Григорьев в книге «И корабли штурмовали Берлин», имела

в своём составе около ста единиц катеров, в числе которых – несколько десятков полуглиссеров. Все эти катера были сведены в три бригады с соответствующими штабами, а руководил этими бригадами штаб под командованием вице-адмирала. Конечно, война есть война. Но мы же должны помнить войну, помнить 41 год и служить не только для парадов.

Фото 74 Очаков. 1962 год. Мне присвоено звание инж.-капитан 3 ранга.

В формируемом Дивизионе кораблей резерва штатный экипаж назначался на 3-6 кораблей или катеров. Экипаж был обязан эти корабли законсервировать, обслуживать во время стоянки, раз в три года расконсервировать, отработать

курсовые задачи боевой подготовки и снова законсервировать. Это означало, что летом более 20 кораблей и катеров должны были находиться в кампании. Вот это – дивизион. А суммарная мощность всех дизелей дивизиона превышала 2,3 млн. лошадиных сил.

Началась реконструкция порта, наполнение его кораблями. Для размещения в порту всех запланированных к выводу в резерв кораблей причальных линий было явно недостаточно. Хозяйственный причал располагался вне охраняемой зоны, и глубина возле причала была небольшой. У мобпричала швартовались торпедные катера, дежурные аварийно-спасательные средства и заходившие в порт более крупные корабли.

Было принято оригинальное решение: из списанного танкера «Эмба» с железобетонным корпусом создать ещё один причал для швартовки малых противолодочных кораблей. С этой целью намыли песчаную подушку. Над ней установили танкер и его танки засыпали песком так, чтобы он прочно уселся на подушке. С палубы срезали всё лишнее, а небольшим мостиком соединили бывший танкер с берегом, палубу облагородили. Причал получился вполне.

Порт не был защищён от юго-восточных ветров. Таким же образом был сооружен волнолом из железобетонных барж болгарской постройки.

Оставленные у нас катера «Комсомолец» мы уютно разместили в эллинге. В ноябре месяце на буксире привели деревянные торпедные катера проекта 183. Во время перехода из Севастополя они попали в шторм и имели множественные повреждения корпусов. До окончания постройки причала из «Эмбы» в порт прибуксировали малые противолодочные корабли. Их установили на якорях и растяжках в левом углу порта.

Случился сильнейший шторм. Волны, гонимые из лимана, свободно переваливались через волнолом, и в порту образовался «кипящий котёл». Экипажей на катерах и МПК не было. Командир дивизиона П.М.Карпов собрал, кого мог,

из матросов, старшин и офицеров. Они растяжками удерживали катера, которые на волнах поднимались почти до настила мобпричала. Катера спасли.

Хуже было с МПК. Часа в три ночи сорвался с носовой растяжки крайний МПК и начал носом клевать борт соседа. Тот тоже не выдержал, развернулся и своему соседу носом начал делать в борту вмятины и пробоины. Когда рассветало, мы с Павлом Михайловичем на водолазном боте подошли и осмотрели эти корабли. В бортах у них было по 20-30 вмятин и пробоин. Благо, что все они были выше ватерлинии.

О случившемся Командир доложил в штаб Одесской ВМБ и в штаб Флота.

Решили срочно поднять и установить на временных кильблоках из деревянных брусьев катера проекта 183.

Перед подъёмом прибыло много «обеспечивающих» из Севастополя и из Одессы. Все они давали ценные указания. Из Николаева прибыл стотонный плавучий кран. Я мотался по порту, обеспечивая подъём и установку катеров приспособлениями, материалами и инструментом. Встречает меня Начальник технического управления Черноморского флота:

- Ты что бегаешь? Брось всё и распорядись заготовить прокладки под подъёмные стропы.

Я не выдержал и засмеялся.

- Начальник тыла приказал быстрее доставить подъёмные полотенца, Флагмех сказал бросить всё и делать на катерах разметки положения стропов, Начальник техотдела Одесской ВМБ приказал делать что-то другое, а Начальник вооружения и судоремонта приказал делать то, что он прикажет.

Начальник технического управления улыбнулся, махнул рукой и ушёл.

Вдруг резко похолодало. В порту начал образовываться лёд. После первых подъёмов и установки катеров начальство уехало, и нам стало легче.

Стенку порта от «Эмбы» до эллинга заполнили катерами. Осталось поднять последний катер. На узкой площадке, слева от эллинга и до ограждения порта я разметил места, и из брусьев выложили клетки кильблоков. Ветер усилился, пошёл снег. Температура падала. Плавкран не смогли близко подтянуть к стенке. Между широким бортом плавкрана и стенкой набился лёд. Возник вопрос: поднимать или подождать улучшения погоды? Не надейся, моряк, на погоду. Вместе с тем каждый час простоя стотонного плавкрана оплачивался Николаевскому порту приличной суммой.

Начальник нашей мастерской, кап 3 ранга С.М.Юдовский, сказал:

- Я в своё время на Тихоокеанском флоте такие катера как семечки поднимал!

Решили поднимать. Для удержания катера в нужном направлении с носа и с кормы закрепили канаты и на каждый из них поставили по отделению солдат. С большим трудом удалось завести под катер через лёд подъёмные полотенца. Начали подъём. Вдруг с сильным треском катер просел на подъёмных стропах. Плавкран вместе с ним зашатался. От большой массы льдины под полотенцами поломались и выдавились. Семён Михайлович исчез за дальним углом эллинга.

Огромными усилиями удалось катер перенести через крышу эллинга и выровнять над кильблоками. Я подал крановщику команду «майна». Катер опускался стрелой крана и, не доходя около метра до кильблоков, остановился. Крановщик крикнул из кабины:

- Всё! Вынос стрелы при такой нагрузке дальше не возможен. Выбивает автомат.

Вот это тот лёд, что не позволил крану подойти ближе к стенке. Если передвинуть клетки кильблоков на метр, корма катера будет слишком близка к краю стенки. Вдруг, слышу голос Павла Михайловича в сторону крановщика.

- Полметра – поллитра!

Крановщик минуту подумал, потом ногой прижал якорь автомата и точно посадил катер на кильблоки. Все облегчённо вздохнули.

В декабре прилетел Командующий ЧФ адмирал С.Е.Чурсин. Противолодочные корабли стояли бортами к мобпричалу так, чтобы хорошо была видна работа шторма. Адмирал взглянул на корабли, повернулся к ним спиной и спрашивает начальника мастерской, кап 3 ранга Юдовского:

- Ваше предложение по ремонту?

- Два корабля отправить в Николаев на завод, а два – отремонтировать силами мастерской, – отвечает Юдовский.

- А каково Ваше мнение? – обращается ко мне адмирал Чурсин.

- Все четыре отремонтировать своими силами с помощью мастерской к марту месяцу.

- Быть по-Вашему, – заключил командующий.

Зная способности каждого, организовал, в основном из старшин групп мотористов-мичманов, из рабочих мастерской и матросов бригаду корпусников и бригаду электромонтажников.

В процессе ремонта нужно было в районе повреждённых участков корпуса снимать внутреннюю обшивку, изоляцию, трассы электропроводов, а кое-где и трубопроводы. При небольших вмятинах обшивку бортов нагревали и рихтовали, а в местах пробоин и больших вмятин делали вырезы и наваривали латки. Потом грунтовали, устанавливали изоляцию, трассы электропроводки, трубопроводы и внутреннюю обшивку. Ход работ ежедневно контролировал и результаты докладывал Командиру.

К 23 февраля работы, в основном, были закончены. Карпов доложил в штаб Флота. Вскоре пришёл приказ с благодарностью от адмирала Чурсина. Павел Михайлович был награждён пылесосом (адмирал как-то пожурил его за пыль в кабинете), а меня наградили несессером (не всегда был чисто выбрит). Потом эти МПК были окрашены, законсервированы и заняли свои места у причала «Эмба».

Ремонтные бригады работали увлечённо, добросовестно, с неподдельным энтузиазмом и, при необходимости, задерживались после окончания рабочего времени. Командир дивизиона своим приказом поощрил личный состав бригад.

Для пополнения корабельного состава дивизиона приходилось выезжать в командировки. С командиром одного из наших кораблей, кап-лейтенантом М.Сагаловичем, принимали МПК в Потийской ВМБ.

Ближайший по расписанию теплоход «Россия» не заходил в Поти. Поэтому мы прибыли в Батуми. Нашли железнодорожную станцию. В кассе попросили билеты до Поти.

- Билэтов нэт.

- Почему, ведь нам нужны билеты на электричку!

- Билэтов нэт, – ещё более твёрдо заявила женщина-кассир.

Подошла электричка. Куда следует – никто толком не мог объяснить. Решили ехать. Скромно сели в углу вагона. В вагоне шумно, как на базаре. Заходит контролёр. Он в железнодорожной форме. У него на плече – большая кожаная сумка, в которую он аккуратно складывает купюры и монеты, постоянно споря с пассажирами. Подошёл к нам, определил стоимость проезда и выдал бумажные билеты как в автобусах. Вдруг, заходит в вагон молодой человек. Многие вскочили с места и стали предлагать:

- Батона, пожалуйста! Батона, садитесь!

Мы сообразили, что это был какой-то местный князёк. На станции Миха-Цхакая к нам подошёл тот же контролёр.

- Вам повезло. Поезд пойдёт до Поти. Вы, наверное, в командировке? Я вам дам настоящие билеты.

Он протянул в обмен на автобусные два картонных железнодорожных билета.

В бригаде кораблей, которыми командовал кап 1 ранга Н.Э.Лечфорд, нам показали МПК, предназначенные для вывода в резерв. В беседе с нами командир Бригады охарактеризовал каждый корабль. О себе он оставил самые

добрые впечатления. Осмотрев корабли, мы составили акты приёмки и показали их Начальнику штаба ВМБ. Он со мной зашёл в кабинет Командира Потийской ВМБ кап 1 ранга А.И.Пескова, бывшего днепровца. Кап 1 ранга А.И.Песков, просмотрев акты, обрушился на Начальника штаба и заявил:

- Я такие Акты подписывать не буду!

Тогда я сказал, что в Актах отмечены только те недостатки, на устранение которых требуется значительное время.

- У меня заканчивается время командировки. Прошу разрешения убыть в свою часть.

Кап 1 ранга А.И.Песков снова просмотрел Акты приёмки, ещё поругал Начальника штаба, но Акты подписал.

Были командировки и в другие города – в Севастополь.

У причала «Эмба» стояло более двух десятков малых противолодочных кораблей, суда без обмоточного размагничивания СБР, морские водолазные боты ВМ, пожарно-дезактивационные корабли ПДК, один из которых, в готовности, – с гражданским экипажем. На стенке, слева от «Эмбы», на кильблоках стояли полученные прямо с завода рейдовые водолазные боты ВРД, а справа – торпедные катера проекта 183.

С началом весны из Лазаревского (шлюпочной мастерской) прибыли специалисты с материалами и отремонтировали корпуса катеров пр-183, получивших повреждение во время штормового перехода в Очаков.

Летом из Николаева доставили изготовленные на одном из заводов металлические кильблоки. С приходом плавкрана ТКА пр-183 спустили на воду, убрали временные кильблоки из брусьев и ровно выставили новые кильблоки для всей группы этих катеров.

На операцию по перестановке катеров снова прибыли обеспечивающие.

При заводке под днище стоящего на воде катера полотенец со стропами не всегда их можно было точно

уложить в районе расчетных шпангоутов. При обтяжке бывали небольшие смещения. Поэтому катера поднимались с незначительным дифферентом на нос или корму. При посадке на кильблоки нужно было манипулировать и выносом стрелы, и высотой гака.

Фото 75 Севастополь. Сборы инж.-механиков черноморского флота. флагманский инж.-механик Одесской бригады ОВР инж.-кап. 2-го ранга Гольдман Д.Е., инж.-кап.-лейт. Донюш.А.А.

Обеспечивающие всё время мне подсказывали, какие давать команды крановщику. Не всегда они были правильными. Установив очередной катер, я пошёл на плавкран, спустился в кают-компанию и подсел к игрокам в домино. Слышу, что работа остановилась. Вдруг приходит представитель Техупра флота.

- Ты что ушёл? Нужно руководить подъёмом и установкой.

- Я вижу, что руководителей там вполне хватает. Отвечать за их ошибки нет желания.

- Ну, ладно. Не обижайся.

- Если руководители отойдут в сторонку или спустятся сюда в кают-компанию, тогда я продолжу свою работу.

Мне больше никто не мешал. Катера благополучно «уселись» на места долговременной стоянки.

После окончания работ ко мне подошёл представитель Техупра флота.

- Если меня назначат начальником, я тебе предложу должность заместителя.

Вывод в резерв кораблей, самолётов, танков и другой военной техники был продиктован не только гонкой вооружений. Для длительного хранения техники в резерве требовалось, прежде всего, защитить её от коррозии. Защитить металлы от коррозии – значит изолировать поверхности от влияния атмосферной влаги и резкого колебания температуры. То есть, произвести консервацию.

Методы консервации и содержания кораблей в резерве только осваивались. Сначала консервация была примитивной. Машины, механизмы, оружие и даже приборы разбирались, детали покрывались слоем пушечной смазки и с бирками укладывались на стеллажи. Понятно, что расконсервация, сборка и ввод в строй были сопряжены с затратами значительного времени, сил и средств.

На кораблях велись экспериментальные работы по созданию в местах хранения техники низкой относительной

влажности воздуха с помощью селикагеля и защитных покрытий поверхностей тонкослойными смазками без разборки машин и механизмов.

Помещения металлических кораблей герметизировались, и в них либо закладывался в необходимых количествах селикагель, либо подавался в эти помещения сухой воздух. На кораблях с деревянными корпусами селикагель закладывался во внутренние полости машин, механизмов, приборов.

В качестве тонкослойных покрытий, при которых не требовалось больших работ во время расконсервации, были разработаны на основе авиационных масел смазки К-15, К-17, К-19 и НГ-203. Натурные испытания этих смазок проводились на наших кораблях лабораторией одного из Ленинградских НИИ ВМФ. Контролировалось состояние законсервированных двигателей и вооружения раз в шесть месяцев. Из НИИ приезжали во главе с инж-кап 1 ранга В.П.Коротненко научные сотрудники.

Матросы по-своему определяли качество этих смазок. Брали несколько одинаковых деталей, например, болтов. Один оставляли сухим, а остальные покрывали разными смазками и на тонких изолированных проводах опускали за борт. Через некоторое время поднимали болты и сравнивали результаты защиты.

На широком причале «Эмба» мы установили рубки динамического осушения помещений кораблей. Через большую бочку с сухим селикагелем вентилятором по трубам подавался воздух в отсеки корабля и, увлажнённый, он возвращался в бочку. Циркулируя так, воздух осушал атмосферу отсеков. Во второй бочке горячим воздухом регенерировался отработавший селикагель. Контроль осуществлялся прибором – измерителем температуры и влажности в каждом отсеке.

Кроме этого, на «Эмбе» мы разместили щиты с противопожарным оборудованием, ёмкость с

пенообразователем, а на кораблях оставили рабочие электронасосы с пожарными шлангами и стволами.

На катерах пр-183 с деревянными корпусами соорудили каркасы, на которых укрепили парусиновые обвесы для защиты от солнечных лучей и атмосферных осадков. Из Главного Техуправления ВМФ прислали брезентовые обвесы, пропитанные антипиреном и антисептиком. Каждый квадратный метр весил более килограмма. Они были непродуваемыми, и под ними начали загнивать палубы. Мы сразу от них отказались.

Малые ТКА «Комсомолец» оказались в лучших условиях в закрытом эллинге. Они довольно просто герметизировались. Несмотря на не очень настойчивый запрет, я разрешил оставить двигатели, другие механизмы и приборы на штатных смазках. Никакой расконсервации, кроме удаления силикагеля, не требовалось.

Запрет обосновали опытом консервации штатными смазками бронекатера на Дунайской бригаде. У них бронекатер хранился на плаву. Наши ТКА хранились в закрытом сухом эллинге. Мы ежедневно контролировали и записывали в журнал величины относительной влажности и температуры наружного воздуха и воздуха в эллинге. Разница была очевидной.

Старшины команд мотористов силикагелем довели в отсеках относительную влажность воздуха до 20-25%. Это грозило усушкой изоляции резиновых деталей. Приказал поднять влажность до нормы.

Из Одессы прибыла инспекторская группа во главе с Командиром бригады ОВР, которому мы были организационно подчинены. Командир бригады, капитан 1 ранга, Герой Советского Союза Ф.Похальчук принадлежал к той категории командиров, которые, отыскивая мелочные упущения, всем и вся всегда не довольны. Сам он прославился тралением на Балтике.

После общего построения и осмотра формы одежды, во время которого он сделал мне серьёзное замечание за не

совсем похожую на форменную заколку галстука, пошли в спальные помещения личного состава проверить состояние кроватей, спальных принадлежностей, содержание прикроватных тумбочек. В одной из тумбочек Комбриг увидел книгу К.Симонова «Живые и мёртвые». Поморщился и небрежно бросил её на полку тумбочки. В следующей тумбочке ему в руки попала книга «Время жить и время умирать» Ремарка.

- Командир! Что у вас за библиотека? Библиотекаря заменить! Матросу не про смерть надо читать!

Идём дальше. Комната, в которой я оборудовал учебный электротехнический кабинет.

- Почему учебный кабинет в казарме? Он должен быть в порту, у кораблей!

- Товарищ Комбриг! Я думаю, что лучше, если матрос в свободное время будет заниматься изучением техники, а не про смерть читать! Командир дивизиона Карпов скрытно локтем ударил мне в бок. Инспектирующие быстро молча вышли из кабинета.

Во время осмотра стоянки кораблей зашли на причал «Эмба». Проходя по причалу, вдоль ошвартованных справа и слева кораблей, кап. 1 ранга Похальчук начал мне нудно высказывать недовольство недостаточным обеспечением причала противопожарными средствами. Я молчал. Когда дошли до конца причала и развернулись, все увидели, что на стенках рубок динамического осушения установлены большие красные щиты, на которых с избытком размещены противопожарные средства. Чтобы как-то смягчить сентенции, Комбриг спросил:

- А это что ещё за бак на причале?

- Это бак с пеногасящей жидкостью ПО-1, – ответил я.

Дальше шли молча.

Это инспектирование было накануне проведения Генеральным штабом МО учения по мобилизации личного состава и вводу кораблей из резерва в строй. Комплектовалась бригада кораблей. Прибыли генерал из

Генштаба, Начальник политотдела, Командир бригады, некоторые офицеры штаба и проверяющие.

Шёл я в порту с каким-то вопросом к Командиру дивизиона. С ним рядом находился такой серьёзный, напыщенный капитан 2 ранга – представитель Главного штаба ВМФ.

- Вы кто будете? – обратился он ко мне.

- Инженер-механик дивизиона кораблей резерва.

- Учтите, вашу работу будет проверять флагманский инженер-механик Рижской бригады торпедных катеров. Серьёзный офицер.

- Это кто? Кузьмин Пётр? – осведомился я.

Представитель штаба ВМФ ещё больше насупился и важно молча пошёл дальше.

Военкоматы различных областей Украины начали направлять к нам запасников: офицеров, старшин и матросов. Оказалось, что многие из них на кораблях никогда не служили.

По сигналу началось учение. Малые торпедные катера «Комсомолец» были введены в строй через 4 часа. Тогда как по плану полагалось «Ч+5 суток». Ведь они содержались на штатных смазках. Нужно было только удалить силикагель, спустить катера на воду, заправить топливом, водой, прогреть главные двигатели и «сбегать в лиман» для проверки работы дизелей, вспомогательных механизмов, РЛС, аппаратуры связи. Потом принять боезапас и торпеды.

Торпедные катера с деревянными корпусами пр-183 планировалось плавкраном снимать со стенки на воду, а потом расконсервировать и вводить в строй. Ждать из Николаева плавкран – потерять драгоценное время. Решил, что расконсервировать и испытать главные двигатели (по 4 шт. на катере), механизмы и системы можно и нужно на кильблоках. Удалили силикагель. Изготовили и установили под кингстонами приёма забортной воды специальные коробки и подвели к ним забортную воду из противопожарной магистрали. Приняли немного топлива,

пресную воду, запустили вспомогательные, а потом и главные двигатели. Катера спокойно стояли на кильблоках.

Наш артиллерист кап.-лейт. М.Спиридонов попросил разрешения отстрелять пушки. При стрельбе катер вместе со стойками кильблоков начал опасно расшатываться силами отдачи пушек. Я предложил артиллеристу стволы пушек направить в сторону борта, а не в диаметральный корпус.

Когда прибыл плавкран и спустил катера на воду, оставалось дозаправить их топливом, водой и провести ходовые испытания. Во временную норму ввода этих катеров в строй мы уложились вполне.

На учения прилетел в Николаев и на машине приехал к нам генерал Гришанов – зам Начальника Главного политуправления СА и ВМФ - Начальник управления политорганов ВМФ. Убедившись, что график ввода катеров и кораблей в строй опережается, приказал торпедным катером доставить его в Одессу.

Вскоре катер возвратился. Здороваясь со старшиной команды мотористов мичманом И.И.Алесовым, я удивился, что руку он мне не подал. Извинившись, он рассказал, что при подходе к Одессе на трубопроводе охлаждающей воды дизеля лопнул прорезиненный соединительный дюрит. Не позориться же перед важной персоной. Он обмотал дюрит ветошью и руками держал его до прихода в Одессу. Руки обжёг, но обороты двигателей не сбавил. Долго ещё он, здороваясь, держал руки за спиной.

В кают-компании за столом я рассказал об этом эпизоде начальникам. Начальник политотдела возмутился:

- Что же ты об этом раньше не доложил? Ведь это же героический поступок!

Скромный мичман Алесов так не считал, тем более, что я ему напомнил о том, как он в машинном отсеке своего катера пересушил воздух ниже нормы, что и привело к разрыву дюрита.

Нормально проходил ввод в строй противолодочных кораблей. После расконсервации Карпов пригласил на один

из них представителей Генштаба и Главного штаба ВМФ, чтобы пойти на ходовые испытания.

Проверив работу двигателей, валопроводов, вспомогательных механизмов и электрооборудования, я поднялся на мостик с докладом Командиру бригады. Мостик был заполнен проверяющими. Доложил, что всё в порядке, и у меня появилась мысль показать корабль генералу с Арбата.

- Товарищ капитан 1 ранга! Предложите генералу, я ему покажу корабль.

- Ты сам предложи!

- Чинами мы маловаты!

Комбриг подошёл к генералу, предложил, и тот согласился. Всё было хорошо. Потом мы спустились в выгородку машинного отсека. Я открыл дверь выгородки и увлёк в отсек генерала. Он вошёл, зажал уши руками и ретировался. Поднявшись на палубу, сказал:

- Да, тяжело, очень тяжело служить на корабле машинистам!

Дальше идти не пожелал и поднялся на мостик.

На корабле работали двухтактные дизели 40-Д. Их грохот был намного выше всяких нормативных децибел. Мотористы даже в звукоизолированных выгородках сидели в наушниках.

Учения закончились успешно. Выводы сделал Генштаб. У нас сложилось мнение, что важнейшим недостатком была небрежная, если не сказать хуже, работа военкоматов. В некоторых военкоматах мобилизовывали кого-нибудь и как-нибудь. Спрашиваю первого прибывшего моториста:

- Кем и на каких кораблях Вы служили?

- На кораблях не служил. Я на береговой базе ремонтировал обувь.

Во время учения Командир дивизиона Карпов выводил малые торпедные катера на отработку элементов совместного плавания. Идем в кильватерном строю. За Кинбурнским бумом – резкий поворот влево. Глиссирующие

катера при повороте кренятся в сторону поворота. Вдруг на последнем катере поднимается флажный сигнал «Ч» – «человек за бортом». Застопорили ход. Оказалось, что когда катер резко накренился при повороте, матрос, который никогда не служил на кораблях, испугался и прыгнул за борт.

На одном из противолодочных кораблей производили расконсервацию главных двигателей 9-Д. Во время запуска начали «стрелять» предохранительные клапана. Один из призванных матросов в панике бросился к выходу из машинного отсека. Клапана «стреляли», пока не выгорело масло, какое попало в цилиндры при консервации.

Были и другие подобные казусы. Но хорошо всё, что хорошо кончается.

Прибывший из Риги флагмех П.Кузьмин ходил по порту, что-то записывал, зарисовывал схемы размещения кораблей и противопожарных средств, задавал мне много вопросов. Возле торпедных катеров пр-183 спросил:

- Кто у тебя окрашивал подводные части? Они блестят, как стекло. На моих катерах лак отслоился и местами осыпался.

- А кто у тебя окрашивал?

- Бригада от Судоремонтного завода.

- У меня работали матросы. Но мы строго соблюдали рецептуру и технологию приготовления и нанесения лака. Особенно я следил за добавлением определённого процента спирта. Кроме этого, перед окраской подводные части корпусов хорошо очистили, дважды промыли пресной водой и основательно высушили.

- Заводская бригада вроде соблюдала и рецептуру, и технологию. Но разве за всем уследишь?

Вскоре он почему-то быстро уехал, не попрощавшись.

От Инспекторской группы Минобороны, которую возглавлял маршал К.Рокоссовский приезжал к нам из Севастополя контр-адмирал В.Т.Проценко. Во время войны он командовал Второй Новороссийской Краснознамённой бригадой торпедных катеров.

Были проведены учения по охране и обороне объектов порта, по противопожарной готовности. Специалисты из Севастополя подробно изучали нашу организацию и средства борьбы с пожарами и за непотопляемость. В обеденный перерыв дежурному по порту передали вводную: «Пожар на причале «Эмба».

Когда я прибежал в порт, над «Эмбой» сверкало около 20 мощных струй воды. Ну, прямо фонтан «Дружба народов» на ВДНХ! Подключился к фонтану и дежурный противопожарный дезактивационный корабль (ПДК). Руководитель группы от проверяющих замахал руками и крикнул: «Отбой!»

После проведённых учений контр-адмирал Проценко при разборе обратил внимание на наши ошибки в организации охраны и обороны, дал много ценных советов, подкрепив их случаями из личного опыта.

Запомнился такой пример. После войны в одном из зданий Горисполкома Одессы были собраны досье на городской криминал и тех, кто активно сотрудничал с оккупантами. Однажды в нескольких местах города одновременно были устроены поджоги. Когда все пожарные расчёты оказались задействованными на очагах пожаров, подожгли здание, где хранились досье. Тушить пожар было некому.

У контр-адмирала Проценко проходили встречи с бывшими сослуживцами по бригаде. В штабе у нас служил мичман Леонид Васильевич Наумов. Он заведовал секретным делопроизводством, а периодами и общим делопроизводством. Это был образцовый мичман. Интеллигентный, грамотный, обладавший исключительной памятью и трудолюбием. Когда-то он был кандидатом на курсы подготовки офицеров. Комбриг Проценко не нашёл замены и не отпустил его из штаба. Конечно, было обидно, когда один из его бывших товарищей-мичманов приезжал в Очаков в звании старшего лейтенанта. Леонид Васильевич

рассказал мне, что контр-адмирал Проценко во время встречи и беседы как бы извинялся перед ним за свой поступок.

Пыталась встретиться с адмиралом бывшая официантка салона Командира бригады во время войны. Я увидел, что она прилично «навеселе». Из штаба в окружении офицеров выходил Виктор Трофимович Проценко. Чтобы встреча не произошла, я каким-то дефицитом увлѣк Мусю в магазин и закрыл наружную дверь. Когда адмирал с офицерами прошѣл за ворота части, я открыл дверь магазина и был обруган Мусей.

Для подведения итогов учения Карпов приказал собрать у него в кабинете всех командиров экипажей. Опаздывал только один. Комдив дважды посылал рассыльных, но капитан-лейтенанта П. не нашли. Симпатичный, любимый женщинами, он был несколько легкомысленным офицером. Ожидали долго. Было видно, как нервничает комдив. Наконец, кап-лейт П. вошѣл в кабинет.

- В чём дело?! Почему опаздываете? Вас одного ждѣм почти 20 минут!

Кап-лейт П., приняв стойку «смирно», командным голосом докладывает:

- Опоздал по причине личной недисциплинированности!

Потом, сделав три шага строевым в сторону комдива, дополнил:

- Готов выполнить любое Ваше приказание!

Офицеры с улыбкой опустили головы. Павел Михайлович с трудом удержал строгое выражение лица.

- Садитесь!

После совещания, конечно, было над чем пошутить, посмеяться.

Работаю в кабинете с документами. Вдруг, вбегает оперативный дежурный.

- В порту «шестѣрка» тонет!

«Шестёрка» – это малый противолодочный корабль МПК-6.

Прибежал в порт. На причале «Эмба» – толпа «зевак» и небольшая группа уже на палубе МПК. Корабль осел ниже ватерлинии и как-то накренился. Не удержался и, впервые, с бранью:

- Все вон к ... с корабля! Дежурный! Найдите и пригласите особиста! Приготовьте две пары брюк от костюма химзащиты. Капитану ПДК начать осушение отсеков корабля.

Представитель особого отдела, капитан-лейтенант, прибыл быстро. Мы надели прорезиненные брюки и спустились на палубу корабля. В носовом машинном отделении воды было выше настила, а в кормовом – значительно больше. От дежурного ПДК опустили в машинное отделение рыбососный шланг и мощным дизельным пожарным насосом быстро откачали воду.

В кормовом машинном отделении послышалось журчание воды. Оказалось, что вода поступает из-под крышки кингстона. Я показал особисту, что прижимные барашковые гайки крышки отвёрнуты на 3-5 оборотов.

Доложили о случившемся в Бригаду. Из Одессы прибыл флагмех, инж-кап 2 ранга Д.Е.Гольдман, и представитель политотдела. Обследовали кингстон. Обсудили различные варианты. По настоятельному требованию представителя политотдела и особиста остановились на версии, что крышку кингстона выдавило льдом, когда корабль зимой находился в ремонте. Был приказ по Бригаде.

Будучи в Одессе, я спросил у Давида Ефимовича:

- Как же Вы могли согласиться с подобной версией?

- Знаю, что такого быть не могло. В одном из НИИ ВМФ проводили эксперимент на подобную тему и признали невозможным подрыв крышки кингстона льдом. Кроме этого, гайки не могли сами отвернуться. Была бы сорвана резьба.

Но, что делать? Значит, нужно было бы искать исполнителя диверсии. А это не просто, и, опять же, пятно на бригаду.

- За что же Вы мне-то «строгача» вклеили?

Гольдман побежал в секретную часть. Принёс Рабочий журнал и показал, что в проекте приказа он написал мне «поворот головы», то есть, обратить внимание инженер-механика дивизиона и так далее. Это было зачёркнуто, и рукой Начальника политотдела записано: «Объявить строгий выговор».

Я получил за всю офицерскую службу это единственное взыскание.

Приближался наш праздник – День Военно-морского флота. Павел Михайлович обратился ко мне.

- Слушай, давай-ка организуем на праздник что-нибудь интересное! Пригласим семьи, руководителей района, знакомых. Подумай, напиши сценарий.

Что можно сделать интересного, оригинального за короткий срок при такой загрузке текущими делами? Но – надо.

Подумал и написал сценарий. Прочитав, Карпов его одобрил и сказал, что это будет первое отделение, а во втором он предложил показать торпедную атаку.

В свободное время в эллинге я с матросами мастерил макет кита. На деревянные брусья нашили через равные промежутки доски так, чтобы они в плане напоминали туловище кита. По краям досок из 6-мм проволоки закрепили рёбра-шпангоуты и связали их продольной тонкой проволокой. На каркасе закрепили авиационную надувную спасательную лодку ЛАС-5. Весь набор покрыли чёрной полиэтиленовой плёнкой. В кормовой части установили большой вертикальный «плавник», а в носовой – дуги из проволоки на шарнирах, которые изображали верхнюю губу пасти с зубьями из серебристой ткани-500. Верхняя губа поднималась, и два человека свободно проникали в чрево и там размещались на лодке. Белилами нарисовали «киту»

лукавые глаза и установили маленький ручной насос, от которого вода подавалась к отверстию в голове, изображая «фонтанчик».

Капитану ПДК я предложил на имеющихся сваях закрепить пожарные стволы так, чтобы их не было видно. По команде «дать напор» из-под воды появятся фонтаны.

На празднование в порту собралась публика. Прибыли руководители района и города. По команде из ячейки эллинга выплывал кит с фонтанчиками. Пополнив воздухом поплавки ЛАС-5, кит всплывал и на вёслах подходил к стенке. Открывалась «пасть», и из него выходил Нептун с трезубцем, а за ним – обвешенный водорослями и сетками, в ластах, Водяной. Нептун поздравлял присутствующих с праздником. Из-под воды начали бить фонтаны. Водяной – смелый озорной матрос – подходил к публике, шутил, вызывая общий смех. Не стеснялся и начальства.

Фото 76 Очаков. 1962 год. Сработанный мной «кит» перед Днём ВМФ, во «чреве» которого находились «Нептун» и «Водяной».

Потом были соревнования по плаванию, по нырянию на длину с вручением призов. Играли в ватерполо.

Ко мне подошёл довольный Командир дивизиона.

- Начнём второе отделение. На катере пойдём в лиман и покажем торпедную атаку. Только прошу, с места – 1400 оборотов двигателей!

- Павел Михайлович! Это же делать нельзя. Можем запороть двигатели.

- Толя! Раз в жизни прошу!

В этом был весь Павел Михайлович – Чапай!

Я вызвал старшину команды мотористов и приказал прогреть охлаждающую двигатели воду до 90°C.

Карпов пригласил почётных гостей на катер. Они, осторожно оглядываясь, устраивались на палубе между торпедными аппаратами. Павел Михайлович встал за штурвалом авторулевого, а я уселся за управлением двигателями. Он подал команду:

- Отдать носовой! Отдать кормовой! (швартовы)!

А мне шепнул:

- Давай!

Включаю передний ход и быстро поднимаю число оборотов. Карпов постукивает по моей руке, в которой рычаг управления оборотами. Катер вздыбился и рванулся вперёд. Наши пассажиры не ожидали. Кто-то успел удержаться за оттяжки мачты, а некоторые упали на палубу. Карпов оглянулся и показал мне кулак с оттопыренным большим пальцем.

Была лихая атака с дымзавесой и торпедным залпом. Возвратились в порт. Началось незапланированное третье отделение. Районных и городских руководителей Карпов пригласил в кабинет, а меня попросил подкрепить запасы спиртного. Потом, как бы извиняясь, что я не был приглашён, он рассказал, как Второй секретарь райкома «кушала» спирт и перегрузилась.

Жизнь в Очакове оставила в памяти интересные природные явления. Одним из них можно найти причины, а некоторые объяснить трудно.

Например, пыльные бури. Начало их было где-то в степях, от взаимодействия сильного ветра и восходящих потоков воздуха. Всё вокруг становилось окрашенным в серо-жёлтый цвет. Через потоки пыли слабо просматривался светлый солнечный диск. Это напоминало солнечное затмение, только не кратковременное, а многочасовое. Потоки пыли проплывали в верхних слоях атмосферы, а на земле ощущались слабо. Явление это отражалось даже на поведении животных.

Чем объяснить нашествие на город десятков змей со стороны Таврии или с острова Березань? В порту у нас, в левом углу, я не раз встречал, чаще парами, этих ползучих гадов. Останавливался и пропускал их устремление к воде. Но вот такое массовое появление их в городе было только однажды. Змей можно было увидеть висевшими на ветвях дикого винограда, который укрывал крыльцо нашей квартиры. Много их было в старинных капонирах, находившихся по дороге в порт, и в других сырых помещениях. Через сутки они так же внезапно исчезли.

Однажды мы решили познакомиться с пустующим островом Березань. Высадились на нём. Подошли к развалинам бывшей морской батареи. На бетонных площадках, свернувшись клубками, грелись десятки змей. Мы быстренько возвратились с острова. Возможно, и тогда с острова они приплыли в город. Но кто им дал команду?

Такие явления, как летние смерчи и зимние рефракции объяснимы. Они бывали неоднократно. Смерчи шли с моря, достигая берега – творили погромы, особенно в сёлах, и постепенно разрушались. Рефракции, когда над лиманом становился видным берег устья Днепра, случались в ясные морозные дни.

Но вот миграция жуков, божьих коровок, которая длилась несколько дней, была загадочной. Миллиарды их

летели вдоль берега. Солнце едва просматривалось. Пляжи, конечно, опустели, а песок у кромки воды и прибрежные волны были красными от погибших особей. В городе они встречались реже. Прибывшие к нам из Одессы офицеры на вторые сутки решили искупаться. Мы на машине приехали на пляж. Они бодро разделись и побежали к воде, но тут же ретировались. Эти «божьи» уж очень больно кусали.

Однажды на Кинбурнской косе собралось несколько сотен пеликанов. Они махали крыльями и что-то громко обсуждали. В городе был слышен их гортанный крик. К вечеру пеликаны дружно поднялись и улетели. Кто и как их оповещал по Чёрному морю собраться в такое-то время на Кинбурнской косе? Кто им дал команду: «Разлетайтесь!»? Очевидно, был вожак.

Помнится и один печальный эпизод. В первых числах мая, ночью, резко упала температура воздуха. Утром в порту я увидел массовую гибель ласточек. Они обычно гнездились под козырьками крыши механической мастерской и эллинга. По периметру этих зданий на земле лежало несколько десятков трупиков пташек. Единицы выдержали порыв холода и остались живыми.

Для присмотра за дочуркой и помощи по хозяйству жена приглашала местных женщин. После обслуживания вызовов и возвращения домой жена отпускала помощницу. Некоторые из них порядочностью не отличались.

Соседка по квартире сказала, что помощница – девица, которую знакомые звали Чита за резкие движения и непривлекательную физиономию, перед приходом жены что-то прячет у крыльца квартиры. Жена проверила и обнаружила приготовленные пакеты с продуктами. Нарекания жены Чита восприняла с улыбкой. Потом жена обнаружила пропажу некоторых своих вещей, украшений и девичьего колечка с голубым камушком.

Нашли другую женщину – беженку с Западной Украины. У неё, якобы, была какая-то семейная трагедия.

Предложили ей полный пансион. Оказалась неумехой, нечистоплотной и какой-то угрюмой. Вскоре сама куда-то уехала. Были и другие девицы, правда, более порядочные. Одно время дочь жила у моей мамы.

Встречаю однажды жену с работы. Идёт и улыбается.

- Что за радости? – спрашиваю.

- Так вот ты какой! Скрывал всё время от меня, что у тебя была жена! Портниха Тася мне сказала:

- Капитолина Васильевна, так Вы тоже у Анатолия Андреевича не первая?

- Откуда такие новости?

- Ну как же! Подруга, что работает на почте, сказала, что Анатолий Андреевич каждый месяц посылает в Москву алименты.

Посмеялись. Действительно, я каждый месяц с полного согласия Капитолины посылал маме 30 рублей к её учительской пенсии 55 рублей 60 копеек.

После увольнения в запас в 1980-м году я побывал в Московском городском управлении социального обеспечения. Маме, как награждённой Орденом Ленина, решением комиссии при исполкоме Моссовета депутатов увеличили персональную пенсию до 90 рублей.

По дороге к шоссе Одесса-Николаев, в 25 км от Очакова, находилось большое село. Показательна его история.

В первые годы службы в Очакове мне неоднократно приходилось проезжать это заброшенное в степи село с названием Анчикрак. Дома, в большинстве утлые мазанки, и утопающие в грязи улицы. Жители, как правило, с понурыми лицами и в посконных одеждах. Основное торговое предприятие – большая комната в мазанке с маленькими окнами, земляным полом и грязными столами – называлось «Чайна».

Преодолев с неоднократными буксировками дорогу, мы с шофёром зашли в «Чайну» перекусить. Что-то выбрали из скудного меню.

С нарастающей силой стали слышны удары в металлические тарелки, а потом под монотонный аккомпанемент гармошки раздавалось нестройное исполнение частушек сомнительного содержания. Утопая в грязи улицы, двигалась небольшая компания, из которой несколько человек с шумом зашли в «Чайну». Я спросил:

- Отчего так веселимся?

- Избрали нового председателя сельсовета.

Я оказался в селе в переломный момент его судьбы.

В последующие годы службы в Очакове это село называлось Каменка. Колхоз-миллионер «Украина». Асфальтированные улицы, большой торговый центр, Дворец культуры, музей, школа. Дома колхозников – коттеджи со всеми удобствами. Централизованное электроснабжение, газификация, цеха по производству кулинарных изделий, вплоть до колбасных.

Мне поведали историю колхоза.

В начале 1950-х годов в селе появился демобилизованный майор Иван Степанович Шевченко. Энергичный, трудолюбивый, честный и «с характером» человек. Избрали его председателем колхоза. Перед колхозниками он поставил условия: «Будете хорошо работать – будете хорошо, по-человечески, жить. Пьянство бросить.»

И началось становление жизни. Получили хороший урожай. Рассчитались с государством и с колхозниками, а ещё остались неубранными некоторые поля. Председатель предложил продолжить уборку на долевых условиях: большую часть убранного – в закрома колхоза, а остальное – в личное пользование. Закрома оказались переполненными, а колхозники – довольными. Из района попросили помочь отсталому соседнему колхозу. Помогли. Тогда попросили помочь району рассчитаться с государством. Помогли.

Вызвали Ивана Степановича на Бюро Райкома партии поделиться опытом. Он откровенно рассказал, как смог мобилизовать колхозников на ударный труд. Члены Бюро долго совещались. Нашлись исполнительные завистники.

Бюро Райкома за нарушение положения колхозного Устава и незаконную раздачу урожая колхозникам объявило ему строгий партийный выговор и серьёзно предупредило. Через область дело дошло до Щербицкого – Секретаря ЦК Компартии Украины. Создали комиссию. Разобрались. Бюро райкома партии извинилось, и строгий выговор сняли. Скоро Иван Степанович стал Героем Социалистического труда.

Проезжая Каменку, мы иногда заходили перекусить в светлую, чистую, уютную «Чайную» с широким, по-сельски, ассортиментом закусок и напитков. Как-то, возвращаясь из Одессы, мы оказались в полкилометре от Каменки без бензина. Я пошёл в село и встретил Ивана Степановича. Попросил помочь. Он тут же распорядился заправить нашу машину, а меня завёл в «Чайную». Поговорили о текущих делах, о планах за стаканом доброго сухого вина.

Вот она, непреложная истина. Там, где руководитель честный трудолюбивый человек, целиком посвятивший себя предназначенному делу, обладающий организаторскими способностями, приличным здоровьем и твёрдой волей, – там порядок, и жизнь совершенствуется. И это не только о колхозе.

Вот здесь-то, в колхозе, я подхватил на долгие годы серьёзную болезнь – радикулит. В порядке оказания шефской помощи нас привезли на поле колхоза. Для прополки распределили по грядкам. Грядки были, как казалось, аж до самого горизонта. После двух проходов я едва разогнулся. Потом прошёл все стадии и способы лечения: от «волшебных» мазей, тепловых процедур до вытяжения, лечебных грязей и массажа. Какие-то последствия ощущаются и теперь, когда мне за восемьдесят.

Иногда за технической помощью к нам обращались из колхоза. Что-то выточить на станке, сварить, отковать.

Однажды приезжает колхозный механик дядя Ваня.

- Выручайте! На пилораме «полетел» вал и стройка остановилась.

- Какой диаметр, размер? – спрашиваю.

- Ось такехенький, - показывает он на пальцах.

Повел его на свалку и показал списанные гребные валы торпедных катеров.

- О! Це те, що треба!

- Забирай!

- Ни, мени треба небольшенький! – и показал около двух метров. Я вызвал газосварщика. Отрезали от десятиметрового вала. Весёлый дядя Ваня бросил вал в кузов своей полуторки и уехал. Вечером идём на ужин. На крыльце моей квартиры, под ветвями дикого винограда, стоит стеклянная бутылка. Понюхал – вино. Возвратил шедших со мной товарищей, и мы перед ужином приняли «по баночке» сухого. Потом дядя Ваня сказал, что это было «Алиготе» из председательской бочки.

Когда закончилось строительство асфальтированной дороги из Очакова на Каменку, туда стали ездить наши автомобилисты. Надо же было освоить дорогу!

Перед отпуском зашёл я к Комдиву попрощаться. Поговорили о текущих делах, обсудили, на что нужно обратить внимание механиков экипажей. Карпов спросил, проинструктировал ли я остающегося за меня на время отпуска механика береговой базы. Вдруг зашёл оперативный дежурный и доложил, что на дороге произошло серьёзное ДТП, в котором оказалась и наша машина. Об этом сообщил прибывший с лёгким ранением начфин береговой базы лейтенант Шендрик. Карпов приказал вызвать начфина к нему в кабинет. Прибыл лейтенант Шендрик. Говорить ему было трудно. Из сбивчивой и невнятной речи можно было понять, что он с заведующим гаражом, мичманом Цурканом, испытывали после ремонта «Волгу», которая принадлежала прибывшему из Молдавии земляку Цуркана. В Каменке начфин и завгар дегустировали молодое терпкое вино. Известно, что такое вино не столько пьянит, сколько дурманит.

При возвращении на большой скорости Цуркан не справился с управлением. Его «примагнитило» к встречной

машине ГАЗ-63, и «Волга» у неё почти вышибла правое колесо. Сама же «Волга» оказалась опрокинутой в кювете и далеко от встречной машины.

Во время столкновения начфин сильно ударился шеей о выступ приборного щитка и потерял речь. Завгар получил перелом ноги, ключицы и сильные ушибы.

Кап 2 ранга Карпов приказал отправить к месту аварии грузовой автомобиль с матросами для оказания помощи.

После возвращения из отпуска мне рассказали, что Карпов отстранил от должности завгара, а после выздоровления уволил его со службы. По просьбе Цуркана командир разрешил ему остаться в транспортной команде, но на должности шофёра ассенизационной машины.

Машину эту Цуркан привел в идеальный порядок, назвал её «Пчёлка», а она его спасла от банкротства. Поскольку в городе не было канализации, большинство отхожих мест находилось во дворах. Городской обз коммунальной службы с очисткой не справлялся и работал выборочно. Вот здесь представились Цуркану широкие возможности. За определённую мзду он производил очистку, а по договорной просьбе, и опять же не бесплатно, содержанием бочки удобрял огородные участки. Его сосед рассказывал, что за небольшой срок он не только отремонтировал злополучную «Волгу», но и приобрёл телевизор и холодильник.

Однажды мне позвонили и передали приказание срочно прибыть в штаб бригады в Одессу. Самолёт ПО-2, курсировавший между Одессой и Очаковом, должен был вот-вот прилететь. Я побежал в гараж. Все были на обеденном перерыве. Прибежал на территорию городка. Ни одной машины. Вдруг, в ворота заезжает Цуркан на своей «Пчёлке». Я прыгнул в кабину и приказал ехать на аэродром. Самолёт стоял на взлёте, винт вращался. Мы мчались к нему напрямую, через всё лётное поле. Лётчики остановили двигатель. Когда мы подъехали, они, не скрывая улыбки,

запустили меня в салон самолёта. В Одессу я прибыл даже заблаговременно.

Командиру дивизиона приказали разработать проект Мобилизационного плана. Несколько вечеров он в одиночестве сидел над этим планом. Потом почему-то обратился за помощью ко мне. Было поручено рассчитать необходимые НЗ (неприкосновенные запасы) по некоторым видам снабжения на случай объявления чрезвычайного положения.

Кроме этого, он поручил мне разработать и предложить организацию и места рассредоточения наших кораблей. Несколько вечеров мы сидели в кабинетах до 23 часов.

- Вот закончим работу – отметим это дело, – сказал Карпов.

Когда работа была закончена, я ему напомнил об обещании отметить завершение расчётов.

- Ты знаешь, что-то мне не хочется отмечать этот труд.

- И мне тоже не хочется, – согласился я.

В соответствии с проектом мобплана нужно было создать на случай аварии свою электростанцию для обеспечения электроэнергией важнейших объектов порта. Разместить её планировали в штольне, где хранились запасы торпед.

Не надеясь на расторопность механиков береговой базы, я отправился в Одессу на торпедолове ТЛ-33. Это был трофейный итальянский катер, переоборудованный для подъёма из воды учебных торпед после их всплытия, когда из боеголовок продувался водяной балласт.

Погрузили в трюм всё полученное техническое имущество. Дизель-генератор в люки трюма не проходил. Его закрепили на палубе. Естественно, центр тяжести катера поднялся, и остойчивость значительно уменьшилась.

Несколько раз я звонил Оперативному дежурному штаба ВМБ с просьбой разрешить выход в Очаков. Он ждал

Начальника штаба ВМБ. Когда было получено разрешение на выход, погода ухудшилась. Усилилось волнение. Было заметно, что катер, накрываясь под воздействием ветра и волн, как-то «зависал» в накрённом положении. Было понятно, что, если усилится напор ветра и волн, он может опрокинуться. В таком напряжении мы шли более часа, пока не укрылись за мысом, где ветер и волны были слабее. Пожалуй, это был единственный случай за всю службу, когда я серьёзно ощутил всю опасность такого плавания.

Поступил приказ о назначении кап. 2-го ранга П.М.Карпова Начальником тыла Потийской ВМБ. На должность Командира 524 дивизиона кораблей резерва из Одессы прибыл кап. 3-го ранга Краснопеев. Когда Карпов передал дела новому командиру, он собрал офицеров и тепло со всеми попрощался. Через несколько дней, в воскресенье, жена предложила мне прогуляться на окраину города, где жил её пациент, отказавшийся от стационарного лечения. Мы шли по дороге на выходе из города. Вдруг мимо нас проскочил УАЗик и остановился. В машине был Павел Михайлович с Галиной Алексеевной и детьми. Он вышел из машины чем-то очень озабоченный и ещё раз тепло с нами попрощался.

Впоследствии судьба его не очень баловала. В Потийской ВМБ на артиллерийских складах случился большой пожар. Позже он мне рассказывал, что виновными были авиаторы, склады которых располагались совместно и пожар возник у них. Однако, виновником назначили его и собирались судить. Командующий флотом адмирал С.Е.Чурсин взял Павла Михайловича под покровительство. Благо, жертв не было. Убытки определили суммой, при которой списать их мог Главнокомандующий ВМФ. Карпов получил серьёзное служебное и партийное взыскание. Потом его перевели в Севастополь на должность Оперативного дежурного штаба Флота.

Во время противостояния в Средиземном море Черноморского флота и Американской Эскадры служба

потеряла местонахождение авианосца «Энтерпрайз». Будучи Оперативным, Карпов выслал на его поиски миноносец. На утреннем докладе он не смог доложить Командующему флотом адмиралу Ховрину, где находится «Энтерпрайз». Командующий «топтал свою фуражку» и приказал Карпова на барже-грязнухе отправить в Севастополь.

Потом Павел Михайлович командовал гидрографическим судном и постоянно пребывал в портах Средиземного моря. Когда по состоянию здоровья ему запретили ходить дальше Босфора, он командовал вспомогательными судами и, опять же, по здоровью его «сняли» с капитанского мостика.

Последнее время, чтобы не расставаться с морем и подкрепить скудную пенсию, он служил на вспомогательных судах. Тяжёлое психическое заболевание Галины Алексеевны и её кончина окончательно подорвали и его здоровье.

Новый Командир дивизиона, по моим понятиям, был не совсем то. Держался он обособленно, строго в рамках служебных обязанностей. Переезжать из Одессы в Очаков с семьёй, конечно же, не собирался. Ему нужно было только получить очередное звание. Служба шла размеренно, но без той направленности на совершенствование, какой обладал Карпов.

У меня участились командировки. В Севастополь вызывали на совещания по рационализаторской работе, посылали на партийные конференции. Там я встречался с Павлом Михайловичем. Сидели мы однажды в кафе, вспоминали совместную службу. Когда собрались уходить, я увидел под стулом красненькую купюру в десять рублей.

- Павел Михайлович! Что это у Вас под стулом?

Он осмотрелся, взял купюру и попросил официанта принести «на посошок». Посетовал, что Галина Алексеевна будет журить. Мы купили в гастрономе большой кулёк конфет. Галина Алексеевна, по крайней мере, пока я был у

них, принимала нас радушно. Потом я ушёл в гостиницу, которой управлял наш бывший замполит И.С.Грунин.

Была командировка в Москву, в Главное техническое управление ВМФ. Мне приказали подготовить доклад об организации боевой подготовки на кораблях резерва. Сначала с докладом отправился в Севастополь. В Техническом управлении флота, как мне потом стало известно, доклад никто не читал.

Мы, четверо инженер-механиков, как представители Черноморского флота, оказались в одном купе поезда на Москву. Познакомились. Сбросились запасами съестного. Один из товарищей выложил на стол добрую половину запеченного гуся. В непринуждённой беседе с шутками время прошло быстро. При подъезде к Москве навели в купе порядок. Я отправился вылить остатки спирта. В приоткрытой двери одного купе с грустным видом стоял армейский майор. Пройдя купе, я сделал шаг назад, показал бутылку и предложил:

- Будете?

- А что это?

- Чистый.

Майор в знак благодарности покачал головой, взял бутылку и закрыл дверь купе.

Прибыли в Москву. Остановился, конечно, у мамы в Кузьминках. В Главном Техупре сразу направился к Начальнику отдела кораблей резерва, кап. 1-го ранга В.Н.Полякову. Мы с ним ранее встречались: он жил в Кузьминках. Он мой доклад одобрил.

На пленарном заседании я встретил нескольких однокашников, служивших на других флотах. С одноклассником Валея Решниным после заседания гуляли по Москве. На Столешниковом отметились в магазине, где давали на разлив. Впоследствии я узнал, что во время страшного ЧП на лодках в Полярном он был тяжело ранен. В Ленинградской медицинской академии его подлечили, но развилась саркома.

Одни товарищи спрашивали, как попасть в Третьяковку, в Большой. Другие интересовались, где можно хорошо поужинать. На другой день один из них вспоминал, как в «Пекине» кушал суп из плавников акулы. Мне самому пришлось походить по магазинам, чтобы купить подарки жене и девочкам.

Через некоторое время по возвращении из Москвы дежурная на телефонном коммутаторе пригласила меня к аппарату ВЧ. Звонил из Измаила бывший Начальник штаба Одесской ВМБ, кап. 1-го ранга Р.П.Дементьев. Он предложил мне должность преподавателя на Спецфакультете Черноморского военно-морского училища. Это было неожиданностью. Я отказался, сославшись на желание служить на кораблях флота. Очевидно, Дементьев обратился в Отдел кадров Одесской ВМБ, где ему, по старой памяти, предложили мою кандидатуру согласно аттестациям.

Регулярно, начиная с курсантских лет, мы проходили аттестование. В офицерские годы аттестование проводилось по приказанию свыше. Содержание Аттестации обычно состояло из набора общепринятых фраз, согласованных с текстом предыдущей аттестации и с отражением мнения начальника по отдельным чертам характера, поведения, прилежания к службе аттестуемого.

Нас, как правило, знакомили с текстом Аттестации, которая подшивалась в Личное дело. Со своим Личным делом я познакомился лет через десять от начала службы, о чём очень сожалел, прочитав выпускную Аттестацию из Училища. Характерно, что содержание всех моих Аттестаций последовательно улучшалось.

Когда мне дали прочитать текст первой офицерской Аттестации, я несколько удивился. Командир дивизиона капитан 3-го ранга Васьковский не смог быть до конца справедливым. По службе я не имел никаких замечаний. Были одни благодарности, а в выводах он написал: «Должности соответствует. Продвижению по службе не подлежит.» Я откровенно возмутился:

- Неужели Вы считаете, что я не достоин служить на кораблях классом выше, чем катера-тральщики?

- У тебя по званию перспектива на пару лет, а мне другого офицера не нужно, – был ответ. Впоследствии, видимо, переписав текст, появилась Аттестация от декабря 1952 г. с выводами: «Теоретически и практически по специальности подготовлен хорошо. Организаторскими способностями обладает, может подчинённый личный состав направить на выполнение первоочередных задач. Целеустремлён. К недостаткам следует отнести слабый контроль исполнения отданных приказаний и распоряжений.» В заключительной части вр.и.о. Командира Одесской ВМБ кап. 1-го ранга Самсонов отметил: «Занимаемой должности соответствует. Достоин служить на кораблях. Обратить внимание на выработку командирских качеств.»

При аттестации в 1959 г. в выводах было отмечено: «Занимаемой должности соответствует вполне. Принимает активное участие в партийно-политической работе части. Пользуется заслуженным авторитетом у подчинённых и сослуживцев. Хороший моряк. Физически здоров. Достоин продвижения по службе на должность Флагманского инженер-механика бригады ТКА.

И вот выводы по аттестации 1962 г.:

«1. Занимаемой должности соответствует.

2. Достоин в 1963-1964 гг. продвижения по службе на должность инженер-механика бригады кораблей или в НИИ научным сотрудником.

Командир 524 ДКР 83-ей бригады ОВР – кап. 2-го ранга П.Карпов.»

И ниже:

«Занимаемой должности соответствует. Имеет большой опыт консервации, расконсервации, содержания кораблей в резерве и проведения электромеханической боевой подготовки, большой опыт эксплуатации торпедных катеров.

Имеет отличную инженерную подготовку, творчески подходит к решению технических вопросов. Дисциплинированный и исполнительный офицер.

Достоин назначения на должность Флагманского инж-механика Бригады надводных дизельных кораблей, Бригады торпедных катеров. Достоин представления на конкурс для замещения вакантной должности научного сотрудника НИИ ВМФ.

Флагманский инженер-механик 83-ей бригады ОВР инж-кап 2-го ранга – Д.Гольдман»

Кап. 1-го ранга Дементьев не успокаивался. Через пару недель меня снова пригласили к аппарату ВЧ. Он настойчиво рекомендовал прибыть в Измаил для ознакомления с условиями преподавательской службы на кафедре ДВС, электрооборудования, теории и устройства корабля на Спецфаке Черноморского высшего военноморского училища им. П.С.Нахимова. Штатная категория – капитан 2-го ранга.

Командир дивизиона, кап. 3-го ранга Краснопеев, собрался пойти в Одессу на корабле. Я испросил разрешения пойти с ним, а из Одессы слетать в Измаил по приглашению кап. 1-го ранга Дементьева.

Зима. В порту – лёд. Корабль перевели в гражданский порт и поставили у причала носом к берегу. В порту плавал битый лёд. Прогрели двигатели. Дали задний ход. Я из машинного отделения в переговорную трубу крикнул, что это опасно, льдины могут попасть под винты. Пока соображали – оказалось поздно. Начали «бить» гребные валы. Выбрали оптимальные обороты и как-то дошли до Одессы. Кап. 3-го ранга Краснопеев в Одессе был свой человек. Водолазы сняли винты, в мастерской выправили «розочки» лопастей винтов. Я улетел на ЛИ-2 в Измаил.

Представился кап.1-го ранга Дементьеву. Он принял меня приветливо. Кратко охарактеризовал особенности работы с иностранцами и познакомил с Начальником кафедры. Им оказался инж-кап 2-го ранга Г.В.Смирнов –

одногодок по выпуску из училища, но окончивший электротехнический факультет, а потом – Академию ВМФ им. А.Н.Крылова. Он подробно рассказал мне об условиях службы, преподавательской работы и жизни в Измаиле.

Я дал согласие продолжить службу на Спецфакультете. Через несколько дней пришёл приказ о моём назначении. Был февраль 1964 г.

*Фото 77 Очаков. На демонстрации в День Победы.
В первом ряду: Начальник электростанции «Южная» майор
Новяк С.А. инж.-механик дивизиона ТКА инж.-кап.-лейт.
ДонюшА.А. Командир Береговой базы дивизиона ТКА.*

Вот и прощай, Очаков! Почти 13 лет жизни я провёл в этом городе. И я не сетую на судьбу.

Здесь я обрёл большой опыт службы, будучи первые годы единственным инженером в гарнизоне. Здесь

укрепилась моя самостоятельность вдали от руководящих специалистов и под началом весьма порядочных командиров, одаривших меня полным доверием. Здесь я начал свою службу в отряде из шести катеров-тральщиков и закончил с более 60-тью кораблями и катерами, осваивая новые методы консервации, расконсервации, содержания в резерве и боевой подготовки экипажей при введении кораблей в строй.

Здесь состоялась моя семья. А жена обрела опыт терапевта и встречалась с такими болезнями, как проказа и бешенство.

Опыт корабельной службы в Очакове был востребован в моей дальнейшей педагогической деятельности, где теоретические выкладки я всегда мог подтвердить практическими знаниями.

Фото 78 Очаков. Заседание Участковой избирательной комиссии. Стоит Председатель комиссии – кап.-лейт.-инж. Донуш А.А.

ИЗМАИЛ (зрелость)

«Не было крепостей крепче,
Не было обороны отчаяннее
Обороны Измаила.
Но Измаил взят!»
(А.В.Суворов)

После получения приказа о назначении преподавателем Спецфакультета Черноморского Высшего военно-морского училища имени П.С.Нахимова передал дела инженер-механика 524 Дивизиона кораблей резерва вновь назначенному офицеру и, оставив семью в Очакове, убыл в Измаил. По прибытии представился Начальнику Спецфакультета кап. 1 ранга Дементьеву Ростиславу Петровичу. О нём я знал, что во время войны он служил штурманом на одном из миноносцев Черноморского флота. А в какой-то период моей службы в Очакове он был Начальником штаба Одесской ВМБ.

Это был небольшого роста полнеющий офицер. Говорил он неспешно, как бы обдумывая всё сказанное. Меня Ростислав Петрович принял доброжелательно. Кратко ознакомил с задачами факультета, положительно отозвался о Начальнике и офицерах кафедры инженер-механиков. При моем напоминании о «тёмном пятне» биографии сказал, что всё это были происки Ежова и Берии.

Назначенный вместо убитого в запас Начальником кафедры кап. 2 ранга Смирнов Геннадий Викторович оказался одного года выпуска из Училища. Только он окончил Электротехнический факультет, а впоследствии – Академию А.Н.Крылова. Был Советником в Китае, служил в Рыбинске Командиром СБР (судно безобмоточного размагничивания). А на кафедре я познакомился с преподавателем кап.2 ранга Домниным Ю.И., окончившим

Паросиловой факультет нашего Училища годом раньше и служившим, в основном, в Военно-морских учебных заведениях (ВМУЗах). Он вёл курс ТУЖК (теория, устройство и борьба за живучесть кораблей). Мне предложили курс «Двигатели внутреннего сгорания». Для начала необходимо было подготовить и прочитать на кафедре пробную лекцию.

Быт мой определился офицерским общежитием факультета, который находился на небольшом расстоянии от учебного городка и от центра города. Это был аккуратный одноэтажный дом. В подвале размещались: кухня, отопительный котёл, кладовая. Была даже ванная с пожелтевшей эмалью. Меня поселили в светлой просторной комнате вместе с кап. 2 ранга Волковым Юрием Александровичем. Его семья проживала в Москве. В общежитии и в Музее А.В.Суворова меня ознакомили с краткой историей Измаила.

Фото 79 Измаил. Дунай. Слева вдали – порт, справа – берег Румынии.

Город располагался на высоком левом берегу широкого (более километра) Килийского гирла Дуная, в 80-ти км от Чёрного моря. В XII веке это была генуэзская крепость, а с XVI века – турецкая. Тогда она получила своё нынешнее название.

В 1770 году Измаил был впервые взят русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала Н.В.Репнина, но по мирному договору остался за Турцией. Турки превратили Измаил в мощнейшую крепость. Во время второй русско-турецкой войны, в декабре 1790-го года Измаил штурмом был взят богатырями А.В.Суворова. По Ясскому договору 1791 г. он опять был оставлен за турками. Ещё раз крепость была взята во время войны 1806-1812 гг. войсками под командованием генерала П.И. Багратиона и с 1812 г. вошла в состав России. После очередной войны 1877-1879 гг. по Сан-Стефанскому мирному договору Измаил официально был закреплён за Россией.

В начале 1918 г. Бессарабия, а с ней и Измаил, при поддержке стран Антанты были захвачены королевской Румынией и находились в её составе до 1940 года. Во время Великой Отечественной войны Измаил был оккупирован немецко-румынскими войсками и освобождён в августе 1944г.

Город произвёл на меня хорошее впечатление. Он по планировке, застройке, промышленности, учреждениям культуры, озеленению и численности жителей оказался на несколько порядков выше Очакова. Центральный проспект Суворова мне представился как идеал, который должен быть в крупных городах: тротуар, проезжая часть, тротуар, густо заросший деревьями бульвар с пешеходной дорожкой и повторение тротуаров и проезжей части с другой стороны бульвара. Вдоль проспекта расположены административные здания, магазины, рестораны, кафе, гостиница, кинотеатр, музей, школы, больница и жилые дома. Ближе к Дунаю проспект переходит в центральную площадь, на которой находятся универмаг, ресторан, дом быта и парк с

Покровским собором, а за ним – памятник А.В.Суворову, созданный скульптором Б.В.Эдуардсом ещё в 1913 году. Во время Первой мировой войны памятник был перевезён в Одессу и только в 1945 г. установлен в Измаиле. На овальном постаменте выбиты слова Послания Екатерине II после взятия крепости. Великий полководец запечатлён на прищпоренном коне с поднятой в приветствии треуголкой.

Фото 80 Измаил. Памятник Генералиссимусу А.В.Суворову

При спуске к Дунаю находятся два красивых здания. В одном – управление Дунайского пароходства, а в другом – Межрейсовый дом отдыха моряков. Далее на пьедестале высится бронекатер, как памятник морякам Дунайской флотилии, освобождавшим город во время Великой Отечественной войны. Заканчивается проспект прекрасным зданием Морского вокзала. Справа от вокзала – территория большого Торгового порта.

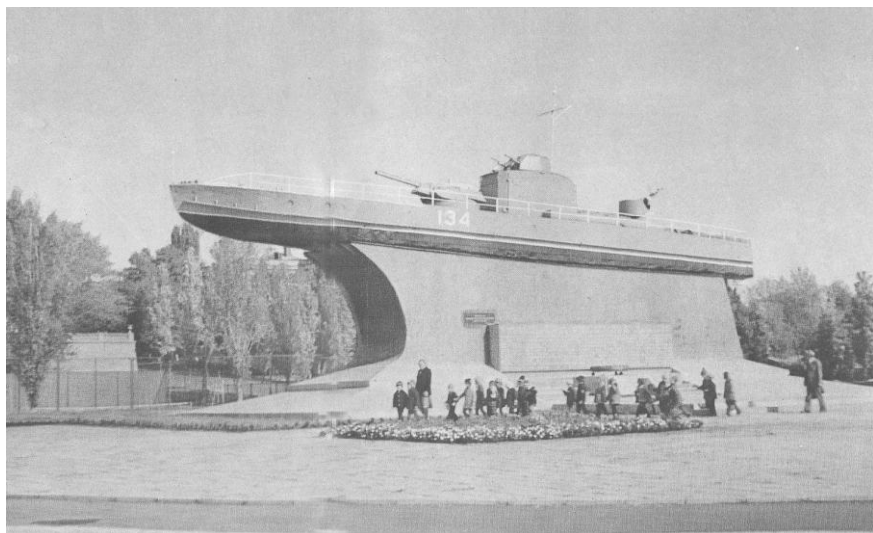

Фото 81 Измаил. Памятник морякам Дунайской флотилии.

Перпендикулярно проспекту Суворова велось обустройство в основном пятиэтажными корпусами нового проспекта В.И.Ленина с направлением к железнодорожному вокзалу. Большинство домов старого города – одноэтажные, добротной постройки. Невдалеке от проспекта Суворова располагался большой и относительно дешёвый рынок. Городской транспорт состоял из рейсовых автобусов и такси со стоянкой в центре города.

Спецфакультет был срочно организован в начале 1960-х годов на базе Черноморского высшего военно-морского

училища. Структурно он состоял из учебного городка, гостиницы со столовой и клуба офицеров. Слушателей автобусами факультета перевозили в учебный городок, в гостиницу, клуб.

Учебный городок состоял из административного двухэтажного корпуса, одноэтажных зданий кафедр, здания строевой и хозяйственной части, мастерских, гаража, домика дежурной службы у въездных ворот и магазина военторга. Часть территории городка занимал спортивный комплекс с теннисным кортом, волейбольной и городошной площадками, спортивными снарядами. За крайними зданиями механиков и минёров с одной стороны находился овраг, который служил стрелковым тиром, а с другой стороны – небольшой фруктовый сад. По всему городку росли в основном фруктовые, ореховые, шелковичные деревья.

В корпусе механиков имелось три учебные аудитории, кабинеты двигателей внутреннего сгорания, электрооборудования, кабинет с корабельным отсеком для отработки навыков борьбы за живучесть корабля. В небольшой кладовой хранились наглядные пособия и хозяйственный инвентарь. Помещения отапливались углём, круглыми печами.

По своему статусу факультет не соответствовал Высшему военно-морскому училищу. В середине 1960-х годов начались разговоры о предстоящем преобразовании факультета в курсы. Это вызвало брожение среди преподавателей и начальников кафедр, имевших учёные степени и звания, опыт работы во ВМУЗах. Начались увольнения в запас, поиски возможностей возвратиться в Севастополь.

В 1965 г. Спецфакультет был ликвидирован и на его месте созданы Курсы офицерского состава ВМФ, впоследствии переименованные в 55-е офицерские курсы ВМФ. Курсы замыкались на Управление военно-морскими учебными заведениями, а в оперативном отношении – на штаб Черноморского флота. В результате реорганизации всё

практически сохранилось, только кафедры стали называться «циклами» и понизились некоторые штатные категории офицеров. Наше учебное подразделение стало называться «Цикл двигателей внутреннего сгорания, электрооборудования, теории, устройства и живучести кораблей» или «Цикл № 7».

Здесь прошли 16 лет моей службы, которую неофициально называли военно-дипломатической. За эти годы мы обучили слушателей и курсантов военно-морских флотов более, чем из 20-ти стран. Это почти все прибрежные страны Африки, Индонезия, Вьетнам, Ирак, Индия, Сирия, Болгария, Югославия, Северный Йемен, Южный Йемен, Куба.

Кроме подготовки корабельных механиков, нам вменялось в обязанности проведение занятий по курсам ТУЖК и электротехники для слушателей других специальностей. Наша учебная нагрузка почти всегда состояла из ежедневных 6-ти часов занятий. Как и во всяком военном учебном заведении, после лекций и практических занятий проводились занятия с нами по специальной, методической, политической, физической, строевой, стрелковой подготовке, а также всякого рода собрания, совещания, заседания. Во время вечерней самоподготовки слушателей мы проводили консультации.

Моя профессиональная педагогическая деятельность после одобрения пробной лекции началась в группах Гвинейской республики и Социалистической федеративной республики Югославия.

Слушатели из Гвинеи в основном были сыновьями военных и высокопоставленных чиновников. Они имели удовлетворительную общую подготовку. Но были среди них и подготовленные слабо, которым помогали товарищи и дополнительные консультации. Лекции конспектировались на русском языке. У некоторых, особенно у Биавоги Мандгади, был очень красивый почерк, и писал он довольно грамотно. У нас сложились хорошие взаимоотношения.

Однако, сказывалось влияние их французского демократического воспитания. Несколько фривольно, например, вёл себя Барри Бубакар, делился своими увлечениями нашими блондинками. Активисты их молодёжного движения иногда одевали рубашки с нагрудным и наспинным портретом президента Секу-Туре. В то время для нас это казалось чем-то оригинальным. Теперь не только эта африканская мода, но и барабанная музыка, танцы, копирующие пляски племён, широко внедрились особенно в нашем шоу-бизнесе.

*Фото 82 Измаил. 27.06.1964 г. Группа слушателей
Гвинейской Республики*

*В центре – кап.1 ранга Дементьев, правее – кап. 2 ранга
Смирнов. В первом ряду справа третий – кап.3 ранга
Филиппов, а третий слева – кап. 3 ранга Донюш.*

Первые дни, заходя в натопленную аудиторию, я остро ощущал тяжёлый запах специфического пота. Постепенно привыкал, а с наступлением тёплых дней, во время перерывов мы хорошо вентилировали помещения. В зимний период,

когда выпадал снег, и температура опускалась ниже нуля, гвинейцы этому по-особому радовались. Во время перерыва один из слушателей поскользнулся на замёрзшей луже и упал навзничь, ударившись головой об лёд. Наблюдавший это Начальник цикла побледнел и подбежал к нему. Очнувшись, слушатель, улыбаясь, поднялся, как ни в чём не бывало.

После выпуска гвинейцы очень тепло благодарили за учёбу, по-дружески прощались, но по возвращении на родину никто из них нам не писал. Во время учёбы старший группы Мохаммед Камара передал мне открытку: «Поздравляю Вас с праздником Великого Октября. Желаю чистого неба, счастья в Вашей личной жизни, успехов в службе, хороших Вам учеников.» Не все ученики были хорошими. Курсант Треоре был выпущен без Свидетельства об окончании Курсов. Он имел очень низкий уровень общей подготовки и не проявлял особого желания учиться.

Когда появилась возможность, я обратился с просьбой отлучиться на несколько дней, чтобы навестить семью в Очакове. Разрешение получил. В магазине Торгмортранса закупил отличную сырокопчёную колбасу, икру, мясные деликатесы, а девочкам – сладости. Когда я прибыл и передал жене покупки, она спросила:

- Ты что, получил из Москвы от мамы посылку?

- Нет, это всё свободно продаётся в магазинах Измаила.

У жены навернулись слёзы. Старшая дочь до сих пор помнит, какой восторг у них вызвали конфеты в оригинальной упаковке.

В Очакове, как и в других городах Украины, в то время были трудности с продуктами. Даже белый хлеб, например, отпускали по медицинским справкам страдающим желудочно-кишечными заболеваниями. К такому положению привёл страну наш великий реформатор Никита Сергеевич.

В группах югославов работать было легче и не только по признаку языкового барьера. Они имели хорошую общую подготовку. Молодые офицеры были очень дружелюбны. Мы

их звали по именам: Милан, Мича, Ремез, Глиша, Мика. После выпуска они присылали обычно к праздникам поздравительные открытки из Белграда, Шибеника, Сплита, Дубровника.

Открытки были с видами югославских городов.

«Уважаемый товарищ Донюш! Гуляя городом Сплитом, вспоминаем дни, которые провели с Вами в Измаиле и Одессе. Много приветов от Ваших незабываемых югославских товарищей!»

Одессу они вспоминали потому, что там я был с ними на практике. В свободное время я знакомил их с Одессой. В знаменитом Оперном театре администратор любезно пригласил нас посетить балет. Большое впечатление у них осталось после просмотра документального фильма «Япония в войнах». В августе 1965 г. пришла открытка из Белграда:

«Дорогой товарищ!

Уже Вам писал раньше. Не знаю, если Вы получили эти открытки, но это не важно. У меня есть желание, чтобы Вы получили эту открытку и чтобы с самым хорошим чувством поздравить Вас, жену и детей. Мите.»

Были и другие подобные открытки.

Старшие офицеры, знавшие наши бывшие межгосударственные осложнения, вели себя более сдержано. Побывав в гостях у кап. 3 ранга Филиппова, свои впечатления Драголюб выразил так: «Было много различной посуды».

Хорошее мнение о себе оставил командир яхты президента Тито, перевозивший его на остров Бреони. По югославским законам, как он говорил, чтобы получить более высокое звание, нужно пройти дополнительное обучение. Его звание было «командир корвета». Он надеялся получить очередное звание «командир фрегата». Обучался он на «Командном цикле», а у нас прослушал курс «Теория, устройство и живучесть корабля».

Нелегко прошла моя переквалификация на преподавательскую работу, да ещё с таким контингентом при предельно большой лекционной и служебной нагрузке.

Однажды, проснувшись и увидев в окно светлое утро, а в будильнике стрелки на 20 минут восьмого, я быстро оделся и позавтракал. Почувствовал, что предельно устал, не успеваю отдохнуть. Рассмотрев ближе будильник, обнаружил, что стрелки перепутал: было только около пяти часов. Сам себя крепко обругал.

Фото 83 Измаил. 55 Офицерские курсы ВМФ. Контр-адмирал Н.А. Лунин беседует со слушателями.

По воскресеньям, когда наша столовая не работала, а в городские кафе или рестораны идти не хотелось, мы иногда с соседом Юрием Александровичем в ближайшем магазине покупали его любимую «Фасоль в томатном соусе», «рога» («тушенку»), «маленькую освежающую» со звездочками, разогревали обе банки и обедали.

К холостяцкой жизни тоже надо было привыкать. Товарищи мне говорили: «Чем быстрее привезёшь семью, тем быстрее получишь квартиру.» С этим я согласился и когда

появилась возможность, испросил разрешения отправиться за семьёй в Очаков.

Жена и девочки с большой радостью начали спешные сборы. Поскольку в те времена с мебелью было трудно, решили самые необходимые вещи и холодильник забрать в Измаил.

На машине, предоставленной в моей бывшей части и документами на перевоз багажа отправился в Николаев. Там перегрузка в контейнер и оформление документов затянулись до ночи. На обратном пути, после переправы по понтонному мосту через Южный Буг и выезда из Варваровки, на дороге увидели голосовавшего человека. Остановились. Я спросил:

- Куда Вам нужно ехать?

Человек что-то забормотал, замычал. Я понял, что он глухонемой. Тогда я на пальцах, азбукой глухонемых, повторил свой вопрос. Человек, увидев, что перед ним флотский офицер, долго и удивлённо смотрел на меня, а потом тоже на пальцах передал: «Одесса». Я его явно разочаровал ответом «Очаков», и мы поехали дальше.

Заранее у нас были собраны пара чемоданов и сумки с самым повседневно необходимым. На стареньком рейсовом пароходе «Славянск» мы покинули Очаков.

В Одесском порту стоял такой же старенький пароход «Белинский», курсировавший до Измаила. Билетов не было. Помощник капитана любезно предложил нам свою каюту. До отхода мы успели подняться по Потёмкинской лестнице и прогуляться по Приморскому бульвару.

Утром «Белинский» вошёл в Килийское гирло. Мы любовались красотами берегов Дуная, прошли украинскую Венецию город Вилково с водяными улицами, заходили в порт Килия и, наконец, Измаил.

В гостинице нам на семью выделили двухместный номер. Было тесно, но как иначе? Я стал чаще напоминать о себе своему и гарнизонному начальству.

В конце лета начальник цикла Геннадий Викторович предложил сделку. Он со своей семьёй на месяц уедет

отдохнуть и покупаться в Очаков в мою квартиру, а я поселюсь и временно поживу в его квартире. Сделка состоялась. Однако, вскоре мы получили письмо, а потом и телеграмму о том, что мать жены тяжело больна и нуждается в постоянном уходе. Жену и дочерей я отправил в Калинин, где они поселились в доме у брата жены. Возвратились из Очакова Смирновы, а я, получив прискорбную телеграмму, уехал в Москву, а оттуда – в Калинин.

После похорон родственники подняли вопрос о наследстве. Я сказал жене:

- Возьми на память фарфорового слоника и чашку, из которой в детстве пила молоко. Свою долю передай в пользу брата. Так и поступили. Возвратились в гостиницу Измаила.

Вскоре мне предоставили квартиру на проспекте Суворова. Это был один из так называемых сталинских домов. Высокие потолки с лепниной, две отдельных комнаты, довольно свободная кухня, два балкона, совмещённая ванная с водогрейной колонкой. Перед окнами – старые деревья белой акации. Третий этаж. Справа – квартира однокашника по Училищу, кап.3 ранга Филиппова Н.Е., а слева проживала семья бухгалтера учебного отдела Курсов Ляхова А.П.. Мы перевезли полученный ранее багаж, который хранился в кладовой цикла, докупили необходимую мебель и обставили квартиру. Вскоре на кухне появился магистральный газ.

Поскольку излишней оказалась варочная печь, я решил её убрать. Тем более, что по ночам из-за печи выходили и лапками топали по полу тараканы, но не московские прусаки, а южные «янычары» из фильма «Бег». За печкой находилось лежбище этих насекомых. Мы их уничтожили.

В коридоре я соорудил стеллаж со шторами для различной домашней утвари, ящик с ячейками для обуви, вешалку. В комнатах вместо известковой побелки с накаткой рисунка стены оклеил обоями. Это было тогда новинкой. Соседи приходили смотреть. Некоторым понравилось, а

другие отнеслись к этому негативно. Но, со временем, обои стали прочно входить в моду. Я сколотил скворечник, на его заднюю стенку прикрепил планку с выступающими концами и длинной палкой, вставленной в лётку, насадил скворечник на развилку сука. Сразу же поселились певчие скворцы. Они высиживали за лето два выводка. Помню, как мы переживали, когда после первого выводка из дунайских плавней возвратилась пара, а у одного скворца не было лапки. И всё же они вывели и выкормили второй выводок.

Лена и Наташа часто домой приносили выпавших из гнезда птенцов, откармливали, «ставили на крыло» и выпускали на волю. Довольно долго жили у нас сорочёнок и галчонок. Когда галчонок окреп, его посадили на балконе и он улетел. А потом несколько раз возвращался на балкон. Сорочёнок был забавным. Он таскал и прятал блестящие вещицы, а иногда садился жене на голову и ковырялся клювом в её причёске. Перед отъездом в отпуск сорочёнка отнесли в зооуголок Дворца пионеров.

Постепенно мы обустроились и наладился наш семейный быт. Жена определилась терапевтом в городскую поликлинику. Вскоре она стала у пациентов пользоваться авторитетом. Ей звонили известные в Измаиле люди и их жёны с просьбой быть их лечащим семейным врачом. В Измаил прибыл на гастроли артист В.Конкин и приболел. Зав. поликлиникой попросил жену навестить его в гостинице и оказать помощь. Украиноязычные пациенты звали её «доктор Донюшка», что с украинского переводится как «доченька».

Жене подарили щенка – болонку. Принёс его первого января некий пациент дядя Стёпа. Девочки были очень рады и дали ему кличку Макс. Щенок начал грызть, что попадало, но более всего ему нравились каблучки туфель. Решили его вернуть хозяину. Потом нам подарили московского той-терьерчика по кличке Винтик. Умный, шустрый и чистоплотный пёсик. Легко поддавался дрессировке. Когда я говорил:

- Винтик, что мама делает с червонцами?

Он хватал что-нибудь зубами и начинал трепать.
Прожил он у нас более двенадцати лет.

Фото 84 Измаил. Участковый терапевт Донюш Капитолина Васильевна.

Возникла небольшая проблема с учёбой старшей дочери. В ближайшей школе №7 классная руководительница категорически отказывалась принять её в переполненный класс. Мы через дирекцию настояли. После окончания четверти, при подведении итогов учительница русского языка сказала:

- К сожалению, по русскому языку я могу поставить только одну пятёрку – новенькой девочке Лене.

Режим учебных занятий и служебных обязанностей постепенно совершенствовались. У меня сложились хорошие взаимоотношения с офицерами нашего и соседнего циклов, с мичманами-лаборантами, с заведующими учебной и секретной библиотеками, со служащими строевой и секретной части, машинописного бюро, с преподавателями цикла русского языка, с начальником гостиницы – участником Великой Отечественной войны А.Ф.Бахмачем.

Подполковник А.Ф.Бахмач был деловым, энергичным, стройным седовласым отставником со многими боевыми наградами. В своих «Воспоминаниях» маршал А.А.Гречко упомянул его как командира батальона, сражавшегося на Малой земле. Когда вышла книга Л.И.Брежнева «Малая земля», Бахмача пригласили, как он мне рассказывал, в Горком партии и стали уговаривать выступить с рассказом о борьбе с фашистами малоземельцев и участии в этой борьбе Л.И.Брежнева. Накануне дня, назначенного для выступления, Анатолий Фёдорович сослался на недомогание и отказался от предложения. Мне он признался, что не мог рассказывать о том, чего не было. А вот об адмирале Г.Н.Холостякове он отзывался с большой теплотой.

Новый 1965 г. встречали всем коллективом Курсов в клубе. Среди новогодних рисунков был и мой лист ватмана, на котором я скопировал из журнала «Советский Союз» карикатуру «Всё хорошо в меру». Были изображены в различных позах пьяные воробьи, вызывавшие смех. Жена Р.П.Дементьева очень заразительно смеялась, показывая на трёх воробьёв, сидевших на краешке бокала с вином, и определяла:

- Вот этот – Ростислав Петрович, это – Юрий Александрович Волков, а этот – зам по культурно-воспитательной работе Шумский. Под бокалом, в зависимости от позы, были определены начальники циклов. Вечер прошёл очень весело.

Были приглашены и слушатели. В блиц-турнире на бильярде я уступил 1-е место старшему группы из Египта.

Фото 85 Измаил. Февраль 1965 г. Мне присвоено звание капитан 2 ранга-инженер.

В феврале 1965 г. мне было присвоено звание капитан 2 ранга-инженер. Представление на звание было направлено в Управление кадров ВМФ ещё осенью. Позже было направлено представление на звание «подполковник» начальнику МТО майору Дидусенко И.И. Приказ о присвоении ему звания прибыл ещё до Нового года. На мой

вопрос о причине задержки присвоения мне очередного звания кап. 1 ранга Дементьев ответил:

- Не волнуйся. Я интересовался. В Управлении кадров вышла небольшая заминка с твоим представлением.

Вскоре кап. 1 ранга Дементьев Р.П. был назначен и убыл к новому месту службы Военно-морским атташе при посольстве в Каире. Там он отличился.

Рассказывали, что во время одного из фуршетов в посольстве бывший слушатель Спецфака в Измаиле доверительно сообщил ему дату начала Израильско-Египетской войны. Посланная шифровка якобы оказалась сенсацией. Об этом не было известно ни в МИДе, ни в правительстве. Ростислав Петрович после возвращения из Египта стал контр-адмиралом и был назначен Помощником начальника ВМУЗ по подготовке иностранцев.

На должность Начальника Курсов прибыл кап. 1 ранга Старун В.Н., ранее служивший командиром Учебного отряда по подготовке матросов дружественных стран.

Рослый, упитанный, с круглой головой, лоснящимися щеками, небольшими бегающими глазами и почти всегда – с недовольным выражением лица. Чувствовалось, что этот человек, делавший карьеру по принципу угодничества перед вышестоящими, недовольства подчиненными, порой непредсказуемый в поступках и обожавший подхалимаж.

На одном из первых собраний офицеров он приказал по трансляции включить звуковое письмо одного из его бывших подчиненных. Это была беспардонная лесть, очевидно не рассчитанная на широкую огласку. Слушая трансляцию, Старун самодовольно улыбался. Через некоторое время офицер Гутовский, автор письма, прибыл к нам на должность начальника Штурманского цикла.

Однажды во время дежурства по Курсам, рано утром, после прибытия из гостиницы автобусов с кубинцами, перед воротами остановилось городское такси. Из машины вышел генерал в авиационной форме. Я скомандовал «Смирно!» и представился как дежурный по Курсам. Генерал сказал, что

он начальник 10-го Главного управления генштаба, генерал-полковник Догаев. Спросил, что происходит на Курсах, начались ли занятия. Этим он корректно сделал мне замечание за слабое знание Устава. Генералам от генерал-полковника и выше дежурный должен не представляться, а докладывать обстановку.

Я приказал помощнику проводить генерала, по его просьбе, в какую-либо группу, где начались занятия. Отправил легковую машину к дому Начальника Курсов и позвонил ему.

- В Учебный городок Курсов прибыл генерал-полковник Догаев.

- Что?! Повторите, - вскричал он. – Немедленно машину ко мне и к заместителю по КВР!

Машина возвратилась быстро. Не принимая доклада, Старун спросил:

- Где генерал? Начальнику МТО передайте, чтобы собрал с Начальников циклов по 10 рублей и организовал завтрак для генерала!

Почти побегал он на цикл, где находился генерал-полковник. Вскоре, в сопровождении кап.1 ранга Старуна из здания цикла связистов вышел генерал-полковник Догаев. От завтрака он отказался, сославшись на ограниченность по времени. Он летел на курорт одной из стран Соцсодружества отдохнуть. Попутно остановился в Измаиле, чтобы ознакомиться с Курсами.

Как-то мне было поручено написать проект приказа по итогам рационализаторской работы на Курсах. Собрав на циклах сведения, я с проектом приказа вошёл в кабинет Начальника Курсов.

- Что у Вас?

- Разрешите доложить проект приказа по итогам рацработы!

- Я всяких исполнителей не принимаю. Передайте проект в канцелярию. Мне доложат.

Оставаясь за Геннадия Викторовича, я разработал и написал в «Журнале месячных планов работы цикла» перечень мероприятий, намеченных на очередной месяц. Передал «Журнал» в канцелярию на доклад. На другой день дежурный сообщил, что меня вызывает Начальник Курсов. Я прибыл и доложил. В кабинете стоял мало мне известный немолодой мичман. В глазах у него были слёзы. Кап. 1 ранга Старун, повернувшись к нему, брезгливо сказал:

- Выйдите и утрите сопли!

Когда мичман вышел, Старун, улыбнувшись, произнёс:

- Как я ему дал!

Мне стало как-то не по себе, даже после того, когда Старун с одобрением передал мне «Журнал». На месячном плане была резолюция: «Может служить образцом» и подпись. Это меня удивило.

Иногда кап. 1 ранга Старун заходил в Учебный корпус. На ходу делал какие-нибудь пустяшные замечания, потом приказывал собрать «Журналы месячных планов» преподавателей. Не читая содержания, на видном месте писал: «См.», расписывался и отмечал дату.

Ожидалась инспекторская проверка. Мы знали, что встречать проверяющих он умеет. В курилках поговаривали, что уже пошита адмиральская форма.

Учебный процесс проходил по плану из Управления ВМУЗ. Менялись национальные группы. В группах африканских государств явно чувствовалось колониальное воспитание. При первом знакомстве слушатели из стран – бывших английских колоний, когда к ним обращались, вставали с возгласом «Yes, ser!» Слушатели из бывших французских колоний не всегда вставали и, спокойно обдумывая, отвечали на вопросы.

Сначала группы поступали в распоряжение Цикла русского языка. Продолжительность обучения определялась уровнем их общей подготовки. Потом, в зависимости от

специализации, формировались группы на циклы, где обучение длилось до года, а иногда и больше.

Из республики Гана слушатели прибыли на обучение по трёхгодичный срок. В этой группе необходимо было по программе техникумов изучать теорию и подкреплять её демонстрацией образцов корабельной техники, которую планировалось передать Республике Гана.

Как известно, Республика Гана была английской колонией Золотой Берег. С 1957 г. она обрела независимость, а с 1960 г. стала Республикой. Под руководством Президента Кванем Крума был провозглашен некапиталистический путь развития, и у нас сложились дружественные отношения.

Прибывшие слушатели имели вполне удовлетворительную общую подготовку и довольно быстро овладели основами русского языка.

В начале 1966 г. Президент Кванем Крума убыл с визитом в Египет. В это время в столице Аккра произошёл государственный переворот. К власти пришли военные. Народная партия конвента была распущена, и социалистический путь развития отвергнут. Вскоре поступило распоряжение занятия с группой прекратить и слушателей отправить на родину.

Я провожал их на вокзал. До отправления поезда они сидели с понурыми лицами, а некоторые откровенно утирали слёзы. Один из них что-то напевал и приплясывал.

- Чему радуетесь? – спросил я.

- Моя жена – племянница генерала, который возглавил переворот.

Прошло около года. Вдруг мне передают письмо из Того. Бывшие слушатели Ганы сообщают, что они из-за преследований эмигрировали в Того и просят прислать документ, подтверждающий их учёбу в СССР. Я передал письмо заместителю по культурно-воспитательной работе. Он ответил, что они должны сделать запрос через МИД.

В первой небольшой группе, прибывшей из Алжира, были молодые офицеры – механики. Они довольно быстро

овладели русским языком. Учебную программу усваивали без особых затруднений. На их поведении отразилась многовековая борьба за освобождение от поработителей и колонизаторов.

Территория, на которой теперь расположено государство, в VII веке была захвачена арабами. Потом, в XVI веке, перешла под власть Османской империи. В 1830 г. Франция захватила столицу Алжир, и с 1834 г. Алжир стал колонией Франции. Против колонизаторов постоянно поднимались восстания. Под руководством Абд аль Кадира восстание велось 15 лет. В конце XIX века восстанием руководил Мукрани, а впоследствии – его брат. В результате национально-освободительной войны 1954-62 гг., которую возглавил Фронт Национального освобождения, Алжир стал независимым государством. У нас установились хорошие торгово-экономические отношения.

На волне обретённой независимости алжирцы, как и многие другие арабы, проявляли политическую активность. В аудитории, где они занимались самоподготовкой, часто шли шумные дебаты. Между собой они порой очень азартно спорили.

Началась Египетско-израильская война. Однажды во время самоподготовки я зашёл в их группу. Они пояснили мне причину шумной беседы и поделились прогнозами на дальнейший ход войны. Под впечатлением сообщений СМИ об объединении некоторых арабских государств для оказания помощи Египту, самый активный полемист Саади Надир сказал:

- Спасибо евреям – они объединили арабов!

Как известно, на деле этого не произошло.

Алжирцы, как и гвинейцы, часто получали письма. На конвертах были красивые марки французской полиграфии. Если на гвинейских марках изображались представители африканской флоры, фауны и спортсмены, то алжирские марки чаще встречались с портретами лидеров освободительного движения, видов городов. Я филателией не

увлекался. Некоторые преподаватели просили у слушателей марки для своих коллекций. Самая богатая коллекция была у начальника Ракетного цикла кап. 1 ранга В.И.Гулина. Он её выставлял для просмотра в клубе. Слушатели иногда мне предлагали марки. Отказываться вроде было неприлично. Поэтому дома дочери заполнили небольшой кляссер.

Рассматривая алжирские марки, я поинтересовался, кто такой Абд аль Кадир. Слушатели удивились моей неинформированности. В библиотеке на полке с горьковской серией ЖЗЛ (жизнь замечательных людей) обнаружил книгу Ю.Оганесьяна «Абд аль Кадир». С интересом прочитал. Кстати, автор утверждает, что «логику для истории придумывают сами историки в соответствии со своими интересами, убеждениями, вкусами, личными и социальными. При этом историк превращается в лицо, сочиняющее историю. Выступая в этой роли, он толкует факты согласно такой «логике истории», который есть продукт его собственного сознания или коллективного сознания той социальной группы, коей он принадлежит.»

Как это современно!

Позже прибывшая вторая команда из Алжира состояла из офицеров-слушателей и курсантов. Группа офицеров-механиков была малочисленной. Среди них был и дивизионный механик Бен Аиса Махджуб, с которым мы индивидуально занимались по отдельным видам программы. Это был скромный доброжелательный офицер. Со мной он делился своей служебной и личной жизнью в Алжире. Его мама в городе Тургуте владела большой плантацией финиковых пальм.

После окончания занятий в Измаиле мы выехали в Одессу для прохождения корабельной практики. Разместились в казарме Артиллерийского училища, личный состав которого находился в летних лагерях. Занятия проводились на учебных кораблях и катерах бригады ОВР.

Я договорился с командованием и инженер-механиком Дивизиона подводных лодок провести несколько занятий на

УТС (учебно-тренировочная станция) по отработке приемов борьбы за живучесть. УТС представляла собой списанную и переоборудованную подводную лодку. Один из отсеков имел в борту и трубопроводах несколько «пробоин», в которые подавалась под приличным напором вода. В бывшем дизельном отсеке были установлены противни с ветошью и дизельным топливом.

Фото 86 Измаил. 55 ОК ВМФ.

Начальник Учебного отдела кап. 1 ранга Волков, Герой Советского Союза контр-адмирал Н.А.Лунин, Начальник Курсов кап. 1 ранга В.М.Старун, зам. Начальника по культурно-воспитательной работе кап. 1 ранга В.И. Шумский с преподавателями и слушателями из Кубы.

Важное значение имела, конечно, психологическая подготовка. Завели мы группу курсантов в дизельный отсек. Мичман-инструктор рассказал, как нужно пользоваться противопожарными средствами и показал их расположение.

Потом поджёг ветошь в противне. Вспыхнул огонь. Курсанты бросились к двери, но она была закрыта. Началась паника, крики. Инструктор привлёк нескольких курсантов к тушению огня. На разборе учения алжирские курсанты сидели, опустив головы. Повторное учение прошло более успешно.

При отработке навыков заделки пробойн и устранения поступления воды в отсек, первоначально повторилась почти такая же картина. Пока устраняли течь, воды в отсек набралось до пояса.

Старший алжирской группы сказал мне:

- Сам пойду с офицерами и будем заделывать пробойны.

Я попросил мичмана-инструктора приготовить взрывпакет и в самом начале учения бросить его в отсек. Когда прозвучала команда «Пробойна в отсеке!» и группа офицеров во главе со своим старшим через переборочную дверь забежала в отсек, раздался взрыв. От резкого изменения давления в отсеке образовался густой пар. Светильник едва просматривался. Опять лёгкая паника. Слышались крики, команды и удары молота. С трудом, но «пробойну» заделали. После окончания учения обсудили действия участников. Старший группы сказал мне:

- Когда возвратимся на родину, первое, что я потребую у командования – установить у нас подобную УТС.

Немало хлопот доставил мне Бен Аиса. Решил он жениться на измаильской девице. Внешностью она особо не отличалась, но была с характером. Я неоднократно говорил ему о сложностях процесса оформления брака с иностранцами, советовал на родине встретить молодую, красивую, умную и добрую женщину. Он возражал.

- У меня на родине были девушки, но ни одну я так не любил, как эту. Не могу себя переубедить.

В Одессе по его просьбе я был на приеме у инструктора Облисполкома. Она меня просила уговорить Бен Аиса отказаться от брака. Ей рассказал, что беседовал с ним

по этому вопросу неоднократно. Подумав, она пояснила мне процедуру оформления документов.

Бен Аису пришлось обращаться во Французское консульство, к своему консулу, съездить в Измаил за документами с её стороны, сделать переводы документов на французский и русский язык, заверить их у нотариусов и т.п.

Настоял он на своем, и брак состоялся. Я не присутствовал на скромном торжестве в Измаиле.

После ещё каких-то таможенных проволочек его жена уехала в Алжир. Там она родила двух детей, потом приезжала в Измаил. Гражданство детям определила советское, мотивируя тем, что у нас можно бесплатно получить хорошее образование.

От Бен Аиса я получил несколько поздравительных открыток с видами столицы Алжира. В одной, например, он писал:

«Поздравляю Вас с большим праздником – 50 лет Советской власти! С большим приветом Вам и Вашей семье. Не мог написать раньше – извиняюсь очень, а то думаю и всегда говорю о Вас. Надеюсь приезжать скоро, но пока ничего не готово. Скучаю очень, так хочется побывать у Вас. Большой Привет Вам от всех обучавшихся товарищей.

До свидания или до скорой встречи.»

Постепенно меня стал одолевать гастрит. Всё сильнее чувствовалась боль, послеобеденные спазмы желудка при обильном слюновыделении. В лазарете решили взять пробу желудочного сока. При зондировании в анализе появилось значительное количество крови, что вызвало озабоченность эскулапов. Мне предложили путёвку в Пятигорский санаторий. Семью отправил в Калинин.

После последнего суматошного суточного дежурства по Курсам и беготни по оформлению путёвки, отпускного билета, проездных документов прибыл домой крайне уставшим, упал в кровать и моментально отключился. Под утро меня как будто ударило током. Я вскочил, не понимая, что случилось, и услышал какое-то шипение в ванной. Там

пол был залит водой, а из трещины в трубе извергалась струя воды. Ещё не очнувшись, начал воду вычерпывать в ванну. Сообразив эту глупость, стал искать вентиль, но не нашёл.

Побежал в подвал дома, на общеподъездном стояке обнаружил вентиль, но он моим усилиям не поддавался. Тогда я вспомнил, что во дворе есть колодец с задвижкой на водяной магистрали квартала. Открыл крышку люка, спустился в колодец, стал закрывать задвижку и почувствовал, что теряю сознание. Поднял голову в люк, отдышался, глубоко вдохнул и, опустившись, закрыл задвижку. Было около 4-х часов утра очередного знойного летнего дня.

Дома с помощью резины и шпагата закрыл трещину на трубе. Догадался, что скоро начнут вставлять жильцы в домах квартала. Побежал во двор, снова опустился в колодец, предварительно отдышавшись, и открыл задвижку. Возвратившись, стал убирать воду с пола и обнаружил в самом углу за водогрейной колонкой вентиль. Ещё раз обругал себя за суетливость, схожую с паникой.

После завтрака мне позвонили и сообщили, что умер Начальник Курсов, капитан 1 ранга Старун. Я поблагодарил за шутку и позвонил дежурному по Курсам. Информация подтвердилась. Дежурный попросил сообщить о случившемся жившему на первом этаже подъезда кап. 2 ранга Санияхметову, который считался у Старуна своим человеком. Санияхметов был в глубоком шоке.

Оказалось, что накануне кап. 1 ранга Старун занедужил – простудился. А ему приказали прибыть в штаб Черноморского флота. Он вызвал на дом врача Курсов, майора Сайковского, и потребовал для скорейшего выздоровления дать ему какое-нибудь эффективное лекарство. Доктор предложил ему аэрозоль. Он глубоко вдохнул – и упал замертво.

У меня на руках – горящая путёвка в Пятигорский санаторий, билет до Минеральных Вод. Я вылетел в Одессу. Там в Аэропорту встретил двух офицеров, летевших в Измаил. Комментариев к случившемуся я им дать не смог.

В Пятигорске разместился в Военном санатории. Двухместная палата. Лечащий врач – женщина – отнеслась к моему здоровью очень внимательно. После обследования были назначены таблетки и минеральные воды: утром до завтрака в приличной очереди к источнику, послеобеденная очень неприятная, какая-то сероводородная, и вечером нормальная. Кроме этого – ванны в городской водолечебнице, хорошее диетическое питание. Но, пожалуй, самое полезное – это полный покой. Я много читал и иногда с книгой засыпал. Это помогло бросить курить.

Фото 87 Пятигорск. 1968 г. Памятник М.Ю.Лермонтову.

Пачку сигарет почти неделю носил в кармане против принципа: «если нет, то ещё сильнее хочется». Несколько дней продержал сигареты в тумбочке. После этого я их предложил соседу по палате, как особые, способствующие бросить вредную привычку.

Конечно, в Пятигорске ознакомился с лермонтовскими местами, побывал в Ессентуках и Кисловодске. Из санатория выписался здоровым, окрепшим и с врачебным наказом: «Не курить!»

Фото 88 Кисловодск. 1968 г. На экскурсии во время пребывания в Пятигорске. Стою третий справа.

В Измаиле несколько месяцев ходил в «некурящих», составляя компанию Г.В.Смирнову. В это время занятия проводились с иракскими слушателями. Курсы посетил Военно-морской атташе Ирака. Тем, кто занимался с иракскими группами, он подарил по блоку сигарет «Вавилон». Сначала равнодушно, а потом как кот около валерьянки, проходил я около блока. Решил попробовать. И – поехало аж до 1981 года! Больно они мне понравились. Выкурил свой

блок. Выпросил у Геннадия Викторовича его подарок. Атташе больше не приезжал. Перешёл на болгарские сигареты. Но они первое время казались «не совсем то».

На Курсы прибыл новый начальник – контр-адмирал Осовский Николай Александрович. Это был «человек с флота», не знакомый с особенностями службы в военно-морских учебных заведениях. Ранее он командовал кораблями, частями и соединениями кораблей ОВР (охрана водного района) на Балтийском и Северном флотах. Обеспечивал испытания ядерного оружия на Новой Земле и там, наблюдая из бункера вспышку, приобрёл катаракту. Последнее время руководил в штабе Черноморского флота оперативной службой. Но, зная штабную обстановку, говорили, что из-за своей грубоватой прямоты и строптивости пришёлся не ко двору. Это создало ему определённый имидж. Будучи в отпуске в Москве, я зашёл к помощнику начальника ВМУЗ контр-адмиралу Дементьеву Р.П. В беседе о Курсах он спросил:

- Ну, как там у вас этот боцман?

- Какой боцман? – осведомился я, будто не понимая, о ком речь.

Когда Осовский знакомился с нашим циклом, он обратился к майору К/С Лукашуку К.Н.:

- Это не ты однажды на катере в районе Ханко накормил меня горелой гречневой кашей?

Мы откровенно удивились, а Лукашук, застенчиво улыбнувшись, признался:

- Было дело. Я тогда служил матросом и исполнял обязанности кока.

В суть учебного процесса контр-адмирал Осовский глубоко не вникал. Он решал важные организационные, служебные или спорные вопросы. Как-то мне он признался, мол, есть два заместителя и восемь начальников циклов. Все капитаны 1 ранга, все опытные, знающие своё дело, ответственные офицеры. Ко мне он относился более доверительно, как к офицеру с кораблей. В разное время у

него служили А.Н.Васьковский, П.М.Карпов. О них он вспоминал добрым словом. Очевидно, читал подписанные ими мои аттестации. Со мной иногда советовался по служебным и даже неслужебным вопросам. Наша преподавательская находилась вблизи его кабинета. Когда шёл отлаженный учебный процесс и не беспокоило вышестоящее начальство, он обычно читал газеты, журналы.

Как-то вызывает меня:

- Вот Ваш начальник просил увеличить штат цикла. Мне прислали личное дело офицера Периных кандидатом на должность преподавателя. В аттестации у него есть твоё заключение. Как ты смотришь на его назначение?

Лейтенант-инженер А.А.Перинных в Очакове был командиром электромеханической боевой части находящихся в резерве трёх малых противолодочных кораблей. По службе особых замечаний не имел, но иногда жаловался на здоровье.

Капитан-лейтенант-инженер А.А.Перинных вскоре прибыл на Курсы, ознакомился с преподавательской работой, был доволен и говорил, что готов ежедневно читать по шесть часов лекций. Очевидно, корабельная служба была не для него.

Ему на Курсах было присвоено звание капитан 3 ранга, он избирался секретарём партийной организации цикла, а по выслуге лет стал старшим преподавателем и капитаном 2 ранга. Со временем в его поведении стала проявляться какая-то нервность. Он негативно реагировал на любые замечания. Очевидно, это было связано с периодическими обострениями болезни желудка.

На цикле возникла необходимость ввести в штат преподавателя электротехнических дисциплин. Адмирал вызвал меня.

- Из отдела кадров предлагают кандидатуру капитан-лейтенанта инженера Юштина. Он служит на СБР, которое базируется на Одессу. У тебя там наверняка есть знакомые офицеры. Узнай, какие о нём отзывы?

Потом, улыбнувшись, спросил:

- Ты не знаешь, как называется круглая парковая беседка?

- Ротонда.

Открыв ящик стола, он что-то там проверил. Потом сказал:

- Молодец! Иди, работай. Звони в Одессу.

Знакомые одесситы меня подвели. Говорили, что он грамотный специалист, служит нормально, но были случаи появления в нетрезвом виде. Я так адмиралу и доложил. Времени искать другую кандидатуру не было, и Юштина назначили.

Трагически сложилась у него судьба. Поскольку семья оставалась в Одессе и жена категорически отказалась переезжать в Измаил, он снял в городе комнату. Питая слабость к вину, стал всё чаще прикладываться, поскольку баночка 0,5 «сухого» у хозяек в Измаиле стоила 25-30 копеек.

Первое появление на службе «после вчерашнего». Я с ним серьёзно беседовал и предупредил. Он обещал, что этого больше не повторится. На следующей неделе дежурный мне доложил, что Юштин прибыл нетрезвым. От занятий я его отстранил, лекцию заменил практической работой с лаборантом, а ему объявил строгий выговор. Когда же через несколько дней он опять пришёл на службу пьяным, я ему приказал идти к начальнику Учебного отдела. Конечно, эти его фокусы стали известны адмиралу Осовскому. Он вызвал меня вместе с Юштиным.

- Юштин, Вы здоровы? И физически, и психически?

- Здоров, товарищ адмирал!

- А по-моему, Вы ненормальный! Вас назначили на должность капитана 3 ранга преподавать в особом учебном заведении. Вместо того, чтобы переехать с семьёй, вести нормальный образ жизни и служить, как положено, Вы пьянствуете даже в служебное время. Вы не можете служить на Курсах. Идите!

А ведь когда-то был нормальный общительный офицер. И служил хорошо. Говорил, что в молодости играл в хоккей за Воскресенскую команду «Химик».

Потом адмирал обратился ко мне:

- Пиши представление на увольнение в запас.

- Товарищ адмирал, ведь у него нет выслуги на пенсию. Что же будет с семьёй?

- Вот ты всегда такой добренький! Ладно. Попробуем вернуть на корабли.

Юштин стал обратно инженер-электриком на том же СБР.

Через некоторое время мне рассказали, что судно стояло в Очакове. Производили размагничивание кораблей. Юштин часто посещал «Метро» - полуподвальную пивную. Поздно ночью, возвращаясь на судно, он шёл по дороге в порт. Женщина-охранник крикнула:

- Стой! Кто идёт?

- Ты что, не видишь? Свои!

- Стой! Стрелять буду!

- Ты что, сдурела?

Раздался выстрел, и Юштин, сраженный наповал, рухнул на мостовую.

Служил на цикле прибывший с кораблей Северного флота и побывавший на Новой Земле капитан-лейтенант А.Ставров. Всё у него, казалось бы, складывалось благополучно. Родители жены имели в Измаиле свой дом. Сын учился в школе. Сам он отличался трудолюбием, исполнительностью. Довольно быстро освоил основы преподавательской работы и службы в военно-учебном заведении. Получил звание «капитан 3 ранга» и квартиру в пятиэтажном доме на проспекте Суворова. Жена, возможно, потому, что родители были рядом, о своей семье особой заботы не проявляла, часто оставляя мужа дома одного.

Собрался он в отпуск на свою Смоленщину. Был День Военно-морского флота – жаркий июльский день. С товарищами он отметил праздник и отпуск. Жена с сыном

отдыхала в Приморском и проводить мужа в отпуск не прибыла. Приморское – это село, вблизи которого Дунай вливает свои воды в Черное море, а по берегу – отличные пляжи, летние домики от организаций и предприятий Измаила.

Фото 89 Измаил. 1 Мая 1970 г. Нас первый раз на демонстрацию пригласили не по форме одетыми. Кап. 2-го ранга-инж. Донюш; кап. 3-го ранга –инж. Филиппов; мичман Миляев; кап. 3-го ранга Ставров.

Возвратившись поздно вечером от родственников жены в свою душную квартиру, он приготовил всё необходимое для убытия в отпуск и вышел на балкон. Трудно сказать, как это случилось, но он перевалился через ограждение балкона и упал с пятого этажа на тротуар. Конечно, разбился.

Меня назначили дознавателем. Я опросил многих его соседей, жену. Соседи о нём отзывались как об очень

порядочном, вежливом офицере и не могут припомнить случая, чтобы он был когда-либо пьян. Соседка с четвёртого этажа в ту ночь не спала, страдая головной болью, и видела, как он пролетал мимо её балкона, пытаясь схватиться за бельевые верёвки. Сосед с третьего этажа – инженер с консервного комбината – был поражён случившимся. Говорил, что они были в добрых товарищеских отношениях.

Похоронная процессия после прощания в клубе Курсов прошла по проспекту Суворова. Прилетал из Смоленска его старший брат. На поминки в доме родителей жены начальник цикла Смирнов почему-то не прибыл. Были контр-адмирал Осовский, я и ещё два наших товарища. Мы обещали помочь в обучении сына. Жена же от горя быстро оправилась, и её закружили попытки устроить личную жизнь, а о помощи в обучении сына она ни разу к нам не обратилась.

Неведомо, по какой договорённости, служивший когда-то в военкомате тесть пароходного механика В.Лесковского оформил его перевод в кадры ВМФ, и он в звании капитан-лейтенанта появился в нашем коллективе. После окончания мореходки он несколько лет служил на кораблях ВМФ. Таких, не окончивших высшее военно-морское училище, у нас негласно называли «партизанами». Говорил, что он москвич, и что отец его проживает возле железнодорожной станции Чухлинка. В автобиографии у него была такая фраза: «Холост. Живу с мачехой.»

Общительный, неунывающий, не обременённый заботой о серьёзной подготовке к занятиям, он не стремился к совершенствованию педагогического мастерства и знаний по специальности. В рабочее время, пользуясь малым токарным станком, увлечённо изготавливал какие-то поделки, занимался выжиганием на фанере. Не без умысла мне подарил портрет Есенина.

Ему поручили вести занятия по ТУЖК в группах со слабой общей подготовкой. После посещения проводимых им занятий я много с ним беседовал, разъяснял его методические ошибки и допущенные огрехи при изложении вопросов

программы. На заседаниях цикла товарищи ему указывали на необходимость изменить отношение к подготовке занятий. Предоставленный им проект индивидуального плана работы на новый учебный год был признан неудовлетворительным. Имел он замечания и дисциплинарные взыскания за опоздания на службу и даже на занятия.

Когда я переводился к новому месту службы, Лукашук ему напомнил о времени прибытия на прощальный ужин. Он ему ответил:

- Я его теперь в упор не вижу.

Жаль, что Лукашук ему не напомнил, что «лицом к лицу – лица не увидать».

Вскоре он уволился в запас и возвратился в Пароходство. Впоследствии мне говорили, что и там о нём добрым словом не отзывались.

Майор технической службы корабельного состава Лукашук Казимир Николаевич был переведён по службе на Курсы из Пинска, где он преподавал в Объединённом учебном отряде ВМФ. Ещё раньше он служил на Русском острове в Учебном центре. Звание его было определено тем, что он тоже числился в «партизанах», так как не имел высшего военно-морского образования.

Рассказывал, что отец его был пограничником и погиб в самом начале Великой Отечественной войны. Воспитывался он у бабушки, нормально учиться во время войны не довелось. Когда служил на флоте, окончил вечернюю среднюю школу. Учился на различных курсах. Последним его «университетом» были курсы техников-механиков ВМФ в Одессе. Там он и женился.

Жена, Майя Михайловна, работала в Измаиле сначала машинисткой в редакции газеты «Советский Измаил», а потом, когда на Курсы прибыл бывший командир учебного отряда с Русского острова капитан 1 ранга Новиченко К.П., она перешла на работу в наше машбюро. Печатала быстро и грамотно.

Казимир Николаевич (у друзей – Кузя, у жены – Костя) был скромным, коммуникабельным, исключительно порядочным офицером редкого трудолюбия. Обычно ему поручали занятия в группах слушателей или курсантов с недостаточно высокой общей подготовкой. К занятиям он всегда готовился тщательно. Когда не хватало грамотёшки, без стеснения обращался к старшим товарищам. Лекции читал просто, в редких случаях прибегая к математическим формулам. Слушатели и курсанты его уважали за доходчивость изложения изучаемых вопросов, за простоту в общении.

Фото 90 Измаил. 55 Офицерские курсы ВМФ. Группа преподавателей и лаборантов цикла №7.

Когда вышел срок выслуги в звании майора, учитывая безупречную службу и активное исполнение обязанностей секретаря партийной организации цикла, его назначили старшим преподавателем. Однако, звание подполковника

Т/С, К/С присвоили только после третьего представления, мотивируя причиной среднего образования.

После увольнения в запас, Казимир Николаевич трудился чиновником в Управлении Советского Дунайского пароходства. Труд его неоднократно поощрялся и отмечался в местной прессе.

Единственная дочь Лукашуков, Люда, характером была в маму. После замужества оказалась с мужем – представителем Дунайского Пароходства – в Стамбуле. Семейная жизнь что-то не сложилась. После развода она работала в частной фирме, обеспечивая наших челноков. Вышла замуж за турка, освоила турецкий язык. Прилично зарабатывая, купила родителям в Одессе хорошую квартиру. Они туда переехали.

Казимир Николаевич в поздравительных открытках и несколько раз по телефону приглашал приехать отдохнуть. К сожалению, он заболел и после тяжёлой операции его не стало.

Мой однокашник по дизельному факультету, капитан 3 ранга-инженер Филиппов Николай Ефимович, прибыл на Курсы через несколько месяцев после меня. В Измаил он явился с женой Ниной Филипповной и двумя сыновьями. Быстро ознакомившись с нужными людьми, он получил квартиру Дементьева, который переехал в более благоустроенную в доме Пароходства. Через несколько дней мы стали их соседями на одной лестничной площадке.

Во время учёбы в Училище мы были в разных ротах. Учился он слабо, был каким-то неприметным. Прибыл в Училище из Сибири, чуть ли не из Шушенского. Товарищи шутили, что паровоз он увидел первый раз в жизни, когда ехал в Ленинград. У нас сложились добрососедские отношения. Нина не работала, увлекалась выпечкой, угощала нас пирожками, шанежками, галечками. Будучи неплохой портнихой, подрабатывала на заказах.

Николай Ефимович работой себя особо не утруждал. Мне он говорил:

- Что ты всё читаешь да пишешь? Поэтому у тебя голова часто болит, а вот у меня голова никогда не болит.

На занятиях вопросы темы он излагал как-то поверхностно, а для убедительности варьировал голосом. С курсантами и слушателями держался несколько высокомерно. Слушатели одной из сирийских групп, называвшие себя бакалаврами Оксфорда, во время посещения Курсов Военно-морским министром Сирии, якобы выразили неудовлетворённость преподавателем Филипповым, как будто он не всегда даёт исчерпывающие ответы на их дополнительные вопросы. Это был повод. Обстоятельства сложились так, что министр негативно отозвался о начальнике Учебного отдела – капитане 1 ранга Серёжкине, который пытался на плохом английском оправдываться. Нашему старшему командованию было доложено другое. Жертвой избрали Филиппова и уволили его в запас. Он определился на работу в Лабораторию госназора за стандартами и измерительной техникой. Часто ездил в командировки по колхозам.

Старший сын, Алексей, окончил Севастопольское Высшее военно-морское инженерное училище, служил на Камчатке.

Младший, Александр, страдал диабетом и скончался в молодости.

Впоследствии они продали квартиру и уехали на родину, в Сибирь.

Поскольку начальник цикла Геннадий Викторович был «чистым» электриком, ему приходилось читать лекции по основам электротехники во многих группах других циклов. К нам был назначен специалист по электрооборудованию кораблей кап. 3 ранга-инженер Степанов Витеслав Александрович. Он окончил электротехнический факультет нашего Училища. В последнее время служил в Николаеве, на крейсере печальной памяти «Слава» (бывший «Молотов»), который находился в ремонте.

Степанов прибыл в Измаил с семьёй. Жена Людмила, врач, два сына. В новостройке им предоставили квартиру. Сам Витеслав Александрович – выше среднего роста, упитанный – двигался неспешно и медленно говорил. Имел он хорошую теоретическую подготовку, но к практическим занятиям относился пассивно, без интереса, часто перепоручал их лаборантам. Внешне он был иногда небрежно одетым, не всегда чисто выбритым. При случае с удовольствием прикладывался к стакану, но в служебное время этого никогда не допускал. Занятия вел хорошо, доходчиво излагал материал. Два года избирался и активно работал секретарём партийной организации цикла, безропотно перевыполнял норму годовой нагрузки. Впоследствии он был награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых силах СССР».

Его жена – всегда неопрятная, какая-то вялая и любительница рюмки. Жили они как-то по-спартански, часто питались в столовой, в кафе или всухомятку. Потом у них появился третий ребёнок – девочка. Помнятся некоторые забавные эпизоды. Как-то мы в шутку упрекнули Витеслава в том, что он всегда бывает у нас в гостях, а сам ни разу приёма не устраивал.

По случаю какого-то праздника он пригласил к себе Геннадия Викторовича, меня, Лукашука, Периных с жёнами. Прибыли дружно. После приветствий и поздравлений сели за стол. Через несколько минут женщины начали беспокойно двигаться на стульях, а потом встали. «Фасады» у женщин были мокрые. Оказалось, что перед приёмом Людмила заставила мальчиков вымыть грязные сидения стульев. Обшивка просохла, а вата под обшивкой была пропитана водой. Благо мы, мужчины, сидели на табуретках. Приём не удался.

Как-то пришёл Витеслав на службу после обеденного перерыва с опозданием и рассказал, что сыновья бегали по этажам новостройки, играли. Младший увидел каску, схватил

её и одел на голову. В каске была белая масляная краска. Пришлось долго отмывать волосы, а потом и остричь.

Впоследствии оба сына окончили Калининградское высшее военно-морское училище. Благо там уже служил начальником кафедры Геннадий Викторович Смирнов. В Калининграде старший сын отличился, защитив девушку, на которую под мостом напал хулиган. Местные газеты писали о подвиге молодого курсанта.

Приглашённые на моё сорокалетие сослуживцы под запечённого Капулей молодого барашка со сложным гарниром дегустировали четырёхзвёздочный коньяк армянского, ленинградского, киевского и московского разлива. Степанова Людмила быстро «надегустировалась» и задремала на диване, отключившись от общества.

Постепенно возлияния участились. Из поликлиники она была переведена в лабораторию анализа крови. Из лаборатории уволили, и алкоголь её доконал. Витеслав Александрович недолго холостяковал. Новая жена навела в его доме порядок.

Начальник Учебного отдела и заместитель начальника Курсов кап. 1 ранга Серёжкин Владимир Дмитриевич – деловой, в определённом смысле, энергичный флотский офицер с лейтенантской поры служивший в военно-морских учебных заведениях. Чувствовалось, что он хорошо ориентируется в жизненных ситуациях, а когда дело касается его личного престижа, может в трудную минуту «подставить» другого.

В бытность начальником Артиллерийского цикла он на машине поехал в Одессу встречать контр-адмирала Дементьева, прилетевшего после кончины Старуна. Вскоре начальник Учебного отдела кап.1 ранга Ю.А.Волков был переведён в одно из училищ Ленинградского региона, а на его место назначен Серёжкин. В кругу начальников и преподавателей предполагали, что начальником Учебного отдела будет В.Ишков, очень порядочный, спокойный, толковый и всеми уважаемый офицер.

Серёжкин как-то поверхностно руководил организацией учебного процесса, методической и политической учёбой начальников циклов. Методический кабинет оставался бедно оборудованным, почти всегда пустовал и в нём скучал методист – бывший школьный учитель. За всю мою службу на Курсах Серёжкин один раз посетил мою лекцию без последующего анализа и замечаний.

Фото 91 Измаил. 55 ОК ВМФ. Читаю лекцию. Фото для стенда Методического кабинета.

Кабинет начальника Учебного отдела, как правило, в рабочее время был всегда открыт. Против входной двери, на вешалке, всегда висела фуражка – дубликат. При необходимости подписать документ или поставить печать мы обычно спрашивали у дежурного:

- Капитан 1 ранга Серёжкин на территории?
- Выехал, - иногда был ответ.

Все знали, что он питает слабость к женщинам.

Семьями дружили Серёжкины и Домнины. Нонна Серёжкина заведовала отделением, а Домнина – гинекологическим кабинетом в городской поликлинике.

Однажды в выходной день Серёжкин решил на УАЗике Курсов прогуляться с сыновьями. На обратном пути матрос-шофёр не справился с управлением, и машина на большой скорости врезалась в дерево. Матрос погиб. Серёжкин, с переломами, залёг в базовый лазарет. Пассажиры вылетели через разорванный брезент капота, получили ушибы. Матроса похоронили, машину списали, а Серёжкина даже не наказали. Более того, когда на Курсы прибыл новый начальник, а из Москвы пришла разнарядка на два ордена «За службу Родине в Вооружённых силах СССР», одним из них был награждён В.Д.Серёжкин. Когда пришло сообщение о награждении, Серёжкин с улыбкой, как бы в подначку, спросил у меня:

- Ты не знаешь, с какой стороны тужурки делать для ордена дырочку?

Кап. 1 ранга-инженер Г.В.Смирнов получил назначение на должность начальника кафедры электротехники в Калининградском высшем Военно-морском училище. Меня вызвал контр-адмирал Оссовский.

- Решил тебя рекомендовать на должность начальника Цикла №7.

- Товарищ адмирал! Я хочу нормально дослужить и уволиться в запас. У меня в Москве большая престарелая мать и с ней – старший брат-инвалид 1 группы. Нужна им помощь.

- Много ли ты сможешь, переехав с семьёй? Послужи ещё на Курсах. Получишь звание «капитан 1 ранга» и потом увольняйся в свою Москву!

- Товарищ адмирал! На цикле есть офицер старше меня по выпуску из Училища. Он имеет большой опыт работы в военно-морских учебных заведениях. И тоже достоин быть начальником цикла.

- Ну, ты меня не учи, кто и почему больше достоин. А вообще-то, я представление на тебя уже отправил.

Мне было известно, что со стороны кап. 2 ранга Домнина, при активной поддержке кап. 1 ранга Серёжкина, предпринимались усилия стать начальником цикла. Осовский был твёрдым в своём решении. Очевидно, он ценил выше тех, кто имел опыт корабельной службы.

В столовой гостиницы состоялся товарищеский ужин по случаю убытия Смирнова к новому месту службы. Среди здравниц, поздравлений и пожеланий предоставили слово и мне. Накануне я что-то срифмовал и как «человек простой», говорящий стихами, прочитал свою Оду:

Ты много лет командовал на цикле.
И мы, признаться, так к тебе привыкли!
Но там, вверху, решили всё иначе,
В Калининград тебя назначив.

У нас в делах ты многих был инициатор.
Ты даже сам крутить пытался генератор!
И знали все: себя ты чувствовал как дома
В кругу Максвелла, Фарадея, Ленца, Ома.

Твою электротехнику
все слушатели обожали,
Кулон делили на ампер
и вольты получали.

На лекциях давил ты
эрудицией, активностью,
Решая интегралы,
Цепи с индуктивностью.

С завидной лёгкостью, с большой охотой
Руководил ты рацработой.
Но вот списать гвоздей кило
С тобою было тяжело.

Нас поучая, ты в карман
Не лазил за примером.
Ведь ты в Китае был,
Командовал когда-то СБРом.
И в группе лекторской
Ты человек был не случайный.
Прогресс электроэнергетики
Доходчиво внушал в знакомой чайной.

На стадион без опоздания бегал на зарядку.
Пытался там кого-то обогнать,
Но потерял волос порядком.
Зато преумножалась твоя сила:
Ты стал Начфаком №3 из Измаила.

Не огорчайся, поначалу может
Не понять тебя товарищ Пилипенко*.
В Калининград порядок наводит
Командируем мы Ткаченко*!

И, если уж не подходить
Ты будешь трону,
То к Яковлеву* обратись
И Местную используй оборону.

На шутку нашу
Ты не обижайся.
Служи, как здесь служил,
Пиши, не зазнавайся!

Не поминай нас лихом. Будь здоров,
Геннадий Викторыч Смирнов!

* Пилипенко – вице-адмирал, Герой Советского Союза, начальник училища; Ткаченко – майор, офицер строевой части; Яковлев – кап. 1 ранга, руководитель Местной обороны.

В зале ожидания Одесского аэропорта я случайно встретился с Геннадием Викторовичем. Он летел в Краснодар отдыхать. А я – Москву. Обнялись, поцеловались, перебросились несколькими фразами. Объявили посадку. О дальнейшей его судьбе я сведений не получил.

Будучи радетельным начальником, он, однако, строго ограничил себя организацией учебного процесса, заботой о совершенствовании методического мастерства. Вопросы, связанные с совершенствованием учебно-лабораторной базы он целиком перепоручил начальнику лаборатории. Меня же всегда влекло при возможности что-либо сделать для улучшения условий работы и повышения наглядности при обучении.

Был период с малой учебной нагрузкой. Посоветовавшись с лаборантами, я предложил соорудить пристройку к зданию, чтобы расширить помещение Дизельного кабинета, установить там новые двигатели, а, возможно, и гидротормоз для измерения мощности. Ведь у меня был очаковский опыт. Добился получения всех необходимых материалов, и к возвращению Геннадия Викторовича из отпуска кирпичная пристройка площадью порядка 30 м² стояла под крышей. Отлично сработали лаборанты. Начальник как-то по-другому оценил нашу инициативу.

Роль и значение учебно-лабораторной базы при подготовке специалистов, связанных с техникой, трудно переоценить. Многие из обучавшихся у нас офицеров-механиков, не говоря о курсантах, не умели держать в руках гаечный ключ, отвёртку. Офицеры, имея неплохую теоретическую подготовку, слабо представляли особенности устройства и эксплуатации корабельной техники. Некоторые из них откровенно говорили, что в учебных заведениях их стран, а также во Франции, Англии, где они обучались, основное внимание уделялось лекциям с использованием экранных средств. Мы же, не исключая применения кино и диапроекторов, чаще стремились лекционный материал

закрепить практическими занятиями на конкретных образцах техники.

Корабельные мотористы, электрики, да и другие специалисты должны уметь не только управлять клапанами, рычагами и нажимать на нужные кнопки аппаратуры в нужный момент. Они должны понимать, что происходит при каждой манипуляции, при каждом включении, переключении или отключении. Только тогда при аварийных или боевых повреждениях они смогут быстро найти способы устранения повреждений и обеспечить кораблю ход, энергоснабжение. Корабль, особенно в боевых условиях, потерявший на длительное время ход, в большинстве случаев обречён на гибель.

Подготовку и проведение лабораторных практических занятий у нас, как правило, осуществляли мичмана-инструкторы под контролем преподавателей. Это были участники войны: мичман Миляев – трюмный, мичман Митин – моторист, мичман Кирасиров – электрик. Были и более молодые, но уже послужившие на катерах мичман Кушаков, мичман Тимченко, мичман Телюк. А вообще-то все они были мастерами на все руки.

Непосредственно руководил мичманами начальник лаборатории. Первоначально это был трудолюбивый, исполнительный, исключительно порядочный во всех отношениях мичман М.Наследов. Он по общекультурному уровню на порядок отличался от подчинённых, заочно учился в одном из одесских институтов. После успешного окончания третьего курса был аттестован с присвоением звания «лейтенант». Умственные, физические и моральные перегрузки отразились на его здоровье.

Дежурил я по Курсам. Воскресенье. Звонок нашего доктора майора Сайковского.

- Мне сообщила жена Наследова, что у него что-то очень плохо с головой. Направьте машину и двух матросов, чтобы перевезли Наследова в Базовый лазарет.

Наслушавшись от своей жены различных медицинских случаев, и догадываясь о воскресном состоянии нашего доктора, я ему ответил:

- А ты уверен, что Наследов транспортабелен? Свяжись с невропатологом лазарета, осмотрите больного и тогда принимайте решение о его направлении в лазарет. Если потребуется машина – я её вышлю.

Оказался обширный инсульт с тяжёлым параличом. Благодаря относительно молодому организму, личному оптимизму, заботливому уходу жены и пунктуальному выполнению всех назначенных процедур, через полгода он почти справился с параличом. Я встречал его, едущим на велосипеде. Он приветливо улыбался и махал рукой.

Несколько лет должность начальника лаборатории исполняли по назначению старшие мичмана-инструкторы. Потом назначили по протекции адмирала Осовского зятя нашего начфина майора Полякова. Это был переподготовщик лейтенант Гусев. Он москвич, выпускник Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Был лейтенант Гусев каким-то робким, как будто поражённым сложностью и обилием корабельной техники, размещённой в лаборатории, стеснявшимся командовать подчинёнными.

Как обычно бывает, почувствовав его слабость, лаборанты сделали его объектом приколов. Приходилось им напоминать о соблюдении уставной субординации. При рытье траншеи для трубопровода кто-то из мичманов нашёл старинную солдатскую трубку-носоргейку и медный крестик. Возможно, специально пустили слух, что могут быть и более ценные находки. В свободное время Гусев взял лопату и продолжил рытьё канавы с определённой надеждой.

В деле совершенствования лабораторной базы не всегда имелись возможности выполнить работы силами лаборантов или рабочих учебных мастерских. В таких случаях мне приходилось часто бывать и познакомиться с руководителями двух измаильских судоремонтных заводов. Один из заводов находился в ведомстве Дунайского

пароходства, а другой – в ведомстве Министерства морского флота. На этом заводе проходили ремонт суда китобойной флотилии «Слава».

Помнится, мы стояли на территории с директором и главным инженером, обсуждали возможности и сроки выполнения заказов для Курсов. Я обратил внимание директора на рабочего, который шёл, заметно пошатываясь.

- А что я могу сделать? Ведь профсоюзы не дадут согласия на увольнение. Вот если бы на проходной стояло два-три, не более, безработных в ожидании вакансии, а профсоюзы не были бы такими либеральными, проблема трудовой дисциплины была бы решена.

Пожалуй, он был прав.

Закончив оформление очередного заказа на выполнение работ для цикла, я вдруг встретил знакомого по Очакову. Мы с ним иногда в Доме офицеров играли на бильярде. Он был жителем Очакова. На заводе, как старший помощник капитана одного из китобойных судов, он готовился к выходу на промысел в океан. Пригласил в гости. Капитан вылез из своей каюты, поприветствовал меня, принял рюмку и снова ушёл отдыхать. Помощник пояснил, что перед отходом на полгода капитан «гуляет» третьи сутки. У них закон: во время промысла – ни капли. Попрощавшись с дружной командой судна, я им пожелал удачи. При подъезде к дому, шофёру автобуса намекнул:

Здесь остановки нет, а мне – пожалуйста.

Шофёр автобуса мой лучший друг.

Шофёр с пониманием улыбнулся, остановил автобус, и я благополучно добрался домой.

Более тесное знакомство у меня сложилось с начальниками планово-производственных отделов заводов. На СРЗ Пароходства ППО возглавляла женщина. Грубоватая, басистая, она не стеснялась при острых спорах речь свою пересыпать бранью. С начальником ППО ММФ у меня были

товарищеские отношения. Он иногда вне очереди продвигал наши заказы.

Не без его помощи в лаборатории мы установили и смонтировали системы действующих двигателей М-50, ЗД-12, ЗД-6, агрегата ДГКП, системы корабельного кондиционера. Вместо устаревшего дизеля 9ДКР, мощностью 900 л.с., мы установили 56-цилиндровый звездообразный дизель М-504, мощностью 6 000 л.с.. Такие двигатели находились на торпедных и ракетных катерах, на тральщиках, которые мы продавали дружественным странам.

В электротехническом кабинете были смонтированы новые мощные корабельные сварочные и зарядные выпрямители, элементы размагничивающего устройства, авторулевые, различные приборы. Курс авторулевых, которые находятся на кораблях в заведовании штурманских электриков, после споров поручили читать нам. Начальник Штурманского цикла Гутовский убедил начальника Учебного отдела. Наши лаборанты, занимавшиеся с группами штурманов, шутили: «Самая сложная техника у штурманов – это параллельная линейка, циркуль и карандаш».

Конечно, своевременно получать новые образцы корабельной техники мне помогали однокашники из Главного технического управления ВМФ кап. 1 ранга А.Бичакян и Б.Толмачёв. Будучи в отпусках в Москве, я заходил во «Второй дом ВМФ» в Комсомольском переулке и там выпрашивал у них необходимое. Они «брюзжали», мол, «мы не занимаемся отдельными балалайками», а обеспечиваем заявки флотов, но, всё же, часто отправляли распоряжения Техупру Черноморского флота на отгрузку в наш адрес заказанного оборудования.

На партийном собрании цикла кто-то из лаборантов пожаловался, что ранним утром истопницы усердно шуруют в печах, и на столах остаётся пыль, которую приходится убирать.

- А что, если заменить печное отопление на водяное? Ведь и этой пыли не будет, не будет запаха дыма, да и площадь в аудиториях увеличится, - предложил я.

- Это было бы хорошо, но это трудно. Мы не специалисты, и нужны радиаторы, трубы, котёл и проект системы, - возразил кто-то из мичманов.

- Сложного здесь ничего нет. На прежнем месте службы я один в двух квартирах заменил печи на водяное отопление. Что же касается материалов, я постараюсь их обеспечить, а котелок у нас есть. Было бы только желание.

И, как пишут в протоколах заседаний, после обмена мнениями постановили: будем делать.

Мне пришлось связываться и побегать по квартирно-эксплуатационным частям, по строительным организациям и заводам, чтобы приобрести трубы, муфты, фитинги, радиаторы, инструмент.

Летом, в свободное от занятий время мы убрали печи и во всех помещениях корпуса, согласно проекту, смонтировали и испытали систему. Наиболее трудоёмкой работой оказалась нарезка клуппом резьбы на концах патрубков.

Некоторые начальники циклов откровенно поздравляли, а другие отнеслись к нашей инициативе негативно. Через несколько лет в городке построили котельную и во всех зданиях заменили печное отопление, а у нас только врезали трубы подачи горячей воды и обратки.

Временно не занятого в учебном процессе Н.Е.Филиппова назначили исполнять обязанности ушедшего в отпуск начальника строевой части. В одну из суббот, после всех занятий, Николай Ефимович зашёл в нашу преподавательскую и таинственно сообщил, что отправил представление на присвоение мне звания «капитан 1 ранга-инженер».

Приказ о присвоении мне звания капитан 1 ранга-инженер был подписан Министром Обороны накануне майских праздников 1972 г.

Фото 92 Приказ о присвоении мне звания капитан 1 ранга-инженер был подписан Министром Обороны накануне майских праздников 1972 г.

Закончив все дела, я пригласил кап. 1 ранга В.А.Соколова и кап. 3 ранга Н.Е.Филиппова отметить такое событие.

Мы зашли в «обезьянник». Это кафе в городском сквере с летней верандой, ограждённое сеткой «рабица». Отметились и собрались уходить. Вдруг заходит контр-адмирал Осовский.

- Вы что здесь делаете, разгильдяи?

Естественно, - ещё бутылка коньяка. Потом он говорит:

- Идём в клуб! Я хоть раз обыграю тебя на бильярде! Филиппов, извинившись, отправился домой, а мы в клуб. Сыграли пару партий. Адмирал «завёлся».

- У тебя там есть ещё что-нибудь? Я послал случайно оказавшегося в клубе мичмана за коньяком. Он принёс, ссылаясь, что не нашёл коньяка, какое-то алжирское вино, которое мы называли «чернилом». Я пить его отказался. Володя Соколов и Николай Александрович приняли по стакану. Их «повело». Осовского таким я никогда не видел.

Фото 93 Измаил. 9 Мая 1972 г. Парад по случаю Дня Победы.

Начинало темнеть. В клубе могли появиться слушатели. Я попросил дежурную открыть калитку запасного выхода. Мы прошли по тёмной улице, нормально пересекли проспект Суворова и Николай Александрович показал дом, в котором он живёт. Поднялись на этаж. Я позвонил и

спустился на лестничную площадку. Вышла жена, недобрым взглядом посмотрела в мою сторону и увела мужа.

Володя Соколов пошёл по тёмным улицам искать приключений. Несколько раз я пытался увести его домой. Он зло отмахивался.

В понедельник утром встретились, выходя из дома на службу.

- Ну, как? Отошёл? Здоров? – спросил я.

- Состояние, как будто всю деревню перерезал.

Владимир Антонович Соколов и его жена Валентина Николаевна были с нами в дружеских отношениях, которые активно поддерживала тёща Володи, часто обращавшаяся к моей Капитолине по медицинским вопросам.

Жили мы в одном доме в разных подъездах. Они были ленинградцами. У них было два сына, Андрей и Антон.

Рос Володя в семье непосредственных участников Октябрьской революции. Отец, Антон Фёдорович, прошёл сложный жизненный путь. Балтийский матрос-большевик, делегат Первого Петроградского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Потом учёба. Поездка на стажировку в США в группе Туполева. Перед войной он – представитель на заводах Мессершмидта. Возвращался после начала войны через Турцию и сразу – в цех Кировского завода ремонтировать танки. Последние годы работал главным инженером завода Криогенной техники в Москве. После кончины жены, Марии Фёдоровны, бывшей сотрудницы каких-то органов, у него началась гангрена, ампутировали ногу. Закончил жизнь в Пансионате старых большевиков. Так мне рассказывал Володя.

Будучи уже в отставке, он несколько раз бывал у нас в Москве. Приезжал, чтобы сдать опустевшую квартиру отца и забрать наиболее ценные вещи в свою ленинградскую однокомнатную в районе «Трёх дураков»: проспекты Ударников, Энтузиастов и Наставников. Мне предложил мебель для дачи. Я забрал и отремонтировал старинные диваны, кушетку и ломберный столик. Заходил он к нам,

когда ездил в Калугу к сыну Андрею, который работал инженером на номерном заводе.

Характер у Володи был сложный. Он мог нелицеприятно отозваться о ком-нибудь из товарищей. Свои умозаключения считал непререкаемыми, в подпитии мог оскорбить не совсем знакомого человека, а на следующий день - идти извиняться. Подчинённые его уважали и побаивались.

Увлекался он рыбалкой. С помощью журнала «Катера и яхты» смастерил реданный катер. Когда клеил обшивку корпуса, я спросил:

- Чем и из чего ты делаешь обшивку?

- Эпоксидным клеем из речей Хрущёва (газеты).

Ему, пожалуй, принадлежит афоризм об ухе из рыбы, которая пару часов полежала в холодильнике.

Пару раз он приглашал меня на рыбалку с катера. Свой катер, довольно лёгкий, хранил у знакомого в одном из сёл на берегу озера. В начале войны Володя учился в Ленинградской военно-морской спецшколе (книга «Матросы Наркомпроса»). Перенёс все ужасы блокады, дошёл до крайней степени дистрофии. Выживших «спецов» эвакуировали по Дороге жизни, и далее – в сибирский городок Тура. Там откармливали, как он говорил, стерляжьей ухой. Конечно, это не могло не отразиться и на психике, и на общем здоровье.

Окончил он Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О.Макарова. Участвовал в войне с Японией. Потом служил корабельным артиллеристом.

Пребывая в отставке, он часто болел, перенёс резекцию желудка. Валентина Николаевна бережно за ним ухаживала. Приезжая в Ленинград на юбилейные встречи выпускников, мы непременно бывали у них.

Юбилейные встречи дизелистов – выпускников 1950 года проходили с 1960 года регулярно, через каждые 5 лет в конце октября. Во время службы в Очакове мне не

представилась возможность побывать на встречах. Впервые мы прибыли на встречу из Измаила в 1970-м году.

Встреча проходила в здании Адмиралтейства. Однокашники и одноклассники собирались в Клубе Училища на торжественное собрание. Сначала были выступления и приветствия от представителей всех факультетов. Потом следовало посещение Музея Училища. В Музее под призывом В.Маяковского:

«Юноше, обдумывающему житьё,
Решающему, сделать бы жизнь с кого,
Скажу не задумывая: делай её
С товарища Дзержинского!»

среди многих экспонатов и фотографий на мраморной доске ежегодно означались фамилии курсантов, первыми по баллам окончивших Училище. За 1950-й год была фамилия моего одноклассника Крайнова Анатолия Александровича, бывшего во время учёбы Сталинским стипендиатом.

После посещения Музея мы пофакультетно фотографировались в Адмиралтейском проезде. Вечером – товарищеский ужин в ресторане гостиницы «Советская». Сумма взноса: с пары – 25 рублей, с одного – 15 рублей. Нас, иногородних, размещали в заранее забронированных номерах гостиницы «Советская» за баснословно низкие (по теперешним временам) цены.

На Встрече - 90 гостиница не бронировалась и на проживание мы сами выбирали гостиницу или останавливались у друзей-ленинградцев. Сумма взносов уже составляла 60 и 35 рублей.

Наша последняя встреча состоялась в 2000 г. Это был наш «золотой» юбилей. Торжественное собрание проходило в Клубе Военно-морского инженерного института, - так стали называть наше Училище. Товарищеский ужин был в столовой Военторга, расположенной в здании Адмиралтейства. Взнос – 200 рублей с человека. «Спиртное

придётся приносить с собой, учитывая возрастные возможности», - так было написано в Приглашении. Я принёс привезённую из Киева «Немиров с перцем».

Фото 94 Приглашение на традиционную через каждые 5 лет встречу однокашников-дизелистов.

Меня с Капитолиной приютили ленинградцы – чета однокашника Саши Щетинина. «3 перцем» Саше очень понравилась.

Во время сбора к ужину прибежал рассыльный и доложил, что мне будут звонить по телефону. Оказалось, что через дежурного офицера Володя Соколов дозвонился до нашей столовой. Как в «Воспоминаниях» академика А.Н.Крылова он сразу спросил: «Корабельные инженеры, что вы пьёте?» Как и Крылов, я ему ответил: «Всё, кроме керосина и воды, а в случае необходимости – керосин, но не воду!» Мы договорились о встрече у него дома.

На ужине мой тост:

- Судьба разбросала нас по городам и весям некогда Великой нашей Родины. И вот мы снова, через 50 лет здесь, в родном Училище. Разрешите мне от имени обосновавшихся в криминальной, насквозь коррумпированной Москве, передать вам, осевшим на улицах Разбитых фонарей бандитского Петербурга сердечное спасибо за то, что все эти юбилейные

годы после выпуска вы собирали Оргкомитет и приглашали нас на встречу с юностью. За вас, ленинградцы!»

Фото 95 Ленинград. Октябрь 1975 г. Традиционная встреча выпускников 1950 года. Вручаю председателю Оргкомитета контр-адмиралу Кудрявцеву В. сувенир – обувь из камыша Дунайских плавней.

На традиционной Встрече-2005 мы не были. Нам сообщили, что собралось всего 15 однокашников и их вдов. Встреча состоялась в кают-компании моряков-подводников.

В 2010 году встреча уже не состоялась.

Не оправдались сказанные в шутку на одном из торжественных собраний слова бывшего Начальника Училища В.Ф.Кудрявцева:

«Представьте себе 2015 год. Поезд Москва-Ленинград. В купе седенький старичок. Его спрашивают:

- Дедушка, а Вы к кому едете?

- На Юбилейную встречу по случаю выпуска из Училища в 1950-м году.

- И много вас собирается?

- Пока что я один.»

Самого Виктора Фёдоровича на Встрече-2005 уже не было.

Фото 96 Измаил. Это мы, бывшие «спецы» 5-ой Московской артиллерийской спецшколы на встрече в Училище в Ленинграде и наши любимые жёны: Капитолина, Татьяна, Зоя.

Стоят: кап.1-го ранга-инж. Донюш А.А.; контр-адмирал-инж. Кудрявцев В.Ф.; кап. 3-го ранга-инж. Мурашко Э.В.

У контр-адмирала Н.А.Осовского после кончины жены обострились проблемы со здоровьем, особенно с глазами. Он уволился в отставку, переехал в Одессу, где лечился в глазной клинике Филатова. Присылал мне

открытки. Сообщил, что женился, жена – доцент Технологического института, что ездил на Северный флот к сыну – командиру Атомной подводной лодки. Мы его поздравляли с днём рождения 20-го апреля. Писал он и Володе Соколову.

Фото 97 Ленинград. Встреча – 2000. В первом ряду: третий справа – вице-адмирал-инженер В.Ф.Кудрявцев. За ним, в очках, - кап.1 ранга-инженер А.А.Донюш. Четвёртая слева – Капитолина Васильевна Донюш.

Прибыл к нам на Курсы новый начальник – кап. 1 ранга Новиченко Константин Петрович. Выше среднего роста, худощавый и какой-то суетливый. Со всеми держался в строгих уставных отношениях, порой высокомерно. Позже мы узнали, что сам он очень боялся старших начальников. Раньше служил, как говорил Лукашук, командиром подводной лодки. В Японском море из-за трусости попал в

какую-то конфликтную ситуацию. Перед нашими Курсами руководил Учебным центром на Русском острове.

По прибытии на Курсы Новиченко сосредоточился на выполнении всех директив и распоряжений, поступавших в воинские части без учёта специфики службы в военно-учебных заведениях.

У нас участились ночные вызовы всего личного состава по тревоге, увеличилось время на строевую и стрелковую подготовку, на занятия по изучению уставов, приказов, наставлений.

Был период, когда почти ежеквартально мы проверяли свои противогазы. Нас заводили в специальное помещение, звучала команда: «Газы!» Мы быстро надевали противогазы, и помещение наполнялось боевым отравляющим веществом. Были случаи, когда почувствовав запах, кто-то, кашляя, выбегал из помещения и искал неполадки в своём противогазе.

Большое внимание он уделял сдаче зачётов офицерами и мичманами по нормам Военно-спортивного комплекса (ВСК). Было проведено специальное совещание начальников циклов. Во время совещания меня что-то воодушевило и я экспромтом, в подражание А.К.Толстому, написал стишок. Сидевший сзади кап. 1 ранга Гулин В.И. спросил:

- Что ты там конспектируешь?

Я передал ему листок, где было написано:

ПАМЯТКА ВОИНУ-ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ПО СДАЧЕ НОРМ ВСК

Если хочешь сдать успешно
Нормы все по ВСК,
Тренируйся повсеместно –
Твёрдой стать должна рука!

Если руки очень слабы –
 Чаще на турник влезай.
 Только к реактивной тяге
 Никогда не прибегай!

Если вдруг невольным звуком
 Огласишь спортивный зал –
 Штангу брось. И громким стуком
 Ликвидируешь скандал!

Если будешь ты в Озёрном –
 Далеко не заплывай.
 Там русалки есть, бесспорно.
 Про семью не забывай!

Если же все тренировки
 Результаты не дадут –
 Обратись, майор Сайковский
 Облегчит твой ратный труд.

Вениамин Иванович поставил оценку «5», расписался и возвратил листок.

Сам Новиченко иногда участвовал в спортивных мероприятиях при сдаче норм ВСК. Однажды, это было где-то в 20-ых числах октября, погода стояла как в Бабье лето. Он собрал офицеров. В автобусах мы приехали на какой-то водный стадион в протоке Дуная. Вода была довольно прохладной. Новиченко сам участвовал в заплыве на время.

Проводилось совещание по вопросу о продаже в буфете клуба алкогольных напитков. Новиченко спросил моё мнение.

- Если слушатель или курсант решил выпить, пусть он выпьет в клубе под присмотром начальников и товарищей, а в случае «перебора» его можно нашим автобусом отправить в гостиницу. В городе же «перебор» или общение в компании

молодёжи может кончиться неприятностями. Ведь мы знаем, что молодёжь у нас разная.

В таком же ключе выступали и другие начальники циклов. Новиченко наши мнения отверг и разрешил алкогольные напитки допускать только в столовой гостиницы во время товарищеских ужинов по случаю национальных праздников.

Из Управления строительства и расквартирования МО поступила директива о запрещении в служебных помещениях панели окрашивать масляной краской. Новиченко приказал во всех аудиториях и кабинетах удалить масляные панели. Это была воистину дурная работа. Лаборанты пытались счистить краску скребками, топорами, выжечь паяльной лампой. Краска с олифой глубоко проникла в штукатурку. Пришлось рабочим КЭЧ или стройплощадки подштукатуривать стены и окрашивать их известковой побелкой с жёлтым колером.

Под руководством и при непосредственном участии Новиченко было разработано «Положение о социалистическом соревновании между циклами».

При подведении к знаменательным датам итогов вывешивалась большая таблица с 20-25-ю показателями по каждому циклу. Определялись передовые места и лучшим, в соответствии с итоговым приказом, раздавались грамоты, призы, а наиболее отличившихся представляли к наградам. На нашем Цикле №7 кап. 2 ранга Степанов был награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых силах СССР», а майор Лукашук – медалью «За дружбу народов».

Среди этих показателей важным был пункт участия в рационализаторской работе. После назначения начальником цикла мне по наследству перешли обязанности руководителя рационализаторской работой на Курсах. Работа была, в основном, направлена на совершенствование лабораторной базы, на разработку и изготовление новых учебных пособий. Сам я разработал и внедрил более десяти предложений. Лучшим из них был действующий макет 56-цилиндрового

корабельного дизеля со световой имитацией порядка работы всех цилиндров.

Ежегодно на Курсы приезжал руководитель рационализаторской работы на Черноморском флоте. Мне приходилось бывать в Севастополе на совещаниях рационализаторов.

После поступления директивы об обязательном изучении и сдаче зачётов всем личным составом и вольнонаёмными по Правилам технической эксплуатации и Правилам техники безопасности (ПТЭ и ПТБ), этот пункт также был включён в перечень показателей социалистического соревнования. Мне же приказали быть во главе комиссии по приёму зачётов с определением категории допуска к эксплуатации электрооборудования. Уборщица – 1-я категория, электрики, работавшие с установками напряжением до 1000 вольт – 4-я категория.

В ход учебного процесса Новиченко особенно не вникал. Больше внимания уделял содержанию территории и помещений. Как-то зашёл на наш цикл, бегло осмотрел помещения. В дизельном кабинете, в присутствии лаборантов, спросил у меня:

- Вот этот двигатель действующий?
- Действующий.
- Заведите.

Я завёл. Он постоял несколько минут, махнул рукой и молча ушёл. Все недоумённо переглянулись.

Когда он кого-нибудь отчитывал за прегрешения, в его речи присутствовало словосочетание «ядрёна вошь». Лукашук говорил, что в Учебном центре на Русском острове он не стеснялся и нецензурных словосочетаний. В присутствии старших начальников всегда очень волновался. После одной из инспекторских проверок, он докладывал собранию о проделанной работе. Бледный, говорил сбивчиво, лоб покрылся каплями, а по щекам текли струйки пота. Казалось, что он заболевает.

После увольнения по возрасту в отставку Новиченко переехал в Одессу и там ещё долго возглавлял на Судоремонтном заводе Гражданскую оборону.

Марокканские офицеры по прибытии на Курсы быстро овладели русским языком. Они имели хорошую общеобразовательную подготовку. Держались несколько обособленно, в отличие от ливийских и других африканских слушателей. С группой, обучавшейся на нашем цикле, у нас сложились хорошие доверительные отношения.

Курсы должен был посетить Начальник Главного Политуправления СА и ВМФ генерал армии А.А.Епишев. Он был депутатом Верховного Совета СССР от Измаильского избирательного округа. Как любитель охотиться в Дунайских плавнях, он и раньше прилетал в Измаил.

Накануне начальников циклов предупредили, чтобы они были готовы встретить генерала Епишева. Конечно, на территории вокруг здания цикла, в аудиториях и учебных кабинетах навели особый порядок.

Группа генералов и полковников Одесского Военного округа во главе с генералом армии Епишевым приближалась к территории нашего цикла. Я встретил их и доложил, что на цикле проходят обучение слушатели из Королевства Марокко. В это время слушатели вышли из здания.

- Что это они у вас болтаются? – спросил генерал Епишев.

- Сейчас перерыв в занятиях.

- Ну ладно, пойдём, побеседуем с ними.

Слушатели уже находились в беседке, оборудованной для курения. Три скамейки под прямым углом и металлический обрез для окурков были с трёх сторон увиты диким виноградом.

Епишев, некоторые генералы и слушатели уселись на скамейках. Остальные расположились за скамейками. Я оказался за спиной генерала армии и был удивлён видом

воротника его тужурки далеко не первой свежести. Состоялась примерно такая беседа.

- Ну, как вам нравится у нас? Довольны ли вы учёбой?

Слушатели дружно ответили, что всё нравится.

- А вы были в городе на предприятиях, были в колхозах? Видите, как хорошо живёт народ при социализме? Вот и вам нужно строить социализм.

- У нас на общественное мнение сильно влияет религия, - ответил кто-то из слушателей.

- У нас тоже были всякие религии: и христианская, и православная и другие. Теперь их почти нет. И это хорошо.

- В нашей стране очень уважают людей старшего поколения. Они все глубоко религиозны, - уточнил слушатель.

- Стариков можно перевоспитать хорошим примером, - убеждал Епишев.

Дежурный по циклу мичман обратился к генералу и доложил, что время перерыва закончилось. С разрешения Епишева все встали. Слушатели пошли на занятия, а я проводил генерала с группой сопровождения к Административному корпусу. По дороге генерал заметил, что у нас вдоль тротуаров нет бордюров.

На следующий день в городском Доме культуры состоялась встреча избирателей с депутатом Верховного Совета СССР генералом Епишевым. Нас обязали присутствовать. Доклад депутата, читавшего по бумажке общеизвестные положения, вызывал скуку. Сидевший рядом офицер привлёк моё внимание, с улыбкой показал «Блокнот агитатора», который издавался в помощь ротным агитаторам. Открыв страницу, он пальцем водил по тексту, который слово в слово совпадал с речью докладчика. После отъезда генерала Епишева Новиченко срочно организовал обустройство тротуаров бордюрами.

Через несколько недель марокканские слушатели уехали в отпуск. Из отпуска они не возвратились. Ведь в

группах были сыновья высокопоставленных руководителей страны, а старший группы был племянником Короля Марокко Хасана Второго. Пришлось оставленные ими личные вещи отправлять в Рабат.

Интересно было работать с индусами. Многие из них имели хорошее образование и опыт службы на флоте. К тому же их отличала любознательность, общительность и усердие в учёбе.

В некоторых группах обучение проводилось на английском. Переводчики – призванные на переподготовку лейтенанты-выпускники МГИМО. С технической терминологией они были малознакомы и порой искажали смысл.

В группе офицеров-механиков я читал курс «Двигатели внутреннего сгорания». В очередной лекции давал сравнение двухтактных и четырёхтактных дизелей. Слушатели конспектировали перевод. Вдруг они с недоумением подняли головы и смотрят на меня. Я английским не владею, но уловил, что переводчик вместо «четырёхтактных» говорит о «шеститактных». Слушатели с интересом продолжали смотреть. Тогда я подошёл к переводчику, протянул ему руку.

- Возьмите меня в соавторы новых дизелей!

Многие в группе это поняли и засмеялись.

Занятия с этой группой были кратковременными, как и занятия с группой техников-сингхов.

Потом прибыла большая группа офицеров. В клубе, как обычно, для знакомства проводилось собрание. Старший офицер, выступая с трибуны, говорил на английском о дружбе и сотрудничестве наших стран, выразил удовлетворённость прибытием на Курсы, говорил, что перед отъездом его напутствовала Индира Ганди, и заверил, что через месяц с этой трибуны будет говорить на русском. Своё обещание он выполнил. Действительно, индусы довольно

быстро освоились с языком. Возможно, на родине их начинали обучать русскому.

Фото 98 Измаил. 55 Офицерские курсы ВМФ. Преподаватели цикла №7 с группой индийских слушателей у входа в Административный корпус.

На наш цикл определили группу механиков. Старшим назначили Дуа. Он прибыл с женой Ушей и сыном Анкушей. Ему в городе предоставили квартиру. У нас сложились деловые и дружеские отношения.

Нам было рекомендовано приглашать слушателей домой в гости. Помнится, как бывшие у меня в гостях трое слушателей из одной африканской республики после застолья стали ходить по квартире и что-то высматривать. Спросил, что их интересует.

- Где Ваша бонна?

- У меня её нет. У нас не принято иметь бонну.

- А кто же приготовил стол?

- Жена.

- Так она же врач! Им не полагается домашняя работа.

Первый прием индусов оказался не совсем удачным. Они обучались с переводчиком. Мой переводчик, старший лейтенант Трелок после пары тостов спросил, можно ли заглянуть в мой бар. Там он увидел подаренную зятем – штурманом торгового флота – бутылку виски «Королева Анна».

- А это можно попробовать? - спросил Трелок.

- Пожалуйста.

После принятой приличной рюмки он на диване «потух». Я остался без переводчика. С другим офицером, знавшим немецкий, мы объяснялись. Но больше жестами. Моего знания немецкого оказалось недостаточно. Ведь практики у меня не было.

Другой прием был уже без переводчиков. Все говорили на русском. Не было той недоумённой скованности в разговорах, появились шутки, улыбки, смех.

Жена приготовила хороший стол. Я заметил, что блюда с мясом и птицей пробуют не все. Единственная индийская женщина, жена Дуа, с удовольствием принимает «Советское шампанское», но кушает только фрукты и овощи. На лбу у неё было искусственное красное пятнышко – признак принадлежности к какой-то касте. Я попросил жену разобраться, почему она плохо кушает. Жена предлагала ей различные закуски. Уша, не выдержав настойчивых просьб, согласилась взять бутерброд с икрой, счистила икру в пепельницу и откусила кусочек хлеба.

Однажды Дуа пригласил меня с женой к нему в гости. У них находился и старший группы. Сначала предложили аперитив. Мы сидели в отдельной комнате, непринуждённо беседовали и попивали слабое индийское вино. У них напитки крепче 30° государством запрещены. На вопрос «почему?» ответили, что в Индии жарко, а у нас климат холодный, и поэтому нам нужны напитки крепкие.

Сын Дуа, Анкуша, мальчик лет 5-6-ти, приносил нам на подносе что-то вроде чипсов, но белого цвета и со специфическим вкусом. Анкуша с удовольствием ходил в наш детский садик и быстро овладевал русским.

Постепенно мы перешли на анекдоты. Старший группы сказал, что у них много нищих попрошаек и привёл анекдот, как один попрошайка обратился к господину за деньгами, а тот посоветовал ему по этому вопросу обратиться к его жене. Я сказал, что ожидал другое резюме. Нищий должен был признаться, что ему не хватает на автомобиль. Старший группы очень смеялся.

- На конкурсе анекдот с такой концовкой получили бы приз!

После аперитива нас пригласили к столу. Среди различных закусок был подан суп. Жена очень удивилась. Суп был приготовлен без мяса, но со вкусом мясного бульона. Она попросила рецепт. Кроме томатов, в супе было использовано много специй, которых у нас нет в продаже.

По случаю национального праздника, Дня республики Индия, 25-го января в клубе состоялось торжественное собрание, а на следующий день мы были приглашены с жёнами на товарищеский ужин. В Приглашении было записано: «форма одежды – гражданская».

Приезжал на Курсы Военно-морской атташе Индии Каруна в форме капитана 1 ранга. Был приём в узком кругу. На приёме была его жена, одетая в сари. Вспоминали Москву. Они сказали, что живут на Кутузовском.

Роджен Матью, Дуа, Кришнан Пай, Шарма, Трелок и другие, как правило, открытками с видами индийских городов, поздравляли нас с нашими праздниками. Впоследствии Дуа присылал поздравления из Индии, а когда принимал корабль, писал из Риги. Как-то был я в Главном техническом управлении ВМФ. Услышал разговор, что индусы очень скрупулёзно принимают технику. Механик забраковал один из главных двигателей. Дизель

подысправили и собирались снова установить. Сличив номер, механик на приемку не согласился. Пришлось установить новый дизель.

- Механика, случайно, не Два зовут? - спросил я.

- Так это ты его так выучил?!

Пошли шуточные упрёки в мой адрес.

Кроме учебных занятий и приглашения на дом, мы часто в свободное время общались со слушателями в клубе Курсов. Клуб находился в центральной части города. Располагал он почти всем необходимым для нормального отдыха. Приличный по размеру зал со сценой служил для общих собраний, просмотра кинофильмов, выступления профессиональных артистов и самодеятельных коллективов. Кроме зала, бала комната отдыха, библиотека, бильярдная, буфет. В клубе также проводились семейные вечера постоянного состава в дни наших больших праздников. Во время таких вечеров в зале размещались столы на 4-6 приглашённых.

Мне довелось дважды быть организатором вечеров. Обязанность не из лёгких. Нужно было согласовать меню, рассчитать и собрать средства, закупить продукты и напитки, организовать из состава женсовета и сотрудниц столовой гостиницы инициативную группу помощниц. Составить план размещения гостей с учётом их пожеланий и вкусов. Большую помощь в поставке продуктов и напитков нам оказывал Торгмортранс Дунайского пароходства.

Перед началом празднования, пока собирались гости, в комнате отдыха устраивалась выставка кулинарных изобретений наших жён. Моя Капитолина почти всегда получала Первый приз за различные пирожные, торты, кексы. В этом деле приходилось страдать и мне, сбивая кремы, тесто, составляя пропитку из сахарного сиропа с коньяком.

Заканчивались вечера выступлениями самодеятельности, танцами. Никаких происшествий, кроме неумелого открывания «Шампанского», у нас не было.

В клубе часто выступали известные люди: Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, руководители городских предприятий, председатели окрестных колхозов-миллионеров.

*Фото 99 Измаил. Герой Советского Союза контр-адмирал
Н.А. Лунин.*

Побывал у нас известный подводник, Герой Советского Союза контр-адмирал Лунин. Он вспоминал, как в 1941 г. потопил более десятка немецких кораблей и транспортов, и как, будучи уже Героем Советского Союза, со своей подводной лодкой К-21 торпедировал немецкий рейдер «Тирпиц». Рейдер с большим охранением вышел из

норвежского порта на перехват конвоя судов, идущих в наши северные порты с грузом военной техники, боеприпасов и продовольствия, которые поставлялись из США по лендлизу. После торпедирования, находясь в ремонте, «Тирпиц» до конца войны в море не выходил.

Фото 100 Измаил. 55 Офицерские курсы ВМФ. Герой Советского Союза контр-адмирал Лунин Н.А. со слушателями из Югославии.

Выступал у нас Герой Советского Союза Девятаев - лётчик, бежавший из плена на немецком самолёте. После его выступления к нему подошёл слушатель-индус, Пай, и попросил автограф.

- А где бумага, на которой оставить автограф?

Пай подал ему пятидесятидолларовую купюру, и Девятаев размахисто расписался на портрете Американского президента. Когда прибыла очередная группа индусов, я спросил о том, как служат наши выпускники. Они ответили, что служат хорошо, а потом признались, что Пай уехал в США.

Запомнился рассказ лётчика-истребителя, Героя Советского Союза. Их полк базировался в Полтаве и прикрывал челночные полёты американских бомбардировщиков. На аэродром из Москвы прилетел самолёт с корреспондентами наших и зарубежных СМИ. Только они сошли с самолёта – в воздухе появился немецкий ас. Наш лётчик прыгнул в кабину своего истребителя, на взлёте (как в к/ф «В бой идут одни «старики») развернулся и сбил того асса. На немецком самолёте был нарисован дракон, а на истребителе нашего лётчика появилась 21-я звёздочка. Примечательно, что в тот день лётчику исполнился 21 год. Впоследствии он был тяжело ранен, а после госпиталя обосновался в Измаиле, работал в Пароходстве.

Интересным был рассказ отца кап. 1 ранга Соколова - Антона Фёдоровича. Он вспоминал эпизоды своего участия в Октябрьской революции, учёбы, поездки на стажировку в США, пребывания в Германии на заводах Мессершмидта.

В начале 2000-х годов в мире стали известны дерзкие набеги сомалийских пиратов на торговые суда разных стран, с целью взятия их в заложники с требованием крупного выкупа. Пиратство явилось следствием падения без того низкого уровня экономики и трайболизма.

Сомалийская республика была образована только в 1960 г. после обретения независимости и объединения Британской и Итальянской Сомали. В 1969 г. к власти пришли военные во главе с С.Барре. Государство получило название Сомалийская Демократическая Республика. У нас начали складываться дружественные отношения. Мы оказывали экономическую помощь, планировали построить на реке Джубба электростанцию, вблизи города Берберы – военно-морскую базу и другие объекты. Приезд на учёбу в Советский Союз граждан СДР был тоже одним из видов помощи молодой стране. Однако, в 1991 г., после развала СССР и падения правящего режима в Сомали, резко возросли конфликты между племенными группировками, и наши взаимоотношения почти прекратились.

На Курсах обучалось несколько сомалийских групп. Группа младших командиров отличалась слабой общеобразовательной подготовкой. Старшим в группе был Буралле. Обычно вечером, перед заходом солнца, он уединялся в Дизельном кабинете. Вблизи окна, выходящего на запад, между учебными двигателями Буралле расстилал коврик из верблюжьей кожи, опускался на колени и молился. Кто-то из мичманов-лаборантов в шутку сказал ему:

- Буралле, подари нам на прокладки кусок кожи от коврика!

- Нет, на этом коврике молился ещё мой дед! Вот когда возвратимся на родину, я пришлю вам целую шкуру от верблюда. У меня верблюдов много-много.

На практических занятиях, особенно при отработке подготовки к пуску и пуска двигателя было очень шумно. Они подсказывали друг другу последовательность операций.

Другая группа младших офицеров была более подготовленной, и с ней заниматься было легче. Одного слушателя из этой группы нужно было дополнительно готовить как преподавателя и дать ему основы методики обучения. На практическом занятии по изготовлению учебных пособий он с моей помощью выполнил плакат, на котором вычертил схему гидравлической системы управления двигателем. Участки схемы с различными функциями решили раскрасить цветной тушью. Когда не хватило цвета, я показал, как сливая жёлтую и синюю тушь можно получить яркий зелёный цвет. Он был очень удивлён, считая это каким-то фокусом. На плакате я предложил сделать надпись, что он выполнен слушателем из СДР. Вскоре прибыла группа из Эфиопии, и надпись пришлось убрать.

В доверительных беседах некоторые сомалийцы жаловались, что мы не очень активно помогаем их стране. Оборудование для строительства электростанции на р.Джубба завезли, а оно лежит и ржавеет. А вот, мол, китайцы пообещали построить шоссейную дорогу от

Могадисо на север – и за один год построили. Мы объясняли, что шоссе – не электростанция. Задержка строительства, возможно, связана с разработкой проекта и согласования его вариантов. Кроме этого, СДР – не единственная африканская страна, которой нужна помощь.

После окончания обучения мы подарили слушателям этой группы штангенциркули и на коробках написали: «Измеряй точно, делай прочно, не забывай Исмаил!»

Индивидуально проводились занятия со слушателем Идрисом. Ранее он обучался в Москве, якобы в Институте инженеров железнодорожного транспорта. То ли потому, что в Сомали нет железных дорог, то ли по каким-то другим причинам, он прибыл к нам переквалифицироваться. В Москве он женился на нашей девице. У них был маленький сын, которого он звал Полковник. Ему в городе предоставили отдельную квартиру.

Держался Идрис обособленно. Говорил, что его раздражает запах дизельного топлива, что он не собирается служить на флоте, что был он переводчиком у президента С.Барре, поскольку владеет несколькими языками, в том числе, языками некоторых этнических групп. Конечно, уровень общеобразовательной подготовки и знание русского языка у него были выше, чем у остальных слушателей из Сомали.

Однажды он сообщил, что у него родилась дочь. Мы решили поздравить его семью. Для новорождённой купили «приданное» и с секретарём парторганизации прибыли к нему на квартиру. Поздравили, вручили подарок. Жена как-то бесцеремонно тут же развернула все вещи комплекта и одобрила их.

- А как же назвали новорождённую? – спросил я у хозяйки.

- Светлана, - ответила она.

Но Светлана была много темнее своего брата.

Смутившись, Идрис пригласил нас к столу. Очевидно, по незнанию, он предложил по рюмке «Рижского

бальзама», несколько капель которого обычно добавляют в рюмку водки. Преодолев себя, мы выпили чистый бальзам, ещё раз поздравили родителей и удалились. Потом «удовольствие» от бальзама не раз вспоминали.

Группа иракских офицеров-механиков имела удовлетворительную подготовку по специальности. К преподавателям и лаборантам они относились с большим уважением.

Во время одной из самоподготовок я зашёл в группу. В это время их консультировала преподаватель русского языка. Они сразу начали задавать вопросы по теории корабля. Я увлёкся и прочитал им обзорную лекцию о режимах движения боевых катеров, о гребных винтах, о коэффициенте полезного действия в системе дизель-валопровод-винт-корпус. Когда я закончил написание последней формулы, вдруг раздались аплодисменты.

Их дружеское расположение к нам проявлялось и во время бесед, в письмах и поздравительных открытках, где некоторые обращались «дорогой мой отец», заканчивали поздравление «вечно Ваш». Во время туристической поездки по стране один из офицеров прислал мне из Волгограда открытку, в которой в выпендренных выражениях восхищался Сталинградской битвой и памятниками. Когда отмечалось 25-летие партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения), секретарь организации партии пригласил руководство, начальников циклов и некоторых преподавателей на «Национальный вечер», посвящённый этой дате.

Вечер состоялся в столовой гостиницы. Демократично все столы были сдвинуты в один ряд. На противнях лежали запеченные барашки и рядом стояли бутылки пива. Никакого крепкого алкоголя. Нас посадили рядом со слушателями так, чтобы напротив барашка было по 3-4 человека с каждой стороны. Хозяева вечера отрывали по куску мяса и укладывали нам на тарелки. Сидевший рядом со мной слушатель видел, что я плохо кушаю. Он рукой достал

из барашка приправу: рис с какими-то овощами и специями, положил мне на тарелку и убедил попробовать. Сразу появился аппетит. Домой я прибыл абсолютно трезвый и очень сытый.

Казалось странным, и трудно было сначала понять, как и почему они, казавшиеся патриотами, так бездарно потеряли десятки тысяч людей и не смогли сколько-нибудь долго противостоять американцам. Ведь за Хусейна на выборах проголосовало 99% населения. Оказалось – это не Вьетнам.

В сравнении с представителями других национальностей слушатели и курсанты Социалистической Народно Ливийской арабской Джамахерии вели себя более развязно. Надо полагать, что сказывался не только арабский менталитет, но и высокий уровень денежного содержания военнослужащих, установленный Муамором Каддафи и свобода от нравственных запретов, установленных в их стране.

Говорили они, что у них женщин, заподозренных в лёгком поведении, стригут наголо, а чтобы военнослужащим хорошо выпить, они в свободные дни отправляются на остров Мальту.

Офицеры, в большинстве своём, были несколько высокомерны, вели себя независимо. Когда я читал курс «Устройство ракетного катера», они выразили недовольство по поводу того, что для офицеров на катере есть двухместная каюта. Вот, мол, на французском катере «Ля Камботтан» бытовые условия лучше.

- Вы что, собираетесь на катере воевать, или прогуливаться с девушками? – парировал я. – На французском катере ракета имеет заряд 75 кг, а на нашем – 500, да и скорость хода прилично отличается.

Некоторые офицеры завели себе «подруг» и жили в городе. Когда одну из них пригласили на собеседование о моральном облике, она сказала:

- Ну и что? Он мне подарил за год столько, сколько я бы не заработала за десять лет!

Ливийские курсантские группы были многочисленными. Когда они прилетели в Одессу, нужно было спешно ехать на вокзал, чтобы успеть на поезд до Измаила. Проголодались. В вагонах появились шустрые одесские торговки. Они предлагали пирожки, бублики. Ливийцы пытались узнать цену. Торговки показывали палец, имея в виду рубль. Пирожки и бублики пошли по доллару.

Общеобразовательный уровень у курсантов был слабый. Да и занимались они без особого прилежания. Во время большого перерыва в буфете было шумно, как на Багдадском базаре, а после них столы были завалены корками хлеба, какими-то объедками, грязной посудой. В дни празднования Рамадана их активность снижалась. Часто во время лекций они отпрашивались выйти. Дежурные лаборанты рассказывали, что курсанты убегали в укромные места, чтобы там тайно перекусить. Мы им внушали, что Коран не запрещает в командировке нарушать обет.

Когда я рассказывал о сточной и фановой системах катера, один из курсантов заявил, что у нас нет демократии. В гальюне офицерского состава установлен унитаз, а в гальюне личного состава – чаши генуя. Что ему ответить?

- Вот учитесь хорошо – станете офицером. Тогда пересядете с чаши генуя на унитаз!

Дежурные по учебному корпусу неоднократно жаловались, что некоторые ливийские курсанты не умеют пользоваться унитазом.

В выходные дни курсанты посещали наш клуб. Но многие из них разбредались по городу, сидели в ресторанах и кафе. Ожилились измаильские таксисты. Хорошо отдохнув, ливийцы ехали в гостиницу и щедро платили.

После выпуска, перед отъездом на родину, некоторые попросили, чтобы им заказали в Комбинате бытового обслуживания тару – сундуки для багажа. Проверая дежурную службу в гостинице, я наблюдал, как курсанты

загружали свои сундуки. Накануне, в основном на рынке у цыган, они накупили всякого барахла. Были даже вешалки из коровьих рогов, украшенных цветной пряжей и мишурой. Эти ящики-сундуки нужно было перенести для погрузки на верхнюю площадку. Каждый пытался сделать это самостоятельно, и, как правило, безуспешно. Я предложил поочерёдно помогать друг другу. Они долго не могли сообразить, как это делать. Потом согласились.

Не удивительно, что при такой разобщённости ливийцы, да и сам Каддафи, стали лёгкой добычей для США и НАТО в их политических амбициях и нефтяных происках.

В первые годы службы меня вызвали в штаб Одесской ВМБ и предложили заполнить анкету на предмет командировки советником в Сирию. Конечно, прочитав мою выпускную аттестацию, органы не пустили. Прошло время, и сирийские моряки сами прибыли к нам на учёбу.

Была группа офицеров-механиков: Талаат, Мордан и Мохаммед, - так мы их называли. Общались они с нами дружелюбно, но держались с достоинством. Все когда-то где-то учились в других странах. Талаат окончил в Москве какой-то институт. Рассказывал, что у него там была любовь – дочь главврача поликлиники на Шоссе Энтузиастов. Вспоминал подмосковные вечера, поездки по Горьковскому шоссе в лес за грибами. Признался, что в Москве у него дочь.

Мордан обучался в Англии. Сам он был из Алеппо. Там его отец владеет текстильными предприятиями.

Мохаммед о себе не рассказывал, казался более скромным.

Были они у меня дома. Вели себя вполне прилично. Прослушали на моём катушечном магнитофоне наши эстрадные песни, песни в исполнении Адамо, записанные мной у алжирских слушателей. Талаат спросил:

- А у Вас есть записи песен этого вашего барда, что поёт о спорте?

Он имел в виду, конечно, Высоцкого.

- Нет, таких записей у меня пока нет.

Учёба у них шла легко. Чувствовалась прежняя подготовка. Только на практических занятиях разборка и сборка узлов техники оказалась делом трудным.

На экзаменах по «Эксплуатации и боевому использованию энергетической установки» Талаат держался несколько высокомерно. Я задал ему дополнительный вопрос, на который он ответил неуверенно. Поставил оценку «хорошо». Это была обида. При отъезде он даже не попрощался. Надо признать, что иногда мы ставили отличную оценку, учитывая дружбу народов.

Один из наших сведущих офицеров мне рассказывал, что у сирийских моряков произошло боевое соприкосновение с израильтянами. Сирийцы по показаниям локаторов обнаружили в своих водах «цель» и пошли в атаку. Оказалось, что цель – это кем-то выставленный уголкового отражатель. Когда возвращались после атаки, с израильских катеров, стоявших замаскированными у берега, была выпущена ракета с тепловой головкой самонаведения. Ракета влетела в забортное отверстие газовыхлопа дизелей. Взрыв в машинном отделении. Погиб механик Мохаммед и мотористы. Командир, офицеры, присутствовавший Талаат бросились с катера спасаться вплавь. Некоторых офицеров и Талаата подобрал прибывший на помощь торпедный катер. Подбитый ракетный катер был брошен на плаву. За спасение экипажа Командир дивизиона был награждён. Проверить эту информацию мне не представилась возможность.

Когда я пишу эти воспоминания, Сирия переживает тяжёлые дни. В стране организован раскол. Гибнут тысячи людей. США и НАТО, очевидно, готовят Ливийский вариант. Им нужна ещё одна «маленькая победоносная война».

Первая небольшая группа слушателей из Кубы была со знанием русского языка. Они раньше учились в наших различных гражданских учебных заведениях. Сразу установились дружеские отношения. Учились они старательно и увлекались спортом. Памятен один из этой группы. Небольшого роста, худощавый, какой-то

«жилистый». Он нас удивлял: бегал быстрее всех, прыгал выше всех, дальше всех бросал гранату и отлично играл в волейбол. Эта группа оставила хорошее впечатление.

Потом прибыла большая группа слушателей и курсантов. Пока они занимались на Цикле русского языка, что-то испортилось в наших межпартийных и межгосударственных отношениях.

Через несколько месяцев с Кубы прибыли офицеры. Почти неделю поздно по вечерам, и даже ночью они проводили закрытые собрания. После этих собраний значительная часть группы была отправлена на родину. Мы обратили внимание на то, что в этой группе были слушатели, которые ранее у нас учились, работали и симпатизировали Советскому Союзу.

Среди оставшейся небольшой группы механиков не было. Старший этой командирской группы обратился с просьбой прочитать им курс «Устройство ракетного катера». Курс я взял на себя.

Первое занятие. Я представился и, как обычно, спросил, есть ли какие пожелания, вопросы. Руку поднял старший группы.

- Почему у вас курс «Теория и устройство корабля» читают преподаватели с одинаковой фамилией?

Это были, конечно, последствия проводимых по ночам закрытых собраний. Я был удивлён. Потом на доске большими буквами написал: «кап. 2 ранга-инж. Домнин Ю.И.» и «кап. 1 ранга-инж. Донюш А.А.» Пояснил, что Домнин убыл в отпуск и попросил избавиться от всякой подозрительности и недоверчивости. Под конец курса многие из них стали более контактными, доброжелательными. Задавали вопросы не только по темам занятий. Уезжая на родину, абсолютное большинство из них изменили своё отношение к нам.

Неожиданным для нас оказалось распоряжение подготовить на цикле для Мозамбика шофёров, мотористов и электриков передвижных электростанций, маневренных

береговых установок радиолокационного наблюдения. Основные трудности состояли не только в низком уровне общеобразовательной подготовки курсантов, но и в отсутствии технической документации, учебных пособий. Опытных преподавателей мы пригласили из городской автошколы. К обучению вождения автомобиля привлекли шоферов из гаража курсов. Преподаватели цикла проводили занятия по устройству и правилам эксплуатации дизель-генераторов и электрооборудования передвижных станций. Перед выпускными экзаменами мне пришлось самому изучить Правила дорожного движения, так как в то время автомобиля и прав на вождение я ещё не имел. Итоги подготовки были вполне удовлетворительными.

Небольшую группу из Анголы мы готовили как механиков на сторожевые катера. Занимались они усердно. В группе были двое темнокожих. Эти двое как-то недоверчиво относились к некоторым сторонам нашей общественной жизни. Их, например, удивляло, что на стройках у нас работает много женщин.

Неоднократно приходилось нам проводить индивидуальные занятия со слушателями из Алжира, Ливии, Сомали, Эфиопии, Сирии, Югославии, Йемена, со слушателями из Командного цикла и некоторых циклов других специальностей. Как обычно, при проведении занятий, с каждым из них нужно было учитывать опыт службы на флоте, уровень общей подготовки, национальные особенности и межгосударственные отношения.

Племянник Императора Эфиопии, очень способный юноша, проходил подготовку как флагманский механик. Учебный материал воспринимал быстро. Задавал толковые вопросы. Мне он говорил, что раньше обучался в Индии, куда его сослал дядя за прогрессивные убеждения.

Главный механик Отряда торпедных катеров Северного Йемена старший лейтенант Мохаммед Акыйда. Это был старательный скромный слушатель. Служил он в порту Ходейда. Очень переживал, когда получил сообщение,

что жена родила дочь. Наиболее острой у него была проблема с согласными звуками русского языка. Особенно со звуками «в» и «ф». На лекции я рассказывал ему, как нужно проверить центровку со-осности валопроводов от дизеля к гребному винту. Вразумил, что такое излом и смещение, как их определить. Записали мы таблицу с измерениями и расчетом толщины прокладок на опорах подшипников. Объяснил, что ошибку нужно устранять с помощью фольги. Спрашиваю:

- Вы знаете, что такое фольга?

- О, да. Машина Фольга, река Фольга.

Случались и другие казусы.

Прихожу на занятия к слушателю из Ливии. На рабочем столе разложены: коробка с табаком «Капитанский», зажигалка, курительная трубка.

- Вы прибыли на лекцию или в кафе? Уберите это.

Изобразив недоумение и обиду, он выполнил указание.

И всё же, при большой учебной нагрузке, иногда появлялась возможность не привлекать лаборантов к практическим занятиям. Тогда мы продолжали работать над совершенствованием учебно-лабораторной базы.

Имея опыт, мы своими силами соорудили ещё одну пристройку с большей площадью, в которой разместили преподавательскую, кабинет для практических занятий по электротехнике, выгородку для котельной, современный тёплый туалет вместо уличного, обустроили автономную канализацию, провели водопровод, в аудиториях установили кинопроекторы с экранами.

Преподаватели при появлении окон трудились над созданием новых учебных пособий. Занимались рационализаторской работой.

Ежегодно 22 апреля у нас, как и по все стране, проводились Ленинские субботники. Все дружно работали по наведению чистоты и благоустройству в помещениях и особенно на территории.

Когда у нас проводились такие субботники, слушатели и курсанты добровольно принимали в них участие. Они убирали мусор на территории, приводили в порядок спортивные площадки, окрашивали деревья. Казалось, что коллективный бесплатный труд с удовольствием принимается во всех национальных группах. Но это было на субботниках, по нашему примеру и под нашим руководством.

В остальное время обязанность по поддержанию чистоты и порядка на территории, примыкающей к зданию цикла, исполняли дежурные мичмана-лаборанты. Эта функция их особенно досаждала во время созревания плодов на деревьях. В дни обильного созревания абрикосов плоды сыпались на тротуар вдоль фасада. Их собирали и тачкой вывозили в овраг. Осенью, когда созревали грецкие орехи, сторожа сбивали их палками. Сбитые листья усыпали тротуар. Приходилось приказывать лаборантам аккуратно собрать пару мешков орехов, и сторожа больше не сорили.

Начальником Курсов после Новиченко был назначен кап. 1 ранга Подопригора Иван Прокофьевич. Прибыл он с должности Командира бригады ТК Северного флота. Ему предоставили трёхкомнатную квартиру в новом доме, где проживало большинство сотрудников Курсов. С ним прибыла жена, молодая блондинка.

Вся его служба до назначения на Курсы проходила на торпедных катерах. Служба в должности начальника военного учебного заведения была для него, очевидно, неожиданностью. Поэтому он, ознакомившись с организацией, от многих своих обязанностей абстрагировался, перепоручив их начальнику учебного отдела, кап. 1 ранга Серёжину, и заместителю по культурно-воспитательной работе, кап. 1 ранга Пряхину. Их часто можно было видеть втроём и не только на территории Курсов.

Когда пришла разрядка на два ордена «За службу Родине в Вооружённых силах СССР», Подопригора к

награждению представил двух своих помощников. Представление многими было не понято. Все помнили, как кап. 1 ранга Серёжкин при поездке на пикник попал в ДТП с гибелью матроса. Кап. 1 ранга Пряхин у нас на Курсах дослуживал и себя ничем не проявил.

*Фото 101 Измаил. 1978 г. Начальник 55 ОК ВМФ
Подопригора вручает Начальнику цикла №7 кап. 1-го ранга
Донюш грамоту и призы за 1-ое место в летней спартакиаде
между циклами.*

По статусу ордена «За службу Родине в Вооружённых силах СССР» к награждению представляются командиры частей и подразделений, которые более двух лет удерживают первенство в Социалистическом соревновании. В преподавательской нашего цикла стены были увешены за общее Первое место, а в моём сейфе хранилась стопка грамот, заслуженных за 1 место по отдельным статьям соревнования. Мы были первыми на протяжении четырёх лет.

При подведении итогов Соревнования в год прибытия нового начальника наш цикл переместили на второе место. Причина – «мы обнаружили в рабочей тетради одного курсанта запись, которую следовало записать в Секретную тетрадь. Когда я показал, что на цикле Гутовского, которому определили 1 место, не выполнен целый ряд обязательств, в том числе, по написанию учебных пособий, по рационализаторской работе, по совершенствованию учебно-лабораторной базы и норме учебной нагрузки, - начальники скромно промолчали. Значит, так было нужно.

Подопригора не отличался высоким уровнем обще культуры. С офицерами и мичманами пытался казаться «добрячком». К нам на цикл обычно заходил с просьбой оказать помощь по мелким хозяйственным вопросам. Прослышав, что мы с Лукашуком оклеили свои квартиры обоями, попросил и у него заменить обои.

Будучи в Солнечногорском санатории ВМФ, я познакомился с офицером Северного флота. Он поведал такую историю.

На бригаде ТК, которой командовал Подопригора, жена начальника штаба заведовала магазином военторга. У Ивана Прокофьевича возникла любовь. Он отправлял начальника штаба с катерами в море, а сам шёл в магазин. Семьи распались. Начальник штаба запил, а Подопригора с молодой женой убыл в Измаил.

Однажды в Измаил зашёл со своим кораблём П.М.Карпов. Он знал мой адрес. Я ему сказал, что в нашем доме живёт бывший катерник, а теперь начальник Курсов кап. 1 ранга Подопригора. Оказалось, что они в молодости вместе служили в Севастополе. Павел Михайлович позвонил ему и предложил встретиться.

Он, сославшись на занятость, отказался. Когда я был уже в отставке, мне бывшие сослуживцы по Измаилу сообщали, что жену Подопригора, которая заведовала одним из магазинов на проспекте Суворова, сразила онкология.

Иван Прокофьевич женился на заведующей столовой гостиницы Курсов, уволился со службы и уехал в Севастополь.

Надо полагать, что через штаб Одесского Военного округа поступил приказ направить от Курсов группу преподавателей для проведения занятий с офицерами запаса ВМФ, призванными Молдавским республиканским военкоматом. В группу вошли: начальник Ракетного цикла кап. 1 ранга Гулин В.И., начальник Артиллерийского цикла кап. 1 ранга Соколов В.А., начальник цикла Связи кап. 1 ранга Зимнев В.М., я и два старших преподавателя.

Нам предоставили микроавтобус РАФ и отправили в двухсоткилометровый путь до Кишинёва. Ехали мы вдоль озера Ялпуг и пересохшего местами канала, проезжали города Болград, Комрад, Чилимшия, Котовск по холмам, покрытым шпалерами виноградников. По прибытии нас разместили в гостинице «Кишинэу».

Собрались мы с дороги перекусить. В ресторане на нашу группу мест не оказалось. Нам предложили пройти в «краму». Это подобие кафе, стилизованного под погребок старого замка. Извилистый узкий тоннель и два зала. Стены оклеены пенопластом и окрашены под цвет тёмного пористого камня. Вместо столов и стульев в первом зале – бочки и бочёнки. Здесь мы расположились. Во втором зале были сдвинуты столы, и за ними ужинала компания молодых людей. Это были комсомольские руководители, прибывшие на какое-то совещание. Вели они себя шумно, пели песни.

Когда ужин заканчивался, В.А.Соколов подошёл к компании и выразил своё неудовольствие по поводу их песенного репертуара. Песни не имели патриотического содержания. Начавшаяся полемика разрослась в ссору на повышенных тонах собеседников, подогретых ужином.

Я понял, что назревает серьёзный скандал, подошёл и увёл разгорячённого Владимира Антоновича в номер гостиницы, уложил его отдыхать. Когда я вышел в коридор, там была небольшая группа комсомольцев. Один из них,

очевидно, старший группы, поблагодарил меня за прекращение назревавшего скандала и любезно пригласил в свой номер. В дружеской беседе он представился виноделом совхоза-завода «Чумай» и настойчиво приглашал заехать к нему на дегустацию вин.

Занятия с офицерами-переподготовщиками мы проводили в группах по специализации. Посещаемость занятий не была полной. Её контролировали офицеры из Республиканского военкомата. Перед окончанием переподготовки собрали большую группу, где я должен был провести заключительное занятие. Сначала в аудитории было шумно, продолжались беседы между знакомыми. Выдержав паузу, я начал свою лекцию, подкрепляя свои тезисы примерами из личного опыта, флотской службы и службы на Курсах. Довольно быстро воцарилась тишина, а я, вдохновлённый, увлёкся. Прозвучал сигнал об окончании занятий. Поблагодарил слушателей за оказанное внимание. Вдруг раздались громкие аплодисменты. Потом ко мне подошла группа запасников, и один из них пожал мне руку, сказал, что был удивлён, как быстро я овладел аудиторией и поблагодарил за интересную лекцию.

Обед в ресторане «Кишинэу» перед отъездом в Измаил. За общим столом мы заказали комплексный набор блюд. Вдруг официант приносит нам две бутылки тёмно-красного вина «Негру де Пуркаре». Оглянувшись, я увидел в дальнем углу за столиком двух приличных молодых дам. Наш старший растерялся.

- Что делать? Давайте одну бутылку отправим обратно!

- Вениамин Иванович! Вы что! Флот хотите опозорить? – возразил я ему. Зовите официанта и попросите принести коробку хороших конфет.

- Так ведь у нас с деньгами проблема!

- Как-нибудь сбросимся!

Официант принёс большую коробку конфет, показал нам и отнёс её нашим визави. Когда мы поднялись, чтобы

уходить, официант принёс ещё две бутылки «Шампанского». Мы реализовали его уже в дороге.

Девочки наши, Лена и Наташа, по возрасту разнились на пять лет. Были они несколько разными и по характеру. Старшая, Лена - тихая, скромная, несколько застенчивая, а младшая, Наташа - более подвижная, общительная и с характером. Учились они сначала в ближайшей неполной средней школе №7, а потом переходили в среднюю школу №15 им. Христо Ботева, что на проспекте Суворова. Учились хорошо, числились отличницами. Мы им в учёбе особенно не помогали. Вначале просто ненавязчивым контролем вырабатывали привычку серьёзно относиться к домашним заданиям. В памяти сохранилось два-три случая, когда Лена обращалась за помощью по физике, математике. Однажды у неё до слёз что-то не получалось с домашним заданием по черчению. Успокоил. Посадил рядом и подсказывал:

- Сначала на листе чертёжной бумаге проведи рамку и изобрази в правом нижнем углу штамп.

Со второго захода получилось хорошо.

- Теперь продумай, как рационально расположить проекции. Она всё проделала под моим руководством. Получился вполне приличный чертёж. Сделала вариант-повторение ещё лучше. А первый у неё выпросила подруга, у которой ничего не получалось. Потом она часто делала два варианта задания.

Её подруга – одноклассница Ирина Нудельман. До сих пор они поддерживают отношения: общаются через интернет, периодически навещают друг друга. Встречались на 40-летие окончания средней школы, на юбилее по случаю 60-летия Ирины. Она в Измаиле работает завучем Детской музыкальной школы. Отец Ирины – участник Великой Отечественной войны. Приезжал в Москву на встречу ветеранов, заходил к нам. Работал он в Промкооперации. Однажды спросил его:

- Володя! Ты не собираешься в Тель-Авив?

Он шутил:

- А что я там не видел? Работать на хозяина? Здесь я работаю свободно. Нужен мне отгул – пожалуйста! Бригадир спросит, почему не был вчера – я его пошлю куда подальше. Он мне премию выпишет.

Иногда на рынке он подрабатывал резкой стекла. Всегда у него стояла очередь. Сельские женщины, как правило, камышинками показывали размер стёкол. Он быстро нарезал и определял стоимость, обычно такую, чтобы без сдачи: 2р. 95к., 4р. 88к. и т. п. Когда я делал для прихожей большую вешалку, он мне вырезал приличное по размеру качественное зеркало. Вешалка с этим зеркалом и теперь стоит у меня на даче.

Если у младшей дочери возникали какие-нибудь проблемы с учёбой, она, как правило, обращалась к сестре.

Поведение девочек вне школы и дома мы не опекали. Жена иногда, вроде как между прочим, спрашивала, где были, с кем общались, чем занимались.

Директор школы №15, бывший секретарь райкома партии Н.Ф.Воропай, человек резкий и грубоватый, хорошо отзывался о наших дочерях. На одном из общешкольных собраний он порицал родителей, которые плавали за границу, за то, что они своих старшеклассниц одевают в привезённые из рейса юбчонки выше колен и прозрачные кофточки. Мальчики начинают на них засматриваться.

- Вот я знаю двух девочек из одной семьи. Я их ни разу не видел не по форме одетыми, без белых воротничков и манжет. Обе отличницы. Их родители вполне в состоянии одеть своих дочерей в модные европейские платья, но они видят главное – в учёбе.

Я понял, о ком шла речь, и мне было приятно слушать такую похвалу.

Лена несколько раз ездила в Одессу на областные олимпиады по математике. Учителя-словесники отмечали у неё врождённую грамотность.

Будучи в отпуске в Москве мы с Леной после Детского мира зашли в Архитектурный институт. Там была выставка работ студентов и определены требования к работам абитуриентов по профилирующим дисциплинам. Я предложил поехать ещё в Строгановское училище. Лена отказалась.

- Я буду учиться здесь.

Это было после окончания восьмого класса.

При поступлении, как мы узнали, из шести экзаменов профилирующим является рисунок. После возвращения из отпуска Лена определилась в изостудию и на подготовительные курсы по физике и математике. Позже мы попросили знакомого художника дать ей основы рисунка головы. Занималась рисунком она усердно.

Школу окончила с одной четвёркой по геометрии. Так решил директор школы, определив, что на медаль претендовать не стоит. Она, мол, со своим характером в жизни высоко не пробьётся.

Наташа при переходе в школу №15 проявила свои организаторские способности. Её избрали комсоргом школы. Конечно, таких знаний как у Лены, у неё не было, но как комсоргу ей иногда оценки завышали. Школу окончила тоже с одной четвёркой. Свои похвальные грамоты и благодарственные письма девочки приносили ежегодно. Нам, родителям, это было приятно.

Их развитию способствовало наше увлечение книгами и периодикой. В магазине подписных изданий мы приобрели собрания сочинений А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, А.К.Толстого, С.А.Есенина, М.Твена, А.Конан-Дойля. У нас появилось 10 томов «Школы изобразительного искусства», 8 томов «Жизни животных». Мы регулярно (более 10-и лет) выписывали журнал «Наука и жизнь», получали «Правду», «Труд», «Литературную газету», «Медицинский работник», «Флаг Родины». Конечно, всё это ни они, ни мы освоить не могли, но в свободные часы читали и мы, и они. Иногда я журил дочерей, если они увлекались

телепередачами. Особенно из Румынского телецентра, когда там шли американские фильмы.

После окончания 10-го класса Лена с матерью поехали поступать в Архитектурный. Меня свалил тяжёлый радикулит. Дома на мне опробовали весь арсенал противорадикулитных средств. Пригласили специалиста, который, якобы, вылечил половину моряков Пароходства. После проделанных процедур, оказавшихся безрезультатными, он с другом выпил бутылку коньяка и больше у нас не появлялся. Меня завалили на целый месяц в базовый лазарет.

В лазарете сразу уложили на доски почти без матраса, чем-то кололи, чем-то прогревали, делали появившееся тогда в моде вытяжение. Меня жёстко привязывали к кушетке, а к ногам через блок – груз, и прогревали. Безрезультатно. Появившийся в лазарете кап. 1 ранга Серёжкин прозрачно намекнул:

- Может, будешь увольняться со службы по болезни?

Сжав до боли зубы, я начал постепенно расхаживаться вокруг здания лазарета. Выписался и, преодолевая боль, стал проводить занятия. Я видел, что слушатели догадываются о моих страданиях и с пониманием ко мне относятся. Потом, получив путёвку в Солнечногорский санаторий, я уехал в отпуск. Там меня хорошо подлечили родоновыми ваннами и хорошим массажем.

Жена рассказывала, какой был ажиотаж при сдаче вступительных экзаменов в институт. Консультанты агитировали отдельные разделы экзаменационных предметов не учить.

На экзамене по математике Лена спросила:

- А можно я решу эту задачу через теорему Симпсона?

- А откуда Вы знаете теорему Симпсона?

- Учила на факультативе в школе.

- А где такая школа?

- В Измаиле.

- А где такой Измаил? – поинтересовался экзаменатор.

На экзамене по рисунку опытные абитуриенты собрались у входа в аудиторию, где была выставлена голова Антиноя. Когда открылись двери, все бросились занимать удобные позиции. Лене, конечно, достался вид почти с затылка. Однако, четвёрку она получила. За композицию из геометрических фигур тоже заработала четвёрку. По общему среднему баллу Лена прошла нормально и была принята.

Наташа через пять лет поступала в Одесский медицинский. Не прошла по конкурсу. В те времена принимали в первую очередь тех, кто имел производственный стаж. Пришлось ей поработать обмотчицей в электроцехе Судоремонтного завода. Потом она стала студенткой Одесского медицинского института.

Начальник ППО Судоремонтного завода ММФ Лошаков В.А. в числе пяти измаильчан имел разрешение от пограничников на своём катере плавать по Килийскому гирлу в устье Дуная. В одно октябрьское воскресенье затянувшегося бабьего лета он предложил мне прокатиться на катере до Кислицкого острова. Гарантировал на острове сбор мешка грибов.

Прогулка оказалась интересной. При движении по гирлу пограничники с вышек проверяли номер катера и давали отмашку следовать дальше. Пришвартовались мы к дереву острова. Вскоре подошёл прилично «нагрузившийся» милиционер и строгим голосом потребовал документы. Ознакомившись с документами и узнав цель нашего прибытия, он посоветовал не подходить близко к нейтральной полосе границы. Потом стал рассказывать бородатые анекдоты и, получив от нас бутылку пива, с благодарностью удалился.

В высокой траве грибов было великое множество, но меня они не интересовали. Спутники быстро нарезали по мешку отборных шампиньонов.

Я был поражён как будто бесхозными садами. Яркой жёлтой полосой выделялся довольно большой айвовый сад. Далее – отяжелевший плодами семеренки стоял яблоневый сад, а за ним – грушевый. В воздухе к запаху спелых даров природы примешивался запах разлагающихся паданцев. Их было так много, что в траве под ногами постоянно ощущалось что-то раздавленное. Такое удобрение почвы и близость воды конечно способствовали бурному росту травы и грибов и обильному урожаю фруктов.

По предложению попутчиков и с их помощью я набрал ящик отменных груш, размером и вкусом поразивших моих домочадцев.

Кому принадлежали сады, я так и не выяснил. Меня же удручала такая бесхозность. Персонаж в какой-то повести советских времён высказал крамольную мысль: «Знать, крепка Советская власть, что при такой бесхозности так долго держится!» Не удержалась!

Рост экономической мощи нашей державы мог быть ещё более эффективным, если бы руководство страны, особенно партийное, не укоренялось чиновниками, если бы постепенно не внедрялись туда случайные люди. Это, естественно, привело к ошибкам в руководстве страной, к авантюризму и к той же бесхозности.

Очевидно, не зря перед кончиной Сталин серьёзно критиковал своих ближайших помощников и планировал реформировать управление государством, исключив хозяйственные функции у малокомпетентных партийных боссов, передав их опытным руководителям. Так писали многие честные историки и политики.

Вот наглядный пример по Измаилу. Стало известно, что в Румынии на базе обширных зарослей камыша в дельте Дуная построен и работает целлюлозно-бумажный комбинат. Идея понравилась Хрущёву. Была дана партийная команда.

Хозяйственники безропотно закупили во Франции оборудование. То ли не успели вовремя выделить на строительство средства, то ли по привычке долго «запрягали», - оборудование стало исчезать и ржаветь. Вспомнили о ЦБК. Докупили недостающее оборудование, закончили строительство. Оказалось, что сырьевая база в виде камыша в наших плавнях явно недостаточна. Запустили производство, а сырьё – неделовую древесину – пришлось возить из Белоруссии и Архангельской области. Вынуждены были сократить производственную мощность и ограничиться выпуском гофрокартона для тары. Комбинат из бумажного стал картонным.

В наше время оказалось, что лучше ничего не строить, лучше за гроши распродавать по Северным, Южным, Восточным потокам наши природные ресурсы. Народ же можно разделить на кучку очень богатых, так называемый средний класс и самый большой класс – бедных и нищих. Рабочий класс, создававший богатства страны, оставшись без работы ушёл в охранные предприятия, в криминал или в мелколавочную торговлю.

С продовольствием в Измаиле, в сравнении даже с Одессой, было вполне благополучно, особенно в начале 1970-х годов. Пограничный закрытый город - большой торговый порт. Даже во второразрядных магазинах Горпищеторга, не говоря о магазинах Торгмортранса, ассортимент продуктов удовлетворял потребности горожан.

В городе находился большой мясокомбинат. Его продукция была широко известна. Моряки речного пароходства рассказывали, что при пополнении запасов продовольствия, например, в Вене, они получали мясо со штампом Измаильского мясокомбината. Самой дорогой колбасой была «Московская». Стоила она порядка 3-х рублей за килограмм. Это была колбаса! Когда в Москве проходили международные мероприятия, фестивали, она в магазинах исчезала. По разнарядке её и другие деликатесы отправляли в столицу.

Кроме охлаждённого мяса, мы в магазинах покупали очень дешёвые субпродукты, особенно говяжьи языки для заливного.

Часть своей продукции направлял в магазины города Консервный комбинат, Пищекомбинат. В весенние месяцы, когда шла Дунайская селёдка, за ней приезжали из Одессы и других городов любители этой рыбки. Она действительно хороша! Мягкая, жирная, со специфическим привкусом йода. Цена на неё на рынке резко возрастала.

Осенью на тротуарах проспектов и людных улиц появлялись временные мобильные торговые точки по продаже живых речных раков. Килограмм самых крупных стоил 96 копеек. Мы довольно часто их покупали, перед ужином отваривали большую кастрюлю и с пивом употребляли как аперитив. После такого аперитива и ужин не всегда был нужен. Наша соседка по лестничной площадке Екатерина Андреевна работала в Аэропорту. Почти ежедневно из Измаила на самолётах ЯК-40 отправляли живых раков в Симферополь для южных санаториев, в Одессу для дальнейшей транспортировки. Она показывала нам экземпляр, у которого клешня была 18 см. Прямо омар! Рассказывала, что из Одессы одно время стали поступать рекламации о несоответствии указанного в документах веса. Начали отправлять «с походом», но рекламации продолжали поступать. Устроили в Одессе проверку. Оказалось, что в самолёт для уборки приходила женщина. Убрав в салоне и багажном отделении, она уходила, а в ведре уносила раков, слегка прикрытых тряпкой.

Большой и довольно дешёвый рынок снабжал нас свежими овощами и фруктами, болгарской овечьей брынзой и другими молочными продуктами, живой рыбой.

Что касается напитков, то в магазинах полки были заставлены грузинскими «Киндзмараули», «Хванчкарой», «Алазанской долиной», «Гурджуани», «Мукузани», «Цинандали». Цены были общегосударственными, почти такими, как на молдавские, болгарские и румынские вина.

Перед Днём Военно-морского флота в Измаил из Одессы прибыл небольшой отряд кораблей. Командовал отрядом бывший в Очакове командир звена ТК, а теперь капитан 1 ранга С.Семьянихин. Он успел пройти несколько высоких служебных должностей и побывать Советником в Эфиопии. Друзья заочно его называли «Эфиопский адмирал». Мы случайно встретились. Зашли ко мне домой. Я предложил по рюмке «Хереса». Он оказался любителем этого вина.

- Где ты берёшь это вино?

- У нас оно продаётся свободно в магазинах города.

Во время летней жары мы обычно покупали ящик «Боржоми». В бокал с этой минералкой из холодильника для утоления жажды добавляли немного румынского «Старая мельница», или «Мурфатлара», или какого-нибудь болгарского сухого вина.

К середине 1970-х годов снабжение в городе несколько ухудшилось, и мы стали чаще пользоваться рынком. Там можно было купить всё. Помнится реклама на заборе рынка: «Поступила кишинёвская известь. Продаёцца в заду овощного ряда».

На рынок по субботам и воскресеньям съезжались из окрестных сёл крестьяне и рыбаки. Нас же в это время возили оказывать помощь в уборке урожая отстающим колхозам. Собирали мы виноград столовых сортов и «1001-ый европейский». Шпалеры лозы простирались до горизонта. С необозримых красных полей убирали спелые помидоры.

Очередное дежурство по курсам. Уже за полночь. После обхода территории помощника отправил пару часов отдохнуть. Коротая время за газетой «Советский Измаил». На последней полосе – маленькая заметка. Арестована молодая женщина из города Стрия, которая совершила несколько квартирных краж. Милиция обращается с просьбой к гражданам, у которых что-нибудь исчезало из дома, зайти в следственный отдел.

Вспомнил, что у нас месяца 1,5 назад пропадали деньги. Тогда после моего возвращения со службы жена

спросила, брал ли я деньги, 30 рублей, которые лежали на полке бельевого шкафа. Я пересмотрел всё в шкафу, но денег не обнаружил. Вскоре это как-то забылось.

Через пару дней после дежурства пришла почтовая повестка прибыть в милицию. Следователь спросила, пропадали ли у нас в доме вещи или деньги. Я сначала ответил отрицательно, но вдруг вспомнил о пропаже денег.

- Сколько у Вас пропало денег и какими купюрами?

- 30 рублей купюрами по 10 рублей.

- Всё правильно. Мы задержали воровку.

Дома я поделился причиной вызова в милицию. Тогда девочки вспомнили и рассказали, как это было. Старшая Лена с подругой убегала в школу и громко напутствовала младшую:

- Наташка! Закрой хорошо дверь, жди, когда мама возвратится с вызовов. Через несколько минут в дверь позвонили. Наташа открыла и увидела женщину, которая ласково говорила:

- Наташенька, я мамина медсестра. Мама попросила подождать её у вас дома.

Дочь, конечно, впустила женщину. Та у неё расспросила о нашей семье, потом попросила принести воды попить. Наташа принесла тёплой воды из чайника. Женщина сказала, что хочет холодной. Наташа снова ушла на кухню набирать воды из крана. Попив, женщина сослалась, что у неё мало времени, поблагодарила и ушла. Этому визиту дочь значения не придала и забыла о нём.

Потом была повестка с вызовом меня в суд. Пострадавших оказалось больше 10-ти человек, и у каждого своя история с кражей. Подсудимая, женщина лет 18-20 все предъявленные обвинения подтвердила. Чаще всего она пользовалась тем, что в подъездах домов были таблички с указанием фамилий жильцов и номеров их квартир. Воровка смело стучала в дверь. Ей открывали. Если ситуация была «нерабочей», она называла фамилию соседей, и, извинившись, уходила. Если дома были дети или старики, она

их увлекала разговором и при удобной ситуации брала часы, драгоценности, деньги.

Слушая рассказы пострадавших, мне жалко было одну женщину. Муж её бросил. Она долго искала работу. Устроилась на полставки в детском садике. Ей ошибочно выдали аванс, как за полную ставку. Решила вернуть переплату. Ехала в автобусе. Подсудимая ловко её отвлекла, взяла из сумки деньги и сошла с автобуса.

Я впервые был в суде. Случаи квартирного воровства ни в Очакове, ни в Измаиле мне не были известны. Интересно было слушать ловко придуманные подсудимой сюжеты. У одного старшего помощника капитана речного судна, когда он один спал в квартире с незапертой дверью, она, не разобравшись, унесла все фринты и рубли, которые он должен был выдать команде.

У меня судья спросила, имею ли я к подсудимой материальные претензии. Я ответил, что это нужно спросить у жены. Через несколько месяцев мне стали приходиться денежные переводы из какого-то почтового ящика. Они были по 5-7 рублей. Стало понятно, что это переводы из зоны.

Обычно по субботам, возвращаясь со службы с двумя своими попутчиками, мы заходили на почту, я получал перевод, и его реализовывали в кафе или чайной. Попутчикам понравилось, и они по субботам спрашивали:

- Шеф, а что, перевод пришёл?

Однако, общая сумма была довольно скромной.

Весенний грипп, перенесённый на ногах, подарил мне осложнение в виде тяжёлого пародонтоза. Молодой стоматолог базового лазарета направил меня в городскую стоматологию. Там я познакомился с главным врачом, А.Плешановым – подполковником медицинской службы в отставке. Он оказался опытным специалистом, добрым человеком и интересным собеседником. Определив диагноз, передал меня на попечение лучших врачей. Электрофорез, прополис, мараславин и ещё какие-то популярные по тем временам препараты спасли мои зубы до 75-летнего возраста.

Хотя и не все. Алексей Васильевич рассказал, как во время службы в госпитале на Новой Земле он лечил зубы академику И.В.Курчатову. После процедур в кабинет зашли два крепких парня, попросили показать, какие препараты он применял во время лечения, собрали указанные пузырьки с лекарствами, опечатали в коробки и ушли.

Когда закончился курс моего лечения, Алексей Васильевич осмотрел мои зубы и огласил приговор: два нужно удалять, а вообще, в будущем, я кандидат на протезы. Для удаления двух приговорённых зубов он опрыскал их каким-то аэрозолем, безболезненно удалил, а потом сказал:

- Теперь пойдём ко мне в кабинет, примем «анестезию».

В беседе я заметил, что новая клиника благоустроена и хорошо оборудована. Он поведал, как она была построена. После увольнения в запас Алексей Васильевич был назначен на должность главного врача. Клиника размещалась в длинном доме из саманных блоков. У Секретаря Горкома партии Гурского заболели зубы. Во время лечения Плешанов пожаловался, что в таких условиях работать трудно и для города не престижно. Гурский предложил подумать, как здание сделать аварийным. Тогда, мол, он при очередном совещании с руководителями городских предприятий пристыдит их, что в городе нет порядочной стоматологической клиники, и предложит «сброситься» из резервных средств на её строительство. Плешанов, при случае, попросил бульдозериста «случайно» зацепить угол саманного дома. Быстро нашли подходящий проект и построили новую стоматологическую клинику.

Ежегодно во время отпуска я посещал в Москве маму и брата, а также заходил к знакомым товарищам в Главное техническое управление ВМФ. Они знали моё семейное положение и обещали при появлении вакансии способствовать моему переводу по службе в Москву. Такая вакансия появилась ещё в 1969 г.

Я написал рапорт на имя начальника ГТУ ВМФ с просьбой рассмотреть вопрос о моём переводе по службе на вакантную должность старшего офицера отдела. В рапорте указал, что претензий на жилплощадь от ВМФ предъявлять не буду. С согласием на перевод от контр-адмирала Осовского рапорт отправил по назначению.

Мне позвонил из ГТУ кап. 1 ранга Л.Новиков, бывший флагмех Бригады ТК в Севастополе, и порекомендовал заручиться поддержкой кого-либо из знакомых высоких чинов. Я написал коротенькое письмо контр-адмиралу Дементьеву с просьбой при случае зайти к начальнику ГТУ и поддержать мою кандидатуру. Кабинет Дементьева был этажом выше. Через несколько дней мне позвонил Новиков.

- Ты к кому-нибудь обращался с просьбой поддержать твою кандидатуру на вакантное место?

- Да, к контр-адмиралу Дементьеву.

- Он заходил к начальнику ГТУ. На вакантную должность назначен ваш измаильский механик кап. 3 ранга Катасонов. Потом я вспомнил, что жена Катасонова была в добрых отношениях с женой Дементьева.

В 1970 г. мама обращалась с просьбой о переводе меня по службе в Москву. Получила из Управления кадров ВМФ ответ, что, к сожалению, в настоящее время назначить меня в Москву не представляется возможным.

Позже мне звонили, что были вакансии на должность Советника на Кубу и в Египет. Очевидно, прочитав мою выпускную аттестацию, товарищи из органов откладывали моё «Личное дело».

После перенесённого в 1970 г. тяжёлого радикулита я стал ежегодным завсегдаем Солнечногорского санатория ВМФ. При посещении мамы и брата я убеждался в ухудшении их здоровья. Явно им нужна была постоянная посторонняя помощь.

Я обратился с просьбой решить вопрос о переводе по службе в Москву из-за сложившихся семейных обстоятельств

к Депутату Верховного Совета СССР, начальнику Главного Политического управления СА и ВМФ генералу армии А.А.Епишеву. Просьба была переадресована начальнику Политуправления ВМФ адмиралу В.М.Гришанову. По его просьбе начальник Управления кадров ВМФ письмом ответил, что в связи с отсутствием вакантной должности, соответствующей моей подготовке и опыту службы, это в настоящее время невозможно, но просьба будет учтена и по возможности рассмотрена.

В 1973 г. мама обращалась ещё раз к какому-то высокому начальнику и получила ответ из Управления кадров ВМФ, в котором сообщалось, что сын должен сам обратиться по команде.

Для личного состава и сотрудников Курсов был построен добротный дом с благоустроенными квартирами. Мне предоставили квартиру из трёх отдельных жилых комнат, приличной по площади кухни с шестиметровой лоджией. Удачной оказалась планировка. Свободная прихожая, из которой слева – дверь на кухню, прямо – дверь в большую общую комнату и правее – коридор к спальне, детской, ванной и туалету. Отделка стен и потолка была не на высоте, но это дело поправимое.

Дважды в год к нам приезжала на каникулы наша студентка МАРХИ. А когда мы были в Москве – заходили к ней в общежитие на ул. Орджоникидзе. Бабушку она навещала, но жить у неё отказалась, потому что далеко ездить, тем более с большими подрамниками для чертежей, да и обстановка у бабушки не располагала к самоподготовке.

Будучи на старших курсах, во время каникул встретилась с бойкой дочерью Лукашука Людмилой. Та её познакомила с молодым штурманом-мореходом.

Возвращаясь со службы с Лукашуком, мы на проспекте повстречались с молодым высоким парнем, которого знал Казимир Николаевич. Познакомились. Прошли по проспекту. Мне он показался скромным, не очень разговорчивым. Когда извинившись, он ушёл по своим делам,

Лукашук меня проинформировал, что этот парень встречается с Леной. А друг его – с дочерью Лукашука. Дело молодое, как говорится, но жене я доложил.

Перед окончанием института Лена приехала на каникулы и представила его нам. Он оказался приличным, порядочным молодым человеком. У них настоящая любовь, и он даже приезжал в Москву, останавливался у родственников и встречался с Леной. Потом они обратились к нам за согласием на брак.

Фото 102 Киев. «Жуляны». Под крылом самолёта ЯК-40 слева – сват Владимир Матвеевич Кожушко и отец невесты. В центре – молодые, Лена и Валентин. Справа – мама невесты. Слева – отцы жениха и невесты.

Валентин Кожушко, как его звали, окончил Херсонскую мореходку и плавал штурманом на сухогрузах по Чёрному и Средиземному морям. Родители его жили под

Киевом, в Борисполе. Они приезжали к нам знакомиться. Отец Валентина, Владимир Матвеевич – железнодорожный диспетчер, а мать, Антонина Сидоровна – учительница. Люди порядочные, скромные, простые.

Регистрация брака и начальная часть свадьбы состоялась в Измаиле. Первую половину дня гуляли в ресторане гостиницы «Измаил», потом на ЯК-40 отправились в Киев. Молодые были в свадебных нарядах. В полёте пассажиров угощали «Шампанским». В аэропорту «Жуляны» нас встречали родители Валентина. Мы подарили лётчикам пару бутылок «Шампанского» и сфотографировались под крылом самолёта. Автобусом друга родителей Валентина прибыли в Борисполь, и там праздновали два дня.

После свадьбы Лена вышла на работу в ГипроНИИЗдрав, а Валентин ушёл в рейс.

Дочь стала Еленой Анатольевной Кожушко.

Вспоминается забавный эпизод. Измаильский железнодорожный вокзал. Билетов на Киев нет, а дочери нужно на работу. У касс – толпа. Воинская касса обслуживает единственного пассажира.

- Подойди, - говорю, - подай паспорт и скажи, что ты дочь офицера.

Дочь обратилась к кассиру с просьбой и скромно протянула паспорт. Та его развернула и, приятно улыбаясь, вернула с билетом. Рассчитавшись, дочь подошла ко мне и с недоумённой улыбкой показала билет.

В ожидании посадки мы ознакомились с железнодорожной информацией и Правилами, размещёнными на стенде. Их утвердил Начальник Одесско-Кишинёвской железной дороги некто Кожушко. Всё стало ясно.

Из рейса Валентин приходил в Одессу, Поти, Керчь, Рени. Лена к нему ездила. Были у него заходы и в Измаил. Он всегда приходил с подарками.

В ноябре месяце, после своего дня рождения 13 числа, Валентин ушёл в очередной рейс. Через две недели

Капитолина приходит с вызовов взволнованная и говорит, что одна пациентка слушала по радио «Голос Америки». Сообщили, что в Средиземном море затонул Советский теплоход «Речица». Валентин был на «Речице» вторым помощником.

В отделе кадров Дунайского пароходства – какая-то суета, молчаливая настороженность. Знакомый начальник отдела кадров сказал мне, что пока ничего точно не известно. Через день я снова был в Пароходстве. В отделе кадров было много посетителей. Все спрашивали о судьбе родных, близких, которые были в составе экипажа. Ведь слух о случившемся витал в городе. Пробегая мимо меня, начальник отдела кадров бросил:

- Ваш во здравии, - и убежал куда-то.

В это время к нам приехала Лена в декретный отпуск. Мы её всеми силами держали в неведении. С теплохода «Ружаны» пришла телеграмма: «Жив. Здоров. Лене ничего не говорите. Валентин».

Теплоход «Ружаны» прибыл в порт Рени. Трижды нас оповещали, что спасшихся доставят в порт Измаила. Я брал на Курсах машину начальника, Волгу, и вечерами в клубе ждал сообщения. На третий вечер, когда было уже темно, оповестили, что пассажирский катер идёт из Рени. В порту у причала собралась большая молчаливая толпа. Когда катер ошвартовался, и по сходне начали подниматься уцелевшие, раздались крики, вопли. Спасённые были одеты в униформу: шинель, шапка-ушанка и рабочее платье.

Валентин подошёл ко мне, уткнулся в моё плечо. Я успокоил его. К нему подбежало несколько человек с вопросами о судьбе своих близких. Я им сказал:

- Вы же видите, что он сейчас говорить не может.

Мы быстро подъехали к дому. Валентин сбросил униформу, переоделся и тогда показался Лене. Нормальная встреча, но Лена что-то заподозрила.

- Почему у тебя майка стала синяя?

- Случайно бросил в стиральную машину, где были темные вещи. Через два дня они возвращались из вечернего похода в гости. Валентин мне сказал:

- Папа, я раскололся.

На следующий день, 28 декабря 1976 г. Лена родила внучку Ирину.

Когда Лена была в роддоме, Валентин рассказал мне о случившемся.

Шли они Средиземным, недалеко от острова Кипр. Он собирался заступить на вахту. Вечер. Штормовая туманная погода. Вдруг прямо по носу – огни какого-то судна. Вахтенный помощник скомандовал: «Право на борт!». «Речица» накренилась, и вдогонку по её борту ударила штормовая волна. В трюме груз – бухты проволоки-катанки. Они оказались плохо раскреплёнными и стали смещаться на борт. Крен увеличился выше критического, судно стало переворачиваться и тонуть. Палуба уходила под воду. Валентин прыгнул за борт и отплыл. Судно ушло в пучину и унесло с собой почти половину экипажа. Тех, кто был в трюме, в машинном отделении, в нижних каютах. Потом он долго плыл, придерживаясь за обломок дверей. Вдруг увидел мерцающий огонёк и быстро поплыл к нему. Это был спасательный плот ПСН-10. При аварии он отстреливается за борт и автоматически наполняется воздухом поплавки. Валентин оказался на плоту шестнадцатым. С трудом разместились, как могли. Под утро покрепчал ветер, спасённые начали шевелиться и плот опрокинулся.

Валентин принял командование на себя. Плот поставили на ровный киль, организованно забрались в него. Всех он распределил на две группы: одни лежали, а другие сидели на корточках. Потом менялись. Мучила жажда. Валентин выдавал по глотку консервированную воду из аварийного запаса. Плот дрейфовал в стороне от фарватера, по которому проходили суда. Они пытались сигналить, но их увидеть не смогли.

На третьей сутки, случайно оказавшийся поблизости Греческий теплоход подобрал их. Связался по радио с нашим теплоходом «Ружаны» и передал спасённых на борт. После возвращения в Измаил были длительные разбирательства: как, почему и кто виноват.

В один из первых вечеров марта месяца послышался отдалённый глухой гул. Дом наш зашатался, стены коридора стали волнообразно изгибаться, из приготовленной ванной выплёскивалась вода, а пёсик Винтик перед этим стремглав убежал под кровать. Это было то памятное землетрясение с эпицентром в Румынии, отголоски которого докатились даже до Москвы. Валентин схватил Иришку, и все бросились бежать во двор. Я несколько мгновений постоял под балкой перекрытия и тоже побежал во двор. Было довольно тепло. Двор заполнился жильцами дома.

Через примерно час я решил возвратиться в дом и забрал с собой всё семейство. Вода в ванной ещё колыхалась. Мы даже успели попить чайку. Вдруг проехала машина и по громкоговорителю объявили, что ожидаются повторные толчки. Пришлось одеться, взять документы, Иришкину коляску и снова спуститься во двор. Когда рассветало, с той же машины прозвучала команда «Отбой!».

Пошёл я на службу. В городе было как-то тихо, безлюдно. Разрушений нигде не обнаружил, только во всех домах печные трубы осыпались на крыши. Странно, но в Измаиле не было особых разрушений. В Рении, например, попадали порталные краны, была разрушена часть зданий. Предполагали, что глубокое и широкое русло Дуная и подземное озеро самортизировали силу удара.

Валентин занимался на каких-то курсах и снова ушёл в рейс, но уже старпомом. Ходил он в Средиземное и Красное море. Им после пересечения Государственной границы начинали начислять дополнительную оплату в бонах. Эти боны отоваривались в специализированных магазинах «Альбатрос». Помнится, что бутылка «Армянского коньяка» там стоила около одного бона. Сколько он получал,

я не интересовался. Но после рейса были «Мальборо», «Кэмел», «Пел-мел», виски, коньяки и лучшие сорта кофе.

Фото 103 Дочь Елена с Иришкой

Лена с дочерью жила у нас до окончания отпуска. Уехала в Борисполь. Нужно было во время выйти на работу, чтобы не прервался трудовой стаж. После исполнения Иринке двух лет её привезли к нам из-за частых болезней, и она жила у нас до трёх лет. Когда мы были на службе, за ней присматривала бабушка Лиза из соседнего подъезда. Однажды прихожу на обед. В доме тишина. Захожу в детскую. Баба Лиза прикорнула на диване, а Иришка стоит в своей кроватке и шепчет: «Тише! Баба Лиза спит!»

Валентин окончил заочное обучение в Одесской коррумпированной высшей мореходке. Лена работала архитектором в ГипроНИИздраве и ездила из Борисполя в Киев на электричке до получения кооперативной квартиры на Оболони в 1981 г.. Когда я уволился со службы, она приезжала в Москву на время декретного отпуска. На Таганке, на Шелапутинском переулке родила внука Кирилла.

В 1977 г., по достижении 50-летнего возраста, я решил уволиться в запас, определив место проживания после увольнения – Волгоградский район города Москвы. Для подтверждения необходимости этого выбора были собраны

документы о состоянии здоровья матери и брата, о том, что до призыва на службу проживал с матерью по улице Юных Ленинцев в г. Москве, что дом, в котором мы проживали, снесен по ветхости, что мать с братом проживают на Самаркандском бульваре в доме № 24 и не возражают на прописку моей семьи на их жилплощадь.

Эти документы и мой рапорт на увольнение начальник Курсов направил в Управление кадров ВМФ. Мне ответили, что это невозможно, так как по существующему Положению о прописке в г. Москве, её может получить офицер после увольнения со службы, даже если он до службы проживал в Москве, только в случаях, когда он увольняется из районов Крайнего Севера, из заграничной командировки или закрытого гарнизона, если он не имеет квартиры.

Заместитель Главнокомандующего ВМФ Адмирал Флота Смирнов Н.И. обращался в апреле и сентябре 1978 г. в Исполком Московского городского Совета депутатов трудящихся с ходатайством в порядке исключения, в связи со сложившимися семейными обстоятельствами, разрешить моей семье прописку в г. Москве. Из Главного управления Внутренних дел Исполкома и из Исполкома Моссовета пришли штампом сработанные ответы. Имеет, мол, квартиру в Измаиле, пусть там и живёт, а увольнение со службы должно быть в строгом соответствии с Директивой МО СССР №Д-44 от 23.08.1971 г.

В личном приёме к заместителю председателя комиссии Мосгорисполкома по рассмотрению вопросов прописки населения в г. Москве мне попросту отказали. Принимала какая-то дама. Она вытащила из ящика стола пачку купюр, пересчитывала их и вразумляла меня, что закон есть закон, а исключительные случаи встречаются редко. Зашёл в кабинет молодой человек и спросил, где ему получить разрешение на прописку. Он из зоны, отбывал срок по такой-то статье. Дама его направила к нужному чиновнику.

- Вот как получается. Я отслужил Родине 33 года в ВМФ, мне даже при особых обстоятельствах прописаться нельзя, а ему – пожалуйста.

- Да, это так, - спокойно сказал она.

Чиновники уже тогда «борзели».

Неудовлетворённый такими ответами из Мосгорисполкома, я отправил письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И.Брежневу. В письме кратко изложил создавшееся семейное положение. Я писал, что моя мать проработала учительницей почти 50 лет, награждена орденом Ленина, медалью «За оборону Москвы» и другими отличиями. Ей 82 года, с ней проживает старший брат, глухонемой, инвалид 1 группы, состоящий на учёте в психдиспансере. Оба они тяжело больны, нуждаются в постоянном постороннем уходе. Их общая пенсия составляет около 90 рублей. Я регулярно оказываю им материальную помощь. Нет других родственников, которые могли бы их обслуживать.

В течение ряда лет я обращался с просьбой о переводе по службе в Москву. Вопрос не был решён. По достижении установленного Законом возраста я обратился с просьбой уволить меня в запас с направлением на проживание в Волгоградский район г. Москвы. Мне отказали в прописке на жилплощадь матери, мотивируя требованиями Директивы МО СССР.

Для меня понятна причина ограничения увольнения в г. Москву офицеров, которые до службы проживали в столице. Вместе с тем, трудно верить, что при сложившемся положении мне отказывают в возможности после 33-х летней безупречной службы в ВМФ возвратиться в Москву, чтобы выполнить свой сыновний долг и Конституционную обязанность по заботе и оказанию помощи одиноким престарелым инвалидам – матери и брату.

Ответ пришёл из Управления кадров ВМФ.

«Как Вам известно, заместитель Главнокомандующего ВМФ Адмирал Флота Смирнов Н.И. в

1978 г. дважды возбуждал ходатайство о разрешении в порядке исключения прописать Вас при увольнении в запас в г. Москве. Однако, депутатская комиссия Исполкома, в соответствии с существующим Положением о порядке прописки в г. Москве, не нашла возможным принять положительное решение по этому вопросу.»

Я не отступал. Написал ещё раз письмо Главнокомандующему ВМФ Адмиралу Флота Советского Союза С.Г.Горшкову с просьбой перевести меня по службе в закрытый гарнизон, чтобы потом уволиться оттуда в г. Москву.

Летом, во время отпуска, я зашёл в Управление кадров. Мне передали, что меня вызывает начальник Управления, контр-адмирал Г.В.Лазарев. Я ему ещё раз доложил о сложившихся семейных обстоятельствах. Мы вспомнили совместную службу в 1950-м году на Краснознамённой подводной лодке С-51, вспомнили, как срочно погрузились с открытым рубочным люком, как при швартовке таранили лодку Л-20, вспомнили сослуживцев. Я рассказал, что в Измаиле меня познакомили с монографией по НЛО нашего бывшего штурмана В.Ажажа. Георгий Васильевич с ним не встречался, но слышал, что когда Ажажа прибыл в Ленинград с лекциями о НЛО, Секретарь Ленинградского Обкома партии Романов приказал его выгнать из города.

Потом Г.В.Лазарев вызвал помощника и передал распоряжение подготовить проект приказа о переводе меня по службе в закрытый гарнизон. Я поблагодарил Георгия Васильевича и уехал в Измаил продолжать службу.

Через пару недель заходит в нашу преподавательскую кап. 1 ранга Серёжкин и с недоброй улыбкой говорит мне:

- Ну, что? Дописался со своей просьбой о переводе в Москву? Пришла телеграмма, ты назначен в Норильск!

- Куда-куда? Может, в Ногинск?

- Заходи, проверим.

На очередном совещании кап. 1 ранга Подопригора объявил офицерам о моём переводе по службе, поблагодарил за службу и вручил благодарственный Адрес. В ответном слове я поблагодарил офицеров за совместную службу, за дружбу, пожелал им дальнейших успехов в совершенствовании методики обучения иностранных моряков и высоких урожаев на садово-огородных участках, которые тогда распределялись.

Потом в клубе Курсов состоялся прощальный ужин. Я пригласил всех офицеров и мичманов цикла, товарищей с других циклов и, конечно, командование. Начальник Курсов Подопригора не прибыл, прислал кап. 1 ранга Серёжкина. Тот после первого тоста сослался на занятость и оставил за себя помощника Виктора Павловича Смирнова. Нам без начальства стало свободней. Поздравления, воспоминания, шутки, стихи и песни, анекдоты, смех. Вечер прошёл весело, в тёплой дружеской атмосфере. Я прочитал из Есенина: «Я люблю этот город вязевый, пусть обрюзг он и пусть одрях ...» . Старший преподаватель Ракетного цикла, кап. 2 ранга Л.Ковалёв, читал свои стихи и подарил мне брошюрку «Идущему в наступление» с его стихами, отпечатанную в Одесском издательстве «Маяк». Дарственная надпись: «Андреевичу от Андреевича с самыми добрыми пожеланиями».

«Царицей стола» была Дунайская селёдка. Её доставил лаборант цикла - мичман Булгару. Свообразным был этот мичман. Ранее он работал электриком в автокомбинате. С самодеятельным ансамблем комбината выступал как иллюзионист по центральному телевидению в передаче «Мой адрес – Советский Союз». Секретарь Горкома партии благоволил к Булгару как к артисту-иллюзионисту. Через Военкомат Булгару был оформлен на службу, прибыл к нам на цикл в качестве лаборанта, очевидно, в надежде получить квартиру. Слушателей и курсантов он иногда забавлял своими фокусами.

Родители Булгару жили в окрестном селе Богатое. Однажды он пригласил меня и секретаря парторганизации в гости к своим родителям. Мы познакомились с бытом крестьян в этом благодатном крае. Плодородная земля, близкие озёра, изобилие солнца. Выращенные в теплицах ранние овощи жители возили своими машинами в столичные города и даже в Ленинград. Осенью – виноград, фрукты, поздние овощи. В озёрах – рыба и водоплавающая птица. Жили эти крестьяне действительно богато. Добротные дома, а в каждом доме – обязательно одна большая комната «каса-маре». В эту комнату заходят только во время свадьбы, при рождении потомков, во время юбилеев и поминок. Так нам объяснили её предназначение. В погребах почти у каждого бочки с вином.

Перед прощальным ужином в клубе Курсов Булгару предложил мне к столу доставить дунайскую селёдку. Я удивился. Вроде не сезон и в продаже её нет. На следующий день он показал мне записку: «Директору Консервного комбината. Выдать две банки дунайской селёдki». Подпись Секретаря Горкома партии.

Передав дела кап. 2 ранга В.А.Степанову и оформив необходимые документы, я убыл в Москву. В Управлении кадров товарищи объяснили, как доехать до гарнизона Ногинск-9. Можно электричкой через Ногинск, но лучше прямым автобусом через Черноголовку, село Стромьинь до гарнизона «Дуброво». По прибытии и оформлении постоянного пропуска представился командиру части – контр-адмиралу Дицкому. Он был в курсе моего назначения.

Определился на жительство в общежитии. Это двухкомнатная квартира в типовой пятиэтажке. Меня поместили в большой комнате вместе с авиационным полковником – бывшим начальником Политотдела Бакинского округа ПВО. Он тоже ожидал увольнения в отставку.

Будучи не у дел, полковник часто ходил за грибами, развешивал их на кухне, включал газовые горелки плиты и

сушил. В квартире долго стоял тяжёлый грибной дух. Перед сном он несколько раз просил прослушать написанные им воспоминания о войне. Самым острым был эпизод неразберихи и паники у эшелона, разбитого немецкой авиацией. На вопрос «Ну, как?» я ответил, что в целом не плохо, только много прямой речи и фразы сержанта значительно грамотнее и культурнее, чем у комбата. Ночью он страшно храпел. Я его будил, свистел, но это не помогало. Даже сосед из второй комнаты возмущался его храпом. Но более всего меня удивляла его аполитичность. Он говорил порой такое, что присуще самым махровым диссидентам. В том же духе были высказывания в письмах его дочери, выдержки из которых он мне зачитывал. Я даже думал, не провокатор ли? Раньше я встречал подобных политработников. В Солнечногорском санатории, во время откровенных бесед, кап. 1 ранга из аппарата генерала Епишева и кап. 1 ранга из Политуправления Северного флота высказывали мысли, на мой взгляд, не подходящие политработникам.

Сосед из малой комнаты общежития проходил службу в самом городке. Разведённый. Говорил, что жену у него увёл сын какого-то маршала. Однако, из Москвы к нему приезжала другая женщина. Потом состоялась их женитьба.

На объекты я не ездил, потому что у меня не было допуска. Всё время проводил в городке. В штабе выполнял отдельные поручения. Решил обратиться к командиру части с просьбой убыть в краткосрочный отпуск, чтобы перевезти в Москву семью. Он дал разрешение на 10 суток.

Жена уговорила меня мебельные гарнитуры забрать с собой, потому, что в Москве с мебелью «не очень». Вот здесь я ощутил, что такое переезд, и благодарил судьбу, что капитально переезжать пришлось только один раз. Неделью, «на радость» соседям, я затаривал гарнитуры, упаковывал всякие сервизы, книги и прочее. Неожиданно получил телеграмму от контр-адмирала Дицкого с разрешением

прибыть после Ноябрьских праздников. Как это было кстати! Багажом заполнили два контейнера.

До Одессы проводить меня с женой и дочерью предложил лаборант мичман Телюк. По прибытии в Москву мои домочадцы с пёсиком Винтиком поселились у мамы. Был нарушен её покой. Своё неудовольствие она выражала отношением к Винтику.

Я убыл в «Дуброво». Когда прибыл багаж, с помощью матросов (пятый этаж без лифта) мы заставили все стены маминой квартиры.

Освободилась квартира в городке. Меня прописали, и я сразу подал рапорт на увольнение в запас. Предложили пройти комиссию в госпитале им. Бурденко. Я попросил освидетельствовать моё здоровье в местном лазарете, так как на инвалидность не претендовал. Хирург после рентгена позвоночника сказал, что у меня на кости таза выросли хрящи. Они удерживают позвонки от смещения. Поэтому мне больше трёх килограмм поднимать не рекомендуется. Хрящи могут сломаться, и я лишусь способности ходить. Как же я таскал ящики с багажом на пятый этаж?

В середине ноября мной была получена справка, где указывалось, что я проживаю в военном городке, который включён в перечень закрытых военных гарнизонов. На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, офицеры, увольняемые в запас или отставку должны быть обеспечены жилой площадью в первую очередь по избранному месту жительства.

Мне сообщили, что приказ о моем увольнении в запас подписан Министром обороны 7 декабря 1979 г. Я выписался из квартиры, в которую даже не заходил, рассчитался со всеми службами, получил все необходимые документы.

Перед убытием из «Дуброво» обратился с просьбой к начальнику штаба кап. 1 ранга Ю. Джанилидзе пригласить офицеров штаба на прощальный ужин. Он почему-то категорически запретил. Потом мне сказал:

- Если В.И. Ленин говорил «Мы пойдём другим путём», я скажу, что пойду Вашим путём. Он тоже собирался увольняться в Москву.

В соответствии с приказом от 07.12.1979 г. я увольнялся в запас 28.12.1979 г. с правом ношения военной формы одежды. Кортик ВМФ №03623.

В Волгоградском райвоенкомате получил Пенсионное удостоверение, заменил Удостоверение личности на Военный билет офицера запаса, а 5 января 1980 г. впервые обрёл «молоткастый, серпастый советский паспорт». В январе получил прописку и прописал жену и дочь на жилплощадь матери. Подал заявление в Отдел учёта и распределения жилплощади Райисполкома.

Итак, я прослужил в Вооружённых силах 34 года и 3 месяца, не считая военных 2,5 лет учёбы в Артиллерийской спецшколе. Закончились мои мытарства по возвращению в Москву, в Кузьминки. Начался новый этап жизни – почти 30-летний труд в Центральном научно-исследовательском институте строительных конструкций им. В.А.Кучеренко, от инженера – до научного сотрудника.

В райвоенкомате, куда я встал на учёт, мне предлагали несколько вариантов трудоустройства: от заведующего отделом в каком-то НИИ на Шоссе Энтузиастов и начальника Гарнизонных художественных мастерских с персональной машиной, секретаршей и до преподавателя в автошколе, где начальника смутил мой педагогический стаж.

По совету двоюродного брата Славы я остановился на ЦНИИСК им. В.А.Кучеренко. Этот институт находился в двух автобусных остановках от строившегося дома, где мне обещали квартиру. С общественным транспортом Москвы я уже познакомился, а ходить на работу пешком считал полезным. Здесь я обрёл интересную работу, опыт гражданских взаимоотношений. Здесь были радости рождения ещё четырёх внуков, горести семейных утрат, увлечений дачными работами.

Но об этом, тоже большом и интересном этапе жизни, - потом, если хватит здоровья и сил.

П.М.КАРПОВ. ИСПОВЕДЬ ПОКОЛЕНИЯ.
(письма друга)

«От страха смерти
Я, поверьте мне, далёк.
Страшнее жизни
Что мне приготовил рок?
Я душу получил
На подержанье только
И возвращу её,
Когда наступит срок.»
(Омар Хайям)

За долгую прожитую жизнь, конечно же, я встречал разных по характеру и воспитанию начальников, сослуживцев, подчинённых и просто знакомых. В основном это были простые, порядочные, общительные (не в пример нынешним) люди со своими достоинствами и слабостями. Достоинства отмечал, а мелкие слабости или не замечал, или прощал. Были и личности. Больше - достойных этого эпитета, однако и среди них встречались подлецы.

Из достойных наиболее близко я знал Павла Михайловича Карпова. Мы были разновозрастными друзьями.

Порядочный во всех отношениях человек, романтик, беззаветно любивший море и морскую службу, твёрдый в своих убеждениях и в возможности построения бесклассового общества. Иногда в его поступках было некое подобие артистизма, но не показуха. Он был равнодушен к алкоголю, принимал его в ограниченном количестве по большим праздникам или особым случаям.

Начальство его уважало за энергичную деловитость в службе, а чиновники недолюбливали за строптивость. Командующий флотом адмирал С.Е.Чурсин, кроме

служебных разговоров, беседовал с ним на «свободные» темы.

*Фото 104 Севастополь. 1974 г. Павел Михайлович Карнов.
На обороте надпись: «Старый друг – лучше новых двух. На
добрую память. Севастополь, 74.»*

А вот Начальник Политотдела Бригады ОВР, на которую мы оперативно замыкались, однажды при встрече стал выговаривать ему о неисполнении какого-то второстепенного и не срочного распоряжения. Звания у них равные, но должность!

- Вы не выполняете указания Партии!

- А Вы не Партия, а Начальник Политотдела! – был ответ.

В узком кругу Павел Михайлович мог резко высмеивать «ляпы» Хрущёва, критиковать добродушный Брежневский «застой», непродуманную Горбачёвскую перестройку.

Вот характерные выдержки из его кратких писем.

17.12.1977 г. Севастополь.

Через час – в море. Тороплюсь. Не знаю, когда и каким ветром прибьёт. А посею заранее:

Дорогой друже! От всей души, тепло и сердечно поздравляю тебя, Капу, девочек и всех верных тебе друзей с наступающим Новым, 1978 годом! ...

P.S. Я по-прежнему плаваю на гидрографе капитаном. Много и пока (тьфу-тьфу) успешно. И к последнему причалу предпочитаю подойти не на госпитальной койке, а на мостике родного корабля.

На том и стою я.

Твой друг П.

Декабрь 1978 г. Севастополь.

На Новогоднюю поверку – становись!

Толя, Капуля-торопуля, родные! Сердечно поздравляю вас с наступающим 1979 годом! ...

P.S. Артёму, моему внуку лукавому, - 2, 5 года. Татьяна 25 октября вышла замуж и укатила со своим плавающим (тоже!) в Мурманск.

Кроме обычных свадебных забот сбились с ног, как за две недели из крымчанки сделать зимнюю мурманчанку в условиях «развитого дефицита». Будем теперь ждать Кирилла или Анфиску.

Вот так. Обнимаю. Я.

24.12.1980 г. Севастополь.

P.S. А я всё ещё кувыркаюсь в море. Сразу после Нового года иду в район Босфора до февраля, с базой на Болгарию.

41-й год пошёл этого кувыркания, видимо, тем и жив.

После каждого похода узнаю прискорбные новости. Падают по моим бортам недобитые в той клятой войне мои друзья фронтовики, как солдаты в плохо подготовленной атаке. А о Новогодней переключке и говорить уже нечего. Всё меньше растрат на почту. Что поделаешь? Скорбь и смуть – явления жизни.

Внук Артём ходит только в морском и велит себя величать «адмиралом». Не чаёт души в деде-капитане, его корабле и море. Внучка, полуторагодовалая Катюша, так же у нас. Галка взяла её, заболевшую, из Мурманска и уже выходила. Очаровательное создание! Моя мэм разрывается между «детками», внуками и работой. Иногда вспоминает и меня.

А как вы, друзья?

Ваш П.

18.12.1982 г. Севастополь.

Анатолий, друже сердечный! Поздравляю тебя с Капулей и детками с наступающим Новым, 1983 годом.

За себя и Галку желаю вам, мои дорогие, доброго здоровья и счастья! Это главное. Всё остальное в отечестве нашем любезном можно купить, а при хроническом «дефците» - достать или украсть. Будем же здоровы!

1982 год для нас, особенно для Галки, был тяжёлым. Завалилась в инфаркте моя любимая тёща. Правда, почему-то оклемалась. А тут меня эскулапы сняли с мостика перед самым выходом в Красное море, содрали и прооперировали. Вырезали какую-то там опухоль «со знаком качества» и выбросили собакам, как фрагмент Продовольственной программы. Говорят, что это хорошо и мне, и собакам.

Правда, чувство юмора оставили. Говорят, что оно «не операбельно». Уже хожу, понемногу отхожу и на море гляжу. Как бы мне снова туда смыться?! Подальше от грешной земли. Суета сует и всесветное фарисейство!

В Москве много перемен и перестановок. Сообщите номер вашего телефона.

Целую. Я.

16.12.1983 г. Севастополь.

Толя, Капа, друзья сердечные! За себя и семейство своё поздравляю вас с роднёю до седьмого колена с наступающим 1984 годом! ...

P.S. Через пару часов уезжаю в Донузлав, где стоит мой корабль. Что такое Донузлав? Рио-де-Жанейро знаете? Так это совсем наоборот. Как и совсем наоборот мой новый корабль по сравнению с тем белоснежным лайнером, которым я командовал до прошлого года. Твои неумолимые коллеги, Капа, сказали на комиссии: «Хватит, дед, слезай и иди вытирать сопельки внукам». А я вот снова пошел, пусть на каботажную калошу, но в море! Покувыркаюсь ещё!

За всех целую вас. П.

26.12.1984 г. Севастополь.

Анатолий, Капуля, девочки! Поздравляем вас, близких ваших, с наступающим Новым, 1985 годом! ...

P.S. О нас. Галка вся в детях и внуках. Что ей Рейган, мировая тревога и скорбь? Катька в Мурманске приболела. Галка тут же взяла отпуск и полетела сопли вытирать. Во работает биология! И без решений, постановлений «глыбоко» аргументированных и ярких речей и вытекающих из них положений, без планов встречных и поперечных. Работает сама природа. Аж завидки берут! Думается, что останется на нашем шарике только одна баба, тут же зачнёт или от «духа святого», или ветром надует и родит, выкормит, возродит род людской. На колени перед женщиной! Вот, что я понял, Толя,

на старости лет, возвращаясь «на круги своя», тобишь, впадая в детство.

Моя же очередная попытка вернуться на мостик моего красавца гидрографа и уйти подальше «от грешной земли», лопнула. Клятые медики (прости, Капа!) не дают моряку помереть на мостике. Так я попал на плавкран. Пусть каботаж, но на воде! Относительная независимость, дающая возможность не скатиться в «тыбыка» и спасти остаток самоуважения.

«Чудю, чудю, пока жив. Жив, пока чудю!» П.

23.12.1985 г. Севастополь.

Толя, Капуля, друзья! Сердечно поздравляю вас, «деток», внуков, всю родню вашу, друзей с наступающим Новым, 1986 годом!

Вместе с Галкой, наши славные, желаем вам всем доброго: здоровья, счастья, удачи! А всем нам – очищение от свежего ветра, задувшего из вашей Москвы. Пусть только он не затихает, а наоборот, наберёт силу шторма! Пусть снесёт этот благословенный шторм к чертям собачьим всю гниль, коросту и нечисть, расплотившуюся на Руси святой за десятилетия ленивого благодушия и холуйского фарисейства. Хочу и верую (в который уже раз, но верую!). Дай-то Бог силы Мишеньке послужить России! Так что дуй, Москва. Настоящим морякам добрый шторм только на закалку. А дерьмо пусть тонет и выплывает на рифы кормёжкой для ворон, навозом-удобрением для экологического оздоровления бедной Земли. ...

Р.С. Я всё ещё кувыркаюсь в каботажных морях. «Дохтура» за Босфор не пушают. Галка «кувыркается» с детьми и внуками. «Каждому – своё». А как вы?

Ваш П.

22.12.1987 г. Севастополь.

... Р.С. Я, наконец, на берегу: «БИЧ» - Бывший Интеллигентный Человек. По наивности своей очередной раз

поверил «благотворным переменам» и в «духе гласности» расплевался вдрызг с местными советско-партийными и даже правоохранительными властями. Заодно уж и со своими флотскими. Громко хлопнул дверью ходовой рубки и сошёл с мостика на берег. Выборы демонстративно бойкотировал: не из кого выбирать. Ну и что? Власти (те же) переизбраны без меня. Пароход мой не утонул. «А-ля Дон-Кихот Севастопольский»!

Зализываю раны телесные. А душевные? Впрочем, убедился в «благотворных переменмах»: не посадили и не исключили. Демократия!

Доживем ли всё-таки до правды? Вот бы нам в Крым вашего Ельцина! Хоть на полгода! Может, всё-таки что-то и получится?

Обнимаю, П.

15.12.1988 г. Севастополь.

Дорогие друзья! Сердечно поздравляю вас и семейство до седьмого колена с наступающим 1989 годом! Желаю вам доброго здоровья, счастья и удачи. А всем нам, Отечеству нашему любезному и многострадальному – избавиться, наконец (ну, сколько же можно?) от всех бед и, главное, да снизойдёт, пусть возвратится к нам душевное равновесие, которым так несправедливо обделено наше недогоревшее, неутопленное, недострелянное поколение – «трёхпроцентники», выигравшие жизнь в кровавой рулетке Жизнь.

Посчитал: пережил 6 «вождей». Мелькнул, словно жуткий сон моряка между вахтами в жестокий шторм, «вождик» Черненко. Чучело на троне Великой державы. И все они, все ведь правили и руководили по Марксу-Энгельсу-Ленину, «именем народа». Не дай же Бог пережить и седьмого с таким же вот «конечным результатом». Хочу поверить, что покаяние и самоочищение вернут нам человеческое достоинство. Да будет так!

Целую, П.

26.04.1988 г. Севастополь.

Толя, друже сердечный! Поздравляю тебя с Капулей, и девочками, и со внуками с наступающим Первомаем и пресветлым праздником нашего поколения – Днём Победы! А всем нам желаю, ну, если не нам, то хотя бы детям нашим или внукам, дожить до «конечного результата» перестройки. До победного, конечно. Чтобы не были наши потомки (как наше поколение) подопытными кроликами у разного рода политиканов, проводящих на людях свои, конечно же, «гениальные» эксперименты. Пусть М.С. станет Михаилом Потаповичем и мощной лапой вышибет из вашего стольного града (да и по всей Руси) ослов, лис, баранов, шакалов и прочих гадов, опоганивших, осиротивших, опозоривших наше Отечество любезное и превративших наш народ в безгласное пьяное быдло. Как хочется в это верить, как хочется! Это и будет главная победа на века!

Ваш Павел.

18.02.1989 г. Севастополь. Спасибо, Толя, за короткую информацию, информацию для размышлений в новогодней открытке. Спасибо за память, за добрые слова и приглашение. Счастлив тем, что Бог мне послал в своё время честных, интересных, нестандартно мыслящих людей, что в наш заформализованно-стандартный мир редкость и отвага. И ты, друже, один из немногих, с которыми я познал «радость и цену человеческого общения» по Антуану де Сент Экзюпери. Спасибо. Меня окончательно содрали с капитанского мостика. Не по профессиональным показателям и не по возрасту. Медики нашли, что у меня не что-то с сердечно-сосудистым или зрением, а слух стал не как у собаки сторожевой, а на пару децибел ниже. «В контузии лопались перепонки», - говорю, - «но четверть века на торпедных катерах не мешало же?» Выперли с радостью. Неудобен, не гнётся! Я бы согнулся, хотя и тошно. Но ради моря стерпел бы. Однако радикулит «не даёт». Вот так, Толя.

В «перестройку» не верю. Так же, как и в тот «социализм», который перестраиваем. Сволочный аппарат на самоубийство не пойдёт!

Целую вас, ваш П.К.

18.02 1989 г. Севастополь. (Открытка).

... Мужчина вправе выбирать себе дело по душе и способностям, но, ежели он настоящий мужчина, он обязан владеть общей обязательной для мужчин профессией – защищать Отечество любезное.

Кто знает, может, наша честная служба уберегла нашу многострадальную матушку Россию от новых военных потрясений (вопреки идиотизму и маразму властьпредержащих). Отдал 48 лет этому делу – всю жизнь, чем и горжусь. П.

24.04.1990 г. Севастополь.

... Главное же – с 45 годовщиной Великой, кровью добытой Победы. Вечная память павшим! А нам, недостреленным, по возможности, здоровой старости, душевного равновесия. Где взять? И, как награда последняя за скотскую жизнь и муки на этом свете, – лёгкая кончина. Не такая, какая досталась моему предпоследнему фронтовому другу. И за что же? Да есть ли Бог? Уже ослепший, задыхаясь от приступов боли, «проморзьянил» мне почти с того света нажимами пальцев: «Паша ... SOS ... пристрели». Как на фронте. За что? Еле сам оклемался. Переболел. Жить?!

Обнимаю, ваш П.

17.12.1992 г. Севастополь.

Исчезли поздравительные севастопольские открытки. Если бы только они! Зато появились суверенно-самостийно-унитарно-соборные конверты «3 Новим роком!» Надо же, «роком»! Мало их было (а сколько ещё будет!) в нашей жизни, «роков».

Однако, в конвертах есть и преимущество перед открыткой, в которой, хотя искренно и тепло, но, что уж там: затасканно-формально одно и то же. А в конверт надобно вложить пусть и маленькое, но неформальное послание.

Для начала всё-таки простите за банальность и формальность (что нового придумаешь?) Поздравляю вас, други любые и верные мои, с наступающим Новым, 1993 годом! Вместе с Галкой желаем вам: пусть нам всем объявят хотя бы короткий антракт в этом многолетнем театре абсурда. Как вы там, в столице новой суверенной России? Мы же в Севастополе чувствуем себя как 1918 году. России не до нас, а «князи» (из грязи) никак власть не поделят. До Крыма ли тут, Севастополя? Солдатиков в ближнем зарубежье? И миллионов русских, оказавшихся за границей беззащитными и оплёванными? Ну вот, о самочувствии (моральном) вам всё ясно. Не дай Бог нашим детям придётся увидеть вторую серию «Гибели эскадры» черноморской. О физическом же самочувствии, не будучи занудой, говорить не стану. Где и кому легче?

За неделю до моего семидесятилетия (29. 07. 1992 г.) собравшийся ко мне известный вам мой старый, тоже московский, друг Игорь Львовский умер от инсульта.

А как вы?

Целуем, Карповы.

12.12.1993 г. Севастополь.

... Привет вам из вновь осаждённого Севастополя вместе со славным Черноморским флотом! Пошёл уже третий год третьей же «Севастопольской страды». В 1854 году Черноморский флот самозатопился, преграждая противнику вход на внутренний рейд, и ушёл на бастионы. В 1918 году частично самозатопился в Новороссийске, а частично ушёл в Бизерту, чтобы не достаться немцам и самостийщикам-петлюровцам. В 1941-1942 годах флот с боями погибал с честью и славой, Защищая Севастополь. Нынче он хиреет, ржавеет, теряет боеспособность и тихо, бесславно, без боя

гибнет под давлением бендеровцев, «самостийщиков» и при предательстве новоявленного московского царя Бориса, который и в подмётки не годится Борису Годунову. А с флотом хирею, ржавею и теряю боеспособность и я - кровная, неотъемлемая до самой смерти его частица. Ведь 53 года отдано морю. Эскулапы меня содрали с капитанского мостика, да и возраст: восьмой ведь десяток распечатал. Но я снова вернулся – матросом 1-го класса на небольшом кораблике, но на море. Да и «материя» отставному капитану 1-го ранга и капитану «дальнего заплыва» на одной «пензии» в унитарной, суверенной, самостийной неньке-Украине не даёт прожить. А тут на кораблике – харч. Что не доедаю – несу своей бабуле. Ну, а любой работы, ежели она честная и квалифицированная, наше поколение не боится. Моего же «вытчего» образования и полувекового морского стажа для матроса, даже первого класса, хватает. Шваброй мотать – не секстаном качать. Среди прочих «нет» в Севастополе не стало открыток, марок и конвертов. Осада! В страшном сне такое не снилось. Завидую своим друзьям-фронтовикам, павшим в 1941 году под вашей Москвой. «Хорошо им, мёртвые сраму не имут!» Не ведают покойнички, как дело, за которое они отдали жизни, испоганили перевёртыши-«демокрады».

И всё-таки верую: Россия-матушка переживёт и это смутное время, воскреснет ещё более могучей и светлой. Вот всего этого в Новом году я желаю всем нам с пожеланием здоровья и счастья.

С доброй памятью и любовью – Карповы.

15.12.1994 г. Севастополь.

... Наконец, собрался-таки сообщить вам что, как это ни странно и удивительно, но пока ещё жив, курилка!

Судьба ещё не испытала
Всего положенного мне,
Хотя и пережил немало:
Тонул в воде, горел в огне!

... Вот живучая порода! Всё осточертело, тошно, кашель на душе. А всё же кувыркаюсь. Хотя и тошно, но нахально хочу дотянуть до 50-й годовщины Великой Победы, которая совпадает с 55-й годовщиной моей верной службы Отечеству любезному на Российском военно-морском флоте. А там ... «пора и честь знать».

«За жизнь» писать противно. Не знаю, не пойму, чем же наше поколение – честные, добрые, терпеливые и отважные люди прогневили Бога, что он снова и снова шлёт на наши головы тяжёлые испытания. Где же ты, Боже?! Год как отдал Богу душу мой сердечный друг, твой земляк, обрусевший до безобразия еврей и принципиальный алкоголик Игорь. Посыпались, как домино, мои немногочисленные севастопольские друзья. Совсем осиротел. Надеюсь, хоть ты, Толя, пребываешь в добром здравии со всем своим семейством.

... Как все честные, порядочные люди, кончая с собой, фронтовичка – поэтесса Ю. Друнина написала: «В этой жизни порядочному человеку места нет.» Ни добавить – ни убавить! Только дети, внуки да ответственность за подругу жизни ещё держат.

Ваш П.

25.12.1995 г. Севастополь.

Вместо извинения за долгое молчание (по аналогии с тобой, Анатолий), вспомнил преданного анафеме Л.Н.Толстого за его страстную статью «Не могу молчать». Я, в отличие от него, не знаю, не нахожу слов, не знаю, что сказать, и не только потому, что я не Лев и, тем более, не граф.

Я, как всё моё поколение, такого нахлебался, что не приведи Господь нашим детям и внукам. До сих пор просыпаюсь в холодном поту, коль приснится бывшее. Но в самые страшные, как казалось, безвыходные, смертельные минуты я не впадал в отчаяние, не опускал руки. Одна заранее обдуманная и отрепетированная задача: с последней

смертной гранатой прихватить с собой «за компанию» как можно больше супостатов, опоганивших нашу святую землю. Это не фанатизм камикадзе или показной бездумный героизм, нет, это трезвый расчет, решение.

Пожалуй, не было таких трудностей и испытаний, к которым я не был бы готов и не смог бы перенести. Да и перенёс-таки. Кроме одной – унижения, позора плена. Решение это давало мне силы и уверенность в себе. заставляло выполнить свой долг до конца. Всё было ясно. У меня пристрелянный автомат, крепкая рука, верный глаз. За моей спиной – моя Родина, родные, близкие, а передо мной – лютей враг. Бей! Кто кого?

А ныне? Автоматы у бандитов, а их крёстные отцы – в президиумах и «президентиках» со своими национальными княжествами. А их присные катят на «Мерседесах». Ворьё в законе и на законных основаниях. Впервые в моей нелёгкой жизни и службе я чувствую себя беспомощным. Не знаю, что же делать, тем более, что тут сказать?

Вот видишь, Толя, и меня потянуло на исповедь. Ты меня на неё своим письмом спровоцировал – и спасибо тебе! Может, нам хоть на миг станет полегче? Вот так из души в душу поплакаться друг другу в тельняшки.

Что же тебе, друже мой славный, пришлось пережить, если ты так трогательно благодаришь меня за аттестацию на твою персону? Я, как всегда, писал то, что думал, то, что ты заслужил своею верною службой Отечеству нашему любезному и не более. Это тебя, а не меня нужно благодарить. Ведь были у меня и другие аттестации, за которые меня до гробовой доски проклинают. Били окна в квартире. Я не Бог, но, надеюсь, порядочный человек. Но, опять же, Толя. Какую же жуткую жизнь мы прожили (да и доживаем ещё страшнее), если за честность и порядочность приходится благодарить.

... Там у меня был шанс. А здесь? С перерывами на госпитальные койки (мой «отпуск» и «отдых») я на службе уже 55-й год. От курсанта, через капитана 1-го ранга,

капитана «дальнего заплыва» до палубного матроса. И без смертной гранаты. В плену кремлёвских перевёртышей, бывших «партокрадов», нынешних «демокрадов», в осаде Мазепо-Петлюро-Бендеровских самостийщиков вместе с флотом, догнивающим в севастопольских бухтах. Нас продали и предали. И я впервые в жизни со стыдом и болью сознаю своё полное бессилие. Бессилие перед наглым, циничным врагом всего того, что таким трудом, потом и кровью создавалось нашими пращурами и нашим поколением. Всё продано, предано, растоптано и оплёвано. А ведь закон возмездия, рано или поздно, а всё равно сработает.

Хватит! Прости, родной, наболело!

Отдыхаю иногда на своем «Жигулёнке», которому пошёл 22-й год, но 120 (по-катерному) ещё даёт! И в эти редкие минуты чувствую себя молодым и сильным. Как водитель, я ничего не потерял в свои 73 года.

Спасибо за письмо, и с Новым 1996 годом! Россия воспрянет! Верю!

Целуем вас, Карповы.

20.04 1995 г. Севастополь.

Ночь на матросской корабельной вахте.

В мае исполняется не только 50 лет Победы, но и 55 лет моей службы Российскому флоту. От курсанта в 1940 году, через войну, 35 лет на действительной по восходящей до капитана 1-го ранга, а с 1978 года, ещё 20 лет, по нисходящей: от капитана «дальнего заплыва» до матроса, но всё на том же, пусть вспомогательном, но Военно-морском Российском флоте под Андреевским флагом.

Вся моя служба и жизнь (впрочем, это одно и то же) шла, и, слава Богу, идёт, как хотел и мог, не насилуя совесть карьерой, а душу – угодничеством. Я позволял себе непозволительную и опасную по тем временам роскошь – быть самим собой. И именно в этом (без ложной скромности) моё очень редкое и очень весомое человеческое достоинство.

Не знаю, как поздравить тебя с 50-летием Победы? Украли ведь её у нас перевёртыши, эти новые русские «демократы». Тогда, в мае 1945, это был величайший праздник. Да! Со слезами на глазах, но то были не только слёзы горечи по не дожившим, сложившим свои головы на поле брани, но и слёзы радости, счастья. Дошли, выдюжили, одолели, отмучились! А что же в 1995-м? Только горькие поминальные слёзы по украденной, проданной и преданной за 30 сребреников могучей державе. Реквием по Победе ... А ведь ответят эти подонки по закону возмездия! Верую! Так же, как и в то, что Россия возродится. И этим жив покуда под бдительной охраной «гвардейцев-бендеровцев» и всяческих «Спецназов» самостийной, суверенной, незалежной и незаможной Украинской державы. (За квартал в Севастополе убито 27 человек. На днях – редактор нашей газеты.)

Целуем – мы.

10.12.1996 г. Севастополь.

Не удивляйся новому написанию адреса. Дело в том, что наша Украина из всех сил лезет в Европу. Помните: «Пустите Дуньку в Европу без очереди!» Вот и Гапка с голым задом на коленках, хотя бы написанием адреса по европейскому стандарту, желает считать себя парижанкой. Других атрибутов «нема».

Толя, друже сердечный, твоё письмо и поздравление получил. Спасибо. За молчание не взыщи. Прости.

Всё бы ничего, но моя боевая подруга (вам не скрою) неизлечимо больна. Год назад, после 45 лет работы, её внезапно уволили. Удар был неожиданным, и у неё на почве диабета и склероза «едет крыша». Ничего не могу поделать. Говорят спецы - «безнадёга». В июне пошёл 57 год, как я на флоте. Суточные вахты для меня – мука: что там дома? Ведь я теперь и сиделка, и экспедитор, и кок. А случись что со мной? Дважды пытались меня «Скорой» в госпиталь увалить. Сбежал. До писем ли, Толя? Судьба!

За что же, за какие грехи такая вот кара? Верен присяге не только отечеству, но и подруге. Бьюсь, как рак об лёд, а что толку? Таняша в Мурманске, сын – здесь, но что он может?

Но Новый год – перекличка. Спасибо за память и добро. Помню, люблю и обнимаю вас, мои Донюши. Удачи и здоровья.

П.Карпов.

10.02.1998 г. Севастополь.

Дорогой мой друг! Впервые за много лет я не принимал участия в Новогодней перекличке. С половины декабря и весь январь кувыркался в нашем флотском госпитале. Галина, заботами невестки и сына, и финансовыми вливаниями, находилась на содержании психдиспансера. Никакого лечения. Больной беспокойный ребёнок, которому памперсы ещё не изготовили. Завтра забираю на домашний круглосуточный бессменный догляд. После 57-летней флотской вахты заступаю на домашнюю. Вот только на сколько меня хватит? Всё приемлю. Видно, судьба не всё ещё во мне испытала. Что же ещё не испытано в этой жизни мной, тобой, Толя, поколением нашим? Дай Бог силы достойно дожить оставшееся: дни? Месяцы? Годы?

Достал из своего эпистолярного архива твоё февральское, 1997 года. Какой год! Спасибо тебе за письмо и память. Желая тебе, подруге твоей, всей семье самого-самого, а главное – здоровья. Только теперь, на старости лет, понял, как бездумно оно растрчено. На износ и воевали мы, и служили. А вот и расплата. Будьте же здоровы и примите всё, как есть.

Целую – Павел.

12.12.1998 г. Пятница. Севастополь.

Мои дорогие славные Донюши: Толя, Капуля маленькая! Здравствуйте! Вы живы? Жив и я. А вот моей верной подруги – жены, матери моих детей и бабушки наших

внуков уже 4-й месяц пошёл, как не стало. Отмучилась, бедная, и отмучила меня – сама того не ведая и не желая. Да, верно говорят: время лечит. Немного оклемался, отдышался от почти двухлетней круглосуточной пытки. Новый 1998 г. встретил в госпитале. Второй раз в этом году меня уложили уже в больницу. В Госпиталь ветеранов войны в Севастополе уже не берут: Россия не платит. А Украина за «москалей» - тем более. Так или иначе, но я дважды в этом году «пускал пузыри» и всё-таки «продулся». Но эскулапы предупредили: «В третий раз Вам не вывернуться». Перечитал, Толя, два твои последних письма. Потери, потери, испытания и трагедии. Кто и за что проклял наше поколение? Я убеждённый (жизнью) атеист, хотя в детстве и юности верующая родня меня с Боженькой сдружила. Уважаю, даже где-то по белому завидую верующим. Блажен, кто верует! Правильно сказано. Но, ежели суждено бы мне было быть воспитанным верующим, после того, что я видел и пережил в войне и был свидетелем (слава Богу, Бог миловал) не соучастником, как и ты, Толя, как и мы, проклял бы я Боженьку. Что же он «Творец», «Держатель» сотворил со своей паствой?! Ведь миллионы уничтожены, сожжены, закопаны в землю живыми. А нынче? Могучая когда-то держава, её многострадальный народ, не раз спасавший сытую, жирную Европу то от татарвы, то от Наполеона и, наконец, от «коричневой чумы» - предан и продан «партокрадами»-«демокрадами» за вонючие кровавые доллары той же неблагодарной Европе и разжиревшей на нашей крови Америке. Славная история наша оплётана и растоптана. Это наша жизнь, Толя. И за какие же грехи?

Ваша с Капой потеря? Мыслимо ли? Справедливо ли, когда родители хоронят детей? Это по воле Божьей? Ведь сказано «без его воли волосок с нашей головы не падёт». Так за что же?

Жаль мне мою Галочку. Ведь в июле было 50 лет – «Золотая свадьба». Да будет ли конец нашим мукам?

К жизни и смерти я давно уже отношусь, как профессиональный военный. На войне бывает, что и убивают. А с возрастом – ещё и по философии моего любимого Омара Хайяма – равно как и к Богу:

«Жизнь сотворивший,
Смерть ты создал вслед за тем,
Назначил гибель ты своим созданьям всем.
Ты плохо их слепил?
Но кто же в том виною?
А если хорошо – ломаешь их зачем?»

И это сказано было в средневековье. Так было всегда.

Но верю: верую не «по воле Божьей», а по закону возмездия наши мучители понесут тяжёлую кару. И по той же вере, надежде и любви, которые умирают последними, Россия наша, как не раз уже было, воспрянет, встанет с колен и займёт своё достойное и выстраданное ею в этом мире место. Да, мы не доживём, но если не дети наши, то внуки доживут. Верую, верую! И вы, мои славные друзья, верьте.

Помню вас, люблю, обнимаю. Ваш недобиток – П.

20.12.2000 г. Севастополь.

Милые, славные друзья Донюши! Поздравляю вас с наступающими новыми столетием и тысячелетием! И надеюсь, новыми, более благополучными для многострадальной Руси. Старое «благополучие» наше, наше богатство – это наши годы. И не надо мне другого богатства. Ни потерять его, ни украсть никому. Со мной оно до конца.

Жив пока, и с благодарностью вспоминаю подаренный судьбой наш Очаков.

Целую – П.

17.02. 2001 г. Севастополь.

Только что сын Миша (помните?) - ныне это пузатый 50-летний кандидат технических наук, доцент Севастопольского технологического института – принёс твоё письмо, Толя. Милое, теплое, родное письмо. Спасибо, дорогой! За всё спасибо! И за добрую память, за поздравление-пожелание, и за подробное описание своего жития-бытия, о планах на будущее. Свидетельство того, что всё это мне близко, интересно и волнующе настолько, что я немедленно, пока не растрачено это так редкое нынче чувство сопричастности к судьбе близких друзей, их взаимный интерес и верность старой дружбе – пишу вам, мои родные Донюши, с радостью и тихой грустью.

Как всё-таки жаль, что кроме многих ценностей «застойного» периода утерян и интерес, вкус, да и умение в эпистолярном искусстве. Все нынче лезут в Интернет, в виртуальное общение, в приобретение деток из пробирки, а то и клонированием. Эволюция? Революция? Эмансипация?

У меня целый архив из писем друзей (все твои, Толя, целы). А мой друг – балтийский подводник (величайший оригинал: оперный певец-любитель) Витя Каширин и свои письма ко мне (черновики!) и мои за многолетнюю переписку сброшюровал. И ты знаешь, Толя, тогда я в 1982 году получил новый корабль в Польше и перегонял его в Калининград для подготовки к переходу вокруг Европы на Чёрное море, встретился с Виктором и прочитал свои письма. Я был поражён. Ведь мы не замечаем, как меняемся вместе с жизнью и временем. А переписка великих умов, гениев? Ведь недаром же, ох, как недаром, как мудро было сказано «вначале было слово». Ну, пусть изречения, но не зафиксированные на скале, камне, на папирусе, восковой или берестяной основе. А по нынешним временам Интернет – «по секрету всему свету». Не знаю, может, во мне, старике, говорит традиционный консерватизм, может, и так. Но жаль, жаль исчезнувшее эпистолярное искусство. Дико, но факт: в

моём архиве нет ни одного письма от сына, а от дочери есть несколько делового плана. Мамонты мы!

Однако, меня занесло «не туда». Просто я беседую с вами, я вижу вас внутренним взглядом, чувствую и очень люблю. Как и то, оказывается, счастливое время, которое мы и не замечали, как не замечаешь воздуха, которым мы дышим, пока его не перекрыли. Что мы и чувствуем ныне.

А я задыхаюсь, ребята. Ведь пробиты лёгкие, и всё это вылилось в сердечно-сосудистую недостаточность. Так что воспользоваться вашим приглашением я, к сожалению, не могу – не транспортабелен.

Ведь так моя людская судьба сложилась, что после торпедных катеров, штабной-береговой работы я ещё 22 года уже не как капитан 1-го ранга кувыркался в морях и океанах, и нагляделся, и натерпелся вволю. И, представьте, теперь понимаю, что это и было моё счастье. Моя судьба, которую я угадал и ухватил за хвост. Ведь 57 лет с морем и на море! Не заболел бы подружка, может, я бы ещё кувыркался. Ведь в море я не болел.

Однако, не забыть бы главного. Поздравляю с 50-летием совместной жизни. Дай вам Бог здоровья! Я в наше с Галкой (царство ей небесное!) 50-летие сошёл на берег.

Спасибо за поздравление с Армией и флотом (угробили, «демокрады»). В свою очередь, поздравляю женскую половину Донюш-клана с их праздником. У меня ведь от доченьки Таняши (бедует в Мурманске) два подарка. Старшая внученька Катюша рождена точно в мой день рождения. Ей нынче исполняется 22 года. А младшая внученька Любочка – подарок деду ко Дню Армии и Флота. Ей исполняется 17 лет. Гостила у меня. На беду уродилась красавицей, а это ведь нынче так опасно!

Ещё и ещё раз спасибо, родные. Простите за сумбур.
Целую вас – Павел.

Это было последнее письмо.

Список иллюстраций:

<i>Фото 1 Копия из метрической книги 1897г. о рождении Жуковой Анны Константиновны</i>	3
<i>Фото 2 Д.М.Жуковский, 26.12.1912 год</i>	4
<i>Фото 3 А.А.Жуков, 24.12.1914 г.</i>	5
<i>Фото 4 Анна Константиновна Жукова Текст на обратной стороне: «Личность Анны Константиновны Жуковой удостоверяю. Депутат (подпись) 1914г, 31 мая»</i>	6
<i>Фото 5 «Аттестат на звание учителя начальной школы Донюш Анны Константиновны, окончившей в 1914г Сенненскую прогимназию»</i>	6
<i>Фото 6 Беларусь Село Белица. 1933 г. Мама с девочками своего класса и я приглашенный. Это первое в жизни фото. Меня «нарядили» пионером в 6 лет.</i>	14
Фото 7 Кузьминки.Въездные Чугунные ворота.	20
<i>Фото 8</i> Кузьминки. Конный двор.....	20
<i>Фото 9</i> Кузьминки. Въездные ворота на территорию дворца. Стоят слева направо: Капитолина, двоюродная сестра Валентина с мужем Николаем и маленьким сыном, двоюродный брат Слава(за ним) и племянник Володя.	22
<i>Фото 10</i> Кузьминки. Восстановленныйжрам Влахернской Божьей Матери.	23
<i>Фото 11</i> 8 мая 1936 г. 2 класс Кузьминской начальной школы. Директор – Любовь Николаевна Лаврова. Автор – в предпоследнем ряду левый.	34
<i>Фото 12</i> Москва. Январь 1952 г. Кузьминская школа. Мама проводит урок.	56
<i>Фото 13</i> 1951 г. Это мама, Донюш Анна Константиновна. 56	
<i>Фото 14</i> 16.03.1941 г. Кузьминская средняя школа №1, 7–ой класс «Б». Сидят: Харитонов Пётр, Наумов Виктор, Донюш Анатолий, Антон Исидорович Русак, Тумаиш Нина, Никишина Надежда.....	59

<i>Фото 15 Москва. Кузьминки. Домик, в одной из квартир которой с 1942 по 1958 г. Проживала мама. За домиком - Новокузьминская школа №1.</i>	70
<i>Фото 16 Мама в своём палисаднике.</i>	71
<i>Фото 17 Ишим. 1941-1944 гг. Учебные корпуса (1, 2) и казарма (3) 5-ой Московской специальной артиллерийской школы.</i>	77
<i>Фото 18 Ишим. 1943 г.</i>	87
<i>Фото 19 Москва. 1944 г.</i>	87
<i>Фото 20 Москва. Лето 1944 г. Велозаводская, д.1. Во время подготовки здания школы к реэвакуации.</i>	103
<i>Фото 21 Москва. Кузьминки. 1945 г. 10 класс. Новокузьминская средняя школа №1.</i>	113
<i>Фото 22 Апрель 1945 г. Собирался получить паспорт.</i>	116
<i>Фото 23 1945 г. Москва. Кузьминки. Аттестат зрелости.</i>	118
<i>Фото 24 Ленинград. Здание Главного Адмиралтейства. Архитектор А.Д.Захаров. ВВМИОЛУ им. Дзержинского. «...И светла Адмиралтейская игла.» (А.С.Пушкин).</i>	120
<i>Фото 25 Ленинград. 1946 г. ВВМИОЛУ им. Дзержинского. Дизельный факультет. Класс Д-15. В первом ряду справа – автор.</i>	124
<i>Фото 26 Ленинград. Начальник ВВМИОЛУ им. Дзержинского инженер-контр-адмирал Михаил Александрович Крупский.</i>	127
<i>Фото 27 Ленинград. 1945 г. ВВМИОЛУ им. Дзержинского. Первый курс.</i>	130
<i>Фото 28 1946 г. Учебный корабль «Комсомолец».</i>	139
<i>Фото 29 Апрель 1947 года. Подготовка к Московскому параду.</i>	154
<i>Фото 30 Москва. Химки. 29 апреля 1947 года. Смотр сводного парадного полка ВМУЗ Главкомом ВМФ адм. Юмашевым.</i>	155
<i>Фото 31 Москва. 25 апреля 1947 года. Смотр сводного полка.</i>	156

<i>Фото 32 Москва. Санаторий «Лебедь». Май 1947 г. Участники парада из Д-25 класса.</i>	158
<i>Фото 33 Ленинград. 1948 г. ВВМИОЛУ им. Дзержинского. Третий курс.</i>	167
<i>Фото 34 Москва. Химки. Участники парада на отдыхе. Группа 3-го курса Дизельного факультета. С винтовками «на караул» слева – я, а справа – В.Гуреев-Преображенский.</i>	171
<i>Фото 35 Москва. Химки. Апрель 1948 года. Главкомандующий ВМФ адм. Юмашев и Зам Главкома по политчасти вице-адм. Кулаков на смотре Морского парадного сводного курсантского полка.</i>	173
<i>Фото 36 Ленинград. 1948 г. ВВМИОЛУ. Класс Д-35. Перекур на балконе класса. Николай Кургузов, Анатолий Донюш, Сталинский стипендиат Анатолий Крайнов.</i>	174
<i>Фото 37 1948 г. Дежурный по роте.</i>	175
<i>Фото 38 Полярный. 1948 г. Практика. Екатерининская гавань и остров.</i>	177
<i>Фото 39 Полярный. 1948 г. Практика на ПЛ. Екатерининская гавань. Я – левый в первом ряду.</i>	179
<i>Фото 40 Ленинград. 1949 г. Группа курсантов младшего курса. В первом ряду: инж.-кап.-лейт. Плугатырёв – ком роты, мичман Краюшкин – старшина роты, ст. 2-ой ст. Донюш – ком. отд.</i>	184
<i>Фото 41 Ленинград. 1949 г. Во дворе Училища.</i>	190
<i>Фото 42 Ленинград. 1949 г. Студентка ЛСГМИ Капитолина Кусова.</i>	195
<i>Фото 43 Ленинград. 1949 г. Мы иногда встречались в Ботаническом саду. Я жду свою студентку-медиčku Капулю.</i>	196
<i>Фото 44 1949 г. В Севастополь, на заводскую практику....</i>	197
<i>Фото 45 1949 г. Севастополь. Заводская практика. Цех №13.</i>	198
<i>Фото 46 Полярный. 1950 г. Краснознамённая ордена Ушакова Бригада подводных лодок Северного флота. Возвращение в базу.</i>	217

<i>Фото 47 1950 г. Ленинград. Вид из окна класса, где работал над дипломным проектом. Слева – Зимний дворец, далее – Дворцовая площадь и здание Главного штаба.</i>	220
<i>Фото 48 Диплом.</i>	225
<i>Фото 49 1950 г. Капитолина Васильевна Кусова – студентка Мед. института на моем выпускном.</i>	226
<i>Фото 50 Пинск. Набережная реки Пина.</i>	231
<i>Фото 51 Пинск. Здание штаба Флотилии и мост через р. Пина.</i>	231
<i>Фото 52 Пинск. Инженер-механики 6-го Отдельного дивизиона катерных тральщиков: кап 3-го ранга Ченакин П.А., инж.-лейт. Курбатов В., мл. инж.-лейт. Донюш А. ...</i>	232
<i>Фото 53 Пинск. 1951 г. После окончания Училища.</i>	234
<i>Фото 54 Одесса. 1951 г. Перед отпуском и женитьбой.</i>	244
<i>Фото 55 Это она, Капитолина Васильевна Кусова, студентка Ленинградского мед. института, - моя невеста.</i>	246
<i>Фото 56 Очаков. Памятник Генералиссимусу А.В.Суворову. Пожалуй, это лучший из его памятников.</i>	252
<i>Фото 57 Очаков. Памятник на могиле художника-мариниста Р.Г.Судковского.</i>	255
<i>Фото 58 Очаков. Памятник лейтенанту П.П.Шмидту.</i>	257
<i>Фото 59 Очаков, о.Березань. Памятник героям восстания во главе с П.П.Шмидтом.</i>	257
<i>Фото 60 Очаков. Памятник морякам крейсера «Слава»</i>	259
<i>Фото 61 Офицеры штаба Отдельного дивизиона ТКА у Торпедного катера Г-5 – памятника героям-черноморцам, освобождавшим Очаков в марте 1944 г.</i>	260
<i>Фото 62 Тесть В.М.Кусов – мастер литейного цеха комбината «Пролетарка» в Твери (Калинин).</i>	297
<i>Фото 63 Тёща Р.В.Кусова с внучками Лизой и Леной.</i>	298
<i>Фото 64 Герой Советского Союза Б.М.Першин.</i>	300
<i>Фото 65 Малый торпедный катер «Комсомолец»</i>	307
<i>Фото 66 Очаков. Группа подготовки мотористов. В первом ряду: Зам Командира по политчасти кап. 3 ранга рунин.И.В.;</i>	

<i>Герой Советского Союза, Командир Отдельного дивизиона ТКА кап. 2-го ранга Першин Б.М.</i>	313
<i>Фото 67 1956 г. Малый ТКА проекта 123-К «Комсомолец» в атаке.</i>	322
<i>Фото 68 Моя жена Капитолина Васильевна.</i>	328
<i>Фото 69 Очаков. 1962 год. Катера «Комсомолец» (звено) перед выходом на учения.</i>	336
<i>Фото 70 Павел Михайлович Карпов. Дарственная надпись на обратной стороне фото: «Сослуживцу и другу в знак глубокого уважения и любви с чувством признательности дарю».</i>	342
<i>Фото 71 Очаков. Наше семейство: жена, Лена, я и Наташа.</i>	346
<i>Фото 72 1959 г. На Тендровской косе. Отдых.</i>	352
<i>Фото 73 . Очаков. Наши боевые подруги: Галина Карпова – жена Командира ДКР; Капитолина Донюш – жена инж.- механика ДКР; Антонина Спиридонова – жена артиллериста ДКР; Евдокия Стратейчук – жена командира звена КТЩ.</i>	355
<i>Фото 74 Очаков. 1962 год. Мне присвоено звание инж.- капитан 3 ранга.</i>	356
<i>Фото 75 Севастополь. Сборы инж.-механиков ерноморского флота. флагманский инж.-механик Одесской бригады ОВР инж.-кап. 2-го ранга Гольдман Д.Е., инж.-кап.-лейт. Донюш.А.А.</i>	363
<i>Фото 76 Очаков. 1962 год. Сработанный мной «кит» перед Днём ВМФ, во «чреве» которого находились «Нептун» и «Водяной».</i>	376
<i>Фото 77 Очаков. На демонстрации в День Победы.</i>	392
<i>Фото 78 Очаков. Заседание Участковой избирательной комиссии. Стоит Председатель комиссии – кап.-лейт.-инж. Донюш А.А.</i>	393
<i>Фото 79 Измаил. Дунай. Слева вдали – порт, справа – берег Румынии.</i>	395
<i>Фото 80 Измаил. Памятник Генералиссимусу А.В.Суворову</i>	397

<i>Фото 81 Измаил. Памятник морякам Дунайской флотилии.</i>	398
<i>Фото 82 Измаил. 27.06.1964 г. Группа слушателей Гвинейской Республики</i>	401
<i>Фото 83 Измаил. 55 Офицерские курсы ВМФ. Контр-адмирал Н.А. Лунин беседует со слушателями.</i>	404
<i>Фото 84 Измаил. Участковый терапевт Донюш Капитолина Васильевна.</i>	408
<i>Фото 85 Измаил. Февраль 1965 г. Мне присвоено звание капитан 2 ранга-инженер.</i>	410
<i>Фото 86 Измаил. 55 ОК ВМФ.</i>	417
<i>Фото 87 Пятигорск. 1968 г. Памятник М.Ю.Лермонтову.</i>	421
<i>Фото 88 Кисловодск. 1968 г. На экскурсии во время пребывания в Пятигорске. Стою третий справа.</i>	422
<i>Фото 89 Измаил. 1 Мая 1970 г. Нас первый раз на демонстрацию пригласили не по форме одетыми.</i>	427
<i>Фото 90 Измаил. 55 Офицерские курсы ВМФ. Группа преподавателей и лаборантов цикла №7.</i>	430
<i>Фото 91 Измаил. 55 ОК ВМФ. Читаю лекцию. Фото для стенда Методического кабинета.</i>	435
<i>Фото 92 Приказ о присвоении мне звания капитан 1 ранга-инженер был подписан Министром Обороны накануне майских праздников 1972 г.</i>	445
<i>Фото 93 Измаил. 9 Мая 1972 г. Парад по случаю Дня Победы.</i>	446
<i>Фото 94 Приглашение на традиционную через каждые 5 лет встречу однокашников-дизелистов.</i>	450
<i>Фото 95 Ленинград. Октябрь 1975 г. Традиционная встреча выпускников 1950 года. Вручаю председателю Оргкомитета контр-адмиралу Кудрявцеву В. сувенир – обувь из камыша Дунайских плавней.</i>	451
<i>Фото 96 Измаил. Это мы, бывшие «спецы» 5-ой Московской артиллерийской спецшколы на встрече в Училище в Ленинграде и наши любимые жёны: Капитолина, Татьяна, Зоя.</i>	452

<i>Фото 97 Ленинград. Встреча – 2000. В первом ряду: третий справа – вице-адмирал-инженер В.Ф.Кудрявцев. За ним, в очках, - кап.1 ранга-инженер А.А.Донюш. Четвёртая слева – Капитолина Васильевна Донюш.</i>	<i>453</i>
<i>Фото 98 Измаил. 55 Офицерские курсы ВМФ. Преподаватели цикла №7 с группой индийских слушателей у входа в Административный корпус.</i>	<i>461</i>
<i>Фото 99 Измаил. Герой Советского Союза контр-адмирал Н.А. Лунин.</i>	<i>465</i>
<i>Фото 100 Измаил. 55 Офицерские курсы ВМФ. Герой Советского Союза контр-адмирал Лунин Н.А. со слушателями из Югославии.</i>	<i>466</i>
<i>Фото 101 Измаил. 1978 г. Начальник 55 ОК ВМФ Подопрigorа вручает Начальнику цикла №7 кап. 1-го ранга Донюш грамоту и призы за 1-ое место в летней спартакиаде между циклами.</i>	<i>479</i>
<i>Фото 102 Киев. «Жуляны». Под крылом самолёта ЯК-40 слева – сват Владимир Матвеевич Кожушко и отец невесты. В центре – молодые, Лена и Валентин. Справа – мама невесты. Слева – отцы жениха и невесты.</i>	<i>497</i>
<i>Фото 103 Дочь Елена с Иришкой.</i>	<i>502</i>
<i>Фото 104 Севастополь. 1974 г. Павел Михайлович Карпов. На обороте надпись: «Старый друг – лучшие новых двух. На добрую память. Севастополь, 74.»</i>	<i>513</i>

